

ЕВГЕНИЙ АБАЛАКОВ

На высочайших
вершинах
Советского
Союза

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

С. Саваров.

Евгений Абалаков — альпинист и художник

Высоко в небо вздымаются скалистые, снежные и ледяные вершины высочайших гор. Их безмолвие нарушается грохотом лавин, камнепадов, ревом бурь, потрясающим отвесные стены. Надо преодолеть все: длинные, опасные подступы, трещины ледников, острые ребра гребня, неприступные башни-жандармы, охраняющие путь к вершине. Нужно вырубать сотни ступеней в ледяной стене, уметь в совершенстве владеть своим телом, ледорубом, веревкой, с мастерством забивать ледовые и скальные крючья, висеть над бездонной пропастью, удерживаясь крепкими пальцами за незаметный кусок скальной выбоины. Нужно при этом помнить о товарищах, связанных с тобой на жизнь и на смерть одной веревкой. Нужно уметь переносить всевозможные испытания на краю пропасти, переносить голод и холод, страшнейшие горные штормы, опасности высотной грозы, удары каменных осколков, снежные бури. Таков альпинизм — спорт самых смелых, самых выносливых.

Альпинизм начинается там, где кончаются тропинки, и не кончается даже на вершине, потому что мало подняться, надо еще и спуститься. На спуске альпиниста часто караулят тяжелые испытания.

В дореволюционное время альпинизмом в России занимались немногие энтузиасты гор. Сегодня в нашей стране тысячи альпинистов покоряют вершины Кавказа, Алтая, Памира, Тянь-Шаня. Альпинизм стал массовым спортом, и бывали годы, когда на одну только вершину Эльбруса за один сезон подымалось свыше двух тысяч восходителей.

Советский альпинизм отметил 35-летие своего существования. Альпинизм на Западе существовал давно и развился значительно ранее советского. Но разница между нашим и западным альпинизмом очевидна и

с годами становится все существеннее.

Что дает альпинизм отдельной личности? — опрашивал полвека назад видный западный альпинист и отвечал так: он возвращает нас природе, тому элементу, с которым большинство из нас утратило непосредственную связь. Стремление ввысь, беспредельное, стихийное — разве оно не уносит нас, как на волшебных крыльях, куда-то вдаль от привычного уровня, а вместе с ним йот обычных дум?!

Бегство от жизни в мир горного одиночества — вот основание для занятия альпинизмом на Западе, но это еще возвышенное основание. В западный альпинизм проникли и такие элементы, как дух коммерческого делячества, дух рекламы, погони за безумными рекордами, смертельного соперничества, авантюризма.

Советский альпинизм — это массовая школа мужества, совершенствуясь в которой советский спортсмен показывает искусство проводить труднейшие восхождения, помогает разрешению народнохозяйственных вопросов в высокогорных областях, поискам новых горнорудных богатств, составлению и уточнению географических карт, явлюсь закаленным, опытным исследователем, разносторонне воспитанным и серьезно подготовленным к самым трудным и ответственным заданиям. Белые пятна многих сложных горных узлов исчезли при помощи именно советских альпинистов, которые своим самоотверженным трудом помогли ученым нанести на карту тысячи квадратных километров неизвестной горной территории.

Советский альпинизм вырастил замечательных мастеров-горовосходителей, среди которых есть талантливейшие заслуженные мастера горного спорта, чьими именами законно гордится наша Родина.

Советский альпинизм внес много нового в развитие этого интереснейшего и выдающегося спорта. Мировые рекорды поставлены советскими мастерами, любящими горы, знающими горы, непрерывно

совершенствующими свое искусство. Много их, этих мастеров, знатоков своего дела.

Какими же качествами надо обладать, чтобы стать первым из них? По стилю своей спортивной деятельности, по своим склонностям альпинистов нередко принято делить на альпинистов-высотников и альпинистов спортивного стиля.

Евгений Абалаков был и высотником и альпинистом спортивного стиля-

В самом деле, восхождения на все семитысячники и близкие к ним по высоте вершины связаны с именем Евгения Абалакова (Пик Коммунизма, Хан-Тенгри, пик Ленина, пик Карла Маркса, Патхор, пик XXX-летия Советского государства). И в то же время им совершены самые головокружные спортивные восхождения и траверсы (траверс семи вершин Дых-тау — Коштан-тау, траверс пяти вершин Джутутурлючата, траверс Цурунгала — Айламы — Нуам-Куам и др.).

Альпинистов делят иногда также по стилю на предпочитающих скальные восхождения («скальники») и на предпочитающих ледовые и снежные маршруты («ледовики»). Евгений Абалаков был и «скальником» и «ледовиком»: на отвесных скальных стенках и на свирепейших ледопадах он чувствовал себя хозяином. Он обладал исключительными волевыми качествами. Ярким тому примером является широко прославившее его восхождение на высшую точку Советского Союза — пик Коммунизма. Из всей группы, штурмовавшей вершину, на последних сотнях метров остался он один.

Волевые качества Евгения Абалакова удивительно сочетались в нем с необычайной мягкостью характера, исключительной уживчивостью в коллективе, умением его спланировать, с постоянной готовностью помочь всем и каждому.

Вместе с тем он обладал великолепными физическими данными.

Профессор Н.А. Федоров, принимавший участие во многих альпинистских экспедициях как врач и исследовавший физические качества многих выдающихся альпинистов, во время Памирской экспедиции 1947 года говорил, что организм Евгения — это эталон физических качеств альпиниста, равный единице, и что в долях этого эталона можно оценивать качество всех других участников экспедиции.

В 1931 году как-то внезапно на альпинистском горизонте, в Центральном Кавказе, на Миссес-коше, появляются братья Абалаковы и Валентина Чередова, до того никому не известные, и сразу доказывают такой класс альпинистских спортивных достижений, которому мог позавидовать любой самый опытный альпинист. В необычайно быстром для того времени темпе они совершают восхождения на такие трудные вершины, как Дых-тау и Миссес-тау.

Многим казалось удивительным, что новые люди в альпинизме, братья Абалаковы, сразу дали столь высокий уровень спортивных достижений. Но в этом не было ничего удивительного, и внезапность эта была только кажущейся. Евгений Абалаков и его брат Виталий прошли большую и суровую школу воспитания физических и духовных качеств, необходимых для альпиниста.

Евгений Михайлович Абалаков родился в 1907 году в семье казака-хуторянина, недалеко от города Енисейска. Рано осиротев, с двухлетнего возраста воспитывался у родственников в живописном сибирском городе Красноярске. С детства он полюбил суровую сибирскую природу. На прославленных теперь Красноярских Столбах Евгений получил первое «боевое крещение», лазая по отвесным скалам, взбираясь на высокие скалистые обрывы. Суровая сибирская тайга, в дебри которой братья углублялись на десятки километров, научила Евгения хорошо разбираться в карте, научила отыскивать нужное направление по едва заметным приметам — по деревьям, камням, по направлению ветра, ночью — по

звездам, в густом тумане — по компасу.

Совершено было и большое путешествие по горному Алтаю в 1929 году. В следующем году братья отправились в Саяны, в Бирюссинско-Казырокий узел. В 1931 году — первый триумф на Кавказе, и в 1932 году, окрыленный успехами предыдущего года, Евгений Абалаков вместе с братом Виталием и Алешей Гермогеновым пытается разрешить одну из самых сложных спортивно-альпинистских проблем Центрального Кавказа — траверс Безингийской стены. В течение семи дней трое альпинистов, встреченные на стене жесточайшей непогодой, ведут упорную борьбу со снежной стихией и, покорив три вершины знаменитой стены — Гестолу, Катын-тау и Джанги-тау, спускаются вниз прямо по стене.

Стало ясно, что в Кавказские горы пришли хозяева гор, что теперь можно ждать больших и славных дел!

Первое зимнее восхождение на Эльбрус в 1933 году было бы новой замечательной страницей советского альпинизма, если бы не трагическая смерть начальника похода А. Гермогенова на седловине Эльбруса. В этом восхождении Евгений Абалаков показал пример большого мужества и высокого нравственного долга.

И как бы подтверждая, что подготовка к штурму новых высот совершилась, жизнь перебросила Евгения Абалакова в область, в которую он еще не вступал и где все было новым и многообещающим.

Мы находим Евгения Абалакова одолевающим огромные расстояния в пустынных просторах Алайской долины, среди нагромождений морен, хаоса ледопадов, среди ледников, самых длинных на земном шаре, у подножья величайшего пика — 7495 метров, называемого сегодня пиком Коммунизма.

О результатах этой долгой четырехмесячной Памирской экспедиции, об эпической борьбе на больших высотах, служивших подходом к вершине, Евгений Абалаков пишет в своей автобиографии

несколько строк, оканчивая скромной лаконичной фразой: «3 сентября мне удалось взойти на высшую точку Советской страны».

А между тем об этой экспедиции можно написать огромный том. Туда войдут главы, повествующие о беспримерном труде участников этой первой попытки штурмовать неприступный пик, страницы об альпинистах, прилагающих все свое мастерство в борьбе с горным исполином, страницы о преданных помощниках альпинистов — носильщиках-таджиках и многое другое...

Вы читаете в записных книжках Евгения Абалакова, как он преодолевает неприступные крепости-жандармы на высоте, намного превышающей Эльбрус, на высоте, где человеку вообще трудно дышать, на высоте, где летчики пользуются кислородным прибором.

Ему, нагруженному тяжелой метеорологической станцией, приходится акробатически преодолевать отвесные километровые стены над бездной, прокладывая для экспедиции путь вверх. Вы видите, как сильно отличается Евгений Абалаков от всех остальных членов экспедиции своим стальным здоровьем, негибачаемым мужеством, волей к победе и умением побеждать!

Постепенно один за другим сраженные горной болезнью отстают отважные исследователи — его спутники. Пять часов один шел к вершине Евгений Абалаков. Он шел в белой высотной пустыне, сквозь снежные смерчи, дымившиеся по склонам, сквозь сыпучие снега и наконец одолел последний страж на пути к вершине — призрачный, вздымающийся ввысь вершинный гребень, острый, как лезвие ножа.

Даже ему, закаленному горными бурями альпинисту, не легко далась эта победа. Но он вступил победителем на высшую точку нашей Родины. Грандиозная картина горных хребтов, вершин, змеевидных ледников, запрятанных в темнеющих ущельях, открылась перед ним. Несмотря на жесточайший холод, сковывавший руки, и крайнюю

усталость Абалаков делает здесь же на вершине очень важные зарисовки панорамы хребтов, ледников, вершин. Очевидец возвращения Абалакова в нижний Ледниковый лагерь рассказывает: «Первым на морене показывается Евгений Абалаков. В походе этого железного сибиряка нет и следа утомления. Он идет, как всегда скоро и споро, слегка переваливаясь с ноги на ногу, словно таежный медвежонок. Только кожа на скулах потемнела от мороза и шторма...»

И с этим железным здоровьем и волей соединяется высокий нравственный облик. В 1934 году при восхождении на пик Ленина, когда была уже достигнута высота более 7000 метров, когда до вершины оставалось несколько десятков метров,— Евгений, не задумываясь, спускается вниз, спасая обмороженного товарища.

В 1935 году Евгений Абалаков вместе с другими альпинистами принимает участие в геологоразведочной экспедиции в Туркестанском хребте. Альпинисты здесь оказывают неоценимые услуги геологам, помогая разведать выходы оловянной руды, расположенные на труднодоступных скальных отвесах. Евгений и здесь работает упорно и самоотверженно, неся свое спортивное умение и закалку на помощь народному хозяйству нашей Родины.

Одновременно с поисковыми работами он совершает восхождения на пики Туркестанского хребта: Мын-теке, Гранитный, Оловянный и др.

1936 год знаменателен в жизни Евгения Абалакова; в этом году он оканчивает аспирантуру и как скульптор становится членом Союза советских художников. С этого года его деятельность художника-скульптора теснейшими нитями переплетается с деятельностью выдающегося советского альпиниста-исследователя.

Труднейшей была в этом году экспедиция на Хан-Тенгри. С группой товарищей (В. Абалаков, М. Дадиомов, Л. Гутман и Л. Саладин) он в исключительно сложных условиях тьянь-шаньского климата восходит

на знаменитый семитысячник.

«Я здоров и вполне трудоспособен», — записал в своем дневнике Евгений Абалаков. И это действительно было так — он был в форме, и вся забота о четырех обмороженных товарищах легла на его плечи. С предельным напряжением, без сна, без малейшего отдыха, обслуживает он спой «госпиталь в снежной пустыне» и только с его помощью полуживые люди спускаются вниз.;

В 1937 году Абалаков создает прекрасную скульптурную композицию «Альпинист», которая получает первую премию на юбилейной выставке, посвященной Ленинскому комсомолу.

Летом этого же года он совершает первый советский траверс красавицы Кавказа — Ужбы и первое советское восхождение на главную вершину Шхельды.

В следующем, 1938 году, Е. Абалаков выступает с серией скульптурных произведений для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки: «Туркмен-конецвод», «Чонгуристка», «Таджичка», а летом совершает изумительный траверс Дых-тау — Коштан-тау. Тринадцать дней длится этот беспримерный траверс. Через семь вершин проложен бесстрашный путь. Свое восхождение альпинисты посвящают славному XX-летию Ленинского комсомола.

В 1939 году Евгений Абалаков опять на Тянь-Шане, в Заилийском Алатау. Здесь он с Андриешиным и Летаветом совершает траверс так называемого Нового отрога (четыре вершины). В этом же году он выполняет скульптурную композицию «Горнолыжник», а в 1940 году появляется его прекрасная статуя «Альпинистка».

С Евгением Ивановым он ставит на Кавказе новый рекорд — траверс Цурунгал — Айлама — Нуам-Куам. Этот сложный головоломный траверс по словам очень строгого судьи своих достижений Евгения Абалакова, может быть отнесен к высшей категории трудности (V6).

В 1941 году Абалаков строит планы новых восхождений на Памире и работает над памятником Чкалову. Но война срывает все его планы.

С первых дней войны мы видим Евгения Абалакова в защитной гимнастерке рядового солдата-добровольца. Он участвует в боях за Москву. Когда война пришла в горы Кавказа и потребовалось готовить командиров, владеющих альпинистской и горной техникой, Евгений Абалаков все свои силы и знания отдает этой ответственной работе, руководя кафедрой подготовки альпийских и горнолыжных частей Советской Армии.

За боевые заслуги он имел благодарность и награду от командующего фронтом генерала армии Тюленева за работу по обеспечению обороны Главного Кавказского хребта, за отличную подготовку специальных кадров для горной войны.

Но вот Кавказ освобожден от немецко-фашистских захватчиков. Евгений Абалаков первым открывает серию послевоенных рекордных восхождений. На Западном Кавказе он совершает полный траверс Джугутурлючата с его знаменитыми скальными иглами. В течение семи дней Абалаков, М. Ануфриков и В. Коломенский в условиях наступающей зимы борются с горной стихией, преодолевают невероятно узкие скальные гребни, побеждают отполированные вековой работой ветра и снега скальные стены и башни. Победа одержана.

В 1945 году, в связи с поисками погибшего друга — грузинского альпиниста Алеши Джапаридзе, он совершает зимнее восхождение на Ужбу.

Великая Отечественная война победоносно закончена. Альпинисты страны Советов отправляются в любимые горы. Снова претворяются в жизнь планы восхождений и исследований, прерванные войной. В 1946 году Евгению Абалакову наконец удается осуществить план похода в Юго-Западный Памир, разработанный еще в 1941 году. В мае 1946 года он

демобируется, а в июне уже возглавляет совместно с Ё. Белецким хорошо снаряженную альпинистскую экспедицию на Памир. Участники ее под руководством Абалакова (он — начальник штурма) совершают восхождения на две высочайшие вершины Юго-Западного Памира — вершины Патхор и Карла Маркса, достигающие высоты почти в 7000 метров.

Абалаков восходит на Патхор и вместе с ним еще одиннадцать человек. Двенадцать человек на одной из сложных вершин Памира! И стоя на вершине, он с гордостью пишет в записную книжку: «Этим не могут похвалиться альпинисты ни одной из капиталистических стран...».

Зимой 1946/47 года он много и упорно работал над скульптурными произведениями. Его скульптура «Партизан» была единогласно принята жюри на юбилейную выставку «XXX-летие советского искусства». На другой день после этого он уже находился на борту самолета, уносившего его на Памир. Теперь он стремился в Северо-Западный Памир, в никому не известные верховья ледника Сагран. После трудного пути над ревущей рекой, после длинных и опасных разведок начался штурм, который привел к вершине, названной пиком XXX-летия Советского государства (5440 м). Много научных открытий сделали альпинисты в этом неизученном, еще диком горном районе. Экспедицией был заснят фильм о Памире.

Стоя на вершине, Евгений Абалаков смотрел на величавую вершину пика Коммунизма и живо представлял, как 14 лет назад он стоял на этой высшей точке Советской страны и переживал радость победы. Это было последнее восхождение прославленного покорителя вершин. 22 марта 1948 года в Московском Доме ученых Евгений Абалаков делал доклад о восхождениях Памирской экспедиции, а в ночь с 23 на 24 марта 1948 года Евгения Абалакова не стало. Страна потеряла своего лучшего горвосходителя. Но он навсегда остался в сердце и в памяти не только тех, кто его знал, но и всех тех, кому дороги судьбы отечественных

высокогорных открытий, навсегда остался в истории советского и мирового альпинизма.

В непосредственном соседстве с пиком Коммунизма, на который первым из людей вступил Евгений Абалаков, и вблизи от пика XXX-летия Советского государства, восхождение на который было последним в жизни Абалакова, стоит прекрасная вершина высотой в 6650 м, замыкающая ледник Гандо. Эта вершина получила название пика Евгения Абалакова. В имени этой вершины будет вечно жить имя замечательного горвосходителя и гороисследователя — Евгения Абалакова.

И лучшей памятью об Евгении Абалакове будет, если новая смена, молодые горвосходители будут так любить горы, как их любил Евгений Абалаков, будут с такой же волей и умением добиваться победы и побеждать, как побеждал Евгений Абалаков.

Евгений Абалаков любил горы какой-то светлой, глубокой любовью. Обладая точным и живописным стилем, он писал о горах с поэтическим вдохновением: «То сверкающая, радостная, зовущая, то грозная и гневная, вызывающая на единоборство, то таинственная, неуловимой завесой скрывающая себя и лишь на мгновение открывающаяся чудесными фантастическими видениями особого мира, суровая, прекрасная, вечно зовущая стихия горных вершин».

Будучи талантливым скульптором, он должен был хорошо ощущать камень — материал, из которого делал статуи. Но это знание было не тем, которое сопровождало его в горах. Там он знал камень кончиками пальцев, там он угадывал внутренним чутьем скрытые трещины, изгибы скал, находил незаметные полочки, на которых не умещалась нога, прижавшись к уступу, как бы втираясь в него, он поднимался все выше и выше, к удивлению и восхищению следивших за этим неповторимым мастерством товарищей.

Знаменитые Красноярские Столбы были для него школой тонкого

искусства скалолазания. Там сложились его первые навыки, там приобрел он первую закалку высоты и ориентировки, там укрепились его мускулы. Все это пригодилось впоследствии. Из этих юношеских восхождений выросли знаменитые штурмы неприступных высот, выросло такое совершенное мастерство, которое поставило Евгения Абалакова в первый ряд мировых альпинистов.

Свыше 50 вершин видели его на своих скалах и снегах. И если к первой из вершин — к мрачной и грозной Дых-тау он подымался в веселом азарте юности, то на одну из последних — пик Патхор он шел медленной уверенной походкой мастера, перед глазами которого открылись как будто зовущие его дали Каракорума, Гиндукуша, Гималаев.

Абалаков был честным, необычайно талантливым, смелым человеком, с мужественным и спокойным характером. Исключительные выдержка и мужество не покидали его в самые тяжелые минуты штурмов. В него верили и шли за ним как на фронте, так и на штурм вершин. Он всегда был сердцем экспедиций. Человек крепчайшего здоровья, он перенес столько испытаний на величайших высотах, что, казалось, уже ничто не может на него воздействовать. Все бури были бессильны перед этим покорителем горной стихии.

В хаосе горных провалов он всегда умел находить самый правильный путь. Только он мог так безошибочно проложить путь по километровым отвесам над бездной. И он вёл верно, потому что знал, куда ведет. Риск есть всегда, но это не бессмысленный риск! Это здравый смысл, умный и тонкий расчет, умноженный на железную волю, Эту волю к победе ничем нельзя ни остановить, ни сломить. Эта воля к победе передавалась и товарищам, совершавшим с ним восхождения, и они достигали вершин!

Он никогда не был одинок. В самых отчаянных испытаниях, пробираясь ночью ощупью по отвесной стене над километровым обрывом

на пике Коммунизма или выбираясь из бездонной трещины вместе с телом Алеши Гермогенова на Эльбрусе, обороняясь на большой высоте от горных бурь и снежных смерчей Памира или пробивая выход из снежной пещеры, наглухо замурованной снежными глыбами на Хан-Тенгри, он не чувствовал себя одиноким.

Он никогда не мог быть в положении известного западного альпиниста Фишера, который, проведя ночь на высоте приблизительно 4500 метров на Эльбрусе, признавался, что «ему еще никогда в жизни не приходилось испытывать чувства такого абсолютного одиночества».

Евгений Абалаков был всегда душой коллектива. Его талантливость, необычайная разносторонность знаний, душевная мягкость в сочетании с величайшей скромностью и чуткостью, с готовностью в любую минуту оказать каждому помощь, часто рискуя своей жизнью, влекли к нему людей. Он обладал каким-то даром покорять не только вершины, но и сердца всех, с кем он встречался на своем жизненном пути.

Абалаков был талантливым скульптором и акварелистом. Живописью он увлекался с юности, и его первые походы по Алтаю и Саянам отмечены целой серией характерных зарисовок. С особым настроением сделаны зарисовки Красноярских Столбов, которым суждено было быть первой школой будущего горвосходителя. Эти зарисовки Столбов встречаются и в студенческих тетрадях, среди записей лекций и в альбомах последних лет. Это дорогое ему воспоминание он бережно пронес через всю свою жизнь.

Позже, в горах Кавказа, Памира, Тянь-Шаня, каждый свободный час он стремился запечатлеть исполинские панорамы гор. Писались эти акварели во время восхождений, часто в условиях непогоды, шквалов, на большой крутизне. Это боевые листки его штурмов. Это рисунки особых горных миров еще не виденных ни одним художником.

Вот что записано в штурмовом дневнике на высоте 7495 м: «Спешу

сделать в альбом наброски вершин Корженевской, западного гребня и других... Выходит коряво, трудно сосредоточиться. Но хорошо и это, потому, как позже выяснилось, — это оказались единственные документы, характеризующие западные вершины, ибо лейка замерзла, и ни одного снимка не вышло».

В этих набросках и законченных рисунках нам очень дороги верность и точность изображаемого. Художник, незнающий гор и попавший в них на короткое время, спешит разгадать их тайну и рисует их, стараясь схватить общие черты.

И только Евгению Абалакову были созвучны и близки каждый штрих вершины, каждый поворот скалы, рождение ледопада, игра света и тени в разные часы на снегу, на граните, только ему было доступна эта строгая простота, с которой он передает горы. Вот что пишет об этом товарищ Абалакова по восхождениям М. Ануфриков: «Вглядываясь в рисунки Евгения, мы начинаем по-новому воспринимать знакомую окружающую природу и в них всегда поражало нас особое, глубокое гармоническое спокойствие горных вершин».

Евгений Абалаков был большим, одаренным скульптором. Среди его талантливых работ широко известны скульптуры «Альпиниста», «Альпинистки», «Партизана», «Чкалова» и др. Им был создан памятник Ленину в городе Керчи, разрушенный во время войны.

Народный художник СССР, известный скульптор В.И. Мухина отмечала особую талантливость своего ученика. Скульптор профессор Е.Ф. Белашова писала: «Последняя работа Абалакова «Военный альпинизм». Боец в накинутой на плечи плащ-палатке стоит на скале. В руках автомат. Стоит спокойно. Но во всей фигуре такая сила, такая стальная мощь, что вы верите, что враг не пройдет, пока стоит на скале этот боец!

В этой скульптуре воплотились лучшие черты самого Абалакова. Он окончил своего бойца в день своей гибели, как бы воплотив в него все

свое лучшее, героическое и прекрасное...».

Но в мир горных вершин Абалаков проникал не только как их хозяин и не только как художник. В нем все время жил страстный ученый, исследователь, географ. Стоит только почитать его отчеты о восхождениях и экспедициях, его штурмовые записки и путевые дневники, его статьи и доклады, как перед вами во весь рост встает человек разносторонних знаний, хорошо сведущий в тех научных дисциплинах, которые тесно соприкасаются с исследованием и изучением белых пятен на громадных пространствах Памира, Тянь-Шаня.

Его знание строения гор, жизни ледников, раскрытие им многих горных узлов, его помощь, оказанная науке в изучении неисследованных горных территорий — неоценимый вклад в историю высокогорных географических открытий.

Юбилейный Второй Географический съезд, на котором Евгений Абалаков выступал с докладом об экспедиции на Юго-Западный Памир, признал необходимым координировать деятельность географов и альпинистов-исследователей. При Географическом обществе решено было создать комиссию высокогорных исследований СССР. В члены президиума был избран и Е.М. Абалаков.

Тщательно готовясь к восхождениям, Абалаков всегда стремился, чтобы все добытые им знания, весь опыт изучения, все сведения, все открытия были широко доступны всем, кто в них нуждался: географам, геологам, горным инженерам, альпинистам, которые пойдут по его следам. Вот почему большой интерес имеют путевые записки прославленного горовосходителя.

Его дневники написаны рукой писателя, своеобразного, талантливое и живое. Записки ограничены описанием ежедневной жизни экспедиций и дней восхождений, но в них столько настоящей жизни, человеческого упорства в достижении цели, смелости и мужества, столько

ярких зарисовок удивительного горного быта, окрашенного иногда большим юмором, что читаются они с увлечением.

Точность описаний, живость диалогов, яркость характеристик, правдивость всего происходящего производят такое сильное впечатление, что вы забываете, что читаете не художественное произведение, а экспедиционные записки горвосходителя.

Кроме всего этого, с их страниц встают наши славные покорители гор — советские альпинисты, альпинисты новой школы, нового абалаковского стиля горвосхождения.

И не у одного молодого человека, желающего вступить на путь исследователя: полярника, географа, геолога, альпиниста и других, забьется сердце при чтении этой документальной и захватывающей истории высокогорных открытий.

Тот, кто не боится опасности, кто стремится послужить отечеству и науке, тот в самые трудные минуты вспомнит Евгения Абалакова, находившего выход в самых тяжелых испытаниях, замечательного человека и верного друга альпинистов, ставшего достойным образцом для целого поколения советских спортсменов.

Сын енисейского казака, Евгений Абалаков напоминает нам своих земляков-землепроходцев, тех, которые осваивали русскую Америку, шли неизведанными берегами Ледовитого океана, зимовали на Чукотке, смело пересекали шири безлюдной тайги, обладали богатырским здоровьем, силой воли, жаждой открыть неизвестные земли на пользу всем людям.

Годы идут. Все больше растет мастерство советских альпинистов. То, что 20 лет назад казалось почти недостижимым, преодолевается при помощи новой техники и благодаря накопленному опыту горвосхождений. Все меньше становится неисследованных вершин, все больше исчезают белые пятна с карт горных районов. К старым известным именам альпинистов прибавляются все новые. Растет молодая крепкая

смена. Ее также зовут горы Кавказа, Алтая, Тянь-Шаня и, конечно, Памира, где вздымается в ледяной красоте вершина, носящая имя Евгения Абалакова. Призы имени Евгения Абалакова за выдающиеся победы по альпинизму могут стать достойной наградой для покорителей великих вершин, мастеров великих траверсов.

Каждый год уходят советские альпинисты в новые походы. И каждый — и впервые поднимающийся к вершине, и опытный восходитель — никогда не забудет имя выдающегося сына нашей страны, славного патриота, лучшего из лучших горовосходителя, выдающегося ученого-исследователя, талантливое скульптора, художника и писателя — Евгения Михайловича Абалакова!

*Н. Тихонов,
А. Летавет*

1929 – 1930

В 1929 году Евгений Абалаков вместе с братом Виталием совершили первое дальнее путешествие. От города Бийска по таежному берегу реки Бие братья Абалаковы дошли до Телецкого озера. Отсюда, перевалив высокий и малоизученный хребет Корбу, они вышли к верховьям реки Абакан и по ней спустились до Енисея. Но Енисею на плоту доплыли до Красноярска.

В следующем году Евгений и Виталий Абалаковы отправились в новый поход. На этот раз их путь лежал в Саяны, где они совершили переход по Бирюсинско-Козырскому узлу.

Эти первые походы еще не преследовали каких-либо научных целей, они были наполнены романтикой близкого знакомства с суровой, прекрасной природой Сибири. Но уже эти ранние странствия с их радостями и горестями зажгли в горячих молодых сердцах яркое пламя любви к таинственным горным просторам, наполнили их желанием разгадать вековые тайны гор. В 1945 году Е. Абалаков писал: «С улыбкой вспоминаем теперь свои первые путешествия. С таким снаряжением, конечно, нечего было и думать о подъеме на самую легкую снежную вершину. Но эти первые путешествия дали нам очень много: они сделали нас сильными, выносливыми и ловкими, закалили нашу волю, развили находчивость и наблюдательность».

О том, как проходили эти путешествия, рассказывается в очерке Е. Абалакова «Путь к горным вершинам» и в его дневнике «Саяны»^{*}.

^{*} Текст, предшествующий каждой главе, написан редактором Издательства.

*Путь к горным вершинам**

Я вырос в сибирском городе Красноярске. Это удивительно живописный город, окрестности его напоминают Жигули или Швейцарию. Совсем недалеко от города начинаются места необыкновенной красоты — дикие гранитные скалы Столбы. Среди красноярцев, наверное, немного найдется таких, которые не поднимались бы на Столбы.

Там, на Столбах, и мы с братом, лазая по отвесным скалам, взбираясь на скалистые обрывы, получили первое «боевое крещение» и впервые познакомились с суровой и прекрасной природой Сибири. Все свободное время мы проводили в тайге, углубляясь в ее дебри на десятки километров. Ходили туда и летом, и поздней осенью, и зимой. Нередко ночь заставляла нас в глухо стонущей под напором ветра осенней тайге. Приходилось ночевать и в болоте и на снегу.

Мы научились хорошо разбираться в карте, а также отыскивать нужное направление в сложном лабиринте скал по деревьям и камням, по направлению ветра, ночью — по звездам, а в густом тумане — по компасу.

Вскоре мы задумали с товарищами совершить дальнейшее путешествие по Алтаю. Маршрут наметили такой: от Бийска подняться по реке Бие до Телецкого озера, перевалить через высокий и малоизученный хребет Корбу в верховья реки Абакан и по этой порожистой и неизученной реке спуститься в Енисей. А оттуда — рукой подать до Красноярска.

Наш путь лежал по безлюдной тайге, где на сотни километров не встретишь человеческого жилья. Поэтому нам прежде всего следовало подумать о снаряжении. Но денег у нас было мало.

* Этот очерк написан Е. Абалаковым в 1948 году.

Я вырос в сибирском городе Красноярске... (автопортрет)

Пришлось взять с собой только самое необходимое: крепкие ботинки, трусы, брюки из прочной бумажной материи, по три-четыре рубашки (с таким расчетом, чтобы в зависимости от температуры надевать их от одной до всех), компас, карту, топор, финский нож, котелок, кружки и ложки. Палатки у нас не было, и мы захватили кусок клеенки, который должен был защитить нас от сырости и холода. Из-за такого примитивного снаряжения пришлось перенести немало неприятностей, и только крепкая закалка позволила нам пройти весь маршрут до конца.

Дойдя до Телецкого озера, наши товарищи не решились следовать далее и вернулись домой. Мы с братом продолжили путешествие вдвоем.

На хребет Корбу поднимались по дремучей тайге. Пробираясь медвежьими тропами, мы руководствовались компасом и картой. Неподалеку от перевала лес поредел. Огромные деревья сменились карликовыми березками и елями, а вскоре и они исчезли. Склоны зеленели сочными горными лугами, усыпанными яркими весенними цветами.

Вечером похолодало. Синеватая дымка опустилась на темные провалы таежных долин и на далекие снежные вершины. Нужно было подумать о том, как устроиться на ночь, чтобы не замерзнуть. Пригодился хворост, предусмотрительно захваченный нами снизу. Мы обогрелись у большого костра и сварили кашу. Когда костер прогорел, разгребли золу и устроили на нагретой земле постель из травы. Одеялом нам служила клеенка. Тепла хватило на всю ночь, и мы не очень озябли.

Наутро предстояло решить сложную задачу — наметить направление спуска. В хаосе хребтов и долин трудно было ориентироваться даже по карте.

Переход оказался очень трудным.

Наконец добрались до Абакана. Его прозрачные холодные волны с шумом катились вниз. Мы срубили маленький плотик-салик, прочно скрепив бревна жердями (без единого гвоздя). Для управления установили два больших весла — «греби».

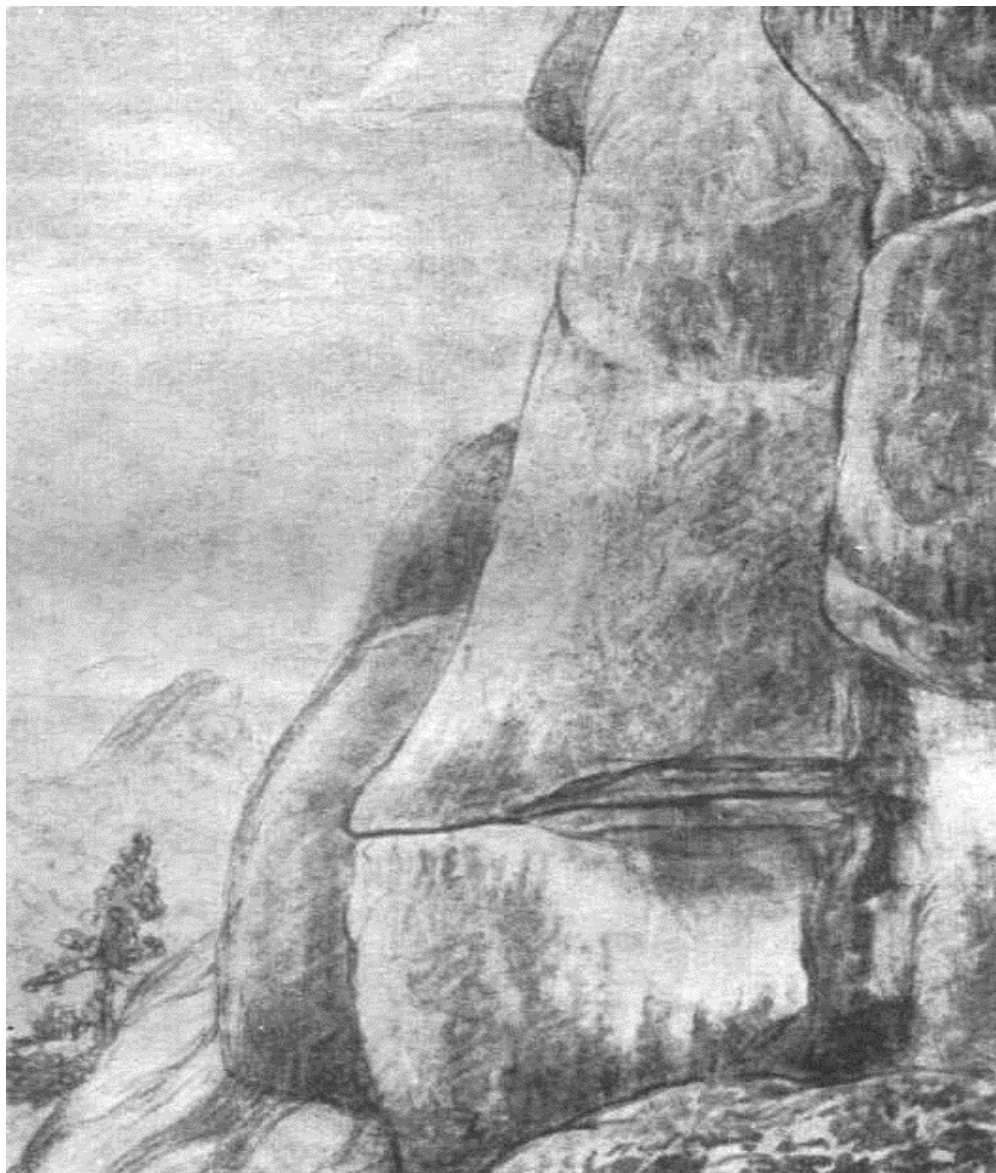
Вначале течение Абакана было сравнительно спокойным. Но вскоре река вошла в узкое ущелье и, грохоча, понеслась через пороги.

Потребовались все самообладание, вся сила и ловкость, чтобы провести салик среди скал. Водовороты затягивали наш «корабль» под воду, а громадные холодные волны, обрушиваясь, грозили потопить его. Часто мы плыли, стоя по пояс в воде.

К концу третьего дня кончились продукты. Мы питались душистыми кедровыми орехами и ягодами. Это поддержало нас до первой деревни.

Оборванные и похудевшие, но довольные победой, мы вышли, наконец, на широкий простор Енисея и вскоре добрались до Красноярска.

Несмотря на все перенесенные в пути невзгоды, мы вернулись окрепшими и закаленными. А сколько привезли с собой новых знаний и впечатлений!

*Неподалеку от Красноярска начинаются места необыкновенной
красоты — дикие гранитные скалы Столбы...*

Рисунок Е. Абалакова

С тех пар мы окончательно «заболели» путешествиями.

На следующий год отправились в Саянские горы. Снежные вершины покорили нас своей суровой красотой, и мы стали убежденными альпинистами.

Саяны*

Бирюсинско-Казырский узел

17 июля. После бессонной ночи и хлопотливых сборов наконец погрузились в поезд. В вагоне жара, как в бане. Народу тьма. Часа через три тронулись. Город уплывает. Стальной мост через Енисей словно движется навстречу.

Свернули от гор на голые холмы. Но за станцией Зыковой опять вклинились в лохматые горы. В Клюквенной освободились от главной массы кулечников и корзинщиков и дышать стало легче. В окно врывается струя пыльного и прохладного воздуха. Темнеют лиственницы и сосны. Достали молока, подкрепились.

К семи часам вечера поезд вырвался на широкую долину. На юге синеют солидные вершинки гор. Подъезжаем к невзрачной деревянной станции. Нижнеудинск. Прощай, душный вагон!

Сидим в зале ожидания, пользуемся большим вниманием у досужих местных обывателей.

С лошадьми кое-что выяснилось. Видимо, придется брать верховых.

18 июля. Вчера обстоятельно осмотрели «город». Если сказать, что это большая деревня,— не ошибешься. Нижнеудинск раскинулся по берегам Уды. Речонка ладная, шириной примерно с протоку. Несется бурно с тавернами. Вода не очень мутная, но какая-то красновато-бурая.

С юга вылезают горы. Они-то и интересуют нас больше всего.

19 июля. Все готово к походу.

Для начала брызнуло дождем. Здорово промочило. Но не успели мы доехать до предгорий, как дождь прекратился, видимо, вылился весь.

Первая остановка на реке Рубахина. Обсохли окончательно,

* Публикуется впервые. Печатается с сокращениями.

подсушили сумки, напились чаю, заваренного в кристальной рубахинской воде, навьючили лошадей и двинулись дальше вверх по речке. К вечеру свернули в левый ложок и после подъема вышли в широкий оглаженный лог, где и заночевали.

20 июля. Поднялись в шестом часу. Погода благоприятствует нам: кругом ясно.

После чая, когда все было навьючено, включились в походный порядок. В этот день достигли перехода к Бирюсе.

Дорога сворачивает. Вылезаем на голый хребет. Густой тайги на большом пространстве почти нет. Верхушки хребтов покрыты молодой порослью березы, лиственницы, кедра.

Отсюда мы впервые увидели на горизонте солидные хребты с пятнами белков. К вечеру перевалили большую гору и вышли на небольшой ложок, где повстречали несколько приисковых рабочих. Спросили их, далеко ли до Бирюсы.

— Да верст четырнадцать будет, — ответили они.

Решили ехать, хотя солнце было совсем уже низко. Когда добрались до перевала — начало темнеть. Спускались уже совсем в темноте. Камень, грязь. Лошаденки не идут. Крутяк порядочный. Я босиком шлепаю уже без разбора.

Но всему приходит конец. Внизу зашумело, и вскоре мы оказались у «манящей Бирюсы». Река мутная. Движемся вдоль берега. Из-за грязи лошади совсем не идут. Еле тащимся. Но, наконец, выбрались.

Логовина стала шире, и вскоре нас обрадовал собачий лай. Прибыли на жительство перевозчика. Замерзли. Костер обогрел. Сготовили на нем что-то вроде супа ил консервов, во всяком случае вполне съедобное. Ночь провели под крышей.

21 июля. Сумки перевезли на лодке. Лошадей перевели бродом. Дорога, говорят, впереди тяжелая: будут большие болота под названием

«Семь грехов».

Внизу зашумело, и вскоре мы оказались у «манящей Бирюсы».

Рисунок Е. Абалакова

Грешки начали встречаться почти сразу, а затем и грехи подоспели. Ужасного ничего не оказалось, но все же понырjali мы изрядно.

Перевалили через хребет. Спуск по славному кедрачу. Влево от перевала остался поворот на Слюдянку и слюдяные разработки. Дальше идем с двумя погонщиками скота. Дорога сносная.

До Медвежьего лога добрались уже в темноте. Почти у самой стоянки подстрелили птицу. Суп получился хороший. Но мясо зубы брали с трудом.

22 июля. Встали в четыре часа. К вечеру рассчитывали перевалить гору. Она оказалась значительно ближе. Хребтик изрядный. Верхушки голые. Отсюда лучше рассмотрели белки. Они были значительно ближе. Засняли.

Спустившись по сплошным осыпям, догнали погонщиков скота. До прииска Сергиевского, говорят, верст десять. Подзакусили.

В первом часу мы были у реки Большая Бирюса. Серко, который должен перевозить нас, вдруг заупрямился, забрыкался. Настойчиво усаживаюсь на него и кое-как загоняю в реку. Здесь он «удивил» такими прыжками, что с трудом удерживаюсь мертвой хваткой. А впереди еще

уйма бродов.

Дошли до прииска Сергиевского. Несколько домишек. Людей не видно. Версты через три опять прииск. Несколько бараков и домишки.

К вечеру добрались до прииска Покровского. В пути одна лошадь увязла в трясине по брюхо. С большим трудом вытащили ее. На прииске нас встретили довольно ласково. Отвели нам целый клуб: четыре стены, крыша и даже сцена в нашем распоряжении.

23 июля. Отоспались хорошо. Утром занялись подготовкой к походу. Достали около четырех килограммов сушек. Больше ничего не было. Выйти придется завтра, ибо сегодня погода испортилась, да и выходить лучше с утра пораньше.

24 июля. Дождик стих. Кругом мокро.

Вода в Бирюсе все еще высокая, правда за ночь немного спала. Надеемся, что и в Мархое не утонем, хотя слава про него идет дурная.

Подъем начали небольшим логом, чуть пониже притоков, по еле заметной мокрой тропе. Вымокли сразу до пояса. Дальше двинулись по гривке через небольшой лужок и начали первый серьезный подъем. Тяжело. Спину ломит от сумки. Ноги вязнут в глубоком мхе, чуть не до колен. Жара. Выше пошла почти голая гривка. Идти легче. Небо в беспросветных тучах — к дождю и туману.

Наконец влезли и очутились над Мархоем. Их два: один бежит на нас с юго-запада, другой справа, почти прямо с юга.

Спуск происходил чуть не по отвесу. Трава скользит. Сколько уже раз падали! Недалеко от реки вдруг обрыв, скала. Долго маялись, пока спустились. Внизу первый чай и обсушка после брода; благо солнышко решило нас обогреть.

Дальше пошли берегом южного Мархоя. Тропа то теряется, то появляется вновь. Мелкий низкорослый лесок. Выше лысеют голые хребты, а дальше виднеются пятна белков.

Решили подняться на хребет. Пыхтим долго и вылезли на пролом. Лог перерезает весь хребет. Пришлось опять спуститься.

Идем вверх до вечера. Уже в темноте готовим суп и ложимся спать под шум бурливого Мархоя.

25 июля. Идем дальше вверх. Тропа ладная, сравнительно сухая и ровная. Так довольно долго шли до левого притока, бурно вырывающегося из ущелья.

Вскоре идем уже без всякого намека на тропу. Сперва высоким лесистым берегом, потом по руслу, прыгая с камня на камень и облазивая скалы с водопадами. Белки уже на виду. На речке частенько встречается лед. Сама речка стала значительно уже. Лесок все время редкий с большим преобладанием лиственницы. Мошек и комаров, к счастью, мало. Так мы шли до дневного привала под корявым кедром.

В этот день нам не суждено было двинуться дальше. Сгустились тучи и вскоре полил проливной дождь. Он шел с небольшим перерывом до самого вечера. Пришлось устраиваться под этим развесистым кедром на ночевку. Дождь лил всю ночь.

26 июля. Кедр оказался водопроницаемым. Поэтому ночь показалась нам достаточно влажной, и мы встали совсем отсыревшими. После некоторой обсушки и «подкармливания» двинулись дальше.

Вскоре плохонький лесик кончился, пошла тундра. Вышли к бурному ручью. По бокам поднимаются хребты, как бы обрезанные плотной каймой туманов, от которых спускаются полосы снега.

Дошли до характерной воронки. На дне ее подкрепились последними сушками и шоколадом и полезли на самый хребет. Сплошная осыпь. Движемся с камня на камень. Кажется, подъему конца не будет. С частыми передышками долезли, наконец, до самого верха, на острую каменистую гриву.

Вид чудесный. По одну сторону громадный лог, окаймленный

хребтами и снежными вершинками. По другую — хребты, хребты в ключьях облаков, клубящихся как в котле.

Освещенные солнцем вершины отливают перламутром. Фотографировать решили со следующей более приподнятой вершинки, но когда залезли на нее, оказались в белом мраке облаков и уже ничего не увидели. Дальше взяли направление примерно на юго-запад и пошли по гребню хребта в сплошном тумане. Падал снег. В одном месте вершина хребта перешла в неширокое сильно заснеженное плоскогорье. Впечатление было такое, будто идем зимой по равнине; оно усилилось еще более, когда сквозь туман пошел мокрый снег.

Версты через три подошли к спуску и остановились в нерешительности: далеко внизу шумят потоки, но сквозь туман абсолютно ничего не видно и ориентироваться невозможно. Если верить карте — это должны быть верховья Уды, близ которых и лежит наш путь. Что эти истоки не Удинские — мы тогда еще не подозревали. Отходящий хребет в тумане отыскать было невозможно. Оставался только спуск, к которому мы и приступили.

Прошло немного времени, туман начал рассеиваться и перед нами в глубине показались две долины. Левая шла в южном направлении, затем сворачивала к западу. Нами она так и осталась неосмотренной. Мы двинулись к правой логовине. Вскоре путь преградил ручей с быстро прибывающей водой. С россыпей спустились в тундровую долину.

Дальше вышли в широкую логовину, лежащую почти под прямым углом к первой. В какую сторону потечет эта еще незнакомая нам речка? Как выяснилось вскоре, речка повернула вправо. Влево же остался не менее большой лог с еле заметным возвышением, на котором брала начало другая река, но какая — для нас и это осталось неизвестным. Могу только сказать, что такого странного водораздела я никогда не видал.

До вечера шли мы этой чудесной тундрой, окаймленной белковыми

хребтами. Виталий ранил двух куропаток, но они куда-то скрылись и найти их не удалось.

Немного прояснело. Ночь обещала быть холодной. А тут ни хворостинки. Пришлось надрать подсохших прутиков карликовой березки и вылить – на них флакончик бензина. После невероятных усилий вскипятили котелок и улеглись на березовом настиле. Спалось неважно. Было «прохладно», а под утро выпал иней.

27 июля. Вскочили сразу же с восходом солнца. Чтобы согреться, пришлось сделать зарядку. Поглотали шоколаду с галетами, смоченными в воде, и начали укладываться к походу.

Хребты, хребты в клочьях облаков, клубящихся, как в котле.

Рисунок Е. Абалакова

Вдруг сажень в десяти от речки в кустах березняка что-то заворчалось, закувыркалось, затем темной кучей выкатилось на голое место. В первую минуту мы думали — олень. Но когда это «что-то» остановилось, мы увидели огромнейшего медведя.

Медведь несколько (раз медленно повернулся, затем, вытянув морду, потянул воздух. Увидев нас, он повернул и, не торопясь, пошел прочь. Мы так загляделись на зверя, что и про фотоаппарат забыли.

Река пошла прямо на запад по широкой тундровой долине. Это направление не менялось, и мы прониклись надеждой, что эта река и есть Казырь. Затем долина стала спускаться круче. Появился кедрач, сперва редкий и низкий, затем все гуще и выше и, наконец, перешел в хорошую таежку.

Мы шли уже по тропе. Но после обеденной остановки тропа затерялась, вернее, мы ее потеряли. Пришлось идти косогорами. Помаялись крепко, но, наконец, снова напали на тропу. Идти стало совсем легко.

Ночевка под развесистым кедром. Уснули опять под шум реки, на этот раз, кажется, Казыря (чего нам очень хотелось и в чем не было еще окончательной уверенности). Спали хорошо.

28 июля. Двигаемся дальше.

Тропа то подходит к реке, то взбегает на косогор и, обходя береговые скалы, идет крутяками со сплошной завалью колодника и горями. На одной гривке наткнулись на поле голубики, почти спелой. Присели и полакомились вволю. Речка бежит и шумит где-то внизу, зажатая горами, образующими ущелье.

К двенадцати часам подошли к первому броду. В этом месте с правой стороны в речку впадает большой приток. Тропа около него переходит явно на левую сторону, так что волей-неволей приходится лезть в воду. Попробовали около слияния — не тут-то было: чуть зайдешь выше колен — зверское течение, сшибает с ног и волной захлестывает сумки. А впереди значительно глубже. После первой неудачной попытки поднялись выше. Наконец, преодолевая яростное сопротивление потока, по каменистой косе выбрались на противоположный берег. Вымокли до предела.

Остановка. На обед скудная порция сухариков. Ботинки «сдохли» и развалились окончательно. Закрепил подошвы проволокой, но радости

мало.

Тропа крутит косогородами. Кругом тайга. Ночевка под кедром на косогоре. Подсушились, как смогли, ибо кругом влажно и сыро. Спим на пихтовых ветвях.

29 июля. Сырое утро. Почаевничали и дальше! Дождя хотя и нет, но мы мокры до нитки. Опять идем косогородами со спусками и подъемами, иногда ровными берегами, на коих тропа разбегается «на 33 струи» и приходится — «веселое» занятие! — разыскивать ее.

Начали попадаться удобные для плочения коски и лес пошел крупнее. К вечеру подошли к хорошему месту для плочения — как раз около большого притока слева.

Впервые за эти дни сытный ужин: выловили пару солидных линьков и поджарили их на сале.

30 июля. Спали неплохо. Только под утро доняли комары. Они не оставляли нас без внимания и во время плочения.

Виталий пошел приглядывать деревья, а я подался на ближайшую возвышенность обследовать окружные белки. Пробирался с трудом и довольно долго.

Было, наверное, не меньше двух часов дня, когда я вылез на голую опушину. Белки кругом, как сплошное кольцо волн. Жаль, тучи закрывали много интересных вершин, особенно на юге, где, видимо, проходит самый мощный хребет. Сделал снимки. Удалось заснять и юг. Обрато спускался веселее. Прямо «катом» и жуткими протоками.

Завтра — сгонка плота. К ужину опять пара линьков.

31 июля. Утро ясное. Почаевничали и принялись подтягивать бревна к реке. Хлопот много, особенно когда ставили бревна «на попа». Так и летали вместе с бревнами.

Чуток сплавили бревна по протоке, в которой вода оказалась как

лед: ноги не терпят. Врубки делали почти до самого вечера. Ропжи* были уже готовы. В гребнях провернули дырки.

1 августа. Сегодня занимались подгонкой и устройством «надворных построек». Работы хватило на полдня.

Но вот салик готов и бодро всплыл на воде. Пригнали его к нашему шалашу. На прощанье роскошный обед: шесть линьков с кашей.

Вывели салик на быстрянку и вдруг заклинились на самый завал. Салик — набекрень и стоп! Снимались долго и упорно. Наконец вышли на фарватер, и нас понесло!

Прохладно. На остановке обнаружили целые заросли смородины. Наелись, как никогда, и набрали два котелка с собой.

С запада надвигается огромная туча. Молния и отдаленный гром. Одной молнией красиво зажгло дерево за соседним бугром. Кругом все притихло.

Сварили котел «варенья» из смородины и четырех кусков сахара. Получилось замечательно.

2 августа. Погода мрачная. Вскоре и дождь пошел, да такой, что промочил насквозь. Вид у нас очень жалкий.

Горы мрачно окутаны тучами и обрывками туманов.

К вечеру повезло: натолкнулись на избушку-малютку. Спали крепко, хотя после лесных ночевок под кедрами показалось душно.

3 августа. Немного прояснилось. Солнышко изредка прорывается сквозь тучи, однако на встречном ветру мы не чувствуем его тепла. Частенько попадаются гуси, но они осторожны и при нашем приближении неизменно улетают.

Все ниже и ниже шиверы**. Вода так и хлещет. Слышится изрядный шум. Из-за поворота — беяк сплошной. Нас подняло, хлестнуло и кинуло чуть ли не на берег. Удержались.

* Ропжи – распорки.

** Шиверы – речные перекаты.

Дальше — опять шум... С обеих сторон высятся камни. Течение зверское и все ускоряется.

Вдруг посредине реки — скала, а за ней сплошной рев, и поток несется огромной волной прямо по каменистому коридору. Жутко! Летим влево прямо на kloкочущий в камнях поток. Раз! Двинуло, свернуло, и уже в самом горле порога посадило нас на камень. Вода пошла вверх салика.

Нужно немедленно выбираться на берег. Салик застрял ненадежно и его ежеминутно может сорвать в пучину.

Виталий пытается перейти на соседний камень. Течение зверское. Камень скользкий. С трудом выбрался. Выбросив на берег ботинки, палки, топор и прочие вещи, двинулся я. Босые ноги не чувствуют твердой опоры. Течение все время сбивает. Однако и я выбрался благополучно.

А на пути к берегу еще такой же поток. Процедура переправы началась сначала. Только успел переправиться первый из нас, как салик сняло с камня и он подался к самому порогу, беспомощно размахивая греблями. Тоскливым взглядом проводили салик до поворота, за которым только его и видели.

Мы на берегу. Закоченели до неподвижности в суставах. Немного ниже на скалах увидели несколько кедров. Дотащились до них. Виталий решил бежать за саликом. Его долго не было. Я гукал, но без отклика. Вернулся он без салика. В одном улове чуть было не догнал, но садик продернуло. Грустно. Поймаем ли дальше?

Весь наш «Москвошвей», галеты, крупа и прочее оказались насквозь подмоченными. Занялись просушкой, и когда все было уже сухое — неожиданно хлынул такой дождь, что за малым исключением все приняло прежний вид, т. е. промокло насквозь.

Надвигается ночь. Пороги режут. У кедра соорудили балаган. Спали, к удивлению, даже хорошо.

4 августа. Опять просушка. А там — котомки на плечи и в пеший

ход на розыски беглеца.

С Виталием опять разошлись. Верст пять шли порознь. На восьмой версте вдруг раздался радостный клич Виталия.

Салик мирно стоял в заводи, подпертый к камням. Ура! Ура! За исключением одной гребли все в целости.

Опять пошел ливень. Отсиживаемся под елью, но дело безнадежно. Нужно искать ночлег. Нашли два больших кедра. Обсушились и согрелись у громадного костра.

5 августа. Гребь готова. Отплываем. Река спокойна. К полудню впереди опять зверски зашумело. Из предосторожности пристаем к берегу. Впереди большой порог. Крутит отчаянно.

Высаживаемся. Надеваем сумки на себя. Я остаюсь спускать салик. Виталий идет вперед ловить его. Привязываю гребни и пускаю. Поплыл!..

Виталию после последнего прибоя удастся вспрыгнуть на салик и зачалить его в улове. Салик отстояли.

Ночуем в избушке (и, как после узнали, на «соболинке») — со всеми удобствами: и кедрач с шишками рядом, и малинник, и целые заросли кислицы.

6 августа. Задержались утром долгонько: все шишки пекли, да пощелкивали орехами. Зато отъехали со всем уютом: соорудили скамью, сидим, как дома, щелкаем орехи, а скорлупу сплевываем прямо в воду.

Неожиданно салик поднесло под небольшой забой и... блаженство кончилось — нас выкупало до основания. Я, по крайней мере, плавал по-настоящему. Весь уют смыло.

К вечеру опять натолкнулись на избу, но уже без кедрача и ягоды, зато с настоящей железной печкой, что было очень кстати.

Уже давненько перешли на жесткую пищевую норму, а в последние дни едим только два раза: утром чай, вечером каша. Недостающее восполняется по мере наличия ягодой и орехами.

Опять порог. Чуть не втянуло! Виталий на камнях в конце порога. Я в плесе ниже. Раздеваюсь на случай, если придется плыть за саликом. Но он проскочил удачно. Вскоре опять погрузились и поплыли.

7 августа. Тишь да гладь! Ни облачка. Солнце печет. Несет почти сплошным плесом. Миновали ряд избушек (всего насчитали 14) и ни одного живого человека! Так что до сих пор не знаем, где плывем.

У одной избушки обнаружили необычайно крупную спелую малину и объелись ею до изнеможения. Прошли подряд три порога. К вечеру течение почти остановилось. Вдруг из-за поворота показались хаты, а затем и целая деревня. Пристали несколько ниже. Виталий вызвался идти за продуктами.

Вернулся нескоро и с ошеломляющими сообщениями: оказывается, прошли мы только Безыбай. А выше были Маецкий и Кляцкий пороги. Впереди еще Убинский (через десять верст), Нижний и затем Гуляевский. Вот так номер!

Запасов крайне мало. Хорошо подкормились сухарями в двух избушках, да Виталий еще подтащил сухарей, молока и яиц. Спим под кедриком.

8 августа. Жарим картошку и всласть пьем чай на заимке Понамарьевской у Егора Гуляева. Пополнили запасы мукой (8 фунтов) и двинулись дальше.

Плывем к Убинскому порогу. Несет тихо. Вот показалась избушка, дальше которой, говорят, плыть опасно.

Остановка. Привычно снимаем гребни и вещи и идем тропой по берегу. Пока ничего страшного нет. Неожиданно ударил ливень. Отсиживаемся под кедром, чтобы сохранить сумки. Наконец дождь излился весь. Дошли до самого порога. Вал изрядный. Но идет ровно, корытом. Что-то скучно стало поворачивать назад за саликом, да и времени ушло много, пока пережидали дождь. Решили бросить нашего беглеца и

дальше идти пешком ходом.

Прошли порош, должно быть, версты две, и вылезли на дорогу. Грязь непролазная. От обушки отвалилась последняя подошва, так что я уже топаю босиком.

Солнце печет. Хребты плавают в кольцах тумана. Дорога пошла хорошая. К вечеру дошли до барачков лес-треста. Достали там сахару, крупы. Встретили старика-проводника Соловьева.

Ночевали в пустом бараке, населенном только клопами, и тут с нежностью вспоминали свои ночевки под кедрами.

На следующий день добираемся до Гуляевки. Порог «Нижний» шумит здорово, и валы бьют. Ввалились в крайнюю избу. Угостились молоком и чудесными шаньгами.

Целый день в деловых бегах за лодкой и шелевкой*. К вечеру сменяли ружье на лодку, масло, картошку. Придаток ладный!

Завтра плывем.

Спим на сеновале. Как бы не проспать — больно хорошо и удобно!

10 августа. К общему удивлению проснулись довольно рано. На завтрак молоко и хлеб. Выменяли еще коврижку хлеба, распрощались — ив лодку. После салика непривычно как-то.

В плесах старательно подгребаем.

Солнышко греет всюю. Деревни идут одна за другой.

Прощай тайга, тишина и безлюдье!

* Шелевка – тес.

1 9 3 1 – 1 9 3 3

Летом 1931 года на Кавказе во время подъема на западный гребень Миссес-тау на высоте около 4000 метров погибло четыре опытных альпиниста: москвичи С. Левин и О. Гольдовский и швейцарцы Хеглин и Меглин. В числе других спортсменов они готовились к штурму Дых-тау. На поиски пропавших товарищей отправились все участники предстоящего восхождения. Среди них была группа молодых альпинистов, в которую входили Евгений и Виталий Абалаковы и Валентина Чередова.

В течение нескольких суток братья Абалаковы и В. Чередова лазали по скалам, осматривая каждый подозрительный выступ, спускались на веревках в многочисленные трещины, исследовали ледники. Вместе с присоединившимся к ним Эмануилом Левиным (братом погибшего С. Левина) они прошли перевал Миссес, побывали под северной Стеной Дых-тау, пересекли Мижиргинский цирк. По пути были осмотрены ледник и вершинный гребень Миссес-тау, но ничего обнаружить не удалось. От дальнейших поисков пришлось отказаться. Э. Левин уезжает в Москву, а Валентина Чередова, Евгений и Виталий Абалаковы решают штурмовать Дых-тау.

Через день группа подошла к жандарму* на седловине между Миссес-тау и Дых-тау. Трудности встретились уже при подъеме по гладкому ледяному желобу правой стены жандарма. Твердый лед легко крошился при забивании крючьев, скалывался при рубке ступенек. Сверху на головы восходителей сыпались оттаявшие на солнце сосульки. С большим трудом, вырубая ступени, достигли они скалистого гребня жандарма, миновали его и вновь двинулись по льду. На высоте 4700 метров был устроен ночлег. Кругом в холоде сентябрьской ночи дремали

* Жандарм – скальная башня.

горы.

Утро следующего дня они встретили уже в пути, когда по колено в снегу проходили плато северной вершины Дых-тау. Чтобы попасть на ее гребень, участникам штурма пришлось буквально прорубаться сквозь нависший край подгорной трещины, а затем подниматься по отвесной ледяной стене. Всех их мучила жажда — они не взяли примус и поэтому не могли растопить снег. Лишь один раз восходители смогли попить воды, да и то она имела привкус резины (снег удалось растопить на согретом солнцем прорезиненном дне палатки).

Е. Абалаков, В. Абалаков и В. Чередова упорно продолжали подъем и 5 сентября 1931 года в 12 час. 30 мин. взошли на вершину Дых-тау. Высота 5198 метров. Здесь они обнаружили банку с запиской о восхождении немецких альпинистов. На ее место участники штурма вложили свою записку и... несколько конфет для будущих покорителей Дых-тау. Пробыв на вершине до 13 час. 30 мин., группа начала спуск. Обратный путь казался им нетрудным, и они быстро достигли места последнего ночлега у перемычки.

На другой день Е. Абалаков, В. Абалаков и В. Чередова совершили восхождение на гребень и вершину Миссес-тау а благополучно спустились по юго-западному кулуару.

Так закончились первые советские восхождения на труднодоступные вершины Кавказа Дых-тау и Миссес-тау.

Летом 1932 года Е. Абалаков снова на Кавказе. Вместе с А. Гермошновым и В. Абалаковым он участвует в траверсе* вершин Безингийской стоны от Гестолы до Шхары. До этого времени на вершинах Катын-тау, Джанги и юго-западной вершине Шхары были только иностранцы.

А. Гермогенов, Евгений и Виталий Абалаковы, поднявшись по

* Траверс вершин хребта или стены – прохождение по гребню хребта или стены через все вершины и седловины.

южной стороне плеча Гестолы, перешли на ее ребро и вскоре взошли на вершину Гестолы. Спуск происходил в густом тумане. Евгений и Виталий, спускаясь, сняли очки и у них наступила временная потеря зрения. Группа встала на вынужденный отдых.

Через день их зрение улучшилось, в участники траверса двинулись к ребру Катын-тау. По-прежнему стоял туман. Глубокий снег сильно мешал продвижению вперед, его пробивали коленями, делая в минуту два-три шага. На вершину Катын-тау вышли в тумане. При спуске по гребню в сторону Джанги в одну из трещин провалился Виталий, но товарищам удалось вовремя задержать его.

По пути к вершинам Джанги пришлось преодолеть несколько труднопроходимых жандармов. И вот, наконец, первая, самая высокая вершина Джанги — небольшой гребешок, изогнутый к югу и заканчивающийся снежным конусом. У изгиба гребешка А. Гермогенов, Евгений и Виталий Абалаковы сложили тур и оставили в нем записку. Через час они уже взошли на вторую вершину Джанги.

Почти шесть суток сложного нелегкого пути осталось позади. Восходители подошли к началу гребня Шхары. Однако у них оставалось слишком мало продуктов, и они вынуждены были отказаться от восхождения на ее вершину. Начался тяжелый спуск по северной стене на Безингийский ледник. Временами до них долетало холодное дыхание снежных лавин. Методично вырубая во льду ступени, с двойным охранением шли вниз А. Гермогенов, Евгений и Виталий Абалаковы. Они боролись за каждый метр пути. На одном из участков спуска неожиданно сорвался и полетел в пропасть Виталий, но Евгений был на чеку и быстро удержал брата...

Наконец лабиринт ледопада остался позади. Утомленные, но довольные участники первого советского траверса Безингийской стены подошли к Караул-кошу.

В марте 1933 года Е. Абалаков принял участие в первом в СССР зимнем восхождении на Эльбрус. Это восхождение входило в план тренировок перед штурмом высочайшей вершины Советского Союза — пика Коммунизма (7495 метров). В зимний поход на Эльбрус отправилось восемь альпинистов. Начальником отряда был А. Гермогенов.

Перевалив в тяжелых метеорологических условиях через Местийский перевал и проведя четыре дня среди гостеприимных сванов, участники восхождения 22 марта пришли на Кругозор. На другой день они двинулись к вершине Эльбруса. Перед участниками похода открывалась чудесная панорама Главного Кавказского Хребта, простирающегося на сотни километров.

Путь был не очень трудным, и к вечеру группа подошла к хижине «Приюта одиннадцати», расположенного на высоте 4200 метров. Впервые в зимнее время в хижине появились люди. После разведки, проведенной Евгением Абалаковым и Андреем Малейновым, группа решила штурмовать Эльбрус без лыж.

Ночью отряд вышел на штурм. Кругом лежало ледяное безмолвие. Участники восхождения шли двумя связками. Первую вел А. Гермогенов, вторую — Е. Абалаков. Оба непрерывно рубили во льду ступени.

На высоте 4800 метров в «Приюте Пастухова» восходители остановились для отдыха. Многие из них так устали, что в изнеможении валились на снег и, положив под голову рюкзаки, безучастно смотрели в голубое небо. Не выдержав утомительного подъема, ушли вниз Лавров и Донской. Заболевший А. Гермогенов решил продолжать штурм.

Сгибаясь под напором шквального ветра, вперед пошли Е. Абалаков, Д. Гуцин, А. Малейнов и В. Любский, связанные одной веревкой. Внезапно кто-то из них поскользнулся и вся связка полетела вниз. Пролетев по крутому склону метров 150, им удалось задержаться и они опять продолжали подъем к седловине Эльбруса, откуда лежал прямой

путь к его Восточной и Западной вершинам.

Начавшаяся метель еще больше усложнила подъем. С каждым шагом Гермогенову становилось все хуже. Вскоре он отстал. С помощью спустившихся к нему Абалакова и Любского он с трудом добрался до седловины. Здесь в небольшой палатке они провели тревожную ночь. Было очень холодно — мороз доходил до 45 градусов. Под утро Гермогенов потерял сознание и не приходя в себя, скончался. Участники штурма решили спускаться, не дойдя до вершины Эльбруса 250 метров.

Спуск тела Гермогенова взяли на себя Абалаков и Гущин. Они пошли наиболее коротким путем. Остальные возвращались прежним. Уже в темноте Абалаков и Гущин подошли к самому опасному участку спуска. Очень трудно было тащить тело Гермогенова, каждый неверный шаг грозил провалом в глубокие трещины. Они были связаны одной веревкой. Неожиданно случилось самое страшное: Абалаков провалился в трещину и потащил за собой тело Гермогенова. В последнюю минуту Гущину удалось схватить Абалакова за руку. Однако силы его были подорваны бессонными ночами и недоеданием, Гущин медленно заскользил к провалу...

Друзья считали, что одному обязательно нужно остаться наверху, иначе их никто не найдет. Быстро скользнула вниз перерезанная вереска, и Абалаков вместе с телом Гермогенова полетел в трещину. Во время падения ему удалось зацепиться за выступ и удержаться на нем. Так они и провели ночь: Гущин — на краю трещины, Абалаков с мертвым товарищем — на выступе внизу.

На рассвете Гущину с большим трудом удалось вытянуть Абалакова из трещины. Заметив место, они начали спуск к «Приюту одиннадцати».

Через два часа после прихода в «Приют одиннадцати» Абалаков с товарищами ушел за телом Алеши Гермогенова. Возвратились они лишь к

ночи.

27 марта участники восхождения спустились к Кругозору.

Летом того же года Е. Абалаков вместе с группой альпинистов принимает участие в Таджикско-Памирской экспедиции Академии наук СССР, во время которой совершает восхождение на самую высокую точку нашей страны — пик Коммунизма. О том, как проходил этот поход, о трудностях, которые встречались на пути у исследователей Памира, о покорении высочайшего пика СССР рассказывают публикуемые ниже статьи Е. Абалакова, его путевой и штурмовой дневники.

*Покорение высочайшей вершины Советского Союза**

Начиная с 1928 года, исследователи вели планомерное наступление на Памир. Из года в год сужалась площадь белых пятен.

Многочисленные отряды ученых всех областей знаний всесторонне изучали огромную территорию Советского Памира, вздыбленную высочайшими вечно снежными хребтами, изрезанную глубокими долинами — либо пустынными и каменистыми, либо заполненными огромными ледниками. И первыми в самые недоступные высокогорные уголки Памира проникали альпинисты.

К 1932 году были составлены карты наиболее высокогорной северо-западной части Советского Памира, пройдено и изучено огромное оледенение бассейна ледника Федченко — одного из величайших ледников мира, вытянувшегося широкой лентой на 77 километров.

Однако гигантский хребет Академии наук не позволял нам проникнуть с востока на запад и соединить две разрозненные карты восточного и западного Памира. Хребет Академии наук венчала высочайшая вершина Памира и Советского Союза.

С древних времен таджики считали самой высокой вершиной Памира пик Гармо. В 1932 году две альпинистские группы проникли к хребту Академии наук с запада и востока. Перед ними стояла задача подняться на гребень севернее пика Гармо и встретиться на перевале.

Но группы не встретились. Отряд, двигавшийся с запада по леднику Гармо, совершил подъем на гребень хребта севернее пика Гармо и установил полную возможность спуска на восток. «Восточному» же отряду, поднявшемуся по леднику Бивачному (левый приток ледника

* Статья публикуется впервые. Написана 26 июня 1946 года.

Федченко), дальнейший путь преградила непреодолимая двухкилометровая стена.

При обсуждении итогов работы экспедиции выяснилось, что пик Гармо, видимый с запада, и самая высокая вершина хребта Академии наук, видимая с востока и также принимавшаяся за пик Гармо, — в действительности две различные вершины, отстоящие одна от другой на расстоянии около 15 километров.

Южная вершина, имеющая высоту 6615 метров, оказалась подлинным пиком Гармо, а северная — наивысшая точка Памира, имеющая высоту 7495 метров (невидимая с запада), оказалась новой, ранее не известной вершиной*. В том же году был ориентировочно намечен возможный путь на эту вершину по восточному гребню, по которому альпинисты поднялись тогда до высоты 5900 метров.

Естественно, что еще в 1932 году возникла мысль совершить восхождение на эту высшую точку СССР. Эта мысль поражала не только своей новизной, но и смелостью. К тому времени у нас был еще очень мал опыт высотных восхождений. Но мы верили, что молодость, сила и опыт, накопленный нашими альпинистами на Кавказских вершинах, победят любые трудности.

Московская горная секция направила на это ответственное восхождение лучших своих альпинистов. Весь коллектив дружно взялся за подготовку, люди были твердо уверены в своих силах.

Новый председатель Московской горной секции Коля Николаев, сменивший талантливое организатора и прекрасного альпиниста — Алешу Гермогенова, погибшего в марте 1933 года на седловине Эльбруса, говорил: «Пик 7495 должен быть взят любой ценой». Вероятно, не все соглашались с романтическими, приподнятыми словами председателя, но каждый решил приложить все силы и добиться победы.

* Она получила название пика Коммунизма.

Наш альпинистский отряд, состоявший из 12 человек, был включен в состав Таджикско-Памирской экспедиции Академии наук СССР.

Первая партия экспедиции выехала на Памир еще в мае 1933 года с задачей подготовить караван и разведать наиболее удобные пути подхода. Вторая партия отправилась из Москвы в июне. С ней шли основные грузы альпинистского снаряжения и специального теплого обмундирования. Третья и последняя партия задержалась до конца июля для получения метеорологической автоматической радиостанции, которую следовало установить на пике Коммунизма.

Среди бесконечных садов знойной Ферганской долины, близ северных отрогов Алтайского хребта, раскинулся, утопая в зелени пирамидальных тополей, небольшой киргизский город Ош. Он стал центральной базой почти всех отрядов Таджикско-Памирской экспедиции Академии наук, планомерно изучавшей богатства Памира.

От города Ош до Хорога на 700 километров протянулся высокогорный Памирский тракт. Извиваясь среди хребтов, он то пересекает пустынное плато, то зигзагами взбирается на перевалы, достигающие 4800 метров высоты.

Миновав перевал Талдык, машины подвозили участников 29-го отряда Таджикско-Памирской экспедиции (так назывался отряд, организованный для восхождения на пик Коммунизма) до базы в Бордобе, расположенной в широчайшей высокогорной Алтайской долине на высоте 3600 метров, и уходили дальше на юг.

В Бордобе формировался караван верблюдов и лошадей, участники получали винтовки, наганы. Здесь же нас обучали стрельбе на случай встречи с еще бродившими по Памиру разрозненными бандами басмачей. Отсюда караваны отряда, нагруженные снаряжением и питанием, в сопровождении красноармейцев уходили по Алайской долине на запад и вскоре терялись среди зеленых холмов северных предгорий величавого,

заснеженного почти до подножья Заалайского хребта.

Альпинисты несли ночные караулы, следили за погрузкой и разгрузкой каравана, варили пищу и... восхищались небывало грандиозными масштабами Памира.

Остались позади 86 километров Алайской долины. Караваны свернули влево на один из двух проезжих перевалов через Заалайский хребет — перевал Терс-агар. Здесь, не отставая от каравана, участники экспедиции попытались покорить небольшую вершинку (около 5200 метров), но были «посрамлены горой». Когда до вершины оставалось метров двести, непривыкшие к высоте любители быстрых побед почувствовали страшную слабость и вынуждены были отступить по крутым снежным склонам.

С перевала Терс-агар открылась грандиознейшая более чем 3,5-километровая северная стена вершин Мусджилги, Сандаля и Шильбе. Алтын-мазарские высоты скрывали находившийся где-то уже совсем близко хребет Академии наук и цель экспедиции — пик Коммунизма. Однако для ее достижения потребовалось немало времени и сил.

В глубине широкой плоской долины Мук-су среди зарослей арчи и облепихи виднелись маленькие мазанки последнего на пути нашего отряда селения Алтын-мазара. Широкая, не менее двух километров, долина Мук-су казалась лишь узким коридором, настолько высоки окружающие долину хребты.

Впереди ущелье перекрывали темные моренные бугры языка ледника Федченко. До них было не более 10-12 километров, но препятствий на пути оказалось немало. Высокими кофейного цвета волнами встретили альпинистов грозно грохочущие потоки рек Саук-сая и Сельдары, вытекающей из ледника Федченко. Целый день отыскивали опытные караванщики-киргизы броды через десять рукавов бешеных рек. Кружилась с непривычки голова, плыли берега, и грязные волны

плескались с ревом под мордой лошади, готовые поглотить ее и седока.

Через десятый и последний рукав, сильно вздувшийся к вечеру, караван переправиться не смог и должен был отступить на высокий берег, снова преодолевая в обратном направлении пять рукавов.

На утро по малой воде караван перешел Сельдару и у мрачных бугров ледника Федченко разбил Базовый лагерь.

Дальше начинался путь уже по леднику Федченко. Более 18 километров прокладывали альпинисты тропу для лошадей по скользким буграм ледника, покрытым зыбкой мореной.

Караван медленно продвигался вперед. Через 12 километров на западе, изобилуя крупными ледниковыми озерами и срезами льда, открывался приток ледника Федченко — ледник Бивачный. В глубине его, между хребтами, альпинисты, наконец, увидели заветную шатрообразную вершину, убеленную снегом, — пик Коммунизма.

Казалось, до цели уже недалеко. Но 30 километров по ледникам до подножья пика Коммунизма экспедиции удалось преодолеть (проложить тропу и провести караван) лишь через полмесяца. Оползали морены ледника, осыпались камни бесконечных осыпей, таял лед на острых иглах (сераках) в верхней части ледника. Природа уничтожала результаты упорного труда. Тропу делали вновь и вновь и настойчиво вели караван вперед.

К концу июля среди хаоса диких камней и ледяных игл у подножья пика Орджоникидзе на высоте 4600 метров раскинулись палатки Ледникового лагеря — основной базы для восхождения на вершину.

От лагеря верхние сверкающие на солнце фирновые* поля пика Коммунизма заслонялись нависающими и крутыми склонами его подножья. Горную тишину внезапно нарушал грохот камнепадов и огромных лавин, низвергавшихся с пика. Плотные клубящиеся снежные

* Фирн – крупнозернистый уплотненный снег.

облака быстро проносились по леднику и долго не могли улечься и рассеяться. Огромная мульда* висячего ледника верхнего плато постоянно рождала лавины, с шумом летевшие по пути нашего подъема к восточному гребню.

Первые атаки альпинистов (так же, как и попытка подъема на пятитысячную вершину) принесли лишь неудачи и заронили сомнение в успехе восхождения.

Но вот, наконец, после новых попыток, успешно миновав лавиноопасный склон, шесть альпинистов поднялись до высоты 5600 метров и вышли на восточный гребень. Однако высота снова сразила половину из них. Жестокие приступы горной болезни не позволили двинуться дальше, и группа, обескураженная, с большим трудом спустилась в базовый лагерь. При второй попытке самочувствие улучшилось настолько, что альпинисты сочли возможным двинуться вверх по гребню и попытаться проложить путь по грозным скальным башням (жандармам), выступающим на остром восточном гребне.

Первая группа преодолевала крайне сыпучую скалистую стену второго жандарма. В задание второй группы входило: сбросить слабо державшиеся камни и закрепить на крючьях веревки, которые могли бы облегчить продвижение идущим за ними.

Вторая группа веревкой почему-то не связалась. Николаев, вися над обрывом и перехватываясь за выступы скал, медленно поднимался вверх. Внезапно ему на руку упал камень. Он вскрикнул, разжал руку, которой держался за выступ скалы, и начал падать. Груда камней рухнула вместо с ним... Его поиски не увенчались успехом. Так погиб наш товарищ, энтузиаст-альпинист Коля Николаев...

Потрясенный гибелью Николаева выбыл из строя еще один участник экспедиции — А. Харлампиев.

* Мухда – форма залегания льда и горных пород в виде чаши.

Однако откладывать штурм восточного гребня было нельзя. От этого зависел успех всей экспедиции. И вот несколько альпинистов (среди которых были Е. Абалаков и Д. Гущин) вновь пошли на штурм восточного гребня. На этот раз все успешно преодолели второй жандарм и на высоте 5900 метров организовали второй высокогорный лагерь.

Третий жандарм оказался еще более трудным. Медленно, повиснув на веревках над километровым обрывом, альпинисты упорно прокладывали путь вверх по скалам. Вначале болела и кружилась голова, мучила одышка, но день ото дня самочувствие улучшалось.

Усталые, но довольные результатами работы альпинисты вечером возвращались в лагерь «5900». В легкой алюминиевой кухне на сухом спирте сварили калорийный ужин и быстро заснули в теплых спальных мешках.

Чем выше альпинисты поднимались по гребню, тем больше увеличивались трудности. Шире открывался горизонт, показывались все новые вершины.

Наконец, преодолев при помощи железных крючьев отвесные скалистые стены четвертого и пятого жандармов, отряд разрешил основную проблему: нашел и обработал путь по гребню. Выше оставался последний, шестой жандарм, но он казался более легким для прохождения, хотя абсолютная высота увеличивалась. В тяжелой борьбе на высоте 6000 метров над уровнем моря прошло семь дней. За время этой работы альпинисты окрепли, получили акклиматизацию, а главное — обрели уверенность в успешном исходе экспедиции!

Для отдыха спустились вниз. В ожидании прибытия последней группы с радиостанцией, в частых тренировках и обучении технике шести носильщиков (киргизов и таджиков) и кинооператора незаметно проходили дни. После тяжелой и напряженной работы на гребне они казались особенно безмятежными и спокойными.

Однако и в эти дни произошло немало событий. Кинооператор не отличался большой охотой к лазанью среди трещин и ледяных игл ледника. На просьбы альпинистов снять на пленку хорошую лавину он отговаривался тем, что обычная лавина на экране не «играет» и что ему нужна громадная лавина на темном фоне с боковым освещением. Наконец, чтобы отвязаться от назойливых альпинистов, оператор сдался на просьбы, уверенный в том, что ничего из этой затеи не выйдет. Однако природа подшутила над ним. Едва оператор приготовил для съемки аппарат, как раздался грохот и с верха двухкилометровой стены понеслась на черном фоне скал густыми клубами снежной пыли огромная лавина, освещенная с боку лучами солнца. Забыв испугаться, оператор с профессиональным азартом принялся крутить ручку киноаппарата, а остальные щелкать фотоаппаратами. Лавина стремительно неслась на «охотников за кадрами», и лишь в последний момент глубокие трещины ослабили ее мощностъ и изменили направление. Когда группа вернулась в лагерь, она не нашла там обеда: повар решил, что готовить его незачем.

Носильщики постепенно подносили в верхние лагеря снаряжение и питание. «Смотрите, как они странно спускаются»,— заметил однажды Гуцин. К лагерю несли на руках носильщика Джамбая Ирале. Тяжелого заболевания (воспаление легких) на высоте 4600 метров — он не перенес. После смерти маленького Джамбая суеверные носильщики превратились из друзей альпинистов в их ярых врагов. «Нас ведут на смерть»,— твердили они. На следующий день мы узнали, что все носильщики решили спуститься вниз и разойтись по домам. Создалось напряженное положение.

Товарищеской беседой, рассказом о целях и задачах экспедиции и о необходимости дружной работы всех для выполнения задания удалось поколебать их решение. Носильщики, хотя и не сразу, вновь стали преданными друзьями альпинистов.

После этого возникло затруднение с транспортом. На трудной, все

время разрушавшейся тропе побились лошади. Караваны приходили с перебоями, ощущался недостаток продуктов. Решено было большую часть группы до подхода последнего отряда направить в нижние лагеря. Однако в тот же день они вернулись. Вместе с ними пришел последний отряд с метеорологической станцией и начальник экспедиции Н. Горбунов.

К концу августа все было готово к штурму вершины. В нем должны» были участвовать шесть человек (две тройки).

24 августа, в день выхода, пришлось сразу же нарушить план восхождения. Альпинист Шиянов накануне вечером заболел и на утро не смог выйти с первой связкой.

Альпинисты Гуцин и Абалаков с тяжелыми рюкзаками пошли вверх вдвоем. Четвертый раз поднимались штурмовики по крутым фирновым склонам к восточному гребню. Им знакома была каждая трещина, каждый ледяной выступ. Однако альпинисты зорко и беспокойно вглядывались в висящие на огромной высоте ледяные глыбы мульды. Три предыдущие подъема к гребню прошли удачно. Альпинисты изучали закономерность падения ледяных глыб. Но на всякое правило есть исключение и это исключение давящим беспокойством томило их, пока они не взошли на восточный гребень.

Сила лавин иногда была так велика, что кипящие снежные облака с бешеной скоростью устремлялись вверх по склону, достигали гребня и, перевалив его, обрушивались на палатки лагеря «5600». Снежные вихри трепали палатки, снег набивался внутрь. Палатки уцелели лишь потому, что были установлены на обратном скате гребня.

Когда достигли лагеря «5900», то оказалось, что он находится в катастрофическом состоянии. Со дня его организации до начала штурма прошло две недели. На крутом снежном гребне образовались трещины и палатки свалились в них. Пришлось опять нарушить план и вместо подъема вверх долбить ледорубами во льду площадки для установки

лагеря. Еще день простоя.

Наконец; альпинисты подошли к наиболее трудным стенам пятого жандарма. Тяжелые рюкзаки настолько сильно тянули вниз, что несмотря на помощь веревок, спущенных по отвесным участкам скал, лезть было чрезвычайно трудно. Носильщики опять отказались двигаться дальше. Но после длительных уговоров они сдались и миновали трудный участок.

«Ну здесь наши помощники будут иметь бледный вид»,— заметил Гушин, едва переводя дыхание после преодоления второй наиболее отвесной стены. Его беспокойство оказалось преждевременным: взглянув вниз, альпинисты увидели на скалистой площадке три оставленных рюкзака и далеко внизу меж камней удаляющиеся спины носильщиков. Как быть? Неужели спускаться вниз?.. Да, пришлось снова спуститься на площадку, дополнить свои и без того увесистые рюкзаки совершенно необходимыми вещами и вновь проделать акробатические упражнения над обрывом в полтора километра.

Вдали высится убеленная снегом вершина пика Коммунизма

Знакомые скалы кончились. Двойка полезла на шестой, самый огромный жандарм. На обледенелых скалах плохо держат стальные гвозди трикони. Гуцин внимательно страхует Абалакова при помощи веревки, закрепленной на железном крюке. Каскады ледяшек летят из-под ледоруба Евгения, звенит лед, и одна за другой вырубаются ступени.

Прямо вверх идет скалистый желоб. Обходов нет. Гуцин, страхуя Абалакова через выступ, зорко, с беспокойством наблюдает за каждым его шагом – порода слишком сыпуча. Осторожно лезет Абалаков, но вот из-под ноги у него вырывается камень, сбивает по пути другой, третий, и вскоре целый каскад с грохотом валится на Гуцина. Один камень перебил веревку, связывающую альпинистов, другой упал на руку Гуцина. Он содрогнулся, рука беспомощно повисла и, пошатнувшись над обрывом, он припал к выступу.

Рука Гуцина начала кровоточить. Абалаков осторожно спустился вниз, связал по пути перебитую веревку и сделал перевязку раздробленной кисти Гуцина.

— А я и удержался только потому, что думал, что ты меня держишь, — тихо сказал Гуцин, глядя на узел веревки.

— Ну, что будем делать?

— Надо двигаться вверх, — после некоторого раздумья проговорил Гуцин...

Вскоре наступила ночь. Неведомые сыпучие скалы по-прежнему круто уходили ввысь. Ощупью, отыскивая зацепки, Абалаков лез вверх, уже не надеясь на страховку Гуцина. Он не мог быть уверен в надежности страховки Гуцина, настолько круты и сыпучи были скалы. Товарищи могли лишь слышать друг друга.

Гребень! Достигли маленькой площадки. Вбили крючья, обмотали веревкой палатку, закрепив ее на крючьях, и влезли в нее, как в мешок.

Всю ночь Гуцин стонал. Бинты врезались в распухшую руку, их

пришлось разрезать.

На утро альпинисты организовали новый лагерь на высоте 6400 метров. Проблема преодоления восточного гребня была решена! Страшно измученные, поднялись к этому лагерю и носильщики. Сбросили груз и немедленно пошли вниз. Эта высота оказалась для них предельной.

Через два дня к вечеру снизу донеслись обрывки слов. Абалаков пошел навстречу. Близ выхода на гребень увидел четверку альпинистов второй группы. Они медленно поднимались по веревке, спущенной с гребня. Ослабевшие, они едва могли подтягиваться на веревке. На гребне Горбунов вынужден был оставить свой рюкзак.

Наступила ночь. На этот раз вся штурмовая группа была в сборе, уместившись в двух маленьких палатках, поставленных на небольшом плоском камне острого скалистого гребня. Кругом мрак, головокружительные обрывы, снег и мороз. Горбунову недоставало спального мешка, оставленного им в рюкзаке далеко внизу. Абалаков вновь спустился по знакомому гребню, ощупью находя путь и цепляясь за скалы, и вскоре рюкзак был доставлен хозяину.

Метеорологическую станцию нужно было поднять выше. Гущин даже с больной рукой чувствовал себя крепче каждого из последней четверки. Снова вдвоем, Абалаков и Гущин, пробивали путь. Каждый нес более пуда деталей метеорологической станции. Они шли уже не по скалам, а по глубокому снегу гребней и обширному наклонному плато, лавируя между многочисленными и огромными трещинами. Было трудно: сказывалась высота, большой груз и глубокий снег. Сорок, пятьдесят, сто шагов — затем в изнеможении валились в снег. «Никогда в жизни не думал, что может быть так тяжело», — признавался потом Гущин.

Стрелка альтиметра подошла к 6900 метрам. Довольно! Сложили метеорологическую станцию и легко пошли обратно к лагерю «6400». Тяжелая работа не пропала даром. На следующее утро уже весь отряд,

забрав все необходимое, двинулся по готовым следам вверх. На этот раз тяжело было идти тем, кто вчера отдыхал вниз.

Абалакову проторенный путь казался уже легким, особенно без груза метеорологической станции. Он уходил далеко вперед, поджидая группу, садился на рюкзак и, напевая песни, любовался перламутровым переливом первозданного хаоса, скопищем огромных вершин, гребней, пиков, поднимавшихся в бескрайнее пространство темно-синего неба. Группа медленно приближалась, и Абалаков опять уходил вперед. Когда отряд подошел к оставленной ранее радиостанции, около нее были уже очищены две площадки для палаток.

Последний штурмовой лагерь перед вершиной пика Коммунизма. Две палатки затерялись в обширных снежных полях верхнего плато пика. Как шатер над ними высился острый вершинный гребень. Еще одна попытка поднять станцию выше не дала результатов. Основной кожух станции удалось поднять лишь Абалакову. Двое товарищей, несших остальные детали, так и не смогли подняться до него. Пришлось Абалакову свой груз спускать обратно вниз. Станцию решили ставить близ лагеря.

Трое альпинистов возвращаются вниз в лагерь «5600». Их состояние не позволяет им не только подниматься вверх, но и находиться на высоте последнего лагеря. К тому же и продуктов оставалось очень мало.

Тревожный признак непогоды: альтиметр резко, на 200 метров, набрал высоту. Через день ровной пеленой заволокло небо, снежные вихри побежали по снежным полям пика. Началась высокогорная буря. Спускавшихся она застала на отвесных стенах восточного гребня. Выбываясь из сил, хватались альпинисты за скальные выступы, покрытые снегом, и обледенелые веревки. Шквальные порывы ветра срывали их со скал. Стоя, прислонившись к скалам, провели они эту ночь.

Ураган продолжался следующий день с нараставшей силой. Прижавшись к скалам и пряча лицо от вихрей снежной пыли, Шиянов страховал Гущина. Измученный организм Шиянова не выдержал: Гущин, заснеженные выступы скал — все куда-то уплыло; возникли видения другого, знакомого мира — Москва... знакомая комната... Стук в дверь. Войдите!.. Никого нет. Опять стучат... Шиянов очнулся. Это стучал Гущин, стоя на конце карниза и забивая крюк. Шиянов похолодел от ужаса. Жизнь Гущина зависела сейчас от него, а он позволил себе забыть...

К концу дня альпинисты спустились в лагерь «5600», где им была оказана помощь врача. К лагерю «4600» Гущин и Шиянов подходили медленной шатающейся походкой, как будто другие люди.

От опустившихся альпинистов внизу узнали о положении трех штурмовиков, оставшихся наверху. Были все основания беспокоиться за их судьбу. Однако пробиться к ним было некому, да и невозможно при таком урагане. Пришлось ограничиться тщательным наблюдением за вершиной, да принять все меры к тому, чтобы спустившиеся альпинисты как можно быстрее восстановили свои силы: они могли быть нужны для помощи штурмовикам, оставшимся наверху.

В лагере «6900» продолжалась буря. Снежные вихри налетали на тоненькие палатки. Вскоре снегом занесло стенки палаток, а затем и крышу.

Бороться с наваливающимися массами снега становилось возможным лишь изнутри (снаружи морозные вихри сбивали с ног и леденили тело). Абалаков не допускал оседания крыши, подпирая ее рюкзаком, деталями станции, ледорубом.

У его соседей самочувствие было хуже, особенно у Гетье. Он заболел тяжелым растяжением сердечной мышцы, мучился желчной (рвотой и не . мог принимать ни пищи, ни питья.

Наступило третье утро. Буря продолжала свирепствовать с нарастающей силой. Вдруг до слуха Абалакова донеслись стоны и глухие крики о помощи: «Нас придавило. Не можем шевельнуться, задыхаемся... помогите...». Голоса становились все глуше и вскоре смолкли.

Едва Абалаков раскрыл дверцу палатки, как снежные леденящие вихри ворвались в нее и засыпали все сугробом... За стенами палатки крутился снежный смерч. Несмотря на теплую плотную одежду у Абалакова было такое ощущение, что он не одет. Схватив крышку от кухни «Мета», он стал разгребать мощные заносы снега над заживо погребенными товарищами. Откопал, освободил пострадавших. Оказал им помощь.

Понемногу ветер стал стихать. Альпинисты приводили в порядок свое хозяйство. Абалаков освободил палатки от снега. Натянуть их как следует оказалось невозможно, так заледенели стенки. Обледенели и спальные мешки. Влезли в них во всем снаряжении, включая и шекельтоны* — было все же страшно холодно. И не удивительно. Достаточно было посмотреть на минимальный термометр, чтобы понять причину: он показывал 45 градусов мороза.

Внизу, в лагере «4600», наблюдатели, с меньшими, чем штурмовики, нетерпением и тревогой, ждали прояснения погоды. И вот, наконец, снежная завеса спала и открылся белый блестящий шатер вершины. Увидят ли они что-либо живое на его склонах?

— Живы! Я видел двоих около палаток! — сообщил запыхавшийся радист Маслаев, наблюдавший в бинокль со склона пика Орджоникидзе.

В лагере начали оживленно готовиться подать необходимую помощь штурмовикам, по их предположению, уже начавшим спуск.

Но штурмовики поступили иначе. Они решили использовать последнюю возможность и сделать попытку подняться на вершину.

* Шекельтоны – высокогорная обувь.

Смущало лишь почти полное отсутствие продуктов (дневная норма не превышала полбанки шпрот и две галеты) и тяжелая болезнь Гетье. Особенно беспокоило последнее, потому что тяжело и опасно было оставлять больного одного. Идти же на вершину одному было также невозможно.

Но Гетье нашел в себе силы и мужество сказать, что он в течение дня вполне сможет остаться один, хотя несомненно в душе не верил в благополучный исход.

3 сентября ветер утих. Было ясно и не очень холодно, температура на этой высоте днем редко поднималась выше 25 градусов мороза. При каждом движении потрескивали заледеневшие штормовые костюмы, колом стояли и теплые шекельтоны на ногах, и варежки, и брезентовые штаны. В девять часов Горбунов и Абалаков, связанные веревкой, вышли к вершине.

Каково же было удивление наблюдателей в лагере «4600», когда они в бинокль увидели две темные точки на белоснежных полях пика, медленно поднимающиеся вверх!

Горбунов шел по следам Абалакова. Шекельтоны с привязанными к ним стальными кошками глубоко проваливались в снег; глаза слепило даже в темных очках; кожа на лице потрескалась и облупилась, несмотря на защиту мощной бороды. Медленно шел Абалаков и не только потому, что был глубок снег и разрежен воздух, но и потому, что Горбунов едва мог идти даже и таким медленным темпом.

Медленно двигались альпинисты, но быстро бежало время. В 12 часов стало ясно, что до вершины не дойти.

Абалаков предложил развязаться. Решили здесь же написать записку о восхождении. В ней было указано, что на высочайшую вершину Советского Союза — пик Коммунизма (7495 метров), 3 сентября 1933 года совершено первое восхождение. На вершину поднялся Е. Абалаков. Горбунов поднялся на вершинный гребень. Удастся ли оправдать текст

записки — было неясно. Но им хотелось этого больше всего в жизни.

Штурмовики вытащили последнюю банку рыбных консервов. Открыли. Горбунов отказался от своей половины (отнюдь не потому, что был сыт). Мерзлые шпроты потеряли вкус, однако Абалаков съел их с наслаждением. В банку вложили записку. Абалаков взял рюкзак с приборами и необходимым снаряжением, Горбунов — веревку.

Расстояние между альпинистами быстро увеличивалось. Уже маленьким казался Горбунову Абалаков, но вдруг он увидел идущего рядом с ним самого себя. Видение исчезло. В следующую минуту ему показалось, что вблизи Абалакова запрыгали снежные смерчи. Опять начинается буря, подумал Горбунов и закричал: «Остановись! Буря! Нужно рыть пещеру и заночевать...» Эти видения и нелепые мысли могли быть порождены лишь крайним утомлением и большой высотой.

Но Абалаков уже не слышал. Он шагал все выше и выше. Снег становился плотнее. Путь пересекла огромная трещина. Вот снежный мост. Абалаков переполз его по снегу.

Вершинный гребень... Назад круто падает снежный склон и, как застывшие волны моря,— необозримые просторы новых, еще невиданных вершин!

Рюкзак оставлен в небольшой расщелине. Скорей по гребню к высшей точке!

Снег вдруг стал плотным, как фарфор. Острые зубья кошек едва оставляли на нем след. Гребень становился все острее и острее. Под шквальными порывами ветра альпинист, балансируя, старался сохранить равновесие.

Солнце, казалось, было где-то совсем внизу. Его красный диск приближался к краям дальних гор. Скорей, скорей!

Но больше двадцати шагов подряд пройти было невозможно. Сердце, как молот, тяжело стучало в груди. Вот уже видно острие

вершины. Как она близка и далека в то же время!

У Абалакова закралось опасение — не хватит времени! Он сделал рывок, пошел быстрее, упал на четвереньки. Немного отдышавшись, преодолел последние метры.

Гладкая скалистая площадка вершины!

Как хорошо лежать на спине, смотреть в темно-синее небо и дышать!.. Абалаков взглянул на альтиметр. Стрелка показывала 7600 метров. Температура 25 градусов мороза.

Какая глубина, какая широта вокруг! Совсем как в плане смотрелись змеевидные ледники, запрятанные в темнеющие ущелья. А вдаль бесконечные ряды вершин и наиболее высокие из них ясно видны на расстоянии не менее 400 километров.

Солнце отбрасывало гигантскую тень вершины на облака, клубившиеся восточнее пика. Что это?.. Гигантский двойник человека на мощной вершине встал в облаках. Повторяя движения Абалакова, он поднимается, машет руками...

Солнце близилось к горизонту. Абалаков делал схемы и зарисовки хребтов, ледников, вершин.

Банка с запиской, придавленная несколькими с трудом найденными Камнями, осталась знаком покорения человеком высочайшей вершины СССР.

Пора вниз. Осторожно вонзая кошки по обе стороны острого гребня, спускался Абалаков вниз, стараясь как можно крепче забить ледоруб.

На плато, у выхода на вершинный гребень его встретил Горбунов. Сделали засечки вершин. Лейка замерзла. Абалаков внес последние схемы-зарисовки в альбом. Он был удовлетворен: теперь две разрозненные карты Памира можно слить в одну.

При луне глубокой ночью вернулась двойка в лагерь «6900».

Гетье уже свыкся с мыслью о гибели. У него не было надежд на возвращение вниз. Голоса штурмовиков вернули его к жизни. «Вершина взята! Все благополучно»,— сообщил ему Горбунов.

Однако не все было благополучно. Три часа оттирал Абалаков пальцы ног Горбунова, превратившиеся в ледяшки, но оттереть не удалось. Уже на следующий день они почернели и начали болеть.

Окончательно установили станцию близ лагеря. «6900».

Гетье не верил, что сможет спуститься вниз. Однако все же нашел в себе силы подняться и с помощью Абалакова начать спуск к лагерю «6400».

Трудно одному здоровому спускать двух тяжелобольных по отвесным километровым скалам. Кругом безмолвовала снежная пустыня... С величайшим напряжением всех сил дотащил Абалаков больных до лагеря «6400».

Что это?.. На снежном гребне лагеря «6400» показалась одна, вторая, третья фигурка... Альпинист Цак с двумя носильщиками поднимался к лагерю «6400».

Не было времени на душевные излияния. Нужно было спасти больных и продолжать спуск. Но теперь вышел из строя Абалаков. Установка станции потребовала несколько часов кропотливой работы, во время которой приходилось сбрасывать очки. Вечером он почувствовал резь в глазах и к ночи уже не видел ничего.

Целые сутки больные ждали, когда Абалаков прозреет. На вторые сутки с утра начали спуск по скалам. Цак спускал Гетье, Абалаков — Горбунова. Нужно было большое самообладание как больных — они от слабости и боли все время были на грани падения, так и здоровых — им нужно было неослабно следить за больными и надеяться только на себя, так как больные не могли обеспечить страховку.

Е.М. Абалаков, 1933 год

К вечеру подошли к лагерю «5900». Не верилось, что все отвесные стены уже позади. Последняя ночь в высокогорном лагере.

В лагерь «5600» поднялись почти все обитатели Ледникового лагеря. Радостно светились лица. Крепко целовались «нижние» с «верхними». Врач оказал первую помощь больным.

К вечеру все альпинисты спустились вниз. С удивлением и уважением смотрели носильщики на штурмовиков, как на людей, сделавших невозможное. Повар Усумбай внес свою лепту — хорошие отбивные котлеты из мяса горного козла-киика.

Возвращение казалось уже легкой прогулкой. Караван спускался вниз по леднику. И все дальше удалялся величавый пик Коммунизма.

Таджикско-Памирская экспедиция АН СССР.

*Восхождение на пик Коммунизма**

20 июня. Широкой выжженной долиной движемся к перевалу Талдык. Деревца попадаются лишь по самому руслу речки, а по бокам уже громоздятся огромные скалистые хребты. Шоссе хорошее, и часа через полтора мы в Софи-кургане. Вскоре выехали. Шоссе и тут доброе. Ветер в спину. В радиаторе вода кипит ключом. Приходится часто останавливаться доливать машину или менять воду. Запылились мы жутко.

Кругом замечательные горы и по цвету, и по форме. Внизу — глубокий каньон речки, отвесные края промыты глубокими кулуарами и стоят гигантской колоннадой. Выше — горы из красной глины с ясно выраженной слоистостью принимают пластичные и самые неожиданные формы. Зелень лугов, необычайно ярких, и деревьев — изумрудом вкраплена в красный фон. Еще выше — нагромождение серых с разными оттенками огромных скал с вершинами, убеленными снегом. На цветных лугах группами приютились юрты киргизов. Дети бегут к дороге посмотреть на машину. Смех, шум, говор.

С 2800 метров свернули в боковое ущелье, а с 3000 дорога пошла зигзагами по склону. «Перевал Талдык» — гласит дощечка на столбе. Высота 3625, а на моем высотомере — 3550. В будущем будем примерно на 50 метров делать поправку.

Конечно, не взойти на ближайшую «кочку» совершенно невозможно.

Пригласили и Ивана Георгиевича Волкова — нашего топографа. Он

* Дневник. Публикуется впервые. Печатается с сокращениями.

очень лениво поплелся за нами. Первая вершина под нами. Но, увы, и отсюда почти никаких видов на Заалайский хребет, лишь в одной выемке показались окутанные снегом белые громады. Конечно, этот уголок попал на пленку.

Гудит клаксон. Спешим к машине. Шофер поражен: «быстро умеете бегать!». Еще один зигзаг, изобилующий скелетами верблюдов, и машина плавно несется по долине, затем круто сворачивает влево — в долину, выходящую уже в Алайскую.

У самого поворота открываются могучие вершины. Необычайно белые, стеной стоят вершины Заалая. Гигантский массив Курумды открывается первым с уходящими влево вершинами (Заря Востока и Мальтабар). На запад высятся остроконечный пик Пограничника и пик Архар, эффектно заканчивающий скалистый, очень крутой и обледенелый гребень. Затем, после небольшого понижения — четыре очень похожие друг на друга вершины: это пик Е. Корженевский, горы Баррикад и Кзыл-Агын. За ними высится громадный массив пика Ленина, явно доминирующий над всем хребтом, но не имеющий характерной формы пика, настолько пологи его ребра. Большое понижение — и вновь вздымается красивой округлой вершиной пик Дзержинского.

Характерная и необычайная особенность Заалая: снежники его спускаются очень низко к расположенной на высоте 3200-3300 метров Алайской долине, как бы цепляясь за нее пальцами. Поэтому Алайская долина даже в летние месяцы нередко бывает засыпана снегом.

Не велика, кажется, Алайская долина, а пересекали мы ее на машине часа полтора. Дорога пошла хуже, кое-где ее размыло, кое-где она еще не достроена. Приходилось пользоваться старой. К Бордобе небольшой подъем. Несколько домиков — база и один домик на отлете — контора Памирстроя. А дальше — долина с сетью речушек, до крайности насыщенных глиной, и стена белых громадин. Напротив базы большая

поляна. Здесь лагерь.

Стало совсем не жарко. Полушубки — одно удовольствие. К тому же и дождик накрапывает. От нашего завхоза Михаила Васильевича Дудина узнали много новостей: путь по Балянд-киик оказался для каравана непроходимым. Придется двигаться через Алтын-мазар, и нужно спешить, пока еще речки невелики.

22 июня. Утром, пока не покажется солнышко, достаточно прохладно. Без полушубка просто тоскливо. Доупаковываем вещи. Вес груза получился основательный — 2,5 тонны. Все взять — нечего и думать. Остается надежда на обещанных в Дараут-кургане верблюдов.

Я занялся чисткой винтовки, грязной до жути. Вычистил здорово, и все пошли потренироваться — стреляли в мишень. Стрелки здесь хорошие. Живут на мясе кийков и архаров, так что поучиться у них не грех.

23 июня. Утро очень хорошее.

Вьючим на полный ход. Необходимые верблюды пришли, и это сразу вывело нас из затруднения. Восемь верблюдов и десять лошадей. В Бордобе нам выделили в помощь четырех верховых и еще две лошади, и мы, распрощавшись, пошли догонять уже ушедший караван.

Широкое галечное русло бывшего ледника абсолютно ровно. Перепрыгнули через несколько рукавов желтой речки, но последний преодолеть прыжком не удалось — широк. Чтобы не разуваться обоим, я сел верхом на товарища и так транспортировался до другого берега. Одна долина соединяется с другой, еще большей. Долго идешь и, кажется, ничуть не продвигаешься. Речка Корженевского. Эта речка дала себя знать. Разуваться пришлось уже обоим. Ледяная вода сводит ноги.

Вступили на моренные холмы левого берега. Масса цветов и все как в далеком Красноярске. И сурков не меньше. Целыми семьями, штук по пять, стоят у норок большими рыжими столбиками; и так по всем окрестным холмам. Вскоре их свист стал надоедать.

Наконец показалась и наша кавалькада красноармейцев. Выехав за морену, она поднялась на нее и поехала правым берегом. Так, на разных берегах двигались мы километров десять. Но вот с того берега отделились двое с двумя лошадьми на поводу. «За нами, видно»,— решили мы, и не ошиблись. Сели на лошадей, и продвижение пошло быстрее. Вскоре после подкормки лошадей и остальные решили перебраться на левый берег.

Выезжаем на широкую равнину. У предгорий движется ленивым шагом верховой. Обратили на него внимание красноармейцев. Двое отделились и поскакали наперерез. Лишь только верховой заметил их, как повернул к горам, и сразу взял в галоп. Еще двое наших дали шпоры и вчетвером в хорошем темпе понеслись догонять всадника. Тот мчался к долине и скрылся. Наши взяли в холмы, наперерез, но расстояние большое, надежды настигнуть мало.

Догнали караван. Я иду пешком, ничуть не отставая от лошадей. Раз даже взял рысцей, за мной побежали и лошади. Даниил Иванович взмолился. Караванщики поймали заблудившегося верблюда (это уже девятый) и наваливают на него груз без стеснения.

Лагерь устроили в цирке холмов. Палатки в ряд. Верблюды жалобно кричат, когда их ставят на колени, чтобы развьючить. Из вещей караванщики делают подобие шалашей, накрывая их кошмами.

Приехали наши бойцы и, конечно, с пустыми руками — ушел! К вечеру распределили дежурства: один из нас и один красноармеец по два часа. Настроение тревожное. Кроме винтовок, у нас есть одна граната, которая и передается каждой смене. Я уже начал засыпать, когда пошел дождь. Досталось дежурным порядком. Спал чутко, будить на дежурство не пришлось. Натянул гольфы, полушубок, винтовку наперерез. Кругом тьма. Верблюды легли тесной массой и свистят, как змеи. Храпят усталые лошади и люди. Контур холмов неясны. Смотреть сверху нет смысла. Лучше видно снизу, на фоне неба. Долго тянулись два часа. Все время

напряженно вслушиваешься, вглядываешься. Что-то высовывается на ровной черте холма. Приглядываюсь, кажется движется. Долго наблюдаю — оказывается камень. Смочило дождиком. Приятно будить следующего на смену.

24 июня. Утро облачное. С пяти часов варят суп. К семи часам управляемся с ним, быстрые сборы, вьючка — и в путь!

Сегодня еду на молодом верблюде. Печет солнце. Широкая сухая долина. Направо в дымке сероватой гаммой в скалистых вершинках — Алайский хребет. Налево белыми призраками стоят громады Заалайского. Прямо перед нами — массив пика Ленина. Размашисто и мерно покачивается верблюд. Нападает дрема. Мертвая тишина иногда нарушается резким жалобным криком верблюда. Солнце клонится к западу. Очень надоело качаться. За бродом кормежка лошадей. Сполз с верблюда — на ногах стоять трудно, словно чужие стали. Дальше с удовольствием пошел пешком.

Опять встреча с подозрительным всадником у кишлака. Долгие поиски пастбища и воды. Лагерь разбили за широким каньоном охристой речки на чудесной зеленой поляне. Меркнет нежно-розовый пик Ленина. Лишь одно облако долго лежит на его фирнах, но вот и оно расплылось.

Сегодня дежурю третьим — с двух до четырех часов утра. Тепло. Чудесная ночь. Хожу и как привороженный смотрю на небо. Кончилось тем, что потерял наган. На рассвете нашел его с помощью Даниила Ивановича.

25 июня. Сегодня у меня новый вид транспорта — еду на вьючной лошади без седла и стремян. Уздечка импровизированная. В довершение из-за стертой холки сажу на крупе. Ничего, даже удобно.

Дудин с двумя красноармейцами поехал в Дараут-курган договариваться насчет верблюдов и прочего, сказав, что к вечеру догонит нас на повороте к Терс-агару или в колхозе, куда ориентировочно мы

должны прибыть к этому времени.

К 4.30 доехали лишь до мазара и остановились. Лошади и верблюды устали. Кругом трава, чистый ручей — для ночлега лучшего места желать нельзя. За Дудиным решили послать одного из караванщиков; но они категорически отказались. Рассудив, что Дудин сам догадается и найдет нас, успокоились.

Подзаправившись недоваренным супом, распределили дежурства. Расчет на возвращение Дудина с приближением вечера сильно уменьшился. Приходилось располагать лишь наличным составом. Решили: я один с вечера буду дежурить полтора часа, затем по парам по два с половиной часа.

Я вышел на горку — кругозор хороший. Сегодня нужно быть особо внимательным и осторожным ввиду теплившейся надежды на появление Дудина. Резко стемнело. Ползет туча. Блеснуло: гром, еще и еще. Ветер рвет по долине, едва устоишь. Ослепительно полыхнула молния, затем черный мрак и раскат. Пошел дождь. Почти ощупью спускаюсь к палаткам. Сажусь на корточки около нашей палатки. Снизу еще еле-еле видны ближние предметы: вещи, два-три силуэта лошадей. Стараюсь успеть всмотреться во время вспышек молний. А дождь все льет и льет. Со шляпы побежало за шиворот. Ноги до колен насквозь промокли. Хорошо хоть полушубок защищает. Понемногу светлеет. Дождь кончился как раз к половине двенадцатого. Повезло Даниилу Ивановичу! С наслаждением скидываю мокрую одежду и лезу в мешок.

26 июня. В восемь часов уже вышли, предварительно осмотрев мазар. Он интересной архитектуры, глинобитный, с волосом и сухой травой. Внутри могила. Масса молитвенников, каких-то восточных письмен. На стене иероглифические рисунки — очень хороши. Видимо, до нашего прихода здесь молились; пахло чем-то вроде ладана. Остались и свежие тряпочки па многочисленных рогах кийков и архаров.

Фотографировали со всех сторон.

Высота 2700. Спустились почти на километр от Бордобы. Караванщик, показавшийся сзади верхом на верблюде, крикнул, что надо сворачивать. Внизу я с радостью отдал свою клячу Позыр-хану.

Начался легкий подъем по долине реки. Встречный охотник сказал, что видел наших на расстоянии одного камня (около пяти километров). Однако самого Дудина встретили почти сразу: он выехал к нам навстречу. Слегка ругнул нас (самый пыл прошел). Ругали они нас ночью во время грозы, промочившей их до нитки и при неудавшихся попытках перейти через взбухнувшую речку. Пошли к месту их ночлега, захватив предварительно съестного: они со вчерашнего дня не ели. Речка действительно бурная, хотя сейчас уже небольшая. Переехали вдвоем на лошади.

Под языком ледника Федченко был разбит лагерь.

Рисунок сделан Е. Абалаковым из лагеря «2900»

Опять брод. На этот раз моя лошаденка чуть не свалилась в воде; я едва успел выпрыгнуть на берег. В хорошем темпе вполне успеваю за

лошадьми и так разогнался, что чуть не пробежал свой лагерь.

Караван стал довольно рано, расположившись в стороне от дороги среди холмов. Кругом открываются хорошие вершинки. Пришла блестящая идея: а почему бы не сходить вон на ту, снегом запорошенную вершинку? Завтра все равно в Алтын-мазар. Решено! Докладываем Михаилу Васильевичу — ему не совсем «по шерсти», но мы уговорили, обещав завтра к четырем часам пройти в Алтын-мазар. Быстрые сборы. На ходу пообедали. Двинулись размеренным шагом.

Высота лагеря 3100. Прикинули — вершинка более 4500 метров не должна быть. До вечера еще часа два.

«Травянистый ледник» буграми уходит вверх. Вдали на горе появились, три всадника. Подозрительно. Но тут же за ними показалась собака. Видимо, охотники. Да и все равно не нагнать — высоко.

По главной гряде поднялись почти до морен. Начало вечереть. Высота 3900 метров. Нашли огромный камень и под ним с двух сторон залегли. Погодка — снег, прохладно. Надели белоснежные телогрейки и по телу приятно разлилось тепло. Я забился под камень. В трусах влез в мешок и занялся шоколадом — неплохо! Снег не заставил себя ждать, пришлось с головой влезть в мешок. Под камнем тает, и вода каплями скатывается как раз на голову. Неприятно, но все же под монотонные звуки скоро заснул.

27 июня. Высунул голову — кругом бело, нас присыпало. Встали, конечно, без задержки. Закусить решили выше. У первого ручейка, покрывшегося за ночь толстой коркой льда, подкрепились шоколадом, сахаром и галетами. По моренам двинулись дальше. Немного выше 4000 метров вступили на снег. Сюда спадает небольшой ледник с левого склона (орографически), образующий ледопад, а левее довольно ровный фирновый взъём на седловину.

Траверсируя левый склон в нижней части, подошли к нему, обойдя

с левой стороны, и начали подъем в лоб. Снег местами проваливается и затрудняет передвижение, но в общем хорош. Я иду первым, сильно врубая ботинки. Делаю траверс вправо, затем опять в лоб, обхожу небольшие каменистые выходы. Взъем становится положе. Вот и седловина. Ах, черт! Да, вправо она ниже. Кричу ребятам: траверсируй на другую сторону.

Исключительная панорама: богатые оснежением стены, с массами сбросов; образуют большой ледник, уходящий на юго-восток. На востоке высится вершина со скалистым гребнем высотой примерно 5700-5800 метров. На запад — намеченная нами вершина, образующая две главы. До нее нужно пройти несколько вершинок на гребне седловины.

Разгорелась дискуссия: кто за вершину, кто против... Очевидно, что к четырем часам в Алтын-мазар не успеть. Я стоял за вершину. Даниил Иванович воздерживался. Но в конце концов стало ясно: без ночевки с вершиной не справиться. Пришлось апеллировать к остаткам благоразумия и начать спуск. Написал записку, и маленький тур остался стоять на маленьком пике. Пошли.

Как только стало круче, мы сели на лед и «взяли курс». Ледоруб сзади регулирует ход, ноги впереди, если нужно бороздят. Получается целый снежный каскад, который окончательно забивает очки. Ничего не видно. Попали ё полосу тумана. Я слегка торможу, потому что обогнал ребят порядочно. Выскочил из тумана. Спуск положе. Ход замедлился. Стоп! Смотрю: высота 4500. Здорово — 500 метров в пять минут!

Пошел пешим ходом, с подбежкой, а там опять испытанным способом. На пологом спуске несет плохо. Пришлось применить новый метод: поднять ноги и сильно отклониться назад. На пологом месте ход развивается приличный. Далеко обогнал ребят. По морене идем, только камни сыплются.

Внизу показывается большой караван — лошадей семнадцать. Чей

бы это мог быть? Не Бойкова ли?* Решили идти, не заходя на старое пепелище, влево по верхней тропе. Вершины заволкло. Сыплет мелкий дождичек — приятно освежает. С холмов вышли на равнину.

Родник вытекает прямо под дорогой и ниже образует озерко, чистое, как слеза. Я моментально раздеваюсь и стою в задумчивости на камне. Выглянуло солнце. Я рысью побежал в воду и поплыл. Как ошпарило! Рысью на берег, и пляска в хорошем темпе. А ребят после такого эксперимента купаться не потянуло. Мне же понравилось и я еще раз «освежился». Быстро накинул трусы, рубаху, рюкзак и, не дожидаясь остальных, понесся в гору и вполне согрелся.

Долина стала положе. Речка бежит в изумрудных берегах, иногда образуя плесе. До перевала подъем почти незаметен. Сам перевал крайне оригинален. С правого склона бурно сбегает поток и, немного не доходя долины, делится на две части — одна бежит на север, другая на юг. Терсагар бежит к Алтын-мазару.

Долина сходит на нет. Перед нами огромная белая стена с массой сбросов. Вершину окутали облака, понемногу рассеивающиеся. И вдруг высоко вверху выплыла вершина. Масштабы потрясающие. За ней другая, третья. Это уже на той стороне Мук-су. Все это основные вершины, образующие хребет Академии наук. Высшая, правая — Мусджилга, левее, трапецевидная, с острым гребнем — Сандал и затем Шильбе. Но удачно сфотографировать не пришлось. Все снова закрыло облако.

Крутая часть спуска началась неожиданно, сразу по выходе из долины. Змейкой вьется дорожка с высоты 3300 до высоты Алтын-мазара — 2700. Итого на 600 метров.

В Алтын-мазаре теплая встреча. Здесь оказался Аркадий Георгиевич Харлампиев со своим неизменным поваром Усумбаем. Дудин был уже и тому рад, что мы сегодня пришли. Усумбай. угостил обедом, и

* Бойков – начальник строительства метеорологической станции.

не плохим. Вечером и кибитке занялись проявлением фотоснимков — получилось удачно.

Приятная особенность Алтын-мазара: здесь много зелени, деревьев, цветов. Это оазис среди громадных скалистых обрывов, ограничивающих ровную, как стол, широкую долину, перерезанную сеткой бурных речек.

28 июня. Сегодня день бродов. Собрались довольно быстро, и кавалькада двинулась. Первый и самый серьезный брод через Саук-сай, вырывающийся из крайнего левого ущелья, бурлящий желтыми бурунами. До брода переходили бесконечное количество старых русел.

Аркадий Георгиевич Харлампиев — коновод. Гуськом пересекаем Саук-сай вверх по течению. Я еду последним. У берега самое глубокое место, а сзади уже буруны. Но конишко упорно идет к берегу, ноги его уже еле держат. Все старания направить вверх ни к чему не приводят. Я озлился, взмахнул плеткой, но она зацепилась за лук и сломалась. Тогда я поддал ногами, направил коня и удачно «вынесся на берег пенистый». Товарищи поздравили меня с успехом.

Вторая светлая река Коинда далась совсем легко.

На третьей, Сельдаре, всадники переправились через все рукава удачно, но одна вьючная лошадь с неопытным караванщиком взяла ниже, попала в глубокое место и перевернулась. Мы уже отъехали далеко, когда поднялась паника.

Караванщики сбросили одежду — и в воду. Попытки поднять лошадь с грузом ни к чему не привели, и лишь, когда обрезали веревки, удалось вытянуть уже не раз перевернувшуюся лошадь. Подмокли манная крупа и ячмень.

Громадные скалистые стены высятся с обеих сторон долины. Высоко нужно задирать голову, чтобы глянуть на небо. Впереди вылезает черный язык ледника Федченко.

Через час мы у места бивуака. Несколько березок и зеленый склон

приятно оттеняют суровую панораму. Горячо палит солнце, рядом ледяная речка с ледника Малый Танымас (температура 1,5 градуса тепла). На больших камнях поставили палатки. Много суматохи с вещами. Разборка и пересмотр всего снаряжения и продуктов.

После обеда погода несколько испортилась. Подул холодный ветер. Чуток брызнул дождь. Полушубки опять оказались не лишними. Пробудем здесь, видимо, дня три. Необходимо передохнуть, поохотиться на кийков и продумать организацию дальнейшего пути.

29 июня. Хорошая прохладная ночь, чудесное утро. Вершины сияют белым блеском.

Сегодня уезжает в Алтын-мазар наш караванщик узбек Елдаш. Готовим срочно письма. Три красноармейца уехали еще вчера; здесь нечем кормить лошадей. Решили сегодня же выйти па Балянд-киик на охоту. Уже собрались, как показался всадник, за ним долгожданный караван с необходимыми продуктами. Это изменило наши планы. Вечером решено идти охотиться на Малый Танымас. Пока занялся печатанием фотоснимков на дневной бумаге, получается хорошо.

Вышли в семь часов. Я и еще несколько человек поднялись сразу вверх по скалам. Остальные пошли берегом по камням. Впереди отвес. Пришлось взять еще и еще выше.

Широкая долина между двумя языками. Подошли к нашим. Они в трагическом положении: припертые к стене потоком, уныло бросают камни, пытаюсь сделать переправу через рукав. Безднадежно. Пришлось всем бродить в ботинках.

Опять стена. Обход через верх. Вышли на язык, эффектно вклинившийся в ущелье. Ждем отставших и обсуждаем, где ночевать. Решили на противоположном правом берегу. Приятно залечь в мягкий мешок. Утром решено встать со светом, подняться по первой лощине и взять ее в кольцо.

30 июня. Уже стало светать, когда Аркадий Георгиевич разбудил незадачливых охотников. Холод подгонял. Быстро оделись и сразу же вышли. Киргизенок, сын одного из караванщиков, как всегда, впереди, за ним я. Вошли в ущелье и по ущелью вверх.

Вдруг киргизенок затаился и нам машет. Залегли и мы. Но я лично ничего увидеть не смог. (Вот зоркий чертенок!). И только спустя порядочное время над скалами увидел козла. Рога его, как ниточки,— далеко! Крадучись, долезли выше — козел скрылся и больше его уже не видели. Наконец киргиз сел и заявил: «Киик теперь далеко ушел». И сам дальше не пошел.

Кругом вершины изумительные. Мощный пик Коминтерна — 6600 метров. Правее, за острой, как бы гофрированной, вершиной Сандала виднеется пик Мусджилги и правее, еще более мирный, но тоже мощный Шильбе. Ниже они обрываются очень крутыми голыми скалами, изрезанными узкими кулуарами. Кулуары заполнены изорванными ледниками; а в нижней части черными ледниковыми моренами. Танымас тоже, насколько видно, покрыт целиком моренами.

Я решил лезть выше — по крутым травянистым склонам, изрезанным скалами и осыпями. «Вот до выступа долезу, посмотрю — и обратно». Долез. Дальше опять уходит склон вверх и венчается скалистым пиком. Ну конечно, как же на него не влезть, к тому же и кийков, наверное, с него увидеть можно. Долго пришлось «поцарапаться» до него. Вот уже снежки начались. У скал перелез один снежник. Скалы обошел справа и вылез на гребень. Надо спускаться. На снежнике применил старый способ. Съехал удачно, хотя внизу оказался лед, выходящий прямо на камни. Дальше вперепрыжку быстро пошел вниз.

На скалистом спуске из-под ног выскочил камень, и я съехал как-то неудобно, боком. Немного поцарапался, но задержался. Дальше без особых приключений спустился до места нашего ночлега.

Наши ушли! Оставлен. Ну что же делать? Галеты и лепешку сунул в рюкзак (хочется лишь пить). Туда же в мешок и страшно надоевший свитер и штурмовку. Пошел правым склоном. Следы ребят: видно, пошли тем же путем. Начались осыпи. Впереди песчаный склон с деревцами арчи, похожими на тую.

Увлечшись хорошей дорожкой, взял ниже и попал в узкие сыпучие и крутые кулуары. Пришлось опять лезть вверх, песок сдает — тяжело. Дальше, осторожно, по осыпи. Спустился до речки — отлегло. Прошел долинку под правым обрывом и около ледника с наслаждением напился чистой ледяной воды. Опять подъем по леднику, засыпанному мореной. С холма вышел на караванную дорожку. Напротив палатки. Аркадий Георгиевич издали приветствует меня.

1 июля. Опять сборы на охоту, и удержаться я, конечно, не смог. На Балянд-киик вышли довольно рано. Первая забава переходить реку Малый Танымас. «Старички» пошли ниже. Я же переправился против лагеря. Бой отчаянный, холод сводит ноги. Вылез мокрый выше пояса. Вот старое русло Сельдары. С прошлого года эта река отступала к долине Балянд-кйик и сейчас огромным ключом бьет из самого правого угла ледника, клубясь дальше огромными бурунами.

До лагеря на Балянд-киик прошли больше двух часов.

Иван Георгиевич сразу же значительно отстал. Аркадий Георгиевич тоже не спешит. На скалах, почистив винтовки, решили сделать засаду и ночлег. Иван Георгиевич подошел значительно позже, предварительно аукнув (это в засаде-то!).

Настигнув нас, заявил: «Ну, знаете, очень высоко залезли, тут и кийков не бывает!» А залезли не более чем на 200 метров. Засада неплохая. Но тут и Аркадий Георгиевич заявляет, что Абдурахман еще давно сказал ему, что кийков здесь не бывает. Оба они решили идти в лагерь (вот так номер!). Мы, конечно, остаемся. Повыше на склоне заночевали. Чудесная

ночь. Луна мягко освещает склон. Прислушиваюсь к шорохам: видимо, повлияли рассказы про барсов.

2 июля. Когда встали, утро было уже не раннее. Кийков, конечно, нет. Начали подниматься с расчетом

осмотреть склон, направленный к Казыл-кургану. Подъем небольшими скалами и травянистыми склонами нетруден. Дошли до самых обрывов. И здесь ни одного кийка! Долина Кызыл-курган с левой стороны увенчана белыми конусами хорошей формы. Я начал подъем выше. Поднялся опять до снежка — и тут никого! Зато панорама на самые верхние скалистые вершинки исключительная. Спустился быстро.

С аппетитом поели, запивая кристальной водой. Взглянули вниз — там движется вторая группа и почему-то только двое. Где Даниил Иванович? Нагоняем уже полную тройку в кустах. Выяснилось: попытка перебраться через Кызыл-куро не удалась. Говорят — глубоко очень. И засели «орлы» в скалах, под нами же (а мы-то пеклись об их участии!). Начался дождик. Торопимся «до дому».

Перейдя «мост», решил срезать путь прямо через ледник. За мной и остальные пошли. Поломали ноги крепко, но дошли быстрее — часа за полтора.

Приехали караванщики. Сборы. Завтра отправляемся в дальнейший путь. Еще новость: один из старателей утонул в Саук-сае. Вот тебе и малая вода!

Последняя ночь под шум Малого Танымаса.

3 июля. Втроем отправляемся в девять часов маркировать дорогу. За нами выйдут красноармейцы. Они должны привести дорогу в порядок, и затем уже пойдет караван. Вначале бойковская дорога — как шоссе и прилично маркирована. Дальше пошло хуже. С передвижкой ледника целые куски дороги пропали совсем или были едва заметны. Приходилось подолгу искать новые пути и ставить бесконечное количество туров. На

первый лед вышли в четвертом часу. Итого шесть часов на проклятой морене!

Здесь нас подозрительно быстро догнали красноармейцы, вышедшие на час позже. На наши вопросы о дороге заявили, что она готова для каравана. Дальше пошли быстро, с одного ледяного камня на другой (как на Безингийском). За два часа проделали добрый конец.

Опять морена. Пересекаем наискось, прямо на выступ, заканчивающий правый берег Бивачного. Открылись пик Орджоникидзе и нижняя часть пика Коммунизма. Масштабы колоссальные. На морене пометок не делали — ровная. Вторая, рядом, пошла ехиднее, но проходима.

Впереди вздымается высокая гряда морен. Проход нашли быстро и удачно. Опять полоска грязного льда. Идем вверх и отсюда начинаются основные поиски. Врезались в трещины. Даниил Иванович ушел дальше, кричит: «Путь есть». Пришлось рубить и строить всерьез. К самому вечеру добрались до «чертова гроба». Действительно, дыра чертова.

Сидеть и отдыхать некогда. Иду обратно навстречу каравану. Ребята залезли на ближние морены и подняли крик. Дальше я услышал три выстрела. (Это, видимо, вернулись ушедшие вперед посмотреть кийков). Вышел на первый ледок и встретил Аркадия Георгиевича с Абдурахманом. Оказалось, что караван не смог пройти по нашему пути. Вызвали завхоза Дудина. Он ушел навстречу каравану в четыре часа. Из всего этого можно было заключить, что караван сегодня не дойдет.

По моему настоянию Аркадий Георгиевич пошел со мною навстречу каравану. Уже темнеет. Морена, лед, опять морена, опять лед. Идем вниз, кричим и непрерывно стреляем. Все зря, никакого ответа. Они или совсем не вышли, или прошли очень мало.

Идем обратно уже явно механически — зверски хотим есть (целый день ничего не ели). При чуть просвечивающей сквозь тучи луне

отыскиваю путь и довольно удачно. К «гробу» сгустились — Аркадий Георгиевич прямо повалился: «Дальше не пойду». Я слышал ответные крики с верха ледника, видимо, ребята залезли туда. Пошел по морене почти ощупью, а больше на четвереньках... Вырастает фигура, ближе, оказался Абдурахман.

Сразу же за выступом морены открылся пик Орджоникидзе

— Где ребята?

— Там, Бойков, дрова, чай, — и показывает на пальцах три.

Обратно Абдурахман идет впереди по едва заметной тропе, за ним я и Аркадий Георгиевич.

Ура, внизу огонь. В лагере Бойкова нас встречают мрачные фигуры. На мои приветствия отвечают туманно. Потом выяснилось: киргизы.

Снизу раздаются знакомые голоса. Лежит «банда» кучей,

прикрытая одним полушубком. Кому рукав, кому пола. Я подклинил и получил кусочек полы.

4 июля. Встали, когда солнце обдало теплыми лучами.

Залезли на склон, а я на самый гребень и там разлежся. Временами привставал и вглядывался в грандиозные дороги ледника, но все выделяющиеся точки оставались неподвижны: караван не появлялся. Жаль, пик Коммунизма отсюда рассмотреть не удалось — закрывал ближний гребешок. Зато пик Калинина (6300) весь открыт. К двум часам спустился вниз.

Решили возвращаться к языку Федченко. Аркадий Георгиевич с красноармейцами пошли верхней тропой, договорившись на случай встречи с караваном выстрелить два раза. Дошли до второго льда и... ура! караван. Вот и Михаил Васильевич показался на своем верном коне, а за ним другие... Мы несколько холодно поздоровались, потребовав объяснения столь крупного опоздания. Но те в свою очередь навалились на нас, заявив, что дорога проложена черт знает как, что все лошади перекалечены и хорошо, что они вообще дошли. Доводы, судя по их виду, достаточно основательны, возражать не приходится. Вспомнился быстрый пробег красноармейцами самого тяжелого участка. Очевидно они сделали там слишком мало!

Перекусили наскоро лепешками с сахарным сиропом. (Одна лошадь с грузом сахара и конфет купалась в ледниковом озере). Дали залп и рысью пошли подправлять оставшийся уже прилично разработанный участок дороги. Перед носом лошадей забрасывали большие дыры, скапывали склоны. Прошли удачно; лишь в одном месте лошадь дала кульбит через голову, завязла ногой в камнях и оставалась в этом положении до тех пор, пока мы не обрезали веревки с грузом. Удивительно, как ноги целы остались.

Мы в лагере. Первое дело — есть, есть! Консервы всех видов и

рисовая каша с мясом в заключение. Как только наелись досыта — половину усталости как рукой сняло! Тут же решили идти на охоту.

Часов в пять вышли с рюкзаками. Идем по прошлогодней тропе. Вот поворот к Бивачному. Открывается пик Коммунизма во всей мощи. Самая трудная часть — обход над ледниковым озером: тропа почти целиком съехала. Дальше хорошая дорога по береговым моренам.

Условились: Михаил Васильевич садится в засаду на гребешке с обзором левой долины и небольшого ледничка, а мы значительно далее, в моренных столбах. Разошлись.

Уже стало темнеть, когда мы подошли к нашим местам. Я начал подъем к первым столбам, условившись насчет мест и сигнализации. Увы, от первых столбов засады не видно, да, к тому же самый столб принял форму гриба и ночевать под шляпкой что-то не хочется. Полез к следующей колоннаде. Ни одного сколько-нибудь подходящего места! Лишь на третьей колоннаде нашел гребешок, ножеобразный, меж двумя столбами. Потрудился здорово, пока гребень превратился в узенький мостик, на который удалось положить спальный мешок.

Луна ярко освещает противоположные вершины. Вылез на вышестоящие столбы и увидел всю панораму. Изумительная картина! Правда, в мягком свете луны пик Коммунизма терял свою грандиозность, перспектива пропадала.

Укладываюсь с величайшей осторожностью. От всякого движения каскады камней с грохотом сыплются вниз. Винтовку девать некуда. Кладу с собой в спальный мешок, сплю чутко. Тепло.

5 июля. На рассвете несколько раз просыпаюсь. Сонным глазом обвожу склоны — никого. И вновь засыпаю. Солнце уже здорово пригрело. Спросонок слышу — рядом камни валяются, а затем голос: «Женя! Выше стадо. Идем!» Балансируя, оделся.

Подходим с двух сторон. Еще до бугорка заметил мирно

пасущегося козла. Пригнувшись, крадусь. Не замечает. Шагах в двухстах лег, взял па прицел, но решил, что нужно ближе подползти. Совсем почти на бугор выполз, но лишь успел залечь — выстрел, за ним второй. Встрепенулся козел — и наутек влево в ложбинку. А из зеленой ямки рядом со мной — целое стадо, штук шесть! Еще выстрел, стадо врассыпную. Один кийк — прямо вниз, совсем мимо меня. Щелкнул затвором — не выходит патрон! Еще и еще — все без толку, выдернул шомпол и тогда лишь выбил. Кийк тем временем скрылся.

Вдогонку стаду, пересекающему осыпь, веду беглый огонь. Пули ложатся рядом, лишь кийки не ложатся. Вижу в скалах поднялась подозрительная пыль, затем выбежал козел и резко подался вниз. Огонь по нему, но далеко уже. Все скрылись. Охотнички возвращаются домой. Вносится предложение — пойти посмотреть места, где паслись кийки. Смотрим — кровь. Значит ранили. Дальше по кровавым следам. Неожиданно впереди в ущелье облаком поднялась пыль. Что есть духу кинулись по осыпи. На ходу загоняю патрон прямо в ствол. С края увидели: козел скатился с обрыва и лежит на дне. С винтовками наготове спустились, но в них уже нет нужды — мертв. Рана в живот и все кишки смотаны на рога.

Освободили рога и поволокли козла вниз по ущелью. Иногда он легко катился сам, стучаясь о камни. На остатках лавины в узком ущельи мы его оставили. Место пометили туром. Поздравили себя с удачей, распределив каждому по полкозла.

За полтора часа дошли до «Гроба». Михаила Васильевича нет. Ну, видимо, решил не отступать. Наши рассказы об охоте привели Абдурахмана в страшный восторг.

Уже около четырех, а Миши нет. Беспokoимся. Не свалился ли со скал, а может быть, барс задрал? Масса предположений о конце жизни славного завхоза. Мы опять идем на поиски, отказавшись от помощи

красноармейцев.

На пути вдруг вынырнул маленький человек.

— Миша! а мы уже твой труп искать пошли.

— Ну, я живучий!

Оказалось, что мы разошлись. Оп, Заслышав нашу пальбу, пошел навстречу, а мы тем временем, видимо, оперировали с козлом в ущелье. Нас он искал с полдня, а затем, не спеша, пошел дорогой, расставляя туры.

Договорились: он сходит в лагерь, вернется, а мы тем временем вскроем козлу брюхо (я взял Мишину финку), и у ручья сойдемся, а затем пойдем в засаду к перевальчику.

Оставив рюкзаки и винтовки у ручья, налегке пошли по осыпям к лавинным сбросам. Немного не дойдя до ущелья опешили, глаза протираем: по сбросам на переломленных ногах ковыляет козел: то свалится, то вспрыгнет, перевернется, опять свалится. Воскрес из мертвых. Без кишек бегаёт. Что делать? Ножом бить — рука не поднимается. Камнем тоже. Глаза огромные, печальные и умные. Решили моим ремнем ноги связать. Козел свалился и не встает. Побежали за винтовкой вниз, а я полез вверх, чтобы окончательно убедиться тот или не тот киик. На полпути обнаружил — нет ножа (выронил, когда снимал ремень).

Вот тур. Приподнимаюсь над обрывчиком и вижу рог. Здесь! Поддавшись волнению, рванулся вперед и... опрокинул на себя огромный камень. Он свалился на кисть. Боль зверская. Пробую согнуть — гнется и пальцы тоже: кость, видимо, целы. Опираясь ободранными локтями, все же влез и убедился — козел не воскрес. Значит это был второй. Здорово! С трудом спустился. Рука опухла, как подушка. Глухая боль.

Второй козел еще больше первого и, видимо, это он первым запыллил в скалах. Через час с небольшим рассказываем в лагере необычайную историю. Ну теперь мясо есть, пятая часть нормы нами выполнена.

Ложимся, выбирая место с меньшими шансами на камнепад. Луна залила все мягким светом.

6 июля. Утром киргизенок, Абдурахман, я и два красноармейца двинулись вперед. Мы — спустить и выпотрошить козлов, а красноармейцы привести в порядок Перевал пяти.

Абдурахман, как заправский хирург перед операцией, по дороге вымыл тщательно руки и, пока мы лазали за верхним козлом, разделал нижнего, а затем и за спущенного принялся. Ловко работает! Затем — за рога и волоком донизу, с передышками. Козлы тяжелые, пудов по пять каждый. Прикрыли их камнями и курткой Абдурахмана.

Подходим к перевалу и видим: красноармейцы разрабатывают совсем не тот путь. Пришлось начинать сначала.

Наконец показался и караван, замеченный, конечно, Абдурахманом, которого и послали сказать насчет козлов. Началась перевальная эпопея. Первые лошади взошли еще ничего, а затем пошло! Одна перевернулась, за ней другая, сшибли третью и четвертую. Вьюки рассыпались. Пришлось самим взяться за переноску. Однако все осталось цело, лишь банку с рыбой помяли, ее же и съели с аппетитом, пожалев, что пострадала только одна. Позже я серьезно волновался за судьбу высотомера, спрятанного в суме.

Дальше хорошая дорога на грани морен и осыпи. Погода изумительная. Второй день ни облачка на темном небе. Ослепительно блестят пики Калинина, Орджоникидзе и в центре — массив пика Коммунизма.

В одном месте врезались. Гривка, на ней большой тур. Михаил Васильевич говорит, что в прошлом году дорога шла низом. Но Аркадий Георгиевич уверяет, что верхом. Пошли верхом, тем более, что ребята сверху не сигнализировали, и попали в такие развалы — ужас, все кончилось обрывом. Даниил Иванович кричит: «Низом нужно». Ну где ж тут

возвращаться!

Пришлось наскоро делать дорогу и с большим риском проводить лошадей. Одна все же сорвалась и чудом как-то сбежала на собственных ногах. Часа через два по хорошей дороге добрались до Подгорного лагеря.

Начался пир. Козел, жаль один (второго лошадь не подняла), пошел в ход. Высотомер оказался цел. Спим без палаток. Тепло. Высота около 4000 метров.

7 июля. День совещаний. Остро стоит вопрос о носильщиках, которые так и не появляются. Любителей еще раз ехать за ними не нашлось. Если не подойдут, придется из местных сил набирать.

Мы с Аркадием Георгиевичем остановились на таком плане: идем с красноармейцами и Усумбаем до Ледникового лагеря «4600», ищем дорогу для каравана. Затем отправляем «носильщиков» обратно, а сами лезем на плечо пика 5600, ставим палатку и по возможности пытаемся взять гребень и установить лагерь на 6200 метрах.

Взяли питания на шесть дней, три палатки. Вес получился солидный.

8 июля. В девять часов выходим солидно нагруженные. Красноармейцы с рюкзаками из простых мешков, а Усумбай — верх кустарщины — даже фляжку с керосином в руках несет.

Застряли в сераках и вскоре действительно полезли. Для лошадей пути здесь нет. Пройдя дальше, обнаружили: есть обход по левой (орографически) морене.

Отсюда разделились: Даниил Иванович с красноармейцем Шибшовым пошли правой мореной, Аркадий Георгиевич с остальными — средней, я — левой, наиболее бугристой. Условились сойтись на углу пика Орджоникидзе. Мне много идти не пришлось, чтобы убедиться, что каравану здесь не бывать. Частые морены покрывали тонким слоем крутые ледяные склоны, на которых и с ледорубом корячишься, а из-под ног все

плышет. Рядом трещины, обходов нет, а там сплошные бугры. По бокам путь замыкают стены и иглы белоснежных, чудесной формы сераков, с протекающими в промежутках потоками. Вылез на возвышение, впереди впадина, подъем, еще впадина и тогда лишь желанный угол. Иду на грани сераков у потока, нависают ледяные громады, готовые рухнуть. Руки без действия не остаются: лезть приходится на всех четырех конечностях. Впереди береговая морена и вот, наконец, вылез на склоны. Снял рюкзак и хоть бегом в гору беги — легко стало. Залез повыше, кричу — нет ответа. Лишь через полчаса показались Аркадий Георгиевич со «свитой».

У озерка начали варить кофе и суп. Даниил Иванович что-то запаздывает. Успели доотвала наесться и напиться, а их все нет. Пошли к ним навстречу. С высокого серака я заметил на той стороне фигуру. Кричим. Лишь после долгих усилий разобрали фразу: «Пойдем выше» я что-то еще. Но и этого достаточно, целы — выше перейдут.

Путь между льдом и склоном труден: скалы и крутые осыпи, страшно сыпучие, с одной стороны, и ледяная стена – с другой, а внизу озерами вода, достаточно холодная и глубокая, чтобы отбить всякое желание искупаться в ней. Едва удерживаясь на ледорубе, траверсируем осыпи. Красноармейцу Рынкову и Усумбаю пришлось лезть черт знает куда к скалам, чтобы обойти проклятые местечки. Отстали здорово. Я ожидал их с веревкой: на тот печальный случай, если придется вылавливать их из озера. Легче пошло по моренам и лавинным сбросам.

Выше на склоне фигура, другая — это группа Даниила Ивановича. Подтянулся и я. Оказалось, здесь они совсем легко перешли ледник, а ниже из-за трещин у них не вышло. Идем верхом среди крупных обвалов. Даниил Иванович отстает. И вот конец. Большая выемка меж осыпью и льдом. Здесь лагерь.

Подошел Даниил Иванович, позже Аркадий Георгиевич и уже под вечер остальные, уходившись весьма крепко. Я не терял времени, занялся

рисунком. Вечер. Стоят две палатки. Одна с белой крышей, наша будущая кибитка, пока спим без нее. Раздевшись до трусов, быстро ныряю в теплый мешок. Высота 4400 метров — выше «Приюта одиннадцати», но высоты еще не чувствуем. Температура — плюс 1,5 градуса.

9 июля. Температура — на нуле. Ночь проспали, не мерзли. «Носильщики» покушали и отправились восвояси. Мы не спешим и лишь в одиннадцать часов выходим.

Спор, как пройти сераки ледника левого цирка. Взяли правее. Пролазали 50 минут, но вылезли удачно, почти прямо к подъему. Сераки красивейшие. С высоты 4500 метров начали подъем на пуп полувисячего ледника. Порядок: 15 минут ходу, 5 минут отдыха. За первый переход, идя сугубо медленным шагом, поднялись примерно на 100 метров. Тут же прикинули — если подниматься даже по 200 метров в час и то часов за пять дойдем.

Пошли трещинки, связались веревкой. Больная рука не дает мне с нужной силой втыкать ледоруб. На кошках легко поднимаемся по крутеньким склонам. По мосту прошли через крупную трещину. Выше таких уже не заметно. Проблема обходов на невидимый карниз решилась в пользу обхода ледяных сбросов справа (орографически), как предлагал Аркадий Георгиевич, а не между скал и льда. Есть еще один возможный путь — по скалам через левое седлышко, но не видя, я не мог точно сказать, выведет ли он на карниз.

Высота 5000 метров. Начались более свежие сбросы, но и эти, видимо, давние — весенние. А сверху грозно нависает грандиозный висячий ледник. Траверсируем сбросы. Подъем круче.

Высота 5200 (седловина Эльбруса). Поперечные трещины. Обходим правой стороной. Солнце скрывается за жандармом пика. По настоянию Аркадия Георгиевича, к которому присоединился и я, траверсируем влево. Исключительно удачно вышли на карниз. Мерзнут ноги. Подкрепляемся и

пьем, видимо, последнюю воду. Даниил Иванович идет первым. Левые склоны грозят камнепадом. Начались скалы. Долой кошки и веревку. Я и Даниил Иванович впереди. Высота дает себя знать: 5400 метров. Часто отдыхаем. Седловинка и полуосыпной скат.

Вылезаем на гребень. Высота 5600 метров. Немного правее находим меж карнизом и склоном осыпь, достаточно широкую и удобную. Принялись за площадку для лагеря. Аркадий Георгиевич пошел дальше к прошлогоднему лагерю — он оказался засыпан снегом. Работы порядочно. Две палатки прочно встали рядом на высоте Эльбруса.

10 июля. Сон часто перерывался: будили лавины. Одна, видимо, была громадной. Даниил Иванович говорит, что хотел выскочить из палатки. Во всяком случае наши палатки крепко обдало снежной пылью. Чуть сыплет снежок из застрявшей на пике тучи.

Сегодня решили сходить вверх по гривке к жандарму, обследовать его — и вниз. Хороший подъем по гривке и осыпи вдоль карниза. На первый маленький жандармик взобрались легко. Снежный гребень рядом со скальным — иди, где удобнее. Второй жандармик, пустячный. Лишь на третий ушло довольно много времени и то из-за расчистки на редкость сыпучей породы.

Впереди снежный гребень, прерывающийся еще несколькими жандармиками, а затем — жандарм, и на сей раз не пустяковый и по величине и по трудности.

Лавины грохочут очень часто. Особенно грандиозны две. Нас обдало снежной пылью. Однако до нашего пути они не докатились. Быстро сбежали назад. Спустили палатки, в них сложили оставшиеся продукты, кое-какое снаряжение, примус, высотомер. Все это привалили камнями и в пять часов начали спуск.

За 25 минут прошли скалы, надели кошки и, обвязавшись веревкой, двинулись по карнизу. Кошки держат хорошо. С карниза прошли

несколько ниже (я иду первым) и дальше — по старой дороге. Несколько спрямили путь сбросами, а затем удачно обошли трещину с правой стороны.

У сераков спустились на километр за 1 час 25 мин., (а вверх шли около девяти часов). В сераках резво разбежались, и каждый шел своей дорогой. «Залевили» здорово и вышли значительно выше. Пролазали до лагеря 35 минут, а в общей сложности, со всеми остановками — два с половиной часа.

11 июля. Сегодня день отдыха и дневника. Сидим преимущественно в трусах. Печет зверски. Изумительная панорама. Чудесная сияющая вершина близлежащего пика и искрящиеся грандиозные сбросы. Видны пять бастионов пика Коммунизма со свисающими меж ними громадными висячими ледниками. Стоят они, как крепкое основание трона вершины.

Выходим с расчетом просмотреть дорогу и заночевать на той стороне, чтобы утром подняться на гребень, обследовать его, а также заснять и зарисовать пик Коммунизма.

12 июля. Меня разбудил Даниил Иванович. Фото графы забеспокоились: пик, мягко залитый утренним солнцем, обнажен. Холодно. Страшно не хочется вставать. Даниил Иванович уже ушел. «Ну его к черту!» — отвечаю спросонья и влезаю с головой в мешок. Мысленно пытаюсь себя оправдать: «Фотографам еще щелкать можно, ну а рисовать в такой мороз удовольствие маленькое...» Но как-то стало не по себе. В одних трусах быстро выскочил из мешка; сразу прошибло ветерком. Схватил рубашку — она мокрая и покрылась инеем. Штаны тоже обледенели. Надел. Сверху натянул пуховку и штурмовку, обулся. Вот теперь ладно! До снежника долез — жарко стало. Довольно быстро по снежнику добрался до наклонных плит. Ярко ударило солнце, — теперь совсем жарко, а тут еще пришлось не в шутку карабкаться по

гладким плитам. Вылез на хребет выше ребят — увы, за время восхождения весь пик влез в облака. С выступа хорошо виден Бивачный со всеми завершающими вершинами.

Решили подняться на Довольно большой выступ. Ё облегченном состоянии быстро пошли по страшно сыпучей гривке. Скалистым препятствием встала ближняя вершинка. Траверсируем справа на заключительной оледенелой стенке. Вдруг с Даниила Ивановича соскочила и полетела вниз шляпа. Чуть замедлит и дальше, дальше, пока не скрылась в кулуарчике. Даниил Иванович переживал каждый прыжок своей единственной и любимой. Решили на обратном пути достать ее. Однако Даниил Иванович с горя дальше не пошел. Мы, пройдя снежник, уперлись в крупный жандарм-вершину. Помучились порядочно, облезая вправо по карнизу и дальше по лривке.

Вершина! Чудесно виден весь Бивачный. Смотрим по карте — слева, несколько отдельно, охристый острый пик ГПУ, за ним венчает большой цирк Дарваз, дальше цепь заканчивается значительной вершиной, чуть ниже первой. Ясно видна перемычка, отделяющая долину Бивачного от Ганди) (предположительно), правее две вершинки: 5400 и 5600 метров. Севернее опять впадина, образующая с северо-запада прекрасную, мягкой формы вершинку. Вершина перемычкой соединена с большим пиком, закрытым, к сожалению, от нас облаками. Эти две вершинки образуют еще цирк со спадающим большим ледником, ползущим вдоль нашей гривки. А над перемычкой вдали видна еще одна прекрасная и громадная вершина. Какая? Засел за рисунок.

Спустились с вершинки. Вторую обошли справа, сделав лихой траверс отвесной стены. Вышли недалеко от наших вещей. Свитера Даниила Ивановича не нашли, зато я обнаружил записку: «Шляпу нашел, буду ждать внизу». Значит все в порядке.

Спуск. Взяли вправо и врезались. Отсюда спадает на первый взгляд

безобидный снежник, с которого мы и собирались съехать. Но при ближайшем рассмотрении склон оказался почти ледяным, и камень, сброшенный нами, развил сразу же бешеную скорость. Чтобы нам так же съехать, нужно иметь по крайней мере прочность этого камня.

Пришлось лезть по невероятно сыпучим, чуть не съехавшим под нами плитам, а затем с ледорубной работой траверсировать снежник. Лишь спустившись не совсем приятными наклонными плитами, сошли на более глубокий снег и покатали сидя, подпрыгивая на кочках, к ждущему нас внизу Даниилу Ивановичу. Баночки сгущенного молока и языка приятно подкрепили и прибавили резвости на дальнейший спуск.

Кругом большие камни, надоедает лазать по ним. У конечного ледопада пришлось полазить всерьез по неприятным сыпучим скалам. На лед вылезли, лишь подрубив ступени, и после сотни обходов спустились вниз. Чудесный вид назад на пик Ворошилова. Гордо стоит он над ущельем, охраняемый громадными иглами белых сераков. Пересечь ледник большого труда не составило. По тропе кийков резво добежали до лагеря.

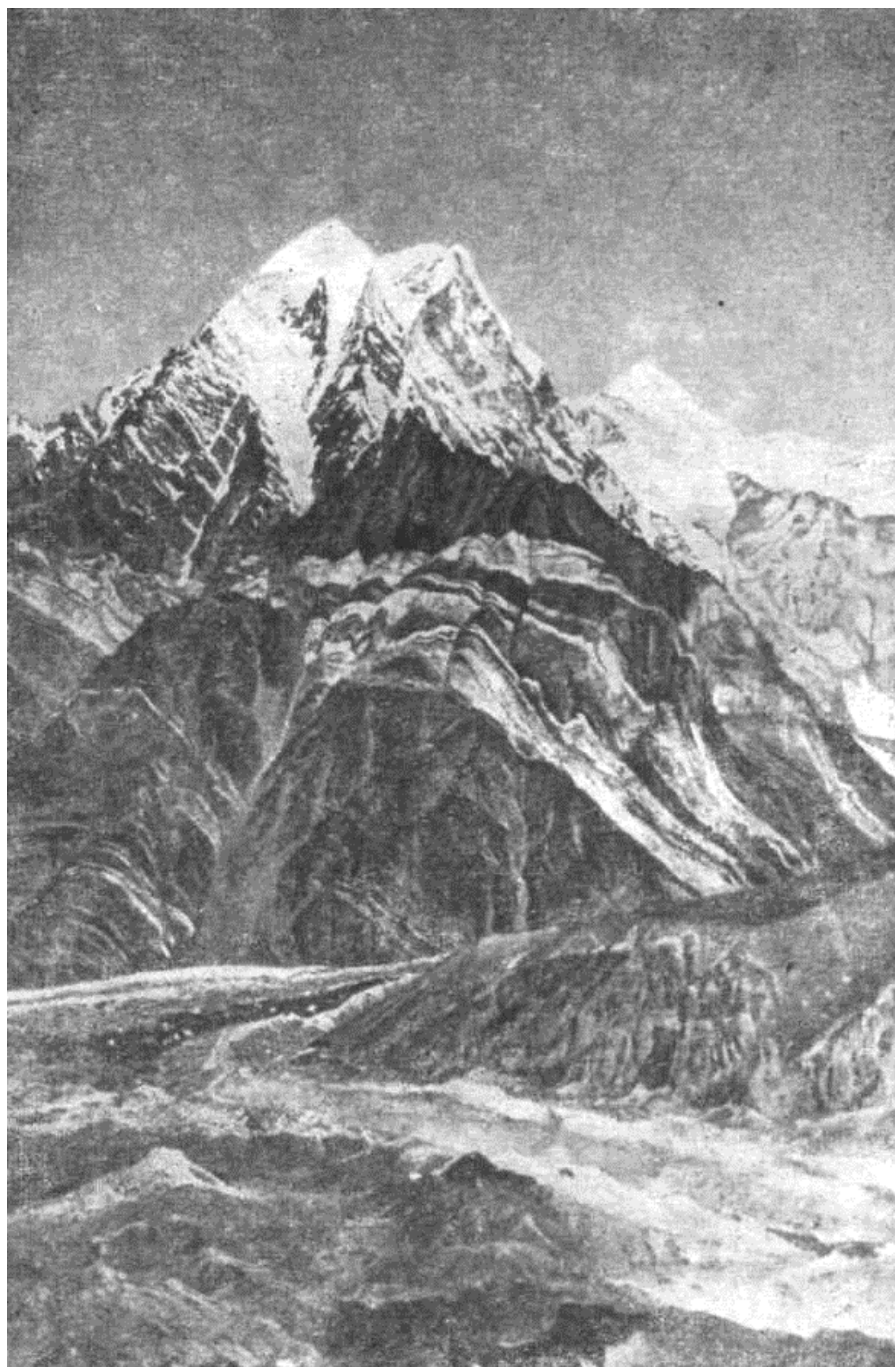
Начался пир горой — и консервы, и киик (вернее, остатки, так как в наше отсутствие уплели почти всего), и кофе, и какао, и каша рисовая с молоком.

Вечером Аркадий Георгиевич и Даниил Иванович перебрались на «дачу», где и были сейчас же залиты водой разбушевавшегося ручья. Даниил Иванович с лопатой в руках с воинственным видом, не успев даже облачиться в одежды, бросился вверх отводить злосчастный ручей. Работал он с жаром, до тех пор, пока опасность не миновала.

13 июля. Первая зарядка на высоте 4000 метров. Даниил Иванович с противоположной стороны озера снимает в двойной проекции наши неторопливые движения. В заключение небольшая пробежка и купанье. Так как это не стадион «Динамо», то даже от такой зарядки легким боль-

шая работа.

Аркадий Георгиевич приглашает к себе побеседовать. Устроившись поудобнее, приготовились слушать речь начальника. После небольшого вступления о наших успехах, он полностью перешел на роль начальника. Попало всем. Стало тоскливо. Вечером палатку поставили, а спали все же на воле.

Пик Революционного

14 июля. Солнце разбудило горячими лучами. Чудесное утро, озеро спокойно отражает величавые снежные шапки вершин. Позавтракав, Аркадий Георгиевич тоном приказа, но не очень уверенно сказал:

— Разведчикам идти левой стороной, к серакам; туры будете ставить через каждые двадцать шагов.

Мы не выдержали.

— Да там непроходимо. Нужно правой стороной!

Аркадий Георгиевич тут же согласился, изменил приказ и мы отправились действовать, конечно, по своему усмотрению.

Закипела работа. Вначале искать пути особенно не приходилось — морены хорошие. Лишь в одном месте нужно было обдумать переправу через поток. Дальше встала проблема: идти ли вверх, вдоль сераков? Едва ли целесообразно — до них не было и вполне хорошего перехода. Все же мне пришлось просмотреть весь путь вдоль сераков и убедиться в невозможности перехода. Думаю, дорога должна быть правее. Завтра посмотрим еще раз.

Издали кричат: «Кончай, обедать ушли».

Я сложил еще тур, огромный, и пошел обратно. У лагеря Аркадий Георгиевич раздвигал камни. В общем дорога получилась неплохая. Только наши камнесвалы перестарались: наставили такой частокол туров, что глаза разбегаются и не знаешь куда идти. На обед — остатки кийка, затем каша и какао (уже без всякого энтузиазма). Нам выдали премиальные: по баночке рыбных. Нет соли. Рынков отправился за ней галопом на лошади. Через полчаса вернулся с сообщением: идет караван. Какой? С кем?

И вот картина: в авангарде каравана Иван Георгиевич на белом коне, руки в боки и рядом адъютант Белов. Караван въехал под звуки фанфар.

15 июля. На зарядку нынче вышли все, включая Ивана Георгиевича

и Белова. Потом — омовение: брюхом в ил, а в спину — холод ледяных вод. Занялись печатанием вчерашних снимков на дневной бумаге.

Много ледорубной работы. Аркадий Георгиевич крикнул клич: «Давай, ребята, проведем дорогу до потока!» Опять зазвенел лед под ледорубами, с грохотом покатались отваливаемые камни. Дорога становится длинной.

Вечером чтение «Евгения Онегина» (на высоте 4000 метров). Занятие удивительно приятное. Иван Георгиевич возвратился лишь к темноте. Долго болтаем о былом.

16 июля. Трубный, хриплый, со срывами звук раз будил меня. Собственно, я уже не спал — солнце будит раньше. На зарядке опять полный состав. Даже Усумбай в кальсонах трусит за нами. Иван Георгиевич явно недоволен утренним беспокойством и стоит за снижение нормы зарядки.

А погода изумительная. Немногочисленные облака лишь сели на пик Коммунизма и на пик Орджоникидзе. Солнце печет. Тихо. Глубока синева неба, ярки и сильны белизной вершины.

На этот раз решено идти на прокладку дороги после обеда. Занялся акварелью. Привел в систему высохшие краски и, прикинув заранее (как Делакура), довольно быстро набросал приличный эскиз нижней долины.

Обедали без соли, спасаясь консервами. Работаем впятером. Проложили дорогу через поток и дальше, в глубь последней морены. За мной установилась специальность разведчика.

Прекрасен пик ГПУ. Видимо, из мрамора, охристо-теплого. Мощными готическими башнями и стрельчатыми арками убегает он ввысь. Решено — завтра беру альбом.

Вечер. Дочитываем «Евгения Онегина»; даже Аркадий Георгиевич пришел слушать.

17 июля. Зарядка. Потом всплески и вопли. Завтрак. Зарисовал

общий вид лагеря. Перед обедом вторично освежающее купанье.

После обеда, отдохнув, выходим на работу. Ведем путь вверх по последней морене.

С увлечением рисую пик ГПУ. А ближе и левее еще один не менее интересный, особенно по богатству красок, пик. Долго присваивали ему различные имена и остановились на имени Менжинского. Сделал еще один беглый, но удачный набросок — вид с береговой морены.

18 июля. Утренняя зарядка. Усумбайка бойко скидывает рубаху и бегом бежит в строй; ревностный физкультурник в усердии готов носом землю пахать. Очередное купанье. Лишь Аркадий Георгиевич отказался: плохие сны видел — и других отговаривает купаться.

Дорога дошла до грядообразных морен. Я опять бегу вперед. Смотрю — уж близок переход. Елдаш оказался ретивым работником. Кончили работу, забрались на моренный холм, сидим, дорога вьется к нашим ногам.

Сегодня, по расчетам Аркадия Георгиевича, должен подойти караван. Завтра с караванщиками прокладываем путь до гривки. Послезавтра караван отправляется по новой дороге, а мы тем временем прокладываем ее дальше. Затем новая вылазка на высоту 5600 метров и прокладка пути на 6200 метров.

Это — планы, а факты иные: караван вечером «не пришел. Явные признаки ухудшения погоды. Тяжело заложило восток. Облака пошли с юга. Все же решили лечь на воле. Лишь заснули — молния как-то особенно продолжительно осветила небо, и пошел дождь. Паника. С кошмой, полушубками, песком, камнями и спальными мешками мокрые вдвигаемся в палатку. Дождь застучал по крыше.

19 июля. Сыро. Низко сели облака. В палатке лужа. Не вылезая из мешков, завтракаем. Уже поздно. Немного расступились облака, солнце пригрело нас и подсушило вещи. День нарушен, зарядки нет. Скоро обед, а

мы только встали. На работу все же вышли и путь с Елдашем проложили отменный. А я и переход нашел, поставил большой строй туров. Облака бурным потоком несутся низко над лагерем, окутывая подножья гор. (Полное подобие Миссес-коша.)

Начальник предложил нам полудатскую палатку. Вот палок только нет. От двух палаток Шустера мы взяли палки, составили их и, потрудившись, поставили на камнях палатку.

На новоселье, на траве, у палатки, расстелив мешки, пьем какао и ведем долгую беседу о своем ремесле, о наших сподвижниках, заслуженных и рядовых, молодых и старых.

Ночь. Не спится. В полумраке мерцают полчища ярких звезд. Красиво прорезав полсвода, блеснет и меркнет падучая звезда.

Уснул. И вдруг на меня начало капать, Я терпеливо жду. Но капли все крупнее. Видно, не избежать палатки. Мы вдвинулись в нее, а дождь забарабанил еще сильнее.

21 июля. Я отправился с альбомом в кулуар, к леднику. И вскоре в альбоме остался след и висячего ледника, и легких призрачных вершин.

Сегодня опять поработали на славу. Разрыли всю гряду морен, дорогу провели почти до спуска и вернулись в темноте.

Опять крутит непогода, сыпется снежная крупа. Зажженный фонарь освещает палатку, спальные мешки, две фигуры и томик Пушкина с историей Гринева.

22 июля. Ясное утро, хоть и холодно. Но это уже не страшит и купаемся без дрожи.

Я решил взобраться повыше и с высоты зарисовать мощные хребты. Сперва легко поднимаюсь по травянистым склонам, по первой гривке. Пошли крутые осыпи, скользит нога. Двигаюсь по киичьим тропам, осторожно прощупывая путь. Иду уже час, а ближайший гребень все на месте. Но вот горы и ледники лежат подо мной, а впереди необозримая

панорама.

Какие чудные громады, белые, как перламутр, а ниже выпирают грозные темные массивы, в ущелье сползают ледники и в глубине чешуйчатой змеей среди черных скал поблескивают речки. Подавляющей громадой возвышается пик Коммунизма. Правее белой пирамидой — пик Орджоникидзе, затем пик Ворошилова, рядом прекрасная стена РККА. Что за вершина над цепью подняла голову? Незнакома, но величава! Притупился карандаш. Но не зря — образы ваши, вершины, я увезу в Москву.

На обратном пути взял вправо и понесся вниз. Пыль, шум, грохот, едва ногами успеваешь работать и голову от камней уберегать. Так скакал донизу. Внизу спешу стащить ботинки; они имеют жалкий вид! Запудренный пылью, бегу к ручью, а потом к обеду.

Еще не окончен обед, а Даниил Иванович уже торопит провести дорогу к спуску (а ведь еще до спуска работы уйма!). Я ушел вперед, побегал — искал переход меж сераками. Нашел, и мы поставили тур. Скатывали камни. Установили переход. Кончили поздно. Обратный путь длинен. Через час извилины выводят к крутой морене и лагерю.

На ужин вкусная каша и чай с шоколадом, вечером три главы из «Капитанской дочки» и сон.

23 июля. Зарядка явно разладилась. Остались лишь двое. Но мы за всех усердно проделываем упражнения над озером. В воде отражаются все наши движения.

Скалы манят. Идем снимать и зарисовывать. Все выше и выше. Ноги ступают осторожно. Стена загородила путь, но на помощь приходят руки — и стена покорена. Порода ужасно рыхлая. На гривке так рвет ветер, что с трудом можно устоять. Гул падающих камней. Летят, как снаряды. Грохот, пыль! Возвращаемся назад, лавируя в зыбких камнях. Одна стена заставила нас изрядно покрутиться.

Лагерь оживлен. Приехал Усумбай и привез отрядную весть: вдалеке он видел караван, а впереди его пять человек. Пошли догадки, толки и началась подготовка к встрече.

Шум, говор, рассказы, вопросы. Гурьбой идут в лагерь носильщики, караванщики, среди них Абдурахман.

—Ну, Коля, как бутылки? Привез?

—Вы знаете, ребята, разбились бутылки, испортили все вещи. Довез только две...

Довольны и этим. Вечером банкет. Закуска: сыр, колбасы, по чашкам разлит коньяк. Первый тост за взятие высот, за дружный коллектив. Глаза блестят. Коля уже поет романс. Шум, смех.

Вырос новый строй палаток.

24 июля. Все вошло в норму. Утром трубный глас на зарядку. Абдурахман сзывает всех носильщиков. У таджиков усердия хоть отбавляй. Замелькали руки, торсы согнулись, разогнулись, влево, вправо, ногу вверх, глубокое приседание, бег легким шагом и под конец веселый плеск в озере.

Сегодня отдыхаем. Сортируем вещи и понемногу собираемся в дорогу. Занялся рисунком. Вечером рвет ветер и заставляет поспешно обновить новые ватные штаны, они вздуваются. Не альпинист, а рыжий в цирке, зато приятное тепло. Получаю пару пуховых рукавичек, теплое белье, рюкзак. Сзади хохот. Костюмы приводят всех в веселое настроение: у каждого свой оригинальный покррой. Особенно забавен Коля.

Сборы в основном закончены. Завтра — в дальний путь по Бивачному.

25 июля. Приподнял голову. Лагерь освещен косы ми лучами солнца. Подъем. Суматоха. Надо еще кое-что уложить, позавтракать и вперед, не дожидаясь каравана, готовить дорогу. Лицо дороги изменилось: там мост разрушен, там оплыл кусок грунта, здесь яма, тут открылся

лед. Мы идем вперед доделывать неоконченный участок. Время пробежало быстро. Нас нагнал караван.

Вот перевал. Хотя работали мы дружно, но он задержал нас на два часа. На поворотах поддерживая лошадей, вывели их удачно наверх. Далее пошло благополучно, лишь у одной лошади завязла нога. Лошадь ободрала живот и ноги — едва жива. Я с Масловым успели кстати. Весь груз навьючили на себя и потащили вверх. Лошадей вытягивали за хвосты.

Была уже вторая половина дня, когда мы спустились в котловину. Там, около озера остановились на отдых и ночлег. Поужинав, залегли в две шеренги и после трудного пути быстро смолкли. Я читал вслух Маяковского, но вскоре обнаружил, что все спят. Залез в мешок, пригрелся и заснул.

26 июля. Солнце ярко светит и гонит сон. У ручья зарядка. Потом купанье и приятный завтрак. Подняли на плечи рюкзаки и вновь помечаем дорогу. Туры растут, катятся камни. Близок переход, но еще не ясно, где он будет. Наконец Даниил Иванович его находит. Нужно лишь в одном месте подрубить, засыпать дыры и оформить проход между крупными сераками. Срубаем между сераками кусок крутого льда, вырубаем на нем ступени и присыпаем все мелкими моренными камнями.

Но самое сложное — ледяной мост. Здесь бездна рубки! Громадный камень, с трудом сдвинутый с насиженного места, летит в воду и островом торчит из озера. Я с усердием выбил во льду полдороги, но ледоруб нагрузки не выдержал — сломалась рукоятка. Однако мост получился эффектный!

Спешим провести к нему дорогу. Ворочаем крупные камни, закладываем дыры. Даниил Иванович недоволен, что мы расточаем силы, которые нам будут нужны потом. Но караван уже идет, и разговоры бесполезны.

Быстро бежим среди сераков кончать спуск. И вот уже растянутая

за хвост и за повод первая лошадка благополучно проходит мост, скользя среди сераков и задерживая ход на морене. За ней другая (крепко держу за хвост) — не менее удачно. Итак, по очереди все. Путь дальше уже нетруден.

Первая гряда сераков. Берем легко. Опять морена. Идем вдоль нее и... новый переход! Снова держу хвост лошади, она скользит, а я за ней, лавируя и хватаясь за руки Даниила Ивановича. Забавная картина. Но все же лошадей вывели.

Последняя морена. Легко идем вверх. Один небольшой переход и можно считать, что мы «дома». Наспех разгребаем последнюю извилистую тропу среди моренной зыби.

Мы довольны успехом. На лошадях под самый пик! Довольны, что отмаялись с дорогой. По этому случаю закатали пир. Чудесный вечер. Ветер стих, совсем тепло. Спим на старом месте — на площадке, среди камней. Звезды светят ярко. Все погрузилось во мрак. Лишь грохот лавин часто нарушает тишину ночи.

27 июля. Жизнь идет обычным порядком. Утром зарядка. Пробиваем в озере лед и из чашек обливаемся ледяной водой, которая хватает за сердце и обжигает, но зато прибавляет энергии и бодрости и возбуждает аппетит.

Караван уже подходит. Прошли хорошо. Радостные крики. Все довольны. Якши!

Лагерь опять занят раскладкой. Банки, лестницы, веревки, сумы, рюкзаки, кунган. Всюду живописный беспорядок — прелюдия походов.

28 июля. Ребята гурьбой спешат на сераки и там дают таджикам первые уроки альпинизма.

Ярким блеском сверкают сераки. На одном из них, подобно цветку на стебле, копошатся люди. Слышен звон льда, идет рубка ступеней, натягиваются веревки и с серака в глубину, напрягая руки, вонзаясь

кошками в лед, спускаются таджики. Смелые ребята! Абдурахман скользил не раз, но выпрямлялся и не трусил. Лазание закончил я, «проделав для лейки» эффектный подъем и спуск. Коля волновался, в результате всего не сняли. Он был страшно недоволен.

К вечеру закончили все сборы. Ребята опять проявляют, и на этот раз результаты приличные.

29 июля. Усумбай еще до света занялся варевам. В 7.10 выходим.

Зрелище солидное: шесть альпинистов и шесть носильщиков вытянулись цепью, лавируя по морене. В сераках, как и всегда, путаемся. Отсюда же увидели грандиозную лавину, заполнившую весь кулуар, половину ледника. Снежная пыль перелетала через гривку. На носильщиков лавина произвела подавляющее впечатление.

Связались, надели кошки и вытянулись гуськом. Первая пара, возглавляемая Аркадием Георгиевичем, берет сугубо медленный темп, так что отдых решили уменьшить, делая Переходы по полчаса. Вторая пара — Коля и Витя. Коля усиленно водит Витю, соблюдая сверх меры теорию зигзага. Затем идут две связки таджиков. Шествие завершаю я и Даниил Иванович.

Высота 5000 метров. Здоровенный таджик Ивай на остановках валится; у него болит голова. Немного выше и со старшим носильщиком происходит то же самое. Больших усилий стоит поднять их и уговорить идти дальше. Помогал довольно сильный аргумент: мы идем по лавинному желобу. С помощью жестикуляции удавалось показать всю опасность стояния на месте. Но дойдя до карниза, двое свалились окончательно. Мы убедились в этом, когда были уже на скалах. Пришлось возвращаться. Все старания поднять их не увенчались успехом. Они передали нам свои рюкзаки. Мы должны были поднять свои рюкзаки до лагеря «5600», спуститься и вторично подняться с их грузом. Приятно сознавать, что чувствуешь себя хорошо и голова не болит.

Быстро поднялись, оставили рюкзаки и сбежали вниз. Второй рейс пошел медленнее, но все же я обогнал Колю, Маслова, таджиков и залез первым. По гривке до лагеря — захватил еще и совой рюкзак. Затем три раза возвращался, помогал ребятам дотащить груз. Маслов чуть сдал, но в общем для первого раза все прошли очень хорошо. Носильщиков сейчас же отправили с Витей назад.

Разместились в трех палатках. Сделал набросок на хребет Бивачный — Федченко, захватив вершину Алеши Гермогенова. Так названа нами одна из вершин Памира.

30 июля. Плотно поели. Аппетит у всех хороший. Вышли не спеша в 11 часов. С собой взяли лишь веревки, по два крюка и молоток. До первого жандармика путь чудесный. Снег за наше отсутствие отступил на метр. Здорово разворотили жандармик, сделав приличную дорогу. Далее путь снежной гривкой. Внезапно Аркадий Георгиевич проваливается в трещину, «пешим на помощь. Все оканчивается благополучно, и кто-то уже кричит: «Фотографируйте скорее».

В одном месте крутой подъем. Рубим ступени и надеваем кошки. Наконец первый сложный жандарм позади!

Наша тройка лезет на второй жандарм. Остальные остаются для расчистки первого. Камень страшно сыпучий. Лезем связанные. Вторая часть жандарма тяжела; отвесные стены, ненадежные камни. Вылезли все же с охранением и вполне удачно. Еще один «камешек» взяли приступом. До второго — снежный, местами довольно крутой гребень.

Не прошли и половины, как слышим снизу крик:

—Обратно!..

—Почему?

—Обратно!..

Продолжаем допытываться.

—Несчастье!!!

—Что такое?

—Разбился Николаев!..

Спешим вниз. Я лично не верил, что с Колей все кончено. Я был уверен, что он жив.

Ниже узнали — Коля погиб!

Его сшибло камнем, когда он чистил дорогу, убирая шаткие камни. Так, с огромным камнем в руках и полетел он вниз, стукнулся о скалы, камень снова сшиб его, и он полетел по снегу уже как тряпка... И так донизу, иначе говоря, километр по стене...

...Долго вбивает Аркадий Георгиевич крючья, четыре сразу, наматывает веревку трясущимися от волнения руками, связывается и с тысячей предосторожностей медленно спускается вниз. За ним Даниил Иванович тоже с охранением и по веревке. Последним спускаюсь я. На кошках быстро спускаемся до жандармика. Здесь несколько неожиданно Аркадий Георгиевич начинает смотреть в бинокль. Все сердятся — нашел время жандарм рассматривать!..

— Женя! Посмотрите, черная точка на склоне. Это он!..

Смотрю и ясно вижу камень, застрявший в фирне.

Даниил Иванович свалился в палатке. Аркадий Георгиевич готовит чай, а самого трясет. Страшно подавлен. «Ваше счастье, — говорит, — что вы не видали, как он погиб». В эту ночь все не спали.

31 июля. В 7 час. 30 мин. вышли, оставив почти все снаряжение. Внизу увидели четырех человек (здорово поднялись!) Поравнялись — носильщики. Доктора нет. Значительно ниже, у первых трещин, еще двое и доктор. Двоих отправил дальше и затем сообщил о происшедшем доктору. Скорчился и закрыл руками лицо.

Не заходя в лагерь, огибаем выступ. Берем один лишь рюкзак. Остальное оставляем на леднике. Идем по ледниковой морене среди сераков. Залезли в колоссальные трещины, пришлось вылезать на берег.

Вскоре увидели впереди торос. Вон и висячий ледник, но несколько неожиданно под ним до самого низа — скалы.

Старательно прощупываем местность в бинокль. Сбросы, есть трещины. Если Коля не попал в них, то, пролетев сбросы, должен был застрять на скалах. Осмотр ничего не дал. Тщательно облазали все подножье, все сбросы. Я поднялся до бергшрунда*. Ничего не обнаружил.

Аркадий Георгиевич набросал на бумаге жандармы и путь следования Коли — последний путь. Неоправданная смерть, непростительная и поэтому необычайно трагическая!..

Снизу лезть невозможно, скалы, лавинный кулуар. Подавленные, ослабевшие идем обратно. Камень с жужжанием летит мимо. Стая воронов с криком кружится над скалой. Прощай, друг!

К вечеру подошел караван — пять лошадей с караван-баши. Кстати, ибо продуктов уже почти нет. Караван еле прошел наш мост, который местами рухнул. Пришлось обходную дорогу делать. Миша прислал мяска, и Усумбай сварил хороший каурдак. Вечер прохладный. Ночью ветер, и лошадь за палаткой стучит копытам о камни.

1 августа. Мы еще в мешках. Усумбайка угощает каурдаком и уходит с караваном. Холодный сильный ветер рвет палатки: боимся, как бы не сорвал их. Идет снег. Сегодня передышка. Я занимаюсь починкой штанов, ставлю громадную заплату. Греемся чаем с конфетами, шоколадом и жаревом.

Аркадий Георгиевич опять в бинокль разглядывает горы.

Ветер чуть стихает, но с запада все еще гонит снежные тучи, закрывающие пик до половины.

К вечеру стало тише, прояснилось. Ярко светит луна, заглядывает в палатку. Легли рано. Грустно.

2 августа. В одиночестве проделываю зарядку и обтирание. Идем

* Бергшрунд – прерывистая трещина в верховьях ледника.

рисовать на изумрудное озеро. Сделал пару акварелей, и, по общему мнению, не плохих. Маслов и Аркадий Георгиевич тоже по одному рисунку унесли.

Завтра выходят четверо альпинистов и пять носильщиков. У Абдурахмана нога еще не зажила. Подготавливаем груз для носильщиков и долго, уже при луне, пьем чай.

3 августа. Аркадий Георгиевич остается в лагере. Идем втроем и носильщики. В 7 час. 45 мин. выходим.

У палаток — в 1.15. Итого шли пять с половиной часов. Воды мало, чуть каплет. Только успели рассортировать вещи и поставить палатки, как пошла крупа. Занесло крепко, ничего не видно, зато воды сразу прибавило, потекло вовсю, хватило с избытком и на чай и на кашу. Самочувствие у всех хорошее.

Начало сильно подмораживать, и ветер рвет здорово, есть надежда, что разгонит тучи. Залез в мешок не раздеваясь, и жарко не было. В палатке 4 градуса мороза.

4 августа. Солнце пригрело, встали. Мало надежды на хорошую погоду. Однако к девяти часам раздуло и в 9.10 вышли. Кошек до второго жандарма не надевали, и зря; промаялись дольше с рубкой ступеней. Осторожно, с тройным охранением и на поясе влезая на злосчастный жандарм. Следующие за мной — с еще большим охранением. Зовем, больше знаками, носильщиков. Те неохотно, но лезут. У трещины место прошлогоднего лагеря. Носильщики сваливают «шара-бара» — и обратно. Мы не спеша поднимаемся острой гривкой.

На третий жандарм лезем без рюкзаков под тщательным охранением. Я первый отрезок времени пути взял неплохо, но с камнями приходится быть сугубо осторожным.

В лагерь пришли около восьми, стало темнеть. Носильщики заждались нас. Со зверским аппетитом поужинали и спать. Очень приятно,

переодевшись в теплое белье, залечь в спальный мешок. Не успели задремать — грохот, все сильнее и сильнее.

Вылез наполовину из палатки, смотрю: освещенные луной клубы снега, как облака, заполнили всю ложбину и со страшной скоростью летят вверх. Едва успел затянуть палатку — налетела, вихрю подобно, снежная пыль. Рвет палатку. Пронесло!..

Лавина заполнила весь кулуар, вылетев на висячий ледник. А в верхнем висячем недостает огромного куска.

На вершине одного из многочисленных сераксов

5 августа. Прекрасное утро. Встаем не спеша. Решили сегодня отдохнуть, а завтра идти с ночевкой под третьим жандармом.

6 августа. Сборы. Веревки, крючья... Почти все свое снаряжение и питание берем с собой. У старшего носильщика голова сегодня не болит, он здоров и весел. Клубятся облака, но не угрожающе. Выходим в 8.45. Носильщики убежали несколько вперед. Но около второго жандарма обгоняем: видимо, не хотят лезть первыми.

По веревке с охранением медленно и осторожно лезу па злополучный жандарм, по пути тщательно выбрасывая все шаткие камни. Сверху приглашаем таджиков последовать за нами. На месте лагеря долго не задерживаемся. Даем задание носильщикам поставить две палатки и поднести на третий жандарм веревки и крючья.

Медленно поднимаемся по довольно крутому снежному гребню. На первых камнях кошки долой. Покатыми плитами обходим вправо вверх. Тяну веревку, и когда Даниил Иванович кричит: «вся!», нахожу щель, загоняю крюк и закрепляю веревку.

Даниил Иванович прицепляется на карабин и медленно взбирается ко мне. Я подбираю веревку и иду дальше, а Даниил Иванович подтягивает следующего. Хороший кулуарчик. Расчищаю от камней, чтобы они не полетели на головы идущих ниже,— дальше по скалистому гребню. Путь ясен — из кулуара по скальной гривке и в обход последнего жандарма с правой стороны. Таджик подтаскивают веревки, предпочитая все же левый обход.

Пора кончать. Возвращаемся с неменьшей осторожностью. У палаток уже темнеет. Двое таджиков ушли вниз, двое, затащив нам веревку, спустились и «скучают» — болит голова, даже чай себе кипятить не хотят.

Холодно, ветер, а в палатку влезть нельзя: Даниил Иванович принялся варить магги и чай, заняв, конечно, все место. Зато с каким

удовольствием принялись за горячее!

Проблема: как влезть втроем в палатку? Даниилу Ивановичу совсем тяжело пришлось. Палатки поставлены со зверским наклоном, в данном случае в его сторону. Пришлось «страдальцу» выдерживать нашу тяжесть. Я лично спал хорошо.

7 августа. Было желание выйти рано. Но носильщиков пришлось отправить вниз. Затем подошел старший носильщик, подтащил консервы, снаряжение. Провозились долго и вышли в 11 часов. По проложенному пути подняться было не сложно. Обойдя уже по веревке последнюю скалу, вышли на снежник. Прошли длинный гребень, и опять на кошки. Продвигаемся медленно.

Опять под скалами — жандарм четвертый! Сначала путь не труден, но дальше стенка. Она отняла много времени. Разбираю шаткие камни, а потом выкарячиваюсь наверх. Вытянул веревку, закрепил и облегчил путь для других.

Новая проблема — покатые плиты. Влез справа — закрыто, пропасть. Придется лезть влево на снежник. С рубкой добрался до снежника. Неужели до верха рубить? Нет. Срубил край, и трещина в каменной плите сразу облегчила путь. По ней добрался до гривки.

До верха уже близко. Добираемся быстро и здесь стопорим. Очень голодны. Подкрепились парой банок языка и обратно. Вот и палатка. Сегодня устал. Не дожидаясь живительного чая, влезая в мешок. Засыпаю мгновенно и сплю хорошо. Хотя я в пуховке и гольфах, но не жарко. Ночью град. Температура 15 градусов мороза.

8 августа. Сегодня решающий день. В 9.15 уже вышли. Погода чудесная, ни облачка. К часу — на снежнике. Забираем веревки, которые вчера своей тяжестью здорово подавили нам плечи. Надеваем кошки и идем по последней, видимо, короткой и пологой гривке.

Пятый жандарм! Не утешительно.

Пробую обследовать: он обрывается стеной. Пробую траверсировать справа, предварительно сбросив сверху рыхлую породу. С грохотом сыплются камни, слетая вниз на километр.

С напряжением облезаю первые камни, затем пару карнизов. Вбиваю второй крюк и продеваю веревку через первый. Меня охраняют. Пара ступеней во льду. Взбираюсь на стенку и подтягиваю Даниила Ивановича. Вверху снежник. Его обхожу по скалистому карнизу.

Опять стена! Подходит Даниил Иванович с сугубой осторожностью, хотя веревка закреплена на крюке. Лаз настоящий. Камни как живые. С большим напряжением влезая на более легкое место. Траверс. Вся веревка! Еще бы хоть метр!

Ура! Прекрасный путь. Кулуар не крутой, внизу снежник. Вылезает Даниил Иванович. Связываем еще веревку, и я рублю в снежнике редкие ступени, больше расклинкой взбираясь вверх. Дальше — по страшно рыхлой гривке. Каскадом летят камни.

Вся веревка! Закрепляю и лезу уже без оной — посмотреть путь. Чудесно! Дальше небольшая гривка. Затем приятный траверс по скалам до основного снежника и по снежнику на вершину жандарма.

Обратно спускаемся с охранением, но значительно резвее. В мягких местах идем даже одновременно. Уже темно. Дошли до палаток. Чудесный вид: луна восходит, как желтый блин, и ярко освещает вершины.

Пою песни, пока Даниил Иванович варит чай. Радостно закончился очень трудный день, путь открыт!

Ночь теплая, лавин нет.

9 августа. Спускаемся вниз, даже не подкрепившись.

Погода опять хорошая. Высота 5600 метров. Жарит здорово. Пошла вода, пьем вволю и завтракаем. На камнях, как на пляже, загораем в трусах.

В 12.30 вниз. Вышли в лавинный кулуар. Он изменился: все

трещины завалены, сравняло неровности, все блестит белизной и нижние трещины тоже засыпаны почти целиком. Вот уже сераки и Ледниковый лагерь.

Радостная встреча — подходит караван! Кто это? Юрка Шиянов и кинооператор.

10 августа. День жаркий. Решено идти на озеро для генерального омовения. Я и Даниил Иванович значительно опередили «тяжелый вес». Но что за черт?! Нет озера!.. Подошли ближе и видим: от прекрасного голубого озера лишь серый осадок на камнях, да жалкие лужицы в глубине меж камнями. Спешим захватить последние остатки воды. Скидываем одеянье, и пошел плеск! Подходят остальные.

— Скорей, скорей! Озеро уходит! — С этими словами Даниил Иванович пробил дыру и нырнул.

Грандиозное разочарование. С досады все стали мыться уже в грязных и довольно холодных лужах. Я долго и упорно занимаюсь стиркой. В купальном отделении смех и вопли. Оператор на тощих ножках гольшом суетится с лейкой, с опаской лазает по камням, запечатлевая кадры.

Сегодня должен явиться Усумбай с лепешками. Пока же самостоятельно готовит обед Даниил Иванович.

К вечеру совещание с вновь прибывши ми. Они посвятили нас в свои планы, мы их — в свои, рассказали о прошедших восхождениях. Затем зачитали схему сценария будущего фильма. Оператор сделал кое-какие пояснения. Коллективно внесли некоторые дополнения относительно съемки места гибели Коли Николаева.

Ребята начали собираться. Завтра выход. Маслов, Шиянов и носильщики возятся до позднего вечера.

11 августа. Поднялись рано.

Юрка рьяно собирается у себя на отлете. Вылез Маслов. Вскоре и

остальные поднялись. Торжественно засняли со всех сторон отходящих, распрощались, и они двинулись. Носильщики, конечно, ушли значительно раньше и уже маячили на снежнике ледника. Как-то выдержат ребята в первый раз? Они надеются подняться до 5900 метров и даже выше.

Мы занялись разборкой и учетом продуктов. Наводим общий порядок. Дошли до того, что соорудили стол и торжественно на нем отобедали. Блестящий обед сготовил Аркадий Георгиевич.

Усумбая все еще нет, уже решили наказать его за прогул вычетом из зарплаты. Но вдруг под вечер под мореной тихо появляется его тощая фигура с большим мешком. «Лепешка бар?» Оказалось, там не было муки. Уже в первый ужин разочаровались в Усумбае. Действительно, с примусами он себя скомпрометировал. Эта шайтан-машина принесла много мучений бедному Усумбаю.

12 августа. С утра занялся акварелью. Первый набросок — лагерь — не удовлетворил. На втором разошелся и закончил портретом Даниила Ивановича, начатым еще раньше.

К вечеру показались носильщики. Но странная вещь: одного волокут. Видимо, живой, потому что временами постоит с поддержкой, а затем опять волоком. Подошли первые четыре носильщика. Узнать от них что-нибудь трудно. Вот и остальные показались. Послали им на помощь еще двух и дотащили больного Джамбая до лагеря. Жуткий вид. Рвота, смертельная слабость, слабое сердцебиение. Положили в мешок — и в палатку. Дали кофеина, растерли грудь. Долго не прекращалась рвота. Трудно поверить, что это горная болезнь, хотя симптомы сходятся. Но обычно при спуске даже очень сильная болезнь прекращается. Бедный Джамбай! Скромный и славный паренек! Киргизы заботливо ухаживают за ним. Вечер хмурый. Чуть сыплет снежок.

13 августа. Решаем обследовать скалы пика Орджоникидзе. Отправляюсь в коротеньких штанишках и в старых ботинках (не так жаль

рвать). Медленно и осторожно ставлю ногу на камни, осыпи — редкий пошевелится или скатится. Небольшие выходы. Иду скорее и легче. Опять осыпь. Но вот и первые скалы. Осторожно лезу. Становится круче. И вот почти отвесная стена. Стараюсь очень мягко и осторожно ставить ноги и братья за уступы. Небольшое, но приятное возбуждение. Тщательно ощупываю камни, то подтягиваясь на руке, то задирая ногу до руки, боком около самого камня поднимаюсь до следующего уступа.

Стена подо мною. Приятное чувство победы! Сердце учащенно бьется. Дальше легче. Вот только камни совсем стали ненадежны. С двойной осторожностью, не уронив ни одного, кулуарчиком добираюсь до верха жандарма. А высота заманчиво манит дальше! Вон там за пологим склоном опять группа скал, доходящих до горизонта. Обязательно сюда, на левые скалы! Оттуда, должно быть, чудесный вид на пик Коммунизма... Быстро, и как-то легко поднимаюсь и отдышки ни малейшей.

Пологая часть — позади. Впереди опять скалы. Поднимаюсь по ним, траверсирую. Стена заворачивает полукругом. Иду под ней, в удобном месте вылезая по кулуару наверх. Еще немного, и я на крайнем жандарме.

Пик Коммунизма высится предо мною гигантским массивом. Но его верх закрыт; тяжелая завеса плотно легла на него. Ветер резкий. Укрылся на небольшом карнизике и принялся за рисунок.

О черт! Завеса спустилась и закрыла наиболее интересную верхнюю часть гребня — наш путь. Вскоре и снег повалил. Сделав еще беглый набросок вершины Орджоникидзе, пошел вниз, быстро скользя по осыпи, следя лишь, чтобы камни, съезжающие сзади, не развили скорость и не обломали мне ноги.

Джамбай внушает опасения. Рвота не прекращается. Слабое сердцебиение, отдышка, хрипота. Доктор смотрел, нашел что-то вроде бронхиального воспаления.

14 августа. Печальный день. Джамбаю с утра хуже. Пульс едва прощупывается. Кофеин совершенно не помогает. Доктор находит воспаление легких, захватившее целиком оба легких. Делает ему укол. Но помочь невозможно. В 11 часов Джамбай Ирале умер.

Все были подавлены. Киргизы подняли плач и стенания. Успокоившись немного, начали обряд. Затем зашили тело в белый кусок материи. Сперва было хотели сразу же зарыть, но затем решение изменили, вспомнив, что у Джамбая есть мать в Алтын-мазаре. Решили увезти труп туда. Это решение, видимо, не окончательно, так как зависит от прихода каравана. Караван же ожидать раньше чем через два дня не приходится. Долежит ли Джамбай до тех пор? Мы предложили положить его пока для сохранности в лед. Отказались, упрямо твердили, что «он ото льда умер».

Вечером устроили поминки, и всю ночь в палатке покойника горела свеча. Ночь прошла тихо-мирно.

15 августа. Погода установилась исключительная: ни облачка на ясном небе.

Событие! Явился топограф Иван Георгиевич со «свитой». Первым вестником, конечно, был Белов. Глядя на него трудно понять, человек сие или верблюд — нагружен потрясающе. Сейчас же пошли расспросы насчет высот. Оказались некоторые изменения. Пик Коммунизма оказался на 300 метров ниже предполагаемой высоты. Несколько ниже оказался и пик Орджоникидзе. На старой высоте остались пик Калинина, а пик Дарваз — даже выше на 200 метров.

Иван Георгиевич в этом районе работу закончил. Конечно, без конца охает насчет трудностей и непроходимости, в том числе и до перевала по Бивачному (слабо верится!). Тут же не преминул попросить оператора заснять себя: «Знаете, — говорит, — за работой,— вот планшетка, дальномер и меня, конечно»...

16 августа. Решено сегодня подняться по склонам пика Орджоникидзе. Инициаторов было немного, но пошли почти все. Остались лишь Аркадий Георгиевич по болезненному состоянию, топограф да носильщики.

Я несколько отстал, провозившись с фляжкой и рисовальными принадлежностями. Догоняю группу уже на осыпи. Оператор идет последним и упорно выворачивает камни. Даю несколько советов хождения по осыпи. Он искренне удивлен и обрадован.

—Вы всегда так медленно ходите?

—Да, в горах всегда.

—Это очень хорошо, а то я уже сейчас выдохся.

На этом наша тирада прерывается. На ходу говорить неудобно, к тому же я медленно, но все же обгоняю его. Добираюсь до Шиянова. Маслов забрел вправо, идет по неудобной мелкой осыпи и проклиняет ее (что совершенно справедливо), но с нее на скалы все же не сходит.

Втроем идем до поворота в левый кулуар. Доктор отстает от нас при возгласе Юры: «О, да тут здорово!». Действительно впереди небольшая стенка, которую доктор еще не увидал. Однако возглас Шиянова произвел должное впечатление, и он решил отстать от нас и присоединиться к группе Даниила Ивановича, который шел моим первым путем. Как мы узнали после, доктору и там не повезло. Штурмовики страшно долго сидели на стенке, но в конце концов все же одолели ее. Доктор тоже долго сидел, но, не дождавсь разрешения проблемы, присоединился к третьей группе и уже с ними совершил восхождение.

Я продолжаю путь с Юрой. Со стенки пришлось сбросить пару здоровых и явно неустойчивых камней, после чего довольно легко выбрались наверх. Шиянчик лезет, хотя местами не совсем уверенно, но бодро и с улыбкой на лице.

В преддверии вершины нужно было преодолеть еще один

каминчик^{*}. Порода в нем оказалась необычайно сыпучая. Крикнув Шиянчику: «Подожди я залезу, тогда ты», я пролез еще несколько скалок и вскоре был на вершине жандарма. Юры нет. Кричу ему — не отзывается. Спускаюсь ниже, опять кричу — ответа нет. Что-то неладно.

Спускаюсь до каминчика, заглядываю вниз — никого. Что за чудеса? Вверх пойти незамеченным почти невозможно. А если бы сорвался — был бы виден внизу. Опять поднимаюсь вверх. У, черт! Карабкается у вершины.

Даниила Ивановича еще нет. Он появляется значительно позже, отчаянно поругивая проклятую стенку. Подтягиваются и остальные, за исключением кинооператора. Позже внизу узнали: у него порвался ремешок от аппарата, пленка срывалась и катилась вниз. Обдумав создавшееся положение, он решил, что ждать подкрепления от нас сверху безнадежно, что осыпь крута и во избежание аварии нужно отступить. Мы же очень жалели об отсутствии оператора: панорама чудесная, пик Коммунизма грандиозен, даже гребень (путь нашего восхождения) виден неплохо. Здесь же был продуман и принят план будущей съемки восхождения.

Щелкают лейки и аппараты. Я тоже не теряя времени рисую пик. Все уже ушли вниз, когда я закончил и начал спук. Спустившись до стенки, обнаружил отсутствие альбома. Он каким-то образом вылетел из кармана. Пришлось опять подняться вверх. Долго шарил кругом. Наконец нашел и засунул уже за рубашку.

Спускаюсь быстро. Спрыгиваю со стенок, камни веером разлетаются из-под ног. Соскальзываю по осыпи зигзагообразно, чтобы сзади камнем не шлепнуло. Вот и лагерь. С громадным аппетитом уничтожаю оставленный обед. Все очень довольны. Вечером проявляем и печатаем в палатке кинооператора.

^{*} Камин – расщелина в горах, напоминающая трубу камина.

17 августа. Опять чудесное утро.

День отдыха. Основное занятие — чистка винтовки. Оказалась не так заржавлена, как я думал.

Много рисую. Набросал сераки. Вечером опять печатаем.

18 августа. Аркадию Георгиевичу пришла гениальная мысль построить стадион, и уртаки с готовностью и рвением принялись расчищать площадку.

К вечеру стадион готов. Открытие. Грандиозный праздник на высоте 4600 метров. Сперва с носильщиками проводится занятие «Вступление в акробатику». Исполнение потрясающее. Приходится и мне принять участие в качестве страховщика. Ребята увлечены. Страдают и ноги и шеи. Абдурахман даже язык прикусил и долго плевался кровью.

Второй номер — цикл игр с наградами победителям. Смех! Игры занятные, а в исполнении носильщиков — потрясающие. Победители с довольной улыбкой принимают сахар, конфеты, шоколад, печенье. Все, конечно, в малых дозах. Сногшибательная игра «собачья тяга» прошла особенно живо, когда в ней принимали участие я и Аркадий Георгиевич. Праздник заканчивается грандиозным волейбольным матчем с «поплавком Полянского» вместо мяча. Чудесно! Большой азарт. Все очень довольны и оживлены.

Сегодня обязательно уже должен быть караван. Увы, все ожидания и встречи — впустую. Неужели и завтра не прибудет? Положение создается серьезное: горючего почти нет, питания на один день.

Опять печатаем. Засняли носильщиков и красноармейцев. Погода портится. Хмарь, появляются облака. Обидно пропустить столько дней чудесной погоды, имея впереди полную неопределенность.

19 августа. Унылая погода и у всех унылое настроение. На приготовление завтрака израсходовали весь керосин и остатки дров. К обеду объявили субботник по собиранию бумаги и других горючих

«внутренних ресурсов». Обед талантливо готовим на бумаге, а ужин на ее остатках. Последний рыбный суп с макаронами и гречневая каша с салом. Все чудесное, да мало.

Накрапывает дождик. Низко сел туман. Сиреновой завесой закрыл громады полумрак. И сегодня, видимо, каравана не будет. Забрались все в палатку и от нечего делать занялись рассказыванием всяких занятных случаев. Полились воспоминания.

Вечер. Начальники маячат живописной группой на горизонте. Совещаются. Положение напряженное. Продуктов нет.

Выносятся решение: завтра лишние люди, все, кроме штурмовиков, идут в Подгорный лагерь. Шиянов с Шибшовым — к языку ледника, расследовать, в чем задержка. Они должны быстро вернуться, желательно с караваном. Срок четыре дня. К 23 августа хотя бы ночью, у нас должен быть гонец с сообщением. В неблагоприятном случае 24 августа эвакуируемся вниз и мы. Настроение несколько тревожное.

Последняя ночь вместе. Жаль: привыкли и полюбили друг друга, несмотря на многие недостатки. Вот Шиянов — чудесный малый; он недавно явился, а чувствую — будем друзьями.

20 августа. На остатках всякой мелочи вскипятили по чашке чаю. Пили впустую. Уходящие стали собираться. Личное взяли далеко не все, в надежде еще вернуться. Но набралось все же порядочно.

Лагерь опустел. Тишина. Чудесной синевы небо и обновленные блестят снега.

Из штурмового дневника

22 августа. Лагерь «4600». Носильщики ушли на рассвете.

У нас неожиданные осложнения. У Шиянова всю ночь была рвота, и сейчас он чувствует себя явно плохо. Доктор его осмотрел и оставил в лагере.

Продолжительная съемка отходящих штурмовиков. Провожают все. Оператор суетится, снимает в сераках и в начале подъема. Прощание через трещину. Двое товарищей провожают нас до 4800 метров. Там 25-минутный отдых и трогательное прощание: расцеловались и разошлись.

Жарко. Ни облачка. Высота 5200. Температура плюс 5 градусов. Быстро поднимаемся на карниз. Эффектные лавины с ближайшего пика. По скалам идем 30 минут.

Лагерь «5600». Рекорд: поднялись за 4 часа 50 минут. В лагере носильщик, прозванный «Голова болит», увидев нас, в восторге захлопал в ладоши. Ну, все в порядке! Настроение у носильщиков прекрасное. Солнце жарит крепко. Отовсюду течет. Накормив двух носильщиков, отправили их вниз. Для остальных выделили усиленные порции — ребята очень довольны.

Решаем самостоятельно с Даниилом Ивановичем изменить план: завтра — на «5900». День там. Затем — на «6400», сразу без спусков, по пути проводя дорогу.

Погода портится. С ближайшего пика снежок начал заносить путь. Ветер рвет шквалом, на пике большие смерчи. В 6.15 ложимся в палатки. Температура — 0 градусов. Тепло и уютно. Но палатку целую ночь рвало ветром, и спалось плохо.

23 августа. Лагерь «5600».

Встали, когда достаточно пригрело. Состояние у всех приличное. Тщательно подкрепляемся. Температура — 0 градусов. Солнце иногда

скрывается за прозрачные облака. Над пиком Коммунизма ясно. Носильщики уходят чуть раньше, солидно нагруженные продовольствием и радиостанцией. Мы выходим в 10.20. У нас тоже рюкзаки раздулись. Пришлось сверх своего снаряжения забрать все необходимое для кинофотосъемки, да еще забытую носильщиками палатку. Киносъемка отходящих.

Идем сугубо медленно. После первого жандарма заметили внизу ораву носильщиков (девять человек), поднимающихся к повороту. Идут не спеша. Догоняем их у второго жандарма и отсиживаемся под ним, потому что сверху «спускают» громадные камни. Еще киносъемка на жандарме. Страшно неудобно лезть с чересчур раздутым рюкзаком — всюду цепляешься.

В 12 час. 45 мин. мы у лагеря «5900». Увы, «все течет, все изменяется», и трещины окружили палатки. Ударная работа по выравниванию площадки на новом месте. Лишь к заходу солнца за жандарм управились. Три палатки стоят уютно, правда, большого простора нет.

Носильщик Нишан страдает от головной боли. Дал ему лекарства. К половине пятого несколько носильщиков, провожавшие нас, спустились на «5600». Перекликаемся.

Чуть мерзнут ноги. Высотомер показывает 5700 метров. Носильщики поют. Видимо, все в порядке. Северо-восточная часть пика Коммунизма чуть закрыта облаками.

24 августа. Лагерь «5900».

Чудесное утро. Выступили вместе с носильщиками в два часа утра. Рюкзаки явно тяжелы. Значительные перемены в снежных гривках — отступили и обледенели. Лезем быстрее, чем в предыдущие восхождения. Носильщики несколько отстали, но идут бодро. Повесили одну лестницу — удобств мало. До пятого жандарма дошли хорошо и тут, увы, носильщики,

забастовали. Мы подтащили лестницу, я ее укрепил. Даниил Иванович уговорил их лезть выше. Носильщики поднялись до стенки, но тут окончательно застопорили. Нечего делать! Нагрузили на себя самое необходимое, а носильщиков отослали назад. В кулуарчике снег весь стоял. Залезли легко. Зато на стенке, несмотря на лестницу, тяжело было зверски.

Хотели рюкзаки отдельно вытянуть — не тут-то было: цепляются и никак не лезут. С большими усилиями выволокли на себе.

Траверс по непройденному месту за гривкой оказался не прост, как мы думали. Сыпучая порода и обледенелые снежники перемешаются, хотя в общем и не очень круто. Однако опасность съехать вниз большая.

Началась ледорубная работа. Осторожно под моим охранением переходит Даниил Иванович. Я также осторожно лезу вверх к скалистому выходу. Едва касаюсь рукой камня, как вдруг он валится. Кричу: «Камень, камень!». Даниил Иванович вертит голову влево, вправо. Увернулся, но последний небольшой камешек все же попал ему прямо в руку. Пригнулся к земле, прилег и молчит. Кричу ему. Он тихо отвечает: «Руку разбило»... Оставляю рюкзак и спешу к нему, достав предварительно бинт. Вся рука в крови. Промываю — рана до кости, однако кость цела. Перевязал, взял его рюкзак и, связав предварительно перебитую веревку, мы кое-как добрались до скалистого выступа.

Здесь пришлось надеть кошки. Начались рыхлые неприятные снежники вперемежку со скалами. Даниил Иванович часто припадает, стонет, а тут еще темнеть начало. Тороплю его, но он еле идет. Скалы чуть покрыты осыпью и снежниками, страшно неприятны. Я лезу на веревку вперед, закрепляюсь и тяну Даниила Ивановича — лезет.

Стало совсем темно. Лезем ощупью. Конца не видно. Еще пролезли веревки на три, как-то совсем механически.

Впереди над головой просвет — отлегло! Еще веревка, и я стою в

выемке. Маленькая площадочка служит нам ночлегом. С большим трудом влезли прямо в нерасставленную палатку, предварительно обвязавшись веревкой, укрепленной за крючья. Даниил Иванович станет и просит меня разрезать бинт. Все слиплось — не поймешь, где мясо, где бинт.

25 августа. Спалось, хорошо. Голова не болит. Все делаем сугубо не спеша. К полудню перетаскиваю груз на гривку и здесь на площадке (метра полтора на три) ставлю палатку — лагерь «6400».

У Даниила Ивановича сильно разболелась рука. Соображаю насчет воды. Уже каплет. В увлечении свалил на себя камень. Удалось отпрыгнуть, хотя свалился и проехал по камням. Но кончилось все удачно. Лишь чуть поранил руки.

Часам к двум показались носильщики — три человека. Принесли палатки, чуток консервов и письмо от Николая Петровича Горбунова. Дышит гневом. Неоднократно упоминается правительственное задание. Завтра должны подняться и они.

Чудесная погода. Пока солнце — очень тепло. Высотомер с 6400 метров поднялся до 6700. Аппетит приличный. Самочувствие хорошее.

26 августа. Лагерь «6400». Ясное утро. Высотомер поднялся до 6950. Вначале хотели сделать обследование и подняться по гривке, но я занялся рисованием и время ушло, а у Даниила Ивановича идти большого желания не было.

К двум часам опять показались носильщики, на этот раз двое. Говорят: «Идут начальники». Пошел встречать. Цак и Шиянов уже поднялись по спущенной мной вчера на скалах веревке. Старательно помогаю им. Измотались они крепко. Юрка Шиянов бледный, едва двигается. Антон Цак тоже «хорош».

Проводил их до самого лагеря и опять вниз — вытаскивать вторую пару. Они на том же месте. Совсем едва живы.

Спустил веревку закрепил на крюк и вытянул поочередно.

У гривки уже темнота застала. Николай Петрович ничего не видит. Предложил ему снять рюкзак и оставить его на гребне: «Я после за ним схожу». Страшно долго лезли, почти на ощупь.

От лагеря я опять возвращаюсь, на этот раз за рюкзаком Горбунова. Тщательно ощупью раскидываю камни, шарю, разыскиваю в темноте рюкзак. Нашел! С ношей обратно, со всей осторожностью, удачно дошел до лагеря.

Все свалились. Из палатки носильщиков слышны стоны. Спим втроем. Ночь не холодна: температура минус 12 градусов.

27 августа. Лагерь «6400». Туман скрыл почти все, лишь видна вершина пика. Неприятный ветерок.

В девять часов выходим с Даниилом Ивановичем нагруженные станцией. Тяжелая штука! Сразу на кошках по острой гривке. Шаг медленный. Несколько передышек.

До первого «пупа» около двух часов хода. Вот и вершинка! Кажется рукой подать, а идешь, идешь — конца нет...

Скалистое обнажение. Даниил Иванович с видом полного безразличия едва дотащился и ухнул рядом в снег. Попили из фляжки — ценная вещь! Дальше пологий широкий гребень. Тщательно прощупываю путь ледорубом — снег рыхлый, с трещинками, но в общем дорога пока ничего.

Подъем берем справа, слегка траверсируя. До него долго блуждаем в поисках перехода скрытой трещины. Наконец удачно перебираемся ползком.

Через каждые 25-30 шагов отдых. В горле пересыхает. Дыхание частое. Охватывает чувство какой-то подавленности: кругом снежная пустыня, метет, клубятся облака... Даниил Иванович плетью висит на ледорубе или валится в снег. Сердится, что я быстро иду. Банка рыбных консервов ободрила, а конфеты хорошо «смазали» горло — меньше

сохнет.

Выбрались. Впереди громадное плато, влево цирк, заканчивающийся вершинным гребнем. Прямо перед нами острый и изорванный гребень, напоминающий мост в преддверие вершины, которую закутали облака. Мрачно!

Бесконечные остановки, бесконечный путь. Вот до гребня уже кажется близко...

«Давай здесь оставим груз»,— предлагает Гуцин. Уже без двадцати пять. Вырыли яму и сложили туда чертовски надоевший ящик и прочие части радиостанции, а Даниил Иванович оставил и пуховую куртку. Громадное облегчение!

Вниз сбегает быстро. Уже без былого чувства опасения проходим через трещины. Даниил Иванович фотографирует, а я жалею, что надоумил его заняться фотосъемкой: слишком долгое занятие.

Дошли до скалок. Даниил Иванович свалился. «Не могу, — говорит, — давай отдохнем!» Делать нечего! Хотя до лагеря совсем близко. Вот и «пуп», а вот выглянул и лагерь, забавно торчащий на острой гривке.

В лагерь прибыли без двадцати минут шесть. Ровно час спуска. Сразу же спать, почти не поев. Даниил Иванович говорит: «Никогда в жизни так не уставал».

28 августа. Лагерь «6400».

Бурная ночь. Опасались, как бы не сорвало палатки.

Туманное утро, туманное настроение.

Носильщиков вчера пришлось отправить вниз: сильно заболели, и лекарства не помогли. Обещали, если «голова пройдет», подкинуть еще питания. Но вряд ли... А с питанием тяжело — почти ничего нет, едим только кашу. Решено отправить Александра Федоровича Гетье и Антона Цака к пятому жандарму за оставшимся продовольствием.

Николай Петрович и Шиянов решили подняться вверх и закинуть палатки и кое-какие инструменты. Но, поднявшись на несколько шагов (я было уже по заданию стал их фотографировать), Юра сел, а вскоре и назад повернули. Так и кончилась первая попытка. У Юрия слабость страшная, бледен и сильно осунулся.

Погода лучше. Солнышко. Начало капать. Спешу запасти воду. Пора встречать Гетье и Цака. Беру веревку, и знакомый спуск начался. Здорово! Они уже почти у гривки! По укрепленной мною веревке вконец измотавшиеся товарищи поднялись несколько быстрее. Рюкзак Александра Федоровича я взвалил на себя и довольно легко пошел вверх. На гривке не выдержал и обогнал их. Как выяснилось позже, носильщики подкинули груз на пятый жандарм, чем очень облегчили поднимающимся альпинистам доставку груза и значительно сократили время.

Наконец-то удалось вдоволь напиться всем. Вечером богатый ужин: магги, язык, компот.

Решено: завтра все выходят на вершину! Двое в качестве носильщиков: вечером они должны возвратиться на гривку, в лагерь «6400». Четверо остальных ночуют на высоте станции, а затем, если возможно, забрасывают ее к вершине, устанавливают, и штурмуют вершину.

Я лично предполагаю, что станцию поднять выше не удастся.

Хорошая ночь.

29 августа. Лагерь «6400». Утро, обещающее приличный день.

Долго варится завтрак. Половина девятого, а мы еще не поели. Наконец, тщательно распределив все съедобное, двинулись.

Первая связка (Горбунов и Гетье) была уже на первом «пупе», когда в 11.30 вышла наша — я и Даниил Иванович. Он несколько оправился, но все же еще слабоват. Идем довольно быстро и уже у трещины нагоняем первую связку. Считаем пульс: у меня 80, у Гетье 90, у Горбунова за 100.

Тепло. Солнце печет здорово.

Спустя примерно час появилась третья связка (Цак и Шиянов) Юра опять стал что-то опускаться на снег.

Вот и скалы. По гривке шли не спеша, но ждать первую связку пришлось очень долго. Наконец, появились Горбунов и Гетье. Николай Петрович вновь старательно измеряет пульс.

Прошло полчаса, а третьей связки — Шиянова и Цака все нет... Иду навстречу им. Лезут.

— Ну как, Юра, самочувствие?

— Прекрасное.

Мы опять значительно обгоняем всех. Даниил Иванович стал чаще останавливаться. Долго отдыхаем у подъема после трещины и закусываем сахаром и галетами. Гущин от галет отказался. Настроение у меня чудесное — ору песни.

Наконец, показалась первая связка. С комичной осторожностью перебралась через трещину. Обступили меня.

— Ну, сколько еще до станции? — спрашивают.

— Да часа три будет!

— Неужели?..

— Это если хорошо идти, — подзадориваем мы.

Подъем мы взяли неожиданно хорошо. Но наверху Гущин сдал. Через десять шагов остановился. Я не выдержал. «Посиди, отдохни-, Даниил Иванович, лучше будет». И пошел довольно быстро вперед.

Вот и станция. Вся засыпана снегом. Спешу разгрести площадку для палаток — скоро начнет темнеть. Работаю и ногами и ледорубом, а сам удивляюсь, как на высоте 6900 метров столько энергии набралось!

Показались остальные. Нога за ногу. Первый Даниил Иванович, как дошел, так и рухнул и не встает. Помог Антону Цаку дотащить рюкзак. Юрик Шиянов бледный, но еще улыбается. Деловитее и энергичнее всех,

хотя тоже смертельно устал, — Николай Петрович.

Палатки поставили рядом. По три человека в каждой. Набьемся, как сельди в бочку. В нашей — Антон. У Николая Петровича — «кухня» и продукты.

А крутить стало не в шутку. У ребят мерзнут ноги, и все желают скорее попасть в палатку. А как улечься втроем, да еще быстро? Даниил Иванович стонет, залезая в мешок: все не знает, как больную руку положить. А тут еще Антон неосторожно стукнул по ней. Ну, мне-то вклиниться — дело привычное. Скомандовал: «На бока!» и втиснулся. Даниил Иванович только охнул.

Высота 6500 метров. Все ближе заветная вершина пика Коммунизма

Из «кухни» получаем порции магги, язык, чай. Достаяю я, поэтому и лежу посредине. Холодом обдаёт протянутую руку и тут же обжигает горячей посудой. Даниил Иванович от языка отказывается (значит в нашу пользу). Антону даю фенацитин. Ну, теперь, кажется, все.

Спал не плохо, тревожил ураганный ветер, который кое-что в конце концов покалечил.

30 августа. Лагерь «6900». Вид у всех пасмурный.

Решили так, мне с Цаком идти вперед со станцией. Остальные немного позже донесут части к ней. Цак должен проводить меня метров на

двести, потом спуститься и с Шиянчиком «скатиться» вниз до Ледникового лагеря.

Увы, не дошли еще до подъема на гребень, как Антон взмолился: «Не могу, ноги замерзли, не дойду...». И через пять шагов остановился.

«Ну, отвязывайся, давай станцию — я один пойду». Взваливаю двойной груз на спину. Тяжело, но шагаю все же успешно. Уже до половины крутой части поднялся, когда отделилась от лагеря фигурка.

Глубокий снег: Тащить станцию тяжело, но до трещины все же дошел. Закусываю сахаром и шоколадом.

Из лагеря кричат: «Даниил Иванович заболел, идет вниз...» И вскоре от лагеря вниз начинает спускаться третья фигурка. Двигаются страшно медленно и все еще по ровному месту. Часто садятся.

Туман причудливо застилает все кругом, лишь надо мной кусок ясного неба, Сильно печет солнце. Поджидая отставшую пару, занялся рисунком.

Александр Федорович подтянулся к Николаю Петровичу, сели оба и... безнадежно. Я не выдержал, без рюкзака спустился к ним.

—Ну, Николай Петрович, с такими темпами мы у вершины станцию не поставим.

—Вы правы, давайте спускаться! Женя, идите за станцией и спускайте ее вниз. Поставим у лагеря...

Мои предположения сбылись, а как этого не хотелось!.. Николай Петрович продолжает:

—Станцию ставим близ лагеря и, отдохнув, совершаем восхождение на вершину.

Они едва дотащились до лагеря. Ноги у обоих подкашиваются, особенно у Александра Федоровича. Иду за ящиком.

Основание станции — доска от ящика, положенная чуть ниже снежной поверхности. Колья вошли крепко в наст, растяжки натянулись.

Радиоантенну тоже установил неплохо. Жаль, ветер слаб, не крутит пропеллер.

Кухмистерская теперь у меня. Варю, жарю: магги, язык, чай. С удобствами забираюсь в мешок. Сплю хорошо. Ночью ветер и снег.

31 августа. Лагерь «6900». С утра мрачно. Ветер, снег, туман.

Принимаюсь за чай. Две кастрюли сразу опустошили. Вылез, отгребая снег около палаток. Туман, ничего не видно. Снег тает на палатке и вода бежит внутрь.

Николай Петрович с Александром Федоровичем занимаются составлением «высокогорного ассортимента» продуктов. (Платоническое занятие, особенно когда продуктов ничтожное количество и в животе урчит).

Готовлю «язык по холодному», желая накормить одним видом, как во французском кабачке.

А снег все валит. Был просвет, но и тот затянуло тучей. Завтра, если погода будет сносная, выступаем на вершину. Если нет — еще ждем день на самом умеренном пайке.

Не спится. Все на луну смотрю. Светит ярко. Иногда снежком пересыпает.

1 сентября. Лагерь «6900». На рассвете начался сильный ветер, и вскоре разразилась снежная буря. Пришлось восхождение отложить на завтра.

Продукты экономим. Вместо какао готовлю лишь чай. Светит солнце, но кругом ничего не видно.

Ставить станцию сегодня, конечно, невозможно. Решили вначале попробовать у палатки... Только вылез — моментально замерз. Адские порывы смерча! Пропеллер крутится.

Очистил от снега обе палатки. Замерзли ноги. Снял шекельтоны — ив мешок! А станция осталась за палаткой. Николай Петрович сильно

сердится. Но над палаткой проносятся такие смерчи, что вылезать нет никакого желания! Но замучила совесть — уснуть не мог. Вылез до половины и снял пропеллер. Палатку мгновенно наполнило сугробом. Залез с головой в мокрый мешок и тут же заснул.

Порывы ветра невероятные. К утру порвало растяжку, и в моем распоряжении остался кусочек палатки. Ноги и бока крепко прижаты сугробами снега. Температура 27 градусов мороза.

2 сентября. Лагерь «6900».

Кругом свистит и ревет. Николай Петрович молит о помощи. Их палатку завалило наглухо. Не могут шевелиться. Задыхаются.

Я вылез из палатки. Сейчас же едва не сбило с ног, а палатку забило снегом.

Крышкой от кастрюли начинаю кое-как откапывать заживо погребенных. Освободив пострадавших, откапываю и их оторванную палатку. С большим трудом натянул ее вновь.

Затем натянул и край своей палатки. Закоченел. Влез в нее. Долой шекельтоны! Спальный мешок — ледяной. Немного отошел. Принимаюсь за кухмистерскую. Главная трудность — передача еды в другую палатку.

К вечеру стало стихать, и наконец, прояснилось. Вылез на работу по раскопке палаток. Работы — жуть! Нас завалило на метр. Кругом побелело. Выглядит все особенно мощно и как-то призрачно. Минимальный термометр показывает 45° мороза.

Завтра — последний шанс на восхождение. Продукты кончаются. Александр Федорович чувствует себя плохо.

3 сентября. Лагерь «6900».

Рассветает. Изредка метет. Дали туманны, но в общем ясно. Решено: выходим!

До трещины идем не связанные. Я довольно быстро обогнал Николая Петровича. Старые следы мои замело и надуло глубокого снега.

Медленно лезу по колено в снегу. Николай Петрович у трещины сел:

— Посмотрю ногу, не чувствует ничего.

Жду. Разувается страшно долго. Нога оказалась в порядке. Связались, и я полез. Ноги уходят глубоко в снег. Я весь в снегу, но все же медленно продвигаюсь вверх. Круто. Николай Петрович с одышкой медленно пробирается по моим следам.

Крутая часть оказалась длинной и утомительной. Снег необычайно глубок. Продолжительный отдых на первой вершинке. Дальше тревоживший нас карнизик оказался очень простым, и мы легко обходим его по правой стороне. Еще один подъем и опять глубокий снег. Николай Петрович все чаще садится, видимо, ему тяжело поспевать за мной.

Пологий подъем и гребень пройден. Но сколько времени прошло! Если и дальше так будем продвигаться, то прощай вершина! До темноты не добраться.

Предлагаю Николаю Петровичу отвязаться. Пойду вперед до седловины, а потом прямо на вершину. Николай Петрович пойдет там, где будет удобно, без большого подъема, и постарается подняться по северо-восточному гребню, сколько возможно. Предложение принято.

Иду один (Николай Петрович все сидит). Пологий подъем к траверсу вершинного гребня. Иду легко и быстро, склон 35-40°.

Встретил глубокий снег. Лезу по 15-20 шагов, затем отрываю. Обдумал план траверса. Иду под кубическими сбросами. Из глубокого снега выхода нет. Резкий поворот вверх вывел, наконец, на жесткий фирн.

Николай Петрович шевелится где-то далеко внизу. Кричит... Что — понять не могу. Доносятся лишь обрывки фразы: «Буря!.. влево...» По гривке, действительно, помело здорово и закружились смерчи.

Громадная трещина. По мостику переползаю на противоположную сторону. Беру резко вправо. Траверсирую над трещиной с большой осторожностью. Склон 45 градусов. Боюсь делать большие остановки.

Солнце уже спустилось низко!

Вот и северо-восточный цирк. Он залит солнцем и в глубоком снегу. Возникает новый план: затащить рюкзак на северо-восточный гребень — все равно по пути к вершине.

Тяжело лезть по крутому склону и в глубоком снегу. А вершина зовет и требует все новых усилий! Но какое облегчение и радость — на гребне, как фаянс, жесткий наст. Спешу посмотреть на запад — чудесная картина!

Слева огромная вершина — пик Е. Корженевской — за ней резкое понижение. Вершины слабо оснежены. На запад тоже массив: гребень с рядом вершин, уходящий дугой на северо-запад. Меж вершинами пика Коммунизма и Корженевской целая система красивейших, чешуйчатых ледников, спадающих в северо-западном направлении, но куда именно, проследить не удалось — закрыл туман. Поднимаюсь на острый гребень. Все же высота сказывается: шагов двадцать сделаю — и отдыхаю.

Начал спуск в основную выемку. Гребень, как нож, и небольшие карнизики. На восток почти полный отвес, около километра.

Последний крутой тяжелый кусочек преодолен. Справа гряда скалистых более пологих выходов. Первые плиты камней.

Вершина!.. Вот она! Не выдержал, от волнения и радости на четвереньках вполз и лег на чудесные, чуть тепловатые и защищенные от холодного ветра плиты.

Первое — вытащил альтиметр. Стрелка прибора ушла на последние деления — 7700 метров. Это приятно удивило. Если даже взять поправку (он показывал несколько более), то цифра все же остается солидной, близкой к 7500. Температура по альтиметру 20 градусов. Это не точно. Он обычно здорово не дотягивает. При сильном ветре морозит крепко. С моих усиков свисают две огромные сосульки. Борода тоже стала ледяной.

Дыхание восстановилось. Вытащил из кармана полплитки

шоколада, сжевал (рассыпается, как песок, и безвкусный какой-то).

Делаю схемы и зарисовки ледников, вершин и хребтов. Как обидно: вся южная, восточная и юго-восточная сторона закрыта от вершины огромным облачным флагом. Юго-запад тоже в туманной дымке и очень плохо различим. Лишь северо-запад очищается от тумана и видна грандиозная глубина, взмеенная красивейшими и мощными ледниками, и громады хребтов, уходящих и снижающихся вдали. Отсюда чувствуешь всю громадную высоту пика. Все вершины, тоже немалой высоты,— глубоко внизу. Лишь пик Корженевской «пытается подняться» до пика Коммунизма, но все-таки значительно уступает.

Солнце не ждет и неуклонно опускается вниз. Приходится спешить. Тревожит состояние Николая Петровича.

Последняя задача — сложить тур и вложить в него банку с запиской — оказалась не такой простой. Вершинные плиты представляют породу исключительно мягкую, пористую, красноватого цвета с округленными краями. Небольших отдельных камней рядом с вершиной почти не нашлось. Видимо, свирепствующие ветры срывают их и сбрасывают вниз. Лишь немного отойдя от вершины, удалось найти несколько камней и заняться не легким в этих условиях перетаскиванием их к вершинному левому (по ходу) пику, отделенному небольшой трещиной, полунаполненной снегом; через трещину приходилось широко шагать, и это утомляло еще больше. Притащив таким образом плит пять-шесть, сложил их вокруг плоской банки и сверху покрыл наиболее крупной плитой. Кончена работа!

Встал, огляделся. На туманном фоне востока тоже встала огромная фигура. Я замахал руками — и там поднялись огромные лопасти и тоже замахали.

Пора на спуск. Забрал альтиметр, ледоруб и не спеша полез среди камней. Увы: то, о чем столько думал, — забыл! Забыл захватить камень с

вершины. И еще пожалел, что тур сложил на самом вершинном камне, его наверняка сдует (а все из-за того, чтоб не сомневались, что до вершины дошел). Правда, кроме записки ниже в щель заткнул обертку от шоколада, но и она вылететь может.

На крутой гривке пришлось спускаться очень осторожно. Но слез довольно легко и быстро. Несколько неудобней стало идти дальше, по острому гребню. Приходилось сугубо аккуратно и не спеша ставить ноги и прочно всаживать кошки, стараясь не зацепить о штанину, иначе полет обеспечен.

Так, почти без отдыха, выбрался из выемки и увидел на гривке, на месте моего подъема, фигурку Николая Петровича. Спешу к нему по острой гривке. Один раз зацепил штанину, но удачно — хорошо воткнутый ледоруб удержал. Сбежал с гривки, траверсирую трещину. Вот уже скалы и встреча с Николаем Петровичем! Пожали руки, поздравили друг друга. Он видел меня на вершине.

— А где же рюкзак? Я не нашел его, — говорит Горбунов.

— Да вот он, в трещинке, к нему и следы ведут... — Чуть не рысью бегу к рюкзаку (досадно, сколько времени ушло, а измерения еще не сделаны).

Достаю инструменты, планку для лейки. Николай Петрович заряжает трясущимися руками. Замерз он очень. Щелкает фотоаппаратом, но лейка работает явно плохо. Я беру бусоль и начинаю делать засечки. Записываю цифры в альбом и тут же спешу сделать наброски вершины Корженевской, западного гребня и других. Выходит коряво, трудно сосредоточиться, но хорошо и это, потому что (как позже выяснилось) зарисовки оказались единственными документами, характеризующими западные вершины. Лейка замерзла и ни одного снимка не вышло.

Николай Петрович спешит на спуск. Замерз окончательно. Солнце уже садится.

Я остался дорисовать и собрать инструменты. Захватил три камня с гривки (но позже забыл их на высоте 6800).

Ну, прощай, пик! Быстро пошел по крутому спуску догонять Николая Петровича. На седловине догнал.

Под мощными стенами кубических сбросов, маячащих силуэтами, совсем темно. Но скоро выручила луна. Желтым блином вылезла из туманной дали, не сразу, но осветила нам спуск. А подход к гривке был освещен уже исключительно ярко.

Николай Петрович немного отстает, делает передышки. Я покорно дожидаюсь. Вот и крутая часть спуска. Глубоко приходится приседать, чтобы без рывка опустить ногу в рыхлый грунт. Выше колена увязают ноги в старых следах. Кричу Николаю Петровичу:

— Легче ставьте ногу...

Но уставший Горбунов топает грузно, во весь мощный вес. Однако снег не сдал, и Николай Петрович удачно дошел до низа. Трещина также благополучно осталась позади. Ну, теперь дорога ясна и легка.

Очень тревожит состояние Александра Федоровича. Когда мы уходили, он был очень плох. Как-то он? Не случилось ли чего-нибудь непоправимого в наше отсутствие?

Быстро с подбежкой иду к лагерю. Луна ярко заливает фирны пика зеленоватым таинственным светом, отчетливо выделяя наши следы. Маленькими квадратиками показались палатки. Еще ускорил ход — и вот я уже около них. Тихо. Приоткрываю палатку.

— Александр Федорович, вы живы?

— Жив, жив, и о вас страшно беспокоюсь...

— Ну, как видите, и мы живы, и вершину взяли!..

Пока говорили, подошел и Николай Петрович. Опять поток взаимных расспросов.

«Хорошее самочувствие, очень удачно спустились», — говорит

Николай Петрович и разуваясь, и вдруг замолк, пощупал ноги — они ледяшки и носки к пальцам примерзли. Вот так удачно!..

Сейчас же (о чае уже некогда думать) перетащился Николай Петрович в мою палатку и пошла работа оттирания. Одну ногу тру снегом и рукавицей. Другая одета в носок и сам Николай Петрович трет ее. И так по очереди — бесконечная, нудная, но необходимая работа. Постепенно разминаются пальцы, появляется гибкость. Пальцы уже сами гнутся, но чувствительность никак не возвращается. Прошло много времени. Высоко вошла луна — я все тер. Наконец, пальцы пришли в приличное состояние, совсем оттаяли, но чувствительности добиться так и не удалось. Решили кончить. Спать клонит (о чае уже забыли думать).

Скорее в мешок. Влез в него во всем снаряжении, исключая ботинки. Ноги оказались тоже чуток подморожены, однако оттирать не стал. Попробовал — гнутся, ну и ладно, отогреются сами. Заснул быстро и спал здорово.

4 сентября. Лагерь «6900».

Встали не рано. Чудесное ясное утро. Принимаюсь за приготовление чая. На магги что-то не тянет.

Ноги Николая Петровича двигаются нормально, но чувствительность, увы, не вернулась.

Занялся сборкой станции, Николай Петрович — кухней. Бесперывный чай — это почти единственное, что у нас осталось. Есть еще банка шпрот (порция Николая Петровича). Но вот и она дружно опорожнена. Осталось немного шоколада — доели и его. В общем подчистили все остатки, а чай разливался рекой на все лады. Так часа два и прочаевничали.

Начали сборы. Пока вытряхивали все из палаток, да укладывались — времени прошло уйма. Все мокрое, все в снегу, все обледенелое. Нужно немного подсушить (с трудом свертывается), да и больным нужно помочь

уложиться.

Сборы закончились, когда солнце сильно склонилось к вершине. Я навьючил на себя огромный рюкзак, захватил остатки деталей к станции и отправился кончать установку.

Радиостанцию подтянуть — дело нескольких минут. Соединил контакты, затем начал заклепывать пропеллер, чтобы не сорвало. При помощи кусачек довольно добросовестно укрепил его. Осталось подтянуть растяжку, установить стойку по отвесу, надеть тормозной винт.

Я уже кончал работу, когда со склона раздались крики. Приподнявшись, я увидел Николая Петровича и Александра Федоровича. Они беспомощно сидели и усиленно звали меня. Поспешил скорее собрать разбросанные инструменты, привел в порядок станцию и, вскинув свой рюкзак, быстро двинулся к ним.

Состояние Александра Федоровича тяжелое. Связались. Впереди я, затем Николай Петрович, последним Александр Федорович. Часто отдыхаем. Александр Федорович дышит страшно тяжело. Бледный, как мертвец, и странно заострился весь, смотреть жутко. Тут и поспешить не мешало бы: вечер скоро и ноги Николая Петровича опять могут замерзнуть, но никак нельзя!

Пошли трещины. Следы во многих местах передумо и намело целые сугробы, что еще больше затрудняет передвижение.

Александр Федорович опять свалился. Терпеливо ждем. До каменистых выходов еще три раза отдыхаем, а на оных расположились всерьез. Целая процедура поднять Александра Федоровича: ослаб он страшно.

Солнце уже зашло за вершинный гребень пика. Длинная тень закрыла Бивачный ледник, лишь гребни соседних вершин еще ярко сияют. Александр Федорович жалуется:

— Николай Петрович, идите ровнее, вы сейчас меня свалите...

Еле тащу связку. Наконец последний снежный бугор. Еще немного... Вот последняя гривка, а вон и палатки лагеря «6400» венчают скалистую гривку.

Но что это? Из палатки кто-то выходит. Кричу:

—Антон!..

Незнакомая фигура в гольфах спешит навстречу. Фигура приблизилась. Носильщик? Нишан! Вот так щеголь! И где это он гольфы достал? Пока он обходит камни, по огромной заплате сзади на гольфах узнаю свои. Ну, хорошо, носи, да лазай только получше!

С его помощью довольно успешно транспортируем вниз Александра Федоровича. На мои плечи легли все вещи. Груз получился увесистый, но плечи выдерживали, в помощи не нуждались, и все довольно быстро дошли до лагеря.

Трогательная встреча. Расцеловались с Антоном и Зекиром. Они, оказывается, поднялись совсем недавно, за полчаса до нас и подтащили продукты.

Уложили Александра Федоровича и Николая Петровича в палатку.

Я устроился в нижней палатке с уртаками, и они сразу же принялись меня угощать. Язык, колбаса, сыр, печенье, чай... С жадностью навалился на все сразу. Даже спать тяжело.

Увы, не все хорошо кончается. Часа через три характерная боль в глазах. Всю ночь не мог заснуть.

5 сентября. Лагерь «6400».

Утро печальное... Глаз открыть не могу — страшная резь. Было трудно собирать станцию в очках и я снимал их! Провозился со станцией целый день на высоте 6900 метров на ярком солнце. И вот я слепой.

Носильщиков нагрузили увесистыми рюкзаками и отправили вниз. Пошли без особого энтузиазма; внизу есть, говорят, нечего, а здесь всего много.

Спускаюсь быстро — частично по лестнице, частично по скалам

Антон переселился ко мне. Ухаживает за «слепым» и кормит, как на убой. К вечеру боль стала утихать. Решили на ночь никаких снадобий не прикладывать. Александр Федорович чувствует себя значительно лучше. Но у Николая Петровича ноги отнюдь не поправляются, а наоборот, ходить ему становится все труднее.

6 сентября. Лагерь «6400».

Я уже немного могу смотреть, хотя обильно бежит слеза и перед глазами туман. Спускаться решили сегодня. Медлить нельзя. Сборы заняли

много времени. Опять в рюкзак набралось слишком много. Пришлось мои ватные штаны оставить. Палатку свернули, и, привалив камнями, тоже оставили. Зато злосчастную кинамку уже никак нельзя было оставлять — взвалил на себя.

Выходим поздно, около 11 часов. Первая связка — Николай Петрович и я. С сугубой осторожностью лезет Николай Петрович. Я охраняю. Конец веревки короткий. Пройдя его, Николай Петрович отдыхает. Задняя двойка нервничает. Просят, чтобы их вперед пустили. Но они с Александром Федоровичем не пошли бы быстрее.

Наконец, дошли до спуска по склону. Опять верхние ждут, чтобы не спустить на нас камни.

Присыпанный снегом скалистый склон требует еще большего внимания. Помогают вбитые раньше крюки. Говорят, скоро и веревка должна быть, укрепленная Александром Федоровичем, Долго искали, и лишь у самого снежника действительно оказался короткий конец, который немного помог.

Со снежника все сдуло. Кое-где обнажился лед. Пришлось подрубить. Сверху торопят и волнуются. Александр Федорович взял у Антона ледоруб, когда тот снимал рюкзак, что-то крикнул нам, взмахнул ледорубом и... выпустил его. Сделав несколько огромных прыжков, злосчастный ледоруб попал на камень, да так, что дальше уже полетели две части, а вскоре и все четыре скрылись за ближайшим уступом.

Осторожно спускаемся с последнего снежника, охраняя друг друга.

Самая неприятная часть позади. Впереди пять жандармов, но уже значительно обезвреженные навешенными веревками, лестницами и, что, пожалуй, главное, — очищенные от шатких камней.

Отдохнули. Сыпучим кулуарчиком пошли скорее, хотя и тут требовалась осторожность: камни сыплются здорово.

Еще кулуарчик, но более безобидный, и Николай Петрович

страхует меня уже с площадки пятого жандарма. Спускаюсь быстро — частично по лестнице, частично по скалам. Не успели мы выбраться, как сверху уже посыпались камни: опускаются Антон с Александром Федоровичем.

Наиболее неприятный траверс по стене тоже отнял много времени. Горбунов сначала не знал, как к нему приступить, но благодаря своему длинному росту спустился удачно.

Четвертый жандарм уже кажется пустяковым, хотя охранение не оставляем и здесь. Вот и траверс у снежника, заваленного свежим снегом, остался позади. Николай Петрович обошел кругом и снизу охраняет. Я быстро подхожу к нему. Вообще за мной задержки не бывает. «Вы идете вдвое быстрее», — замечает Горбунов.

Впереди кусочек с наклонными плитами, требующий большого внимания. Еще немного и последняя лестница прощается с нами. А отсюда до второй снежной гривки — рукой подать. Но без кошек тут не обойтись. Спуск пошел быстрее. Охраняем лишь на самых крутых участках. Прошли уже почти весь снежник, а вторая связка только выходит на него.

Опять снимаем кошки. Надоедливая процедура, особенно когда время дорого — дело совсем к вечеру. Знакомый траверс скалистой стенки. Гривка. Кулуар и спуск к третьей снежной гривке, требующий осторожности, дабы не наградить нижнего хорошим камешком. Все прошло удачно.

Ба! Знакомое лицо улыбается навстречу. «Ураим! Якши, джигит! Лезь выше, там начальник, помоги, рюкзак возьми», — и разошлись. Спешим скорее спуститься, чтобы невзначай шишка сверху не прилетела, и все-таки парочку камней он нам бросил. Опять встали на кошки.

У лагеря «5900» встречают уртаки. Кроме Зекира все налицо. Рады страшно! Решили было отправить их на «5600», но пока сматывали «шарабара» стемнело совсем, да и они не выражали энтузиазма к спуску. Решили

оставить ребят, благо и палатка еще одна прибыла. Ребята довольны.

Мое зрение восстановилось окончательно. В сухом и мягком мешке спать прекрасно.

7 сентября. Лагерь «5900».

Утро чудесное. Уже чувствуется, что спустились порядочно.

Солнце хорошо пригревает и воздух теплый — минус 3 градуса (вчера вечером было минус 5). Александр Федорович поправляется страшно медленно. Все еще очень слаб.

Со скалы виден лагерь «5600». Нам кричат, видимо, горят нетерпением нас увидеть. А мы не спешим. Сначала отправили уртаков, затем собрались и сами. Пошли опять в том же порядке.

Носильщики ушли недалеко. На втором жандарме догнали их и помогли спуститься. Старательно охраняем; лезут ребята тихо и неуверенно. Потом полез Николай Петрович. Что-то ужасно долго, ждать надоело. Оказалось, изменение в пути: выпали некоторые камни, и спуск затруднился.

Дальше уже пустяковое дело — идем «пешком». Ух, как приятно! Почти вся действительно серьезная армия жандармов побеждена и осталась позади. Впереди длинный волнистый гребень, еще одна скалистая кочка, пологий гребень и мы уже совсем дома — в лагере «5600».

Носильщики резвятся, дурят, скатываются по снежнику. Снег растопило, мокроватый, скользит. От прошлой бури еще остался толстый покров, местами ноги вязнут в следах. Последний раз снимаем кошки. Через жандарм перебираемся быстро и по снежнику уже топаем без кошек. Из лагеря на ближнюю кочку вышли встречать нас все его обитатели. Первой затрещала кинамка. Оператор страшно суетится. Миша Дудин торжественно говорит поздравительную речь. Сошлись, обнялись и крепко расцеловались... Приятно все же, когда так тепло встречают и радуются нашей общей удаче. Оператор продолжает щелкать и трещать, снимая со

всех сторон и в разных комбинациях. Доктор сейчас же занялся больными.

Н. Горбунов и Е. Абалаков в лагере «5900»

Появилось еще одно новое лицо и приветствует нас. Это длинный юноша — строитель станции радист Маслаев. О его прибытии мы уже знали, знали и о том, что он привез самопишущую годовую станцию. Мы хотели поставить ее на «5900», но Маслаев поторопился и поставил ее на «5600». Однако получилось совсем неплохо. Тот же Маслаев ободрил совсем было упавших духом «низовиков», увидав 3 сентября со склона пика Орджоникидзе две наши фигуры, поднимающиеся к вершине пика Коммунизма.

Передохнули. Наговорились вдоволь. Наконец, смотали свое «шара-бара», и лагерь «5600» был ликвидирован.

Начали спуск.

На карнизе глубокие следы, поэтому кошек решили не надевать. С легким подкатыванием сбежали вниз. Дорожка заметна, но уже здорово подтаяла, местами обнажился лед. Скалы уходят назад. Грозно нависающий ледник тоже отступает. Наградит ли он на прощанье лавиной или помилует? Давно уже не было больших лавин, а там наверху явно готовится огромная лавина, она уже медленно отделяется от основной

массы, готовая ежечасно нарушить грохотом горную тишину. Но нас помиловала.

С подкатцем прошли лавинный кулуар, по крутой части съехали сидя и дальше с подбежкой вниз по извилистой тропе. Отставших еще не видно.

Знакомый шум ледникового потока. Так бы и выкупался в нем! Теперь только стена сераков отделяет нас от лагеря. Меня берет радостное нетерпение, и я все время убегаю вперед. Кончилась ледяная готика. Вышли на серую зыбь морен, но на этот раз они не удручают: ведь лагерь уже на виду и там нас ждут! С вершинной морены кричу его обитателям.

В лагере зашевелились. Люди в полушубках, похожие на зверей, двинулись нам навстречу. Даниил Иванович с рукой как в люльке. За ним Шиянчик. Данила растрогался, а при упоминании о руке даже всплакнул. Юрочка все еще бледноватый, но выглядит уже бодрей.

Темно, а Александра Федоровича, давно спустившегося с последнего ледникового крутяка, все нет и нет. Уже произошла перегруппировка палаточных обитателей и место ждет больного. Я не выдержал, иду навстречу, ковыряя в темноте морену. Сверху услышал, наконец, голоса и скоро встретил отставших. Обняв за шею Мишу и Витю, как на костылях, медленно передвигается Александр Федорович. Я сменил Маслова, и мы заковыляли.

В лагере уложили Александра Федоровича в палатку.

Спим втроем в старой нашей палатке. Из палаток доносятся стоны, хриплое дыхание, многие во сне вскрикивают. Кажется, один я здоров и сплю за всех.

8 сентября. Лагерь «5600».

С утра начались сборы. Закончились они лишь к 12 часам.

Я пошел с рюкзаком раньше, с расчетом успеть подняться на гривку и порисовать пик Коммунизма.

Погода исключительная. Легко идетя по знакомой легкой дороге вниз. Вот первая гряда сераков. Как все изменилось! Сераки растаяли чуть ли не наполовину. Особенно неузнаваема дорога у озера: из трудно проходимой среди грандиозных сераков она превратилась в пустяковую. От нашего моста не осталось никаких следов: дорога и здесь упростилась — проходит теперь по берегу. Озеро разрослось и изменило очертания.

Устроился рисовать. Закончив акварель пика Коммунизма, нельзя было не соблазниться панорамой цирка пика Ворошилова. Но здесь, к сожалению, пришлось ограничиться рисункам. По богатству цвета это исключительное местечко.

Караван из маленьких фигурок прошел подо мною и исчез. Спешу вниз. Небольшой неприятный участок плит, остальное — крутые осыпи. Только посматриваю, чтоб сзади камень не влетел. Подбегаю к рюкзаку, с ходу на спину — и айда дальше! Подкрепиться даже не захотелось. До спуска прошел быстро, а под ним обнаружил и караван.

Опять морены. Лошади поскальзывают. Однако до подъема добрались удачно. Зато при попытке подняться по крутой и полуразрушенной тропе полетели вьюки. Пришлось лошадей выводить порожняком и вьюки подтаскивать наверх самим. Дорогу развезло здесь жутко. На южном склоне большие оползни сделали ее непроходимой. Обходы страшно плохо разработаны.

Часть каравана отстала. Начинает темнеть. Ну, будет работа! Народ там остался свежий. Доктор, оператор да носильщики — поблуждают. Караванщики нагонят — выведут.

Догнал ребят. Идем в потемках, отгадывая дорожку. Она кажется бесконечной. Из лагеря усердно кричат и палят. Вдали появился огонек. Он все ближе, ближе и вдруг вынырнул из-за холма совсем рядом. Э! Абдурахман, Шибшов, Алеша!

— Ну, хоп, валите навстречу каравану!..

Огонек зашатался и начал удаляться...

Караван и остальные застряли крепко, нужно выручать. Однако сейчас так темно, что помочь чем-либо трудно, а лучшего проводника, чем ушедший навстречу Абдурахман, не найти. Придется ждать. Подкрепились кийком (остатки от загубленной Мишей пары), вдоволь почаевничали.

Тем временем луна осветила вершины и полезла на ледник. Ну теперь, пожалуй, придут! Действительно, снизу слышны голоса, бряцание копыт. Показались люди, лошади. Идем навстречу.

— Ну как, все? — спрашиваем.

— Нет. Часть осталась ночевать там, на подъеме.

Оказалось, застрявшие поднимались пешком, что было нелегко и Николаю Петровичу и Александру Федоровичу, а затем начали путать и решили заночевать. Поставили палатки и в общем устроились неплохо. Хорошо, что караван дошел.

Чудесно выспались под открытым небом.

9 сентября. Рано утром отправили к «осажденным» гонцов с питанием и лошадьми.

Чудесное ясное утро, чувствуем себя после холода и снега как на курорте. Обстоятельное омовение сопутствует плотному завтраку. А как приятно печет тело, расставшееся со штурмовками, горячее солнце! Вот и последние, говорят, продвигаются. Сейчас настроение у всех хорошее. Опять у озера вырос большой лагерь.

В связи с успешным окончанием восхождения носильщики устроили сабантуй с чехардой и цыганской борьбой. Фурор произвела схватка, в которой Абдурахман перевернул Елдаша — чемпиона, уже сугубо тяжелого веса. Веселы — резвятся, смеются.

Меня, наконец, осмотрел доктор и нашел мое состояние исключительно хорошим: даже пульс 62 удара.

Наши планы таковы: под редакцией Николая Петровича составить телеграмму ЦК Партии и Правительству. Маслаев, оператор, я и еще несколько человек должны дойти до метеорологической станции и оттуда по радио передать ее в Москву. Николай Петрович показал нам на карте две точки, где может находиться метеорологическая станция. С тем и пошли.

Пройдя первую речку, повстречали наших охотников, весь цвет: Миша, Юра, Антон. Они забрались высоко, но кийков не видали.

И стало темнеть. С Перевала пяти услышали внизу голос. Оказалось, оператор преодолевает нижнюю часть спуска. Спустились чуть не ощупью. Никакой видимости. Прошли немного, вдруг еще один знакомый голос...

— Аркадий Георгиевич! Вот встреча!

— Ну, поздравляю! Мы хотим добраться к Подгорному лагерю. Со мною художник Котов.

Консервы взяли очень кстати. За чаем пришлось коротенько рассказать историю восхождения. Уже забравшись в спальный мешок, долго беседовали с Котовым. Рассказывал об Алтае (он тоже сибиряк, из Томска). Говорили об искусстве.

Взошла луна. Картина кругом столь мощная и сказочная, что долго не мог уснуть.

10 сентября. Встал с восходом солнца — решил сделать наброски пика Коммунизма и соседних вершин. Поднялся на чудесную скалистую гривку. Маслаев меня сопровождает. На соседней гривке увидел наших охотников. Кийки и на этот раз не желали, видимо, их баловать. Стала очевидна вся безнадежность дальнейшей охоты.

Хороший вид способствовал желанию подняться еще выше. Маслаев, упорно шагавший за мной, не выдержал и сел. Я занялся рисунком. Внизу прошел наш караван. Маслаев начал спуск и быстро

исчез. Сделав три наброска, начал спускаться и я.

Внизу застал еще Аркадия Георгиевича и бородатого дядю, никак не подозревая, что это и есть художник Котов, с которым я разговаривал ночью. Продемонстрировал свои наброски вершин под хвалебные гимны Аркадия Георгиевича и поддакивание бородатого.

Распростившись с товарищами, быстрым шагом подался вниз. Караван остановился недалеко, и вскоре я его нагнал.

Мои спутники, рассчитывая вернуться сегодня, оставили свои рюкзаки караванщикам. Посему и я решил пойти налегке, оставив также рюкзак у караванщиков. Засунув альбом за рубаху, с подбежкой зашагал к «чертову гробу».

Вот и озеро в глубине, обходная по крутой насыпи тропа уже хорошо разработана. Какой изумительный отсюда цирк Калинина, я раньше и не замечал! Подъем, тропа крутит по морене. Владина «чертова гроба» пуста. Вот и перевал выползает меж острых пиков. Знакомые места! Юрта подстанции. У входа кинооператор. Он совсем недавно здесь. Маслаев не появлялся. (Без приключений не может).

Радужные хозяева (два техника-строителя станции и караванщик, здоровенный киргиз Козыбай) угощают нас супом из кутаса*.

Тревожит судьба радиста Маслаева. Пошел навстречу. Вышел на морену — вижу уже к самому низу спускается фигура. Маслаев!

— Где ты пропал? — спрашиваю.

— Очень высокий перевал. Лез, лез... Осыпи очень крутые, сыплотся... (Представляю, какой грохот был!). Устал очень.

— Ну, хоп. Подзакуси, да пойдем! Времени уже много.

Я расспросил зимовщиков о дороге к станции. Надо было идти по леднику, а там на выступе будет видна станция куполообразной формы, издали похожая на камень. Вышли на морену.

* Кутас, или як, - крупное жвачное животное.

На льду, поджидая отставших, сделал пару рисунков. Вдали увидел что-то похожее на станцию. Расстояние показалось подходящим. Правда, не совсем совпадала форма, но на камень во всяком случае было похоже. Объявил о своем открытии. Все смело зашагали вперед.

Но чем ближе мы подходили, тем все больше нарастало скептическое отношение к моему открытию. Подойдя вплотную, убедились, что это таки действительно камень. Огляделись несколько растерянно. Новых признаков станции не обнаруживалось. Уныло пошли вперед, шаря глазами по склонам. Я опять наемного опередил остальных. Маслаев несколько раз палил. Мы упорно кричали, но, увы, все без ответа...

Солнце зашло за хребет. Холодная тень легла на ледник. В коротеньких штанишках и рубашке начало крепко пробираться. Дошел до последнего большого массива, дальше которого предполагать существование станции трудно — ни одного подходящего места. Решил податься обратно. Посредине ледника резво прыгаю через трещины.

Вот и наши тащатся. Усомнились в существовании станции и тоже очень озабочены. Достали карту, и тут я впервые установил, что эти две точки, указанные нам Горбуновым, находятся здесь. Ближняя примерно у места, куда мы подошли, а вторая у самого Кашал-аяка. Это обстоятельство смутило. Что ж, придется еще пошагать!

Хребты потемнели, лишь левые вершины еще блестят на солнце, отливая сталью; ледники бурно, ледопадами сбегают из боковых ущелий и успокаиваются на леднике Федченко, покрытом темно-синей тенью, с черными дорогами морен. Только «Шпора» с огромными пологими фирнами сияет белизной.

Неожиданно впереди, вдали на морене, что-то задвигалось. Всмотрелся — лошади и люди идут навстречу. Спешу вперед. Наконец, поравнялись.

— Салам алейкум! Станция где?..

Караванщик показывает рукой на последний выступ. О-го-го! Далековато! Считая дальнейшие расспросы бесполезными, пошел по направлению к выступу. Пройдя порядочно, решил перейти ледник. Маленькими точками движутся позади остальные спутники. Ледник в этом месте спокойный. Переходить легко. Впереди впадина и моренка, отделяющая ледник Федченко от ледника, впадающего слева.

Перешел по морене еще кусок ледника, и вот видна уже дорожка по фирну вверх, к станции. Начало темнеть. Длинный кусок фирна вывел к скалам, а по ним уже нетрудно было добраться и до цели. Вначале показывается красный флаг, затем большое, как ангар, здание станции...

Прошло много времени, когда, наконец, появились остальные.

Встала проблема ночлега. Учитывая наше южное одеяние и отсутствие рюкзаков, пришлось выдать нам серьезное утепление.

11 сентября. Спал совершенно изумительно. Наконец стало жарко, пришлось раскрыться и одеться. Видимо, по случаю нашего прихода налегли на мясо. Поваренок отлично с ним расправился и сотворил вкусные вещи. Все попытки Маслаева связаться по радио с Ташкентом пока еще не увенчались успехом. Оператор уже вдоволь натрещал кинамой.

Покончив с делами и поручениями, я заинтересовался исключительным по мощности пиком Комакадемии. Спешу сделать набросок. Рядом с левой стороны, значительно глубже, еще пик. По моему определению — Дарваз. Меня оспаривают. Разложив карту, по компасу определяем направление — совпадает. Торжествую. Тут же подоспел неутомимый оператор. Трещит кинамка, запечатлевая нас с картой в руках. Я решил пойти исследовать Кашал-аяк.

Станция стоит на скалистом выступе, уходящем глубоко в ледник. Ледяные массивы, наталкиваясь на него, образуют большой ледопад,

довольно значительно расщепленный. Первая же ледяная стенка заставила меня прибегнуть к помощи ледоруба. Ступени приходится рубить тщательно, ибо стена почти отвесна. Под душем струй с верхнего края спешу пробиться кверху. Острый ледяной гребень — и опять без ледоруба не обойтись. Срубаю остриг гребня и, балансируя, продвигаюсь вперед.

До ровного места осталось траверсировать крутой склон. Но, сделав два шага, вдруг проваливаюсь в яму, наполненную водой и затянутую ледком. Хорошо — неширока, задержался руками. Выскочил по пояс мокрый. «Приятная ванна».

Не успел пройти и пяти шагов, как нога опять свободно пошла вниз. Вынуждено осев на одну ногу, почувствовал довольно резкую боль ниже колена. Высвободить ногу — пустяк. Посмотрел на другую — неприятный глубокий разрез от подвернувшегося острого камня. Удачно спустившись до ровного фирна, протер рану снегом и перевязал платком. Рана кровоточила слабо, хотя пробито до кости. Решив, что срывать поход из-за ерунды не стоит, быстро зашагал к перевалу.

Вначале ровное поле расщепилось трещинами и чем дальше, тем более неприятными.

Трещины здесь носят особый характер, отличаясь колоссальной глубиной и шириной. Сверху они мало заметны, едва расходятся, но ниже образуют громадные вместилища. Разодранные, соединенные мостами карнизы нависают бахромой колоссальных сосулк. Заглянешь, внизу сказочные, иглистые, переливающиеся отсветами гроты. Но попасть в них — значит остаться там навеки.

Учитывая свое одиночество, пробираюсь особенно осторожно. Аккуратно перепрыгиваю узкие щели, обхожу широкие. Понемногу щели оттесняют меня вправо. Целая система еще более широких трещин окончательно заставляет свернуть к цирку Комакадемии и сделать большой обход, который очень удачно вывел меня из лабиринта трещин.

Памирская метеорологическая станция на леднике Федченко

Рисунок Е. Абалакова

Перейдя снежную гривку, иду дальше, уже по прямой, к перевалу. Пологие скаты изобилуют трещинами колоссальной ширины и длины. Прощупывая путь, продвигаюсь к черте перевала. Пик Комакадемии, заслоняемый ближайшими вершинами, вновь выполз в новой форме, еще более отвесный и мощный.

Солнце хорошо греет. Иду в очках, досадно, что очки так меняют цвета, хотя яркость остается почти та же. Слева «Шпора» сияет фирнами, лишь в некоторых местах обнажая скалы. У самого перевала плато становится почти совсем горизонтальным и даже трудно установить, где место перевала.

Прошел еще порядочное расстояние и, наконец, начался легкий спуск. Направо открылись изумительной красоты вершины. Как перламутр, переливаются отвесные стены и убегающие смелыми зигзагами острые гребни. Ледники чешуйчатыми стенами заполняют низины. Я дошел до встающей неожиданно, как нос корабля, гривки, разрезающей ледник с правой стороны. Здесь начался лабиринт трещин.

Сел и принялся за наброски. Почти панорамой, подряд, зарисовал все до пика Комакадемии. Затем отошел на середину ледника и набросал

его спуск и синеющий вдаль хребет Ванча. Пройдя на левую сторону, попытался оттуда разглядеть вершину, принятую мною за вершину пика Коммунизма, и сделал еще один набросок. В дальнейшем при проверке оказалось, что эта вершина к пику Коммунизма имеет мало отношения; пик расположен восточней. (Во всяком случае отсюда вершина должна быть видна, потому что с подходов к Кашал-аяк мы чудесно видели ее).

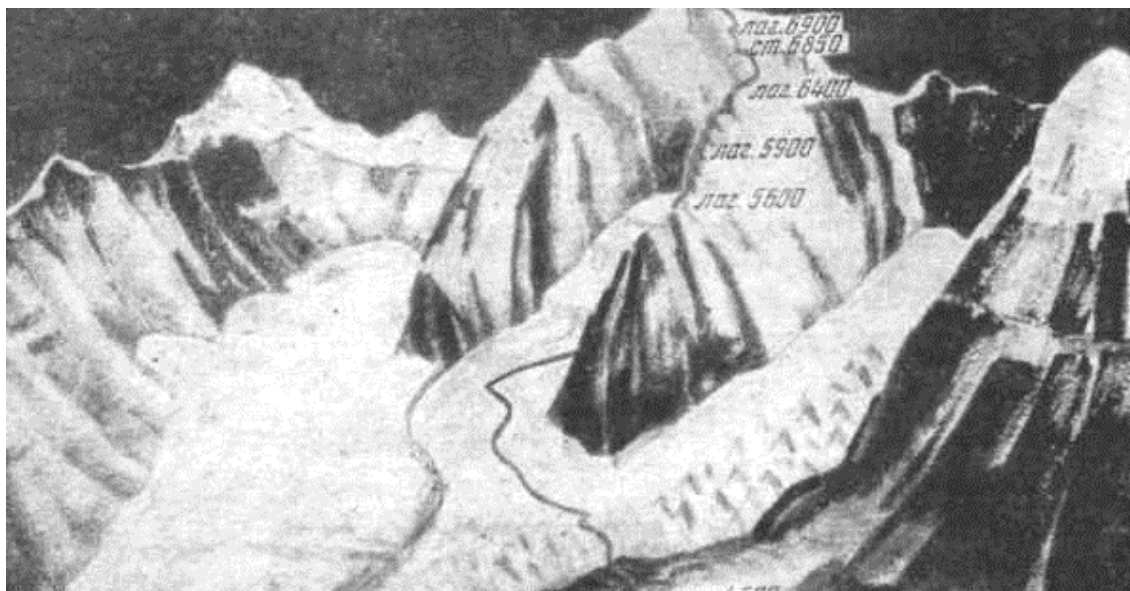
С Дарвазом вышло не совсем удачно. Не захватив с собой карты, я не мог сразу сориентироваться. А после по рисункам разобраться было нелегко. Однако предположение о местонахождении данной вершины осталось. Думаю, что оное название носит вершина, открывающаяся всем массивом с перевала — первая большая вершина влево от Комакадемии. Влево от этой вершины уходит глубокий цирк, с сильно оснеженными, тоже мощными вершинами и значительным ледником. Левая сторона заканчивается еще одной вершиной с крутыми ребрами, уступами спускающимися к леднику Географического общества.

Времени прошло много. Сделав еще набросок пика Комакадемии, начал с подбежкой спуск. Переваливая гребень в обратную сторону, пытаюсь найти старые следы — и не могу. Лишь в конце спуска натываюсь на них. Первую обходную часть прошел по следам, но у трещины потерял их и пошел прямо, в направлении станции.

Нога тревожила несильно, часто я совсем забывал о ней. В общем, событиями остался доволен, особенно после огромной порции жирного супа, приподнесенного мне симпатичным парнишкой-поваром.

Набросок станции из-за темноты не закончил, решив доделать его утром. Здание станции необычайно как по форме, так и по месту расположения. Если бы заранее не знал, что это станция и что здесь есть люди — не поверил бы своим глазам.

Сплю опять в той же палатке и не менее крепко. Немного тревожит снег, загоняемый в окошечко ветром.

*Схема маршрута восхождения на пик
Коммунизма и расположения лагерей*

12 сентября. Метет. Бледное утро. Туман. Так и не пришлось сделать порядочный рисунок станции. Вчерашний наскоро кончаю из палатки. Ждем лошадей. Их запорошило снегом, они жмутся. Седла вьючные, деревянные. Наконец распрощались с гостеприимными хозяевами.

По фирну ведем лошадей за повод. Часты скрытые трещины и нужна осторожность. Перед трещиной лошадь подбирается и затем быстро перепрыгивает, иногда чуть увязая задними ногами. На леднике все сели верхом. Лишь я еще долго веду своего «рысака» на поводу. Жаль, уж больно маленький конишка! Впечатление такое: как сядешь — так завалится. Но совершенно неожиданно этот пигмей оказался дюжим и симпатичным коньком. Он изумительно знал дорогу, редко спотыкался и хорошо выводил из лабиринта трещин.

Вершины скрыты в туманен Неприкаянными бродят клочья облаков. Внезапно тишину нарушил страшный грохот. Оборачиваемся — ничего не видно, лишь несколько позже из-под завесы выскочили громадные каменные бомбищи. Они снарядами рвутся по скалам и осыпи, шрапнелью засыпают склоны и, нашумев, успокаиваются на леднике. И

вдруг опять грохот, и снова громадными прыжками, словно с облаков, валятся каменные глыбы. Пыль завесой долго ползет по склону.

Козыбай успевает всюду: то впереди идет, то отбивающихся боковых коней в строй вводит, то отставших подгоняет, иногда рысцой, разбрызгивая талый снег и лужи, разгоняет лошадей. Быстро уходят назад хребты и ступени боковых ледников. Уже недалеко и подстанция. Скорей бы! Импровизированные веревочные стремяна начинают выворачивать щиколотки.

Знакомые морены, где дорожка выписывает восьмерки, а лошади скользят и судорожно цепляются на крутых спусках и подъемах.

Подстанция. Обжигаемся жирным супом из кутаса. На фанерном ящике расставлены кружки, сахар, печенье. Ждем чая. Получили громадную пачку газет и писем. Увы, мне ничего нет.

Козыбай опять насаждает на нас — торопит. С явной неохотой сажусь на коня. Потянулись тени от хребтов. Решил — доеду как-нибудь до морены, а там уже обязательно поведу коня на поводу, ехать нет никакого терпения.

Шумят речки в ледяных желобах. Сверкают и журчат бесчисленные потоки, покрывая водяной сеткой ледник. Сдавило лед моренами, полоса его уже совсем неширокая, бугрится гривкой. Моя лошадь прошла.

Хороший выход на гривку. Решив сойти несколько позже на явно крутом месте, я доверился лошади. Судорожно цепляясь копытами, залезла почти доверху и... не осилила, скользнула и съехала. Едва успел кое-как задержать. Остальные давно уже идут пешком.

Вдали показался лагерь.

1934

Снова Памир. На этот раз Е. Абалаков участвует в Памирском военно-учебном походе в качестве инструктора по альпинизму. Одновременно он готовит группу офицеров для восхождения на пик Ленина.

4 июля Е. Абалаков со своим братом Виталием снова на базе Таджикско-Памирской экспедиции. Здесь к ним присоединился геолог Давид Церетели. 7 июля они с необходимым для восхождения грузом на машине доезжают до Бордобы. Отсюда с караваном направляются в горы — искать место для лагеря. 9 июля, достигнув реки Ачик-таш, разбили основной лагерь. Караван ушел вниз за оставшимися вещами.

Начались предварительные обследования подступов к пику Ленина — ближайших перевалов, ледников, гребней. Намечались наиболее доступные для массового восхождения маршруты. Караван доставил последнюю партию груза.

Евгений Абалаков много рисует: акварельные этюды пика Ленина и других вершин появляются во многих вариантах.

Наконец 29 июля прибыли основные участники похода...

О важнейших событиях этой экспедиции рассказывается в путевом дневнике Е. Абалакова.

Памирский военно-учебный поход

29 июля. Вокруг лагеря целый город вырос! И народу много, много новых незнакомых лиц. Вот и Миша Дадиомов в военном костюме, и еще несколько незнакомых командиров. Крепкие рукопожатия. Все они загорели и чуть облупились, но вид у всех бравый. Мы перед ними выглядим прямо-таки бандитами: обросшие, облупленные, в коростах, штурмовки от камней порвались. Обступили нас толпой. Разговор идет и о нашей здешней жизни, и о маршруте, и о вершине пика Ленина, и о прошлогоднем походе. Интересуются сразу всем. Масса вопросов. Даже про обед забыли.

Вечером собрание инструкторов у военного начальника. Стоят вопросы о распорядке дня, дисциплине, режиме питания, гигиене, о расписании учебных занятий, программе.

На завтрашний день решено дать легкую нагрузку: познакомить с техникой хождения по осыпи и легким скалам, дать первое ознакомление с веревкой и вязкой узлов.

Заалайский хребет и Алайская долина.

Рисунок Е. Абалакова

Итак, завтра первое занятие. Вечером обдумываю порядок занятий. Свою группу, кроме Колоскова, я пока знаю только по фамилиям. А хочется сделать для них как можно больше и научить их как можно лучше всем премудростям альпинистской техники. Уснул поздно.

30 июля. Милицейский свисток разбудил рано и командирский голос: «Под-ни-май-тесь!» непривычно резанул ухо.

Быстро оделись. Холодно. Сейчас же умываться.

«Стройся!» Выстроились две шеренги — командиры и под углом небольшая шеренга инструкторов. Зачитали приказ о распорядке дня, о составе звеньев, назначении командира и коменданта.

Начались занятия. Построились по звеньям и по команде разошлись по осыпи недалеко от лагеря.

Я рассказал о технике хождения, о характере осыпей, о темпе и дыхании и т.д. Потом приступили к практическим занятиям. Занятие провожу спокойным тоном, но не допускающим никаких возражений. Слушаются беспрекословно и по-военному точно стираются выполнять задания. (Мне с непривычки трудно держаться командирского официального тона).

Вначале ребята спешат, камни вертятся под ногами, летят вниз. Дыхание прерывистое. Повторили несколько раз и под конец все стали подниматься значительно спокойнее. Только Колосков слабо справляется с темпом (чувствуется большой темперамент). Во время занятий на легких скалах лезет порывисто, но уверенно.

Хуже со вторым командиром — Леденевым. Едва ли будет хорошо лазать. Чувствует себя на скалах неуверенно и робеет.

Третий, Маркелов, «скептик», как его прозвали ребята, лезет без энтузиазма, но с умом и уверенно.

После завтрака до обеда начали обучать умению пользоваться веревкой. Занятие прошло хорошо. Ребята вязали узлы с увлечением, хотя

и путались немного. Маркелов вязал хорошо, а под конец сам начал рационализировать «саксонский» узел. Колосков предложил морской узел, тут же изобрели двойной узел, и все были очень довольны.

Перерыв на обед. Сразу шутки и взрывы смеха.

Вечером лекция о географии Памира. Потом — о горных восхождениях, о движении на большой высоте, о снаряжении, горной болезни и т. д.

Костер освещает кусочек поляны: призраками белеют палатки, тесной группой сидят люди.

После лекций затянули песни в хорошем темпе здоровыми глотками. Тут и опера, и частушки, и народные песни, а иногда прорываются и озорные. И все песни нужны.

31 июля. Ночь прошла спокойно. Утром все еще непривычно режет ухо свисток.

Сегодня маршевый выход в левую ложбинку. Далеко растянулись по осыпи, звено за звеном. В голове каждого звена инструктор. На остановках доктор проверяет пульс. У некоторых больше чем 120. Теперь уже никто не бежит. Приходится держать интервал. Установилось дыхание. На снегу команда: «Надевай очки!»

На снежном склоне с энтузиазмом скатывались для рывка охраняющему. Сегодня у меня новый ученик Альгамбров. Сразу взял инициативу, сильный, держится уверенно и смело, быстро все усваивает.

Вышли на гребень под верхними скалами. Лезли очень долго. Я дал задание лезть с охранением. Вниз пошли быстро. К четырем часам вернулись в лагерь. Ребят такой переход заинтересовал куда больше, чем чисто учебные занятия у лагеря. Говорят: есть цель!

Вечерам лекция. А потом опять песни у костра и даже исполнение лезгинки. Ребята в большинстве хорошие, живые.

Опять совещание инструкторов. Пока никаких, даже

незначительных шероховатостей нет. Спал хорошо.

1 августа. Сегодня занятия на скалах. Работаем на двух веревках.

Альгамброву можно доверять. Колосков поучится у него. Лазают с жаром и иногда смешат своим азартом.

Две группы на другой стороне речки, как мухи, облепили скалистый склон. Кричат оттуда. Видимо, пора спускаться к чаю.

Чай. Ребята не зевают. Горки хлеба, сыра, масла тают моментально. Иногда раздаются хвастливые голоса: куда кому удалось взобраться. После чая опять занятия на скалах. Рассыпались близ лагеря.

Моему звену достался кулуар с отвесным склоном (чему я был очень рад). Решил показать некоторые приемы. Начал траверсировать почти отвесный склон и затем спускаться по крутому гребню. Лез осторожно, демонстрируя приемы. Снизу ребята с восторгом и интересом смотрели, чем все это кончится.

Потом начали тренироваться на подъеме с кольцами. Затем перешли на спуск по веревке. Предварительно нужно было влезть на площадку по очень слабовыраженному карнизу на отвесном склоне. Далось это ребятам не легко, но вылезли все. Лезли на двойном охранении, спускались тоже на охранении. Занятием все. остались очень довольны.

Вечерам мой доклад о восхождении на пик Коммунизма. Предварительно сделал карту с обозначением маршрута и лагерей. Начал с географического описания пути, далее — о целях и задачах, затем о нашем продвижении. Рассказал о некоторых забавных случаях из нашей походной жизни и... не учел времени. Пора кончать, а я дошел только до штурма пика Коммунизма. Было тихо, и у меня создалось впечатление, что я утомил слушателей. Однако как только кончил, раздались голоса: «Очень интересно!..» Просили продолжить доклад завтра вечером.

2 августа. Выход на дальний маршрут — на вершину, венчающую левый цирк, высота до 5000 метров.

Идем походным порядком, звеньями. На этот раз инициативу выбора пути даем самим звеньям. Идут хорошо.

Ко второй остановке вышли на снег. Мое звено идет первым. Я иногда даю команду, иногда делаю замечания. Понимают с полуслова.

Погода чудесная. Слепит снег на ярком солнце, летят снежные брызги. Этот сияющий белизной скалистый цирк Памира впервые увидел такую массу восходителей, организованно растянувшихся цепочкой. Медленно, но упорно двигается цепочка к заключительной вершине. Все уверены в победе; они еще не знают всех каверз горных высот.

До гребня одна остановка. Доктор постоянно проверяет пульс. Крутой снежник. Ноги проваливаются и скользят. Берем «елочкой» в лоб.

На гребне жуткий ветер. Солнце ушло за облака. Ребята начинают мерзнуть. Виталий в трусах и на лыжах крутится, как черт. Не похож на жителя земли. Меня в рубашке тоже продувает здорово.

На подъеме первым идет звено Дадиомова. «Ну теперь окончательно замерзнем, — шутят командиры, — выпустили вперед черепаху». Действительно, звено продвигается очень медленно.

Вдруг новое препятствие: небольшой разрыв снежника. Слева трещина, а дальше к вершине крутой ледяной взъем. Приходится рубить ступени. Первым идет звено Виталия. Звено очень медленно продвигается вперед. Сзади подбадривают. «Эй, охотник, поторопись, а то кийков упустишь!» А «охотнику» не до этого, пригнулся к склону и судорожно перебирается по веревке. Снизу смех.

Второе звено Дадиомова разбилось на отдельные связки и ползет тоже страшно медленно. Ожидающие внизу крепко замерзли. Чтобы согреться, топают ногами, орут песни, а иногда пускают крепкие словца, подгоняя ползущих по склону.

Наконец пошла наша связка. Пошли быстрее других. Первый, Альгамбров, закрепляется немного фантастически, но держит. Дальше

Леденев — уверяет, что держит, но, вижу, свалился бы при первом рывке. Колосков тоже охраняет, но не набирает даже веревку. Быстро на ходу даю указания, исправляю. Прошли довольно быстро, а сзади другие нагоняют и идут уже без охранения.

Наверху нас встретило начальство, поднявшееся по другому ребру.

Первые звенья уже начали спуск: замерзли. Спуском командовал начальник. Нам троим — Колоскову, Виталию и мне — дано разрешение спускаться по старому, более трудному пути, чему мы очень рады.

Быстро связались. Колосков впереди, Виталий в середине, я на конце. На последнем уступе Сашу спустили, а мы спрыгнули. По гребню чуть не бегом. А по крутому снежнику съехали, увлекая целые лавины. Саше такой темп очень понравился, съезжал с азартом. Попытались было съехать втроем на лыжах, но тяжело, не пошло. Зато вдвоем скатились здорово. Уже на ногах спустились с последних снежников, быстро сбежали с осыпи и закончили спуск купаньем в ледяном водопаде. Саша в восторге, что пошел с нами.

Звенья еще не пришли. Напившись холодного компота, я вылез на скалу и вдалеке увидел движущуюся колонну. Когда поднимался, встретил что-то похожее на барса.

Колонна пришла через полчаса. Пообедали.

Вечером уже не раздавались звонкие голоса, даже к ужину не все вышли. Мертвый сон слетел на лагерь.

3 августа. Снег покрывает лагерь и мягко шелестит о палатку. Облака стыдливо приоткрывают лишь основания гор.

В палатке Мамаджана набились битком. Никому не хочется завтракать на снегу.

Перед обедом уселись на камнях и в присутствии парторга и инструкторов приступили к зачету. Командиры из первого звена отвечают на вопросы...

Общее впечатление осталось хорошее. Конечно, трудно было рассчитывать, что за четыре дня люди могли усвоить все целиком. Однако разбирались уже грамотно, а некоторые и совсем хорошо. Зачет показал, что для окончательного усвоения еще не раз придется повторить все приемы.

5 августа. Утро хорошее.

У Давида неприятность: оставил у палатки ботинки и за ночь они, как два ведерка, наполнились водой. Идти на зарядку не в чем. Давид мрачно сидит у костра и подсушивается. Ребята подшучивают.

После завтрака выход на гребень. В промежутках я был занят рисунком и не успел переобуться. Иду в брезентовых туфлях. Нога скользит, одно спасение, что идем медленно.

Звенья как-то нелезают одно на другое. Леденев жметя к Колоскову. Колосков рвется вперед, неаккуратно становится на камни.

На больших камнях расположилась группа. Идет лекция о строении ледников. Миша Дадиомов сладко задремал, а после от начальника получил выговор.

Мощным массивом стоит перед нами пик Ленина, на половину укрывшись в облака и скупно обнажая то одну, то другую свою часть. Широким волнистым потоком сползает ледник Ленина. Прямо против нас, рождаясь в сияющих белизной высотах цирка, залегает другой пологий ледник. Как из чаши, переливаясь узким ледяным языком, спадает он в нагромождение морен и сливается с ледником Ленина. Картина грандиозная. Наглядная иллюстрация к докладу.

Спуск по осыпи с большими интервалами, под грохот сыплющихся камней.

После второго завтрака — выход на ледник с кошками, ледорубами и веревками. Практические занятия со звеньями.

Вначале ребята идут на кошках неуклюже. Ледяные брызги летят

из-под клюва ледоруба. Ребята стараются, но ступеньки пока выходят бесформенные, огромные и кривые.

Долго налаживаются охранять, охраняющего дергают без стеснения и с увлечением. Следить нужно за всеми сразу.

6 августа. Хорошее утро. Полувыходной день.

Подгоняем и подшиваем кошки. Около нашей палатки делаю пошивочная мастерская и консультация.

До обеда выход на повторные занятия на ледник. Изрубили целый склон вверх и вниз. Пошел снег.

7 августа. Сегодня поход до подножья среднего гребня пика Ленина и устройство там лагеря. С утра сборы, получение продуктов, кухонь, меты, упаковка в рюкзаки.

10 час. 30 мин. Прилично нагруженные, мерным шагом двинулись и растянулись цепочкой по леднику. Груз 16-18 килограммов. С непривычки ребятам тяжело.

Путь изменили, решив пройти другим ледником. Однако при его переходе встретилось препятствие в виде огромного грота и мощного желоба со стремительным потоком. Воспользовались случаем и показали ребятам грот и довольно внушительный водопад. Давид на эту тему даже целую лекцию прочел. Я сомневаюсь, что поняли что-либо, ибо речь Давида и так не совсем ясна, а тут еще водопад мешал шумом и грохотом.

Чтобы не делать обхода, пошли вверх по староморенному кулуару и прогадали. Крутой и сыпучий кулуар задержал дольше.

Ребята начали уставать. Через каждые полчаса десятиминутный отдых. Траверсируем старье моренные отложения. Попадают травка и цветы. До гребня остается как будто немного, но, выйдя на возвышение, обнаруживаем, что в один переход не уложимся.

Слежу за ребятами. Колосков начинает отставать и дышит ртом. Некоторые раздражаются на замечание соседа.

Перевалили еще морену, и в кольце морен раскрылись чудесная площадка, ручеек, а слева — снежный сияющий склон гребня. Стоп, мы дома! Саша даже палатку ставить не спешит — сбросил рюкзак и лег.

Темнеет. Поужинали и залегли. Затих утомленный люд, лишь одна группка у палатки Дадиомова поет украинские песни.

8 августа. Сегодня подъем на ребро пика Ленина.

В семь часов выход. Растянулись звенья: последние еще в лагере, а головное звено, уже надев очки и выбирая ногой место, медленно двигается по ледяному склону.

Порядок движения: десять минут ход, три минуты отдых, после отдыха смена внутри звена. Так в течение часа.

Наши звенья идут последними. Расчет таков: звенья меняются через каждый час. Очередь до нас дойдет под конец, к наиболее трудному участку под вершиной.

Погода исключительная. Чистое темно-синее небо, ни облачка. Кругом белые сверкающие массивы, и на них на белом склоне тонкая цепочка маленьких существ медленно, но упорно движущихся вверху

Снег пока не глубок. Идти легко, и торящие путь не чувствуют утомления. Дошла очередь до нашего звена. Первым двум досталось не тяжело. Но с Леденева началось... Снег стал сдавать, нога вязнет выше колена. Несмотря на это Леденев идет довольно хорошо.

Следующий участок, с еще более глубоким снегом, беру на себя. Опоры нет. Нога проваливается вся, доходит до ледяного склона и начинает скользить вниз. Приходится очень осторожно сминать снег и тогда уже становиться на него. Но сзади идут звенья. Они неизбежно сбивают проторенные следы, катятся, упорно работая ногами, а то и ледорубом, и выкарабкиваются не без труда. Я шел впереди несколько переходов, и, когда кончился глубокий снег и путь пошел легче, сдал очередь торить первому звену.

Солнце сильно палит. Ребята начали уставать. Не верят, что температура воздуха минус 1 градус. Многие хотят пить, а воды нет. Нет у ребят аппетита. Саша интересуется только сухими фруктами. Пришлось мне одному кончать банку шпрот.

По скалистому (конгломераты) гребню лезли очень медленно. Звенья долго ждали внизу и на этот раз не торопили, а видимо, даже радовались отдыху. Еще один крутой подъем с ледяной подкладкой, но небольшой, и вот, наконец, вышли на скалы. Звено идет уныло, люди часто дышат, некоторые апатичны. Вершинка сияет рядом, гордо вздымаясь острым гребнем. Гребень этот дался ребятам нелегко! Нет ни обычных при взятии высот поздравлений, ни шуток.

Даю команду к спуску. Идем с охранением. Когда спускались по последнему обледенелому склону, уже стемнело.

Вдруг острая боль в ноге около щиколотки. Падаю. С трудом сдерживая стоны, разуваясь, ощупываю ногу. Видимо, сильное растяжение. Подходят товарищи. «Ничего, помогать не нужно, сам дойду». С опорой на ледоруб осторожно начал ковылять, а под конец съехал на одной ноге. В темноте прошел ручей и добрался до палатки.

Саша говорит:

— Сейчас вылечу, у меня на это опыт большой...

Начинает массаж. Но вскоре доктор «испортил всю процедуру», заявив, что нужен только холодный компресс, чтобы не дать распространиться опухоли. Пришлось подчиниться. Занялись варкой чая и закуской, а после я успокоился и заснул.

10 августа. Выходной день. «Соловьиного» свиста нет. Спим до завтрака.

Пришел караван. Есть письма и газеты. Как приятны здесь газеты.

Чувствуешь, что живешь вместе со всей страной бурно и страстно.

11 августа. Ребята встают. Солнце еще не взошло. Я лежу и мирно

дожидаясь светила, чтобы не заморозить ногу.

Зарядка. Лукин командует исключительно громко.

После завтрака лагерь опустел. Домовничаем я и «разумная старушка» Заплеталов (ему не стало хватать воздуха).

Читаю газеты, пишу дневник. Погода чудесная. Успел уже сжечь спину.

Прочел в «Известиях» от 24 июля сообщение о гибели трех немецких альпинистов и семи носильщиков на Нан-ге Парбат. Жаль!

К обеду спустились ребята, уставшие и апатичные.

После ужина продолжение моего доклада. Ребята располагаются на брезентах, устраиваются поудобнее. Фонарь освещает рисунок пика Коммунизма. Тихо. Слушают с большим интересом. После доклада много вопросов. Снова беседа затянулась. Расходились уже после десяти.

13 августа. Сегодня показываю применение крючьев и лазание в каминах.

После второго завтрака практические занятия. Первым вбивал крючья Колосков и довольно удачно, хотя найти подходящую трещину было нелегко. Он показал хорошую технику.

Со скал заметили четырех всадников. Заинтересовались. Выяснилось довольно скоро: приехали сотрудники медлаборатории — врач и лаборантка. Позже узнали, что лаборантка, единственная нагрянувшая к нам женщина, будет следовать за нами по пятам. Известие произвело на нас самое удручающее впечатление. Срочно менялась этика лагерной жизни. Лексикон был урезан. Моды тоже существенно пострадали. Виталию и Мише пришлось надставить свои трусы «для загара».

Лагерь принял вид корректный до безобразия.

Завхозу пришлось отдать резервную палатку, ибо своего у вновь прибывших, кроме медоборудования, ничего нет. Палатка была поставлена

на значительном расстоянии от лагеря и по поводу нее не раз отпускались острые замечания.

Вечером лекция врача: «О режиме питания и питья в горах».

14 августа. С утра сплошные облака. Падает крупа. Начались занятия на леднике. Вначале общая проверка по всему курсу.

После второго завтрака практическая проработка (самостоятельно). Упражнялись в подъеме стремянным способом.

15 августа. Занятие на леднике. Показываю некоторые приемы, нетвердо усвоенные ребятами, упражняемся.

После перерыва зачет. Начинают с моего звена. Первое — подъем на кошках. Колосков идет первым, сильно вонзая кошки, несколько спешит, но в целом прошел верно. Затем Леденев — вполне удачно. Порадовал и Альгамбров, хорошо пройдя весь участок.

Второе испытание — по моренам — тоже прошло неплохо; лишь Леденев на гребне как-то вяло махал ледорубом.

Затем началась ледорубная работа. Удивил Савушкин. Рубил идеально: быстро, четко, уверенно и абсолютно правильно. Любой инструктор мог ему позавидовать. Леденев и Альгамбров также рубили хорошо. Саша спуск начал почему-то после долгого предварительного переступания с ноги на ногу.

Лишь к обеду перешли к последнему испытанию по вытягиванию из трещин на двух ледорубах. Возни было много, однако мои на этот раз справились неплохо. Затем последовал марш в лагерь.

Послеобеденный час отдыха. Тишина. И вдруг крик: «Едут четыре всадника!»

Действительно вскоре показались всадники. Первый маленький, в белой шляпе. Это Николай Васильевич Крыленко, с ним Стах Ганецкий и красноармейцы.

После рапорта начальника и общего приветствия Николай

Васильевич здоровается с каждым за руку. Начальник представляет. Глаза Николая Васильевича искрятся хорошим смешком.

Можно разойтись. Пошли догадки и соображения: будут ли занятия? Не отменят ли по случаю приезда Николая Васильевича?

Однако в самом скором времени все же приступили к занятиям в присутствии Николая Васильевича. Он прослушал и двинулся на ледник: не терпится ветерану.

Второй лагерь под пиком Ленина (акварель)

Рисунок Е. Абалакова

16 августа. Сегодня выходной. Встаем в восемь часов.

Погода прекрасная, солнце жжет сильно, и видимость хорошая.

Николай Васильевич с сопровождающим его начальником ушел на гребень в правый цирк. Я смотрю, как они поднимаются. Неужели Николай Васильевич всегда так ходит или это сначала, без привычки? Ноги передвигает судорожно, ледоруб, как трость, звенит штычком по камням, упирается им резко, как бы случайно, делая рывок назад.

Я занимаюсь рисунком для газеты «Известия».

После обеда за палатками, на поляне, совещание на тему: план штурма пика Ленина.

Первое предложение: форсировать восхождение и уложиться до 1 сентября.

Второе предложение: первоначально подготовить первый лагерь, дважды занести на него питание и палатки. Затем подъем до высоты 6300 метров с заброской туда палаток. Спуск в лагерь, отдых два дня и штурм, с расчетом основного выхода с высоты 6300 метров.

Темп зверский по времени, но верный в смысле заброски и порядка движения.

Третье предложение: организовать лагерь на 5600 метрах и подсобный на 5900. В основу положить акклиматизацию и к 1 сентября закончить лишь подготовительную работу.

Началось обсуждение. Последним выступаю я, выдвигая компромиссный план. Подчеркиваю необходимость заброски основного питания (а не палаток) на высоту 6300. Штурм вершины предлагаю начать уже с этой высоты, но с увеличением сроков подъема и отдыха.

Учитывая трудности с палатками и организацией трех лагерей, решили в основу положить этот общий план, разработав его детально.

Ночью посыпала крупа.

17 августа. Утро пасмурное. После завтрака сборы.

Собрать для восхождения нужно все с расчетом на 15 дней.

В 12 часов вышло разведочное звено, а через час, пообедав, и остальные, вместе с караваном (8 лошадей и 15 ишаков). Я, зная дорогу, еще на совещании поставил вопрос о том, что каравану будет трудно пройти без предварительной подготовки тропы. Но начальник заверил, что караванчики проходили этот путь и берутся провести. Однако я остался при своем мнении, предвидя «дорожные развлечения».

Медленно поднимается караван, за ним четверками звенья. Впереди начальник и «медлаборатория».

Тонкие ишачьи ножки ободраны. Ишаки уже несколько раз падали, вьюки слетали. Приходится перегонять их порожняком и перевьючивать.

На ледяном подъеме до нас добрались лишь три лошади, и то без вьюков. Две лошади делали тщетные усилия подняться, цепляясь копытами за выступы, но скользили и неизбежно скатывались вниз, обдирая бока и разбивая вьюки. Банки консервов блестящим каскадом летели вниз. По команде двое от каждого звена пошли на подмогу. Лошадей пришлось развьючить и поднимать по конвейеру. По конвейеру поднимали и вещи.

Ишаков хотели затащить вьюченными. Тащили за уши, за хвосты, но несчастные ишаки неизбежно валились и катились вниз. Лишь под конец удалось провести трех ишаков новым путем. Остальных подняли пустыми, груз — опять конвейером.

Я, наконец, заявил начальнику, что нужно разведать гребень и прорубить путь. На этот раз он очень быстро со мной согласился.

Иду со своим звеном на расчистку. К приходу каравана удачно прорубили дорогу. Дальше пошли без значительных остановок. Одно звено выделено на случай аварий.

Пошел снег.

Начался серьезный участок — выход на морену. Тут пришлось поработать, даже Савушкин нарубился вдоволь. Снег валит и валит, видны лишь ближние морены, кажущиеся высокими и мрачными. Наш поход, по замечанию Саши, похож на переход Суворова через Альпы.

Снегопад стал меньше, однако штурмовки давно промокли. Завесу разорвало, и в кольце облаков призраками показались убеленные вершины. Через час дошли до зеленой, но сейчас засыпанной снегом площадки.

Командиры выстроились. Каждый держит себя за кисть. Раз, два,

три... быстро бьется под пальцами вена. 17, 18, 19... и так пять раз. Затем 15 приседаний и опять пять раз проверка пульса.

На старых камнях растянули палатки, получили питание. Я принес воды из опушенного снегом ручья и двинулся в палатку.

19 августа. Утро ясное, морозное. В 6.30 — минус 8 градусов.

Встает первое звено. Ручей замерз, топят лед.

В семь часов поднимаются остальные. На палатке изморозь. Ботинки тоже чуть подмерзли. Спешим начать жарить и варить. Солнце, собираясь вынырнуть, распахнуло серебряный веер на гребне снежной стены. Вершины блещут ярким светом. Лишь в котловине лагеря тень.

Получаем продукты — по восемь кило. Спешим уложить необходимые вещи, построиться и двинуться.

Цепочка людей вытянулась по снежному склону гребня. Черные кружки очков легли на глаза.

Бугристая морена в снегу. Камни, покрытые снегом, сдают под ногой. Виден округлый небольшой гребень. Частые остановки. Движения замедлены.

Массив пика Ленина, как призрачный белый огромный корабль. Какими ничтожными кажемся мы по сравнению с ним и как велик еще путь до вершины, которая дымится белыми вихрями и смерчами.

У подножья складываем рюкзаки. Большой получасовой отдых и подкрепление перед подъемом. Ледниковый ручей искрится и журчит прозрачной водой. Я использовал отдых и сделал набросок Северо-Западного гребня.

Снова растянулась цепочка, ярко выделяясь на снежном, круто убегающем вверх склоне. Свет излучается отовсюду — и сверху от солнца, и снизу от снега.

Все мельче становится снежный покров, и вскоре ноги уже скользят по льду. Обходы не дали положительных результатов. Зазвенел лед под

ледорубом, и ступени, медленно вырастая, прорезали вверх ледяной участок. Справа крутой и ровный, как приземление трамплина, обледенелый склон. Стронутый с гребня пласт снега сразу же образует лавину. С шипеньем сползает вниз пластовая лавина лентой, обнажая лед.

Впереди опять крутой участок. Наверное, снова будет лед. (Мне вытягиваться на неокрепшей ноге нелегко.) Справа выступают скалы.

На пологой осыпи привал. Высота 5500 метров. Верхняя часть гребня начинает медленно сходить вниз.

Впереди большая выемка и пологий подъем вплоть до самого Северного гребня.

Организованно складываем в палатку принесенные продукты и снаряжение и начинаем спуск вниз. Спуск проходит быстро, задержки лишь на крутых склонах. Даю команду развернуться шире, не идти одному над другим.

Гребни Алайского и Заалайского хребтов четкой формой выделяются на плоскости Алайской долины. Они кажутся вырезанными и выкрашенными в яркие анилиновые краски. Облака редкими объемными массами висят над долиной. Справа над Алайским большое облако распушилось и заслонило часть хребта. Длинные тени прорезали долину. Яркая вечерняя расцветка залила снежные склоны.

Последний крутой участок. Зveno за звеном со всеми предосторожностями и охранением ведут спуск. Сорвался доктор. Взмахнул длинными ногами, затормозил, пытаюсь перевернуться на живот. Удалось не сразу. Остановился одновременно с натянувшейся веревкой.

Нога побаливает. Идти трудно. Говорю звену:

— Товарищи, если я случайно поскользнусь и поеду, вам это не должно дать повода к подобному способу передвижения.

«Поскользнулся», сел и быстро начал скользить вниз. Каскад снега бьет в лицо. Почти не торможу. Внизу снег глубже, и я останавливаюсь.

Ребята не смогли удержаться. Вскоре четвертое звено тоже поскользнулось и село, но продвигалось с таким трудом, что вынуждено было опять начать пеший спуск.

Начало темнеть. Когда же вышли на бугристые морены — стемнело совсем. Чуть не ошупью ставлю ноги на шаткие камни. Немного беспокоюсь за ногу: как бы опять не свернуть. Впереди промоина. Прыгнул удачно, но приземлился на больную ногу. Отдалось сильной болью, но выдержал.

Изумительная картина: темный силуэт пика очерчен у вершины дымящимся серебристым обводом. Вскоре сверкнул рог месяца, и робкий свет лег на морены, причудливо осветив вершины. Внизу видны огни лагеря.

Поляна лагеря, палатки, костер, дымящийся ужин. У костра Юхин, Израим, Мамеджан. И подарок: сразу четыре письма. Читаю при свете огарка, поудобнее устроившись в мешке.

Ночь холодная.

20 августа. Чудесное утро. Сегодня отдых: вставать не спешим.

Спальные мешки и вся «шара-бара» выволакивается из палаток для просушки. Лагерь принимает вид цыганского табора.

Оснеженные стены хребтов представляют собой внушительное зрелище. Делаю акварельный набросок лагеря. Солнце печет хорошо. Ребята в трусах, все окрепшие и загорелые. Темная исключительной чистоты синева неба, слепящая глаз белизна вершин и бронза тел на зеленом фоне лагерной лужайки.

После чудесного обеда (из свежего барана, зелени, помидоров) и послеобеденного отдыха — сбор.

Доклад Николая Васильевича о международном положении небольшой, но толковый, хорошо построенный. Затем обсуждение ориентировочного плана восхождения.

21 августа. Утро хорошее. Подъем в семь часов. Сбор на восхождение. Груз солидный. Около девяти часов медпроверка пульса и выход.

Снег на морене значительно стаял, идти не тяжело. Знакомый путь прошли намного быстрее — за 1 час 20 мин. Отдых. Закусываем консервами из печенки налима и фруктовыми консервами.

Некоторым звеньям даются задания: поиски новых, более удобных вариантов пути. Остальные идут по старым следам.

В верхней части мое звено получает задание прорубить обходный путь. Пришлось рубить порядочно.

Даем задание тройке командиров пройти связкой обледенелый склон. Ребята медленно готовятся к охранению. Наконец Альгамбров начал переход. Охраняют старательно. Альгамбров по всем правилам отдельно шагает на кошках. Рубят ступени. Впечатление хорошее. Ошибок нет.

Я считаю, что сейчас хорошее место и время поучить командиров скатыванию. Быстро начинаем скользить по снегу. Ребята скатываются с веселым хохотом и порой с самыми нелепыми жестами.

В лагере перед ужином испытание по теории. Ответы хорошие.

Когда месяц ровным светом залил плывущие облака и громады вершин, звучные голоса поющих нарушили первобытную тишину горной пустыни. И долго еще звучали народные песни.

22 августа. Ветер. Чтобы разогреться, пробежался до старой морены. Отсюда видна вершина пика. По гребню на вершину летит сплошная пелена снега, громадным флагом развеваясь на восток. Проверяем снаряжение, промазываем его, подбиваем, подготавливаем питание. Завтра в 12 часов выход к гребню и послезавтра начало штурма.

23 августа. Сборы заняли много времени. Вышли в четвертом часу. Два звена выделены сопровождать караван. Они вышли чуть раньше, а

вслед за ними все остальные звенья.

Почти безоблачно. Вскоре из-за Северного гребня открылся пик Ленина. Солнце еще не зашло. Тепло. Организовали конвейерную передачу продуктов и снаряжения.

Дарвазский хребет.

*Рисунок сделан Е. Абалаковым с перевала Кошал-аяк
(4500 метров)*

Но вот солнце зашло за Западный гребень. Холодно. Высота 4900. Ватные куртки сразу же делаются необходимыми. Палатки быстро вырастают в два ряда. За водой приходится спускаться вниз по леднику. Готовим ужин. Шутки и смех.

24 августа. В 5 час. 30 мин. подъем. Кипятим чай, не вылезая из мешков.

Рюкзаки оказались увесистыми, у меня килограмм на 30, у ребят поменьше. Идем медленно, останавливаясь через каждые пять минут на одну минуту. Солнце еще не осветило наш склон. Ноги у ребят сильно подмерзают.

На ледяном участке провозились очень долго. Пришлось в некоторых местах рубить новые ступени. Звенья растянулись длинной цепочкой по ослепительно белому склону округленного гребня,

поднимаются небольшими участками. Затем желанный отдых. Люди валятся в снег. С большим трудом при помощи ледоруба удается встать, и опять звено за звеном вытягиваются по склону. Человека не видно, лишь две ноги медленно передвигаются со ступеньки на ступеньку. Выше, переваливаясь, маячит громадный тюк и вместо головы еще тюк спального мешка.

Быстро летит время. Медленно движется цепочка вверх. Один возьм за другим, местами обледенелый, местами с глубоким снегом (ноги вязнут до колена). Но в общем гребень лучший из всех, ведущих с севера: трещин нет, больших крутяков тоже.

На первые камни вышли к 12 часам. Отдых. Ребята вымотались крепко. Да и я считал совсем не лишним скинуть рюкзачок.

Основательно подкрепились шпротами, колбасой, сыром и особенно приятным на высоте фруктовым компотом. Отдых полчаса. Внизу видна в мареве Алайская долина. Однообразной правильной грядой высится Алайский хребет.

Три взята еще до лагеря «5700», и каждый дается ребятам все труднее и труднее (хотя технически они легче). Изматывает большой груз. Пошатываясь, проходят ребята кажущийся бесконечным последний пологий подъем.

Носильщики едва движутся, часто падая в снег. Один даже с серьезным лицом поднес к горлу нож с явным намерением «лучше зарезаться, чем идти выше». (Арик даже струхнул). Однако, когда поговорили с ним, носильщики пошли и дошли до лагеря.

К лагерю подошли не поздно, но измотанные до крайности. Очень медленно ставили палатки. Но после легкой закуски и чая силы начали быстро восстанавливаться, а через полчаса бригада уже отправилась за оставленными продуктами. Вторично поднимались с грузом по 10 килограмм каждый, но и с этим малым весом ребятам было нелегко.

До ночи усиленно подкармливаемся. Арик в нашей палатке приступает к приготовлению седьмого кушанья. Я ложусь в своем мешке и засыпаю мгновенно.

25 августа. Утро изумительное, ни облачка. Алайская долина ясная. Розовеют вершины. Солнце у нас еще не показалось.

Лежа в мешках, варим чай и жарим яичницу. Много времени занимает раздача продуктов и укладка снаряжения. Николай Васильевич всех торопит, а у самого еще ничего не готово. В 10 час. 30 мин. выступаем. Мой рюкзак сегодня легче. В лагере «5700» оставлена часть продуктов, снаряжение и мой тяжелый спальный мешок. Отныне неразлучно спим с Сашей. (Мешки тяжелы, и многие ребята последовали нашему примеру).

Склон круто поднимается вверх. Алайская долина внизу, и постепенно все ниже спускаются первые пики Заалайского хребта.

Жара. Солнце печет немилосердно. Я разлегся в одних трусах. Потом чудесно закусили и даже сделали «мороженое» из фруктовых консервов.

Мое звено идет первым и торит путь. Снег неравномерный. Особенно неприятен наст, проламывающийся под тяжестью ног. Иду, сильно ударяя о корку шекельтонами. Сзади Саша. Слышно порывистое дыхание. На остановках склоняется, явно устал. Не лучше чувствуют себя и остальные. На терраску вышли, когда солнце уже близилось к закату.

Пятое звено отстало. Я уже успел разведать путь впереди и спуститься за рюкзаком, а звено все еще внизу.

Высота 6200 м. Остановка на ночлег. Узкий карниз. Палатки располагаются в один ряд. Пытаюсь просушить шекельтоны Леденева и свои, но безуспешно. Леденев сильно обеспокоен и со слезами на глазах спрашивает, что же будет дальше? У многих болит голова и нет аппетита. У меня самочувствие хорошее, а после чая зверский аппетит, так что от

полной кастрюли супа ничего не остается.

Спим с Сашей. Конечно, очень плохо. Несмотря на высоту жарко. Под утро я остался в одних трусах. Спать не хотелось, и я всю ночь любовался небом, далекими звездами, вершинами. Саша под утро заснул.

26 августа. У начальника идет опрос: кто и как себя чувствует? Речь идет о форсировании восхождения и о максимальном снижении груза. Хотя в лагере оставили порядочный груз, все же значительного облегчения не получилось. Подъем крутой, снег лежит неравномерно. Я не спал и меня клонит ко сну.

Отдых через каждые пять минут — первая остановка одна минута, затем пять и десять минут. Однако и при таком темпе ребятам тяжело. С утра самочувствие у них было неплохое, а сейчас еле передвигают ноги.

Сегодня не так жарко, как вчера. Многие подморозили ноги. Часть ребят оттирали ноги дорогой, другие дотянули до лагеря.

Алайская долина еще с утра в сильной дымке. Затем появилась гряда облаков, ближе к Заалаю. Только успел к разбить палатки (провозились долго с расчисткой площадки), как небо беспросветно заволочло облаками и все окунулось в белую мглу. Пошел снег. Высота по anerоиду 6500 метров.

Опять началось усиленное подкармливание, после чего самочувствие резко улучшилось. Кроме Рассказова, все чувствуют себя сносно. К вечеру и Рассказов немного повеселел.

27 августа. Спали хорошо. Над нами довольно ясно. Но по предгорьям питали уже облака. Ветер налетал порывами.

С Рассказовым вопрос решен: идет вниз. Артюхов бодрится, уверяет, что чувствует себя замечательно (а утром была рвота). Решили оставить.

Впереди идет мое звено. Склон круто полез вверх. Снег то рыхлый и глубокий, то жесткий, с твердой коркой.

Сегодня оставил в лагере еще кое-какие вещи и все же набралось много (стараюсь облегчить Колоскова). Дышать уже частенько приходится ртом, не хватает воздуха. В горле пересыхает. Едим сухие фрукты: чернослив, курагу. Помогает, но не совсем. Саша пыхтит сзади, чувствуется, что ему тяжело, но не сдает. Отдых по-старому.

Звенья далеко растянулись по склону, и ребята, как грачи, сидят кучками. Под нами в глубину убегает склон, скользят тени, облака. Мы на уровне седловины пиков Ленина и Дзержинского.

Пик Дзержинского мощной снежной шапкой давно уже показался слева и растет, растет. Дальше поднимают, головы и другие пики. С востока тоже начинает спадать занавес Северного гребня. Из-за него лезут отроги Кызыл-агина, а потом и отроги Ледяного мыса. Скалистая гряда с запада лежит уже ниже нас. Выше — второй выступ, до него уже недалеко.

Большой отдых (на час). Ребята утомлены. Подкрепляемся.

Облака налетают и закрывают все плотным туманом. Пересыпает снежком. Медленно побеждается высота. С большим напряжением, шаг за шагом, с частыми отдыхами звено упорно продвигается вверх. У скал Мишино звено, идущее первым, сдает.

Взять стенку пытается следующее звено, но и оно моментально сдает. На скалы, всем на удивление, первым выходит Чернуха, еще так недавно чувствовавший себя на высоте совсем плохо.

Долго сидим и смотрим, как медленно, один за другим, нащупывая рыхлые следы, поднимаются фигуры. Николай Васильевич стоит неподвижно. Говорим о высоте. Я не согласен с показаниями anerоида: 6800 метров, а мы ниже пика Дзержинского. Николай Васильевич упорно отстаивает свой anerоид.

Здесь придется ставить лагерь. Сегодня уже не подняться выше.

Долго стоим за Николаем Васильевичем, ожидая, когда он тронется. Потом осеняет мысль: да он просто смертельно устал и, видимо, долго еще

будет так стоять. Нужно обойти его и быстрее подготовить лагерь.

Начинаем вырубать площадку. У Саши полнейшая апатия, отсутствующий взгляд. Палатки ставим одну к другой по горизонтали, с выходом на восток. Наполовину они врыты в склон.

Опять затянуло облаками и пошел снег. Командиры спешат влезть в палатки. Мерзнут ноги в мокрых шекельгонах. Саша залез первым, затем Арик Поляков и уже значительно позже, пританцовывая на ветру, влезая. Крутит метель, в палатку врываются снежные вихри. Стараюсь плотнее прикрыть клапан, но для варки необходимо почти постоянно доставать порции снега. Наконец кухня выкинута за палатку. Полы ее дополнительно закалываю английскими булавками. Улеглись. Однако порывы ветра не дали заснуть. Снегопад. Ноги уже герметически закупорило. Повернуться невозможно. Душно и тесно. В полночь рухнула палатка. Кое-как дотянувшись до ледоруба, лежащего за палаткой, подставил в дыру. Кусок палатки вырвало ветром. Лицо заметает снегом. Спали плохо.

28 августа. Из палатки начальника слышится команда: «Ставь мету!» Команда глухо передается из палатки в палатку. Вылезать сразу, конечно, никто не станет, — замерзнут ноги: холод и ветер зверский.

Вытряхиваем из палатки снег, ставим кухню. Нужно вскипятить чай и натопить воды для фляжек. Дело, требующее много времени. Какао у нас упорно не идет, и никто не пытается даже его приготовить.

Опять крутят облака по предгорьям, облизывая нижний край нашего склона. В прорывы видна правильная гряда Алайского хребта. Солнце еще скрывается за гребнем пика Ленина, но облака уже освещены. Я вылезаю первым. Холодный ветер спешит насыпать на голую спину порцию снега.

Показались одиночные фигуры и из других палаток. С ужимками, потирая руки, надевают все наличное утепление, переминаются с ноги на ногу (быстрые, красивые движения здесь уже невозможны).

Команда к выходу. Опять растянулись цепочкой по склону. На каждый шаг не меньше двух вдохов, да в промежутках четыре. Заносишь ледоруб — тоже два вдоха. Смотришь на звено сбоку — люди как-то необычно, как манекены, переставляют ноги.

Большой привал. Подкрепляемся.

Сверху окидываешь взглядом волнующееся море облаков, блестящее перламутром. Лишь с юга громады Заалайского хребта прорывают это море и гордо поднимают головы в темную синеву неба. Анероид уже дотянул до 7000 метров (я опять не верю).

На крутом склоне разбиваем лагерь. Поднялись на 300 метров. Дальше идти невозможно: ребята вымотались окончательно. (Я все же надеялся, что сегодня удастся подняться на гребень.)

Началась рубка площадок для палаток. На этот раз условия совершенно неблагоприятные: полуметровый слой снега, а ниже лед. Пришлось вырубать и лед не меньше чем на полметра.

Саша совсем апатичен, стоит, как сфинкс. У Леденева отчаянная слабость. Еремина, Клименко, Искина едва втащил. Траверсируют до своих мест, как слепые, вот-вот свалятся со склона. Леденев даже рюкзак свой не донес, оставил где-то на склоне. Вид у многих удивительно несчастный- Леденев скулит: «У меня обморожены ноги, что же теперь будет?» Я осматриваю. Ноги розовые, просто сильно замерзли. Растираю снегом, затем носком. Леденев охает: «Всю кожу сдерете!» Значит чувствует, это хорошо! Успокоил: «Решительно ничего серьезного нет...» Теперь пусть трет сам.

В палатку залезли без особого промедления, ибо крепкий мороз и сильный ветер подгоняют не на шутку. О готовке чая на воле не может быть и речи.

29 августа. Ветер крутит. Треплет стенки палатки, посыпает снегам. Уже давно никто не спит, а сигнала начальника все нет. Наконец,

глухо раздается команда (приходится переспрашивать). От палатки к палатке передается: «Ставь мету!».

Когда вскипятили чай и я вылез из палатки, от начальника пришел приказ: выход к вершине и налегке, т. е. без рюкзаков. Сообщение обрадовало.

Альтиметр показывает 7000 метров. Ну, теперь-то уже очевидно, что врет. Даже Николай Васильевич не отрицает. Весь вопрос, лишь насколько?

Ветер не сдает и резкими порывами подгоняет сборы. Мое звено идет первым. Но ребята еще не готовы. Чтобы не задерживать других, выхожу один. Вслед идут Альгамбров, Колосков, а позже и остальные.

Ноги у ребят мерзнут зверски.

Медленно поднимается цепочка звеньев. Вот уже близок гребень! Шаг за шагом, еще и еще... Через каждые двадцать шагов остановка на одну минуту. Через полчаса на десять минут.

Устало подтягиваются остальные звенья, садятся и почти все разуваются, старательно трут ноги снегом и носками. Температура минус 15 градусов. (Ночью минус 35). Солнышко чуть пригревает; если бы не ветер, было бы тепло.

Я иду вверх зигзагами, очень медленно, делая в минуту не больше десяти шагов, однако и этот ход кажется товарищам слишком быстрым, коротенький скалистый участок бесконечным.

На камнях отдых. Приятно лежать и чувствовать неподвижность. Пригревает солнце, пробегает ветер. Над тобой почти горизонтальная плоскость воздушного пространства.

Невероятно медленно, разбитой походкой одна за другой поднимаются фигуры. Во взоре полнейшее безразличие, и кажется, единственное желание — дотянуться до камня и сесть. Самыми последними выходят Леденев и врач, измотанные вконец.

Мы в десяти минутах ходьбы от перевальной точки гребня. Вершина рядом, она отделена лишь волнистым гребнем. Время 2 часа. Ходу до вершины около четырех часов.

Мнения расходятся: одни считают возможным подняться (в это время всегда приходит воодушевление); другие считают, что времени не хватит и спускаться придется ночью, что чревато опасностями и неизбежными обморожениями.

Учитывая состояние участников восхождения и ясно представляя, что за спуск будет с вершины ночью, я склоняюсь к мнению последней группы.

Решено: идем на гребень для установления бюста В. И. Ленина в честь победы над Заалайским хребтом.

Странно, по ровному месту идут так, как будто ноги переломаны.

Открывается горизонт! Вот показалась первая южная вершина. Скорее, скорее!

Передо мною море хребтов, белых, сверкающих, убегающих ломаными линиями в бесконечную даль. Под нами спадает прямо на юг мощный ледник Большой Саукдаре (ниже он, очевидно, поворачивает налево). За ним встает мощная гряда. Дальше провал. Затем далеко на юго-западе безбрежное море хребтов (видимо, верховья ледника Федченко).

На юго-восток — громадный отрог Заалайского, венчающийся пиком Октябрьским. Справа драгоценной лазурью сверкает южный кусок озера Кара-куль. Картина волнующая!

На запад видимости нет: закрывает вершина Ленина, поднимающаяся выше всех. Из-за нее не видно и пика Коммунизма. А его мне очень хотелось увидеть. Любовались долго. Я делаю зарисовки. Подтянулись все. Выстроились по звеньям. Начальник устанавливает бюст В.И. Левина.

Альтиметр показывает высоту 7550 метров (явное преувеличение).

До вершины, по-моему, не меньше 250 метров.

Фотосъемка. Команда: «По звеньям, спуск!» Начался спуск. Сперва по звеньям, точно, а затем... Хотя друг друга и не обгоняли (уже не могли), но соскальзывали, судорожно цепляясь ледорубами (благо снег задерживал), падали каждую минуту. А ниже уже продвигались сидя, кто как мог.

К палаткам подтягивались еле-еле, в растрепанных чувствах. Я оглянулся и сразу же подумал: «А что же было бы, если бы пошли на вершину и спускались ночью?!»

Быстро расставляем палатки, варим чай и заваливаемся. Однако поспать хорошо не пришлось: разразилась буря. Куски наста грохочут по крыше, вот-вот порвут ее. Вся палатка ходит, как живая.

30 августа. Утро не принесло сколько-нибудь значительного облегчения.

Раздается команда: «Спуск вниз!» Вылезаем из палаток. Холод, ветер. Собраться не так легко. Все в снегу, все обмерзло.

Первое звено начинает спуск. Посмотрел на них — качаются, как пьяные.

Мое звено стойко сходит на нотах. Но впереди уже давно съезжают сидя. Вскоре спуск ознаменовали широкие желоба. Желоб то глубокий, то, выбежав на жесткий наст, чуть заметен. Здесь смотри в оба: несет вовсю. Колосков не удержался и полетел, развивая скорость. «Держись на штычке», — кричу ему вслед. После жесткого фирна опять яма. Летишь в нее чуть не по воздуху и глубоко вонзаешься в снег.

Случайными группами рассыпались по всему склону. Впереди второе и первое звенья; видны крохотные фигурки.

Дальнейший спуск идет, как на салазках. Смотри только, чтобы не перевернуло. Скатились все удачно.

Налетели облака и скрыли все в густом тумане. О пути можно

догадаться лишь по следам. Они ведут куда-то вправо. Но делать нечего, приходится идти. Впереди какая-то странная движущаяся гора. Шевелится, вздымается. Туман разошелся. Гора оказалась рюкзаком идущего впереди Лукина.

Снизу кричит Давид: «Левее!». Однако левее уже трудно — сбросы. Спускаюсь по следам. Обхожу влево. На ледовом склоне сидит Лукин и меланхолично рубит ступени. Дальше сидит Савушкин и инструктирует.

Сверху волнуются: куда идти? Но вот все на верном пути и опять покатали к лагерю «5700».

Я опередил своих. Подходят люди снизу: Ваня Юхган, Тукалевский, Заплеталов. Жмут руки, дают попить, угощают яблоками.

Спускаются по одному усталые восходители. Теплая встреча. На измученных лицах пробивается улыбка. Николая Васильевича идут встречать. Заплеталов в позе профессионального фотографа щелкает лейкой.

Анастасов обнаружил целую прорубь с водой. Сидим долго.

Ребята сообщили нам, что нашли по осыпи новый путь: старые следы наши стояли совершенно и там теперь голый лед.

Даю команду: «По звеньям, стройся! Первое звено за мной!» Сначала, до отдыха на морене, шли обычным путем. Лишь внизу долго пришлось спускаться всех по веревке. Я и Миша скатились последними справа, причем Мишук чуть не перевернулся.

Ребята измотались, им кажется, что иду я слишком быстро. Наконец — вьючные ишаки! Вздох облегчения и пустыми двигаемся к лагерю, однако с довольно частыми передышками.

1 сентября. Чудесное утро. Печемся на солнце. Мыться я еще не решаюсь, бриться тем более.

Сегодня у меня «День рисунка» (с 7000-метровой высоты, во все органы печати). Спрос невероятный!

Николай Васильевич чувствует себя неважно: невралгия и ноги обморожены. Пригласил к себе. Выяснилось, что наш высотомер превышал не меньше, чем на 550 метров, следовательно, все высоты нужно уменьшить на эту цифру.

Намечается план дальнейшего продвижения. Начальник предлагает выступить 3 сентября и за один день сделать переход до Бордобы (50 км). Я возражаю, считая, что в данном случае это будет очень утомительно для участников похода, и предлагаю выступить 2-го вечером.

В дальнейшем нам предстоит работа на Заалайском хребте с весьма возможными восхождениями на «Курумды» или «Зарю Востока». Основной лагерь намечен на Кара-куле. Но в общем все эти планы будут еще много раз меняться в связи с обстановкой. Основное же — времени в обрез и нужно очень спешить.

Дорисовываю последние «художественные корреспонденции».

К вечеру набежали облака, и мое желание порисовать пик Ленина отложено на завтра.

2 сентября. После завтрака ухожу рисовать. Пришлось пройти до конца старой морены: лишь отсюда пик открывается довольно хорошо. Начал сразу на двух листах, но получилось скверно. Второй рисунок — пик закрывается облаками — вышел лучше. На этом пришлось кончить.

К вечеру официальный приказ о перераспределении звеньев, о выходе завтра утром на Бордобу и Маркан-су и о выделении группы командиров для окончательной победы над пиком Ленина. В последнюю группу, помимо командиров Чернухи, Лукина, Анастасова, включены я, Виталий и Стах.

Вечером в лагере сабантуй.

3 сентября. Тучи густо покрыли склоны. Порошит снежок. Свисток на подъем. Сборы. Все раскидывается: палатки, рюкзаки, снаряжение. Затем медленно подбирается в кучки. Вьются ишаки. На старом

пепелище остаются следы нашего пребывания: ломаные очки, галеты, банки всех видов. Разноцветные бумажки, подхваченные ветром, носятся, как стаи стрижей.

Прощальный обед.

Обмен крепкими рукопожатиями двух расходящихся групп. Тепло прощаемся. Николая Васильевича сажают на коня.

Команда: «Стройся!» И опять растянулась цепочка звеньев, только теперь уже на восток. Вслед пошел караван.

У костра остаемся вшестером.

Подъем на старую морену. Шагается легко и радостно. Нет команды, свистков, остановок. Легко и быстро, иногда переговариваясь, дошли по знакомому пути до палатки под склоном. Погода улучшилась. Проглядывает солнце. Лишь по гребням метут снежные смерчи.

Рассортировали и распределили груз. Залезли в палатки еще засветло и вскоре чудесно уснули.

4 сентября. Проснулись довольно рано. Небо чистое. Белая пелена несется по гребням и склонам. Вихри, поднимая мелкую осыпь, кидают ее дробью на крышу палатки.

На завтрак консервы и чай. Выход в 8.15. Первое звено наше: Чернуха, Виталий и я.

Траверсируем снежник к скалам. В верхней части обледенело. Вихри иногда чуть не срывают со склона. По скалам идем в две линии, чтобы не ушибить кого-нибудь камнем. Выходим на осыпь. Отдых. Дальше по старым следам. Сильно обледенело, но пройти можно.

В лагере «5200» (с поправкой) в 1 час дня. Сильно метет. К удивлению командиров, еще до захода солнца успеваем в лагерь «5600».

Всю ночь зверские порывы ветра. Опасаюсь, как бы не порвало палатку. Странное дело: палатка будто бы цела, а в головах полно снега. Лишь утром обнаружили, что у обоих клапанов, куда вкладываются

штучки ледорубов, огромные дыры.

5 сентября. Из второй палатки кричат, что у них половина палатки снега, все они мокрые и что пока не выгребут снег мету ставить невозможно.

Чернуха утилизирует снег в палатке и кипятит из него чай. Чай получился густой, наполовину с пухом.

Взошло солнце, и в палатке сразу сделалось значительно теплее. Потолок вскоре совсем просох. Делаем запрос второй палатке:

—Ну как у вас, готовы?

—Нет, мы еще суп варим.

—Суп? (вот черти!) Когда будете готовы?

—Через полчаса.

Занялся дневником. Палатка больно хлещет по голове. Рассчитываю, что к десяти выйдем. Однако расчеты не оправдались. Гороховый суп подвел, и вышли только в 12-м часу.

Ветер рвет здорово. Метет пеленой, однако не холодно. Виталий и я выходим вперед торить путь. Чернуха остается с остальными. Обветрило здорово — жесткий наст. Хорошо. Кое-где еще видны старые следы. Почти непрерывные вихри бьют в лицо. Идем без остановок. Наконец, вышли и остальные ребята. Идут хорошо.

Выходим на более пологую часть. Снег местами рыхлый. Ищем лагерь. Вот он. Но как засыпан! Принялись за раскопки площадки начальников (все имущество сносилось туда). И действительно, ледоруб вскоре скользнул о жесткое. Оказалась банка. Затем пошло и пошло: и консервы, и печенье, и мета, и шляпы.

Наша площадка готова. Чернуха и Виталий починяют палатку. Погода чудесная. Солнце. Тихо. Облачка чуть видны над Алайским хребтом.

Сегодня ночуем здесь, чтобы просушиться, починиться и по

возможности уничтожить найденные продукты.

Ночью тихо. Слышно, как шелестит снежок. Спал хорошо.

6 сентября. Утром никакой видимости: туман и снег.

Вышли в 11-м часу: вторая палатка опять задержала.

Виталий и я выходим немного вперед. Временами неприятно налетают снежные вихри. Снег сыпучий. Ноги часто скользят. Идем почти безостановочно.

Часа за два с половиной поднялись до лагеря у скал. Отдых примерно на час. Топлю воду в снежной нише. Меня осыпает снегом.

Стаху не терпится: идет впереди, но скоро убеждается, что торить не легко и с трудом добирается до первого отдыха на камне. Дальше без остановки торю я. Иду легко. Совершенно ритмично делаю шаги и вонзаю ледоруб.

Схема-маршрут восхождения на пик Ленина.

I — лагерь «5500», II — лагерь «6250», III — лагерь «6500»,

IV — лагерь «7000». Вершина — 7127 метров.

Рисунок Е. Абалакова

Анастасов, вначале предлагавший в этот день дойти до гребня, сдал. «Ну что там! зачем искать лагерь? Остановимся здесь». Все же прошли еще порядочно, а лагерь все не появляется. Наконец, остановились окончательно, а я без рюкзака пошел выше, в надежде найти место лагеря «6600». Поиски не увенчались успехом. Съезжаю обратно.

Упорная ледорубная работа. Опять врылись в лед. Палатка обледенела. Поставить нелегко. Все снаряжение тоже сырое и обледеневшее. Без промедления залезли в спальные метки.

Виталий дремлет. Я и Чернуха готовим гороховый суп и чай.- Виталий просыпается к каждому блюду.

Я чувствую себя чудесно. Голова совершенно не болит. Ночью снежная буря. Палатку так прижало снегом, что повернуться абсолютно невозможно.

7 сентября. Уже к утру с величайшим трудом мне удалось встать на четвереньки и стряхнуть часть снега с крыши. Сквозь стенки уже чувствуется, что на воле ясно.

Решили рано не выходить и по возможности подсушиться. Но подсушиться не удалось: здорово холодно и снежок метет. Собираемся, свертываем обледенелую палатку. Касьян Чернуха опять остается ждать вторую палатку.

Выходим вперед — я и Виталий. Временами легонько метет. Ноги иногда подмерзают. Обнаружен новый способ согревания — «маятниковый»: размахиваешь ногой и удивительно быстро и хорошо согреваешься. Чтобы не пересыхало в горле, отламываю маленькие кусочки шоколада и сосу.

Стах и Чернуха поднимаются значительно ниже нас. Анастасов и Лукин хорошо подтянулись, идут почти рядом, а главное ноги, говорят, совсем не мерзнут. Вдруг сзади крик Чернухи:

—Стах не может идти вверх. Отморожены ноги. Виталий,

опускайся вниз!..

Вот это номер! Неужели срыв?

Минуты колебаний. Наконец, Виталий снимает рюкзак, берет мой ледоруб и спускается вниз.

Чернуха упорно трет Стаху ноли. Виталий присоединяется. Проходит довольно много времени. Стах лежит на снегу.

Команда снизу:

— Анастасов, вниз!

— Ну зачем же я пойду? Я же хорошо себя чувствую! И ноги даже не мерзнут.

Команда повторяется. Анастасов, скрепя сердце, начинает спускаться.

— До свидания, ребята!

— Не расстраивайся, мы дойдем с тобой до вершины. Им, наверное, нужна палатка, — ободряю я.

Виталий и Чернуха начинают двигаться вверх. Чернуха с рюкзаком. Отлегло. Значит, восхождение не сорвано. Поднялись до нас.

Виталий говорит:

— Стах не может идти ни вниз, ни вверх. Необходимо его спускать.

Или мне, или тебе нужно спускаться вниз.

Тяжелое молчание.

— Евгений, ты был выше, на пике Коммунизма, пик Ленина уступи Виталию, — говорит Лукин.

— Считаю лучше — жребий, — предлагает Чернуха.

Опять тяжелое молчание.

— Я уже решил, что буду спускаться, — говорю я.

— Черт знает что! Мальчишка, идиот, в хорошую погоду не мог сохранить ног! Из-за него все срывается и почти у самой цели! — возмущается Чернуха.

Снизу опять крик:

—Скорее, скорее!

—С ним там истерика. Ты отбери у него револьвер, на всякий случай, — советует Чернуха.

—Что вам нужно из моих вещей? — спрашиваю я.

—Вроде ничего. Продукты пусть остаются у тебя. Нам хватит. На тебе кухню, веревку. Свяжись с ними. Ну, счастливо, Евгений! — Чернуха крепко сжимает мою руку.

А снизу опять крики:

—Скорее, скорее!

Я быстро соскальзываю вниз. Стах все еще лежит на снегу. Анастасов трет ему ногу. Принимаюсь и я. Нога мягкая, с немного странными пятнами. Ничего не чувствует, как чурбашка. Тру долго и что есть силы. Стах стонет.

—Теперь обувайся!..

Налетает вихрь и снегом мочит носки. Спешу надеть их на ногу.

—Анастасов, отряхни шекельтон!..

Анастасов, потрясенный неудачей, и, видимо, уже плохо соображая, отряхивает шекельтон так, что весь снег сыплется внутрь. Отбираю, отряхиваю сам и обуваю.

Связались. Командую:

—Вниз!

Спускаемся на ногах, часто подскальзывая. Миновали лагерь у скал. Отсюда едем. Я последним, сдерживаю. Стах кричит при разгонах. Ободряю и сдерживаю рывки.

Тяжелый траверс к лагерю (где остались шляпы). Ребята почти на каждом шагу скользят и катятся вниз: приходится рубить ступени.

Здесь опять оттирание ноги. Говорит, что в ступне уже чувствуется боль, но пальцы не чувствуют. Забираем шляпы и дальше. После траверса

опять съезжаем вниз. Теперь первым торю я. Ребята, видимо, сильно тормозят, я оказываюсь все время подвешенным.

Спустились к лагерю, где оставлены ботинки. Отыскиваем его с трудом: все совершенно гладко засыпано снегом.

Короткий скат по ледяному склону. Дальше на ногах. Начал траверс. Под снегом лед. Ребята срываются. Я насколько возможно закрепляюсь. Рывок, но не сильный. Немного не доехав сброса, останавливаются.

Дальше на охранении иду впереди и рублю ступени. Внизу видна трещина, почти совсем засыпанная. Место знакомое слабо. Раскапываю. Трещина, видимо, небольшая. Набираю веревку и прыгаю. Удачно. Вкопался в снег. За мной прыгают ребята.

Со следующего выступа кричу: «Ура! Мы на верном пути». Место знакомо, только за это время настолько обледенело, что нужно рубить ступени. Ну, теперь уже ерунда. Быстро скользим по большому склону и подходим к лагерю «5700».

Солнце уже низко. Я высказываюсь за ночлег здесь. Ребята просят идти дальше.

Спускаемся к нижнему лагерю. Темнеет. Идем прежним путем по леднику (только снег в прошлый раз месить не приходилось). Чувствуется, что ребята устали: неверен шаг.

Наконец подъем на старую виднеющуюся издали темным конусом морену. Но и она тянется бесконечно. Полузасыпанная ишачья тропа. Вот и поляна с пятнами снега, белеющими в темноте. Кастрюля с макаронами на месте.

Анастасов принимается за костер. Я осматриваю ногу Стаха и растираю ее. Она уже теплая и чувствительность, говорит, появляется.

С трудом обнаружил воду, в самых верховьях ручья. Наелись макарон и еще чуть осталось. Анастасов над костром сушит спальный

мешок. Ставлю палатку, ибо стало немного заносить. Улегся, надев на себя все, кроме штурмовки,— ее подстелил. Ребята легли рядом. Ночью жарко не было. Раза два просыпался.

9 сентября. Опять чудесное утро. Но снимать «ватнушку» рано — совсем прохладно.

Яичница вышла с большим процентом меты. Ребята отказались. Ем только из авторского самолюбия. Чтобы не было скверного осадка — быстро заедаю шпротами и печенкой.

Опять массирую пальцы Стаху, а затем — ногу в банку с водой (согревающая ванна).

Иду встречать ребят. Анастасов скулит: «Палец сильно распух, очень трудно ходить...» (а я думаю, ему просто лень идти). Взял с собой альбом. «Ну, готовьте здесь обед»,— говорю.

Открылся пик. Движения никакого не видно. Стоит белым громадным курганом. Лишь подходя ко второй морене, заметил на втором лагере (террасе) крошечную точку, но точка неподвижна, и я начинаю сомневаться — человек ли это? Вдруг точка разделилась. Двое пошли влево. Один долго стоит, затем начинает сползать вниз. Ну хорошо! Все трое целы.

Долго задерживаются на сбросах, где мои «орлы» летели. Я в это время делаю наброски с пика Левина.

На леднике еще лежит снег, но ручейки уже пробивают дорогу и снег заметно оседает. У лагеря ищу оставленные вещи. Обнаруживаю их на этот раз довольно быстро. Ясно видны вверх по леднику наши позавчерашние следы. На них жду появления фигур.

Одна вышла, идет вниз. Это Виталий перебирается через морену, огибает озеро по снежнику и приближается ко мне.

—Где еще двое?

—Там сходят. Устали здорово...

Наконец, появляются двое, походка расслабленная, шатаются. Встали в нерешительности: по чьим следам идти?

Спешу навстречу. Не узнали и еще издали кричат:

—Виталий, а спирт взял?

Подхожу.

—Здорово, орлы!

—А, Евгений, вот это здорово!

Лукин совсем высох. Говорю ему:

—Снимай рюкзак!

Сначала поупрямился, но потом сговорились. Вид и рассуждения у него, как у подвыпившего. Дошли до лагеря. Захватили там манку и фляжки. Прошли немного, Лукин опять ухватился за рюкзак. На сей раз уговоры не подействовали. Пришлось меняться. Несу рюкзак Касьяна. Лукин надел рюкзак и тут же просит присесть. Вот комик, костями ляжет, но с рюкзаком.

Иду довольно быстро. Ребята отстают и просят не спешить. Спускаемся прямо к лагерю. Встречают «больные».

—А где же обед? Не удосужились?..

—Да он бы остыл, — говорят.

Еще по дороге узнал все подробности штурма.

В день расставания шли часов до шести. Переночевали. Ветра не было. Утром вышли не рано, часам к 12-ти. Гребень широкий, как Ленинградское шоссе (по описанию Чернухи). Жесткий, удобный для ходьбы чешуйчатый наст. Через два часа перешли на скалы и по ним за час с небольшим вышли на вершину.

Открылось большое снежное плато, метров на 300 ширины. Оно уходит далеко к пику Дзержинского и ограничено с трех сторон (за исключением юга) скалистой грядой.

Видимость очень слабая. Видна лишь юго-восточная часть с озером

Кара-куль.

Вытащили из рюкзака бюст Ленина (ранее установленный метров на 200 ниже) и укрепили его на северо-восточном скалистом выступе. В метре от него сложили тур и вложили записку о восхождении. Обыскали вершину, но никаких следов пребывания на ней немцев (в 1928 году) не обнаружили.

Время выхода на вершину 16.20. Спуск в лагерь на гребне в 18.10. Утром спуск вниз. Шли не связанные...

Облачно. Солнца нет. Виталий ставит себе палатку. Ребята отдыхают. Стряпаю богатый ужин.

Мешок почти просох. Сплю очень хорошо.

10 сентября. Утро изумительное. Тихо, тепло, ясно.

Начинаем сборы к выходу в нижний лагерь. Вышли точно в 10.10, ибо начальник Чернуха объявляет выход, когда все уже соберутся: мудро и опозданий не бывает.

Вид у нас бандитский: все обросшие, помятые, грязные и изодранные. Особенно эффектен Виталий: он в трусах и с громадной кастрюлей, привязанной поверх рюкзака.

Передышка и фотосъемка перед выходом на лед. Похрустывают ледяные иглы под нашими подошвами.

Вот и средняя морена. Теперь уже «дома»! Моренный гребень сильно обтаял и заострился (без рубки теперь трудно бы было провести лошадей). Последние бугры морен. Виталий спешит первым подняться на откос. Мы с волнением следим, увидит ли он кого в лагере? Поднялся — и вдруг рука приветственно вскинулась вверх. Есть! Ура! Быстро поднялись и мы. Навстречу Юхин, красноармейцы. Жмут руки, поздравляют.

Вечером сабантуй. Появился богато сервированный закусками «стол». Бутылка хорошего вина, остальное спирт. Пошло здорово. Лукин опять пытался говорить торжественные речи.

Виталий уныло лежит в мешке и тянет ром. У него болят зубы.

Сплю на воле под мобилизованными полушубками.

12 сентября. Ждем караван. Обещали быть с утра, но подошли только к обеду и то, если бы Анастасов случайно выстрелом не спугнул караванщиков, «отдыхали» в Ачик-таше до вечера. Юхин и Ткаченко уехали раньше.

Наконец наши «рысаки» готовы. Виталий любит устраиваться удобно: два вьюка с боков, в середине мягкая подстилка на вьючном седле. Мне пришлось довольствоваться лишь ватником вместо седла. Не успели отъехать, как у Виталия авария: съехал на шею, а затем и вовсе свалил все вьюки. Второй случай уже со мной. Лошадь моя без стремян. Не найдя подходящего камня, решил вскочить на нее с разбегу. Между тем к лошади привьючили два рюкзака и, видимо, плохо. Я разбежался, прыгнул, и в то же мгновение весь груз вместе со мной съехал под лошадь. Ребята надрываются от смеха.

Удаляется белая громада пика Ленина. Промоина Ачик-таша. Переправа пустыковая, воды немного. Изумительной красоты и прозрачности голубые озера. Вода как морская.

Караванщик отказывается ехать до Бордобы. Ночью, говорит, нельзя перейти последние речки. В полной темноте свернули на поляну у ручья и встали.

Палаток не расставляли. Спали хорошо.

13 сентября. Еще до солнца разбудили караванщика. Тот пошел искать лошадей. Лишь брызнули первые лучи, начали будить всю «банду батьки Чернухи».

Лошади, видимо, разбежались. Ждать пришлось долго. Взгромоздились на этот раз удачно и до Бордобы ехали уже без приключений: приспособились.

День опять изумительный. Речки подернулись серебристым слоем

ледка. Через речку ледника Корженевского переправились легко. Последний поворот — и открылись строения Бордовы. Неожиданно от них отделяется всадник и несется галопом навстречу. Ваня! Ох, джигит! Странно лишь то, что лошадь его, как мотоцикл на вираже, клонится то в одну, то в другую сторону. Подскакал, осадил. О, ужас! У лошади задние ноги подгибаются, бедняга шатается и... совсем садится. Финал испортил все. Заболела. Едва довели ее до Бордобы.

Расположились под навесом. Закусили.

Потом холодная баня. После этой бани, как очумелые, выскакиваем на солнышко и здесь только отогреваемся. Бреемся с трудом добытой бритвой. (Лишь Анастасов и Чернуха хотят сохранить свои окладистые бороды).

С машинами скверно: пришли три и встали до утра на ремонт. На бордобинскую машину тоже расчет не оправдался — отправилась с начальством в Ош. Совершенно неожиданно уже под вечер выручила машина базы. Юхин бежит довольный: «Садись, ребята!»... Это дело одной минуты.

Широкими руслами рек въехали в ущелье. Солнце скрылось за крутые стены. Но вот опять расширилась долина. Справа видны склоны отрогов Кызыл-агина. Сворачиваем влево и вскоре лезем зигзагами на перевал.

Показались палатки Памирстроя. Уже темнеет. С машины долой. Скорее! Сегодня же дойдем до лагеря. Юхин сгружает груз.

— У вас можно будет оставить груз до завтра?

— Нет, мы сейчас снимаемся, — говорят памирстроевцы.

Как быть?

— Ткаченко, не боишься один остаться с грузом?

— Нет.

Быстро идем на восток, держась как можно прямее (как указали

памирстроовцы). Под ногами песок, мелкие камешки, рога архаров. Слева блестит речка. Грязь. Стало темно. Ребята начинают ныть. С такими настроениями далеко не уйдешь. Решили заночевать. Выбрали сухое местечко. Палатки не ставим, а прямо влезает в них. Устроились хорошо.

14 сентября. Еще задолго до рассвета Виталий настаивает на выходе (ему уже не терпится).

Холодно здорово. Речки покрылись льдом. Перейти по льду проток не удалось, пришлось обойти. Опять песок и камень. Много следов диких и домашних животных. Видны следы и наших ребят.

У первого мелкого рукава напилась и тут же заметили движение на противоположном затененном берегу. Ребята спорят: лошади или архары?

Широкая долина, а за бугром основной поток. Тут уж Лукин и Анастасов не утерпели и пошли посмотреть. Лукин сразу увидел людей. Анастасов ушел далеко. Долго кричали ему. Но он, видимо, решил там же перебродить мелкие речки.

Мы перепрыгиваем с разбегу чуть не десяток рукавов. Лишь Лукин решил разуться и набродился в ледяной воде вдоволь. Вышли на торную тропу. Идем быстро. Показались ишаки. Ну, думаем, лагерь! Но прошли еще километра три, покуда увидели человека. Немного ниже устремилась навстречу другая фигурка. Нас приветствует красноармеец. В маленькой котловинке показались, наконец, палатки, расположенные полукругом. Мамаджан уже хлопчет у костра. Остальные еще все опят.

Подходим к палатке Николая Васильевича, выстраиваемся.

— Сбрасывайте рюкзаки, не нужно строиться, вы устали... говорит он.

Все же пока Чернуха читает рапорт, мы, хотя и без рюкзаков, стоим навытяжку. Впечатление произвели хорошее. Фотосъемка в полном снаряжении. Сначала мучает Арик, потом Николай Васильевич.

Богатый завтрак: отбивные из кийка, свежие помидоры, виноград,

дыни. Изумительно!

Приветствуют встающие ребята. У них уже были вылазки на Курумды и вниз на Маркан-су. Район и работа понравились многим больше, чем район пика Ленина.

Событий за наше отсутствие много. Артюхов потерял свое звено. Утром пошел искать — не нашел, проголодался, возвратился к завтраку. Ушел вторично, но проглядел, и они разошлись. Пришел позже звена и получил выговор.

Мое третье звено, по мнению Николая Васильевича, забралось в Китай и было арестовано спецгонцом Ариком. Однако позже инцидент был исчерпан и Николай Васильевич даже остался доволен их работой. (Иного ему и не оставалось, ибо он сам ошибся в расположении границы).

После завтрака иду рисовать на соседнюю вершинку (подъем на 600 метров). Хороший путь по сцементированной мелкой осыпи. На вершине хватил зверский ветер. Панораму на Курумды посему не закончил, а поспешил скорее вниз. За скалами нашел заветерок и сделал еще один рисунок в сторону хребта Маркан-су — долину, лагерь. Вышло прилично.

Спускаюсь доливкой по сыпучей осыпи. В лагере уже пообедали. Мамаджан любезно подает мне суп, а главное хорошую порцию арбуза и виноград, стараясь защитить последнее от пыли.

Дальнейший план изменился. Вначале думали двинуться послезавтра с утра. (Я еще надеялся использовать завтрашний день для восхождения на хребет Маркан-су). Сейчас же решено: выходим завтра после обеда с тем, чтобы по возможности вечером же попасть на Каракуль.

Опять строчатся статьи и телеграммы о восхождениях и исследовательской работе.

Чудесно засыпаю один в «шустере» в своем мешке.

Вечером эпопея с Лукиным. Ушел на ту сторону, к хребту Маркансу. Приезжает караванщик и сообщает, что Лукин убил двух кийков. За ними отправляют лошадей. В лагере все в восторге. Вот это охотник! Сразу двух уложил. Я уже лег, когда пришел Лукин. Говорит: «Убил пять кийков, но трех не мог найти». Взрыв восторга. Лукина качают.

Немного позже выясняется: Лукин сломал винтовку — маузер Николая Васильевича. Тут же выясняется, как это ружье попало к Лукину. Оказалось, он взял ружье у доктора (без разрешения Николая Васильевича), объявив, что хозяин разрешил ему попользоваться им в порядке премии за восхождение. В пылу охоты Лукин прыгнул через овражек, и маузер лишился ложа. Николай Васильевич вызвал Лукина и дал легкий нагоняй.

Кому смех, кому горе.

15 сентября. Утром Лукин ездил за оставшимися кийками, но конечно, не нашел их. Авторитет его как охотника, поднявшийся на неизмеримую высоту, снизился. Однако два козла все же есть (хотя и не по десяти пудов, как уверяли вчера), но мяса все же прибавилось.

Пагода ясная. С севера со вчерашнего дня начали показываться облачка. К обеду подул ветер. После обеда сразу выучим и отправляемся.

Вечером строем (не очень стройным) подошли к рабату*. Ветер треплет поставленные палатки. Машин нет. Сплю в «полудатской», снова с Давидом. Ночью словили машины, но толку мало. Шоферы отказались — перегружены.

16 сентября. Утром долго ждали. Машин все нет. Первое звено уехало на бревнах, как грачи. Обещанные машины Дорофеева не идут тоже. Решили идти пешком. Ребята недовольны, особенно Колосков («Что мы туристы, что ли?»). Заряда у него хватает надолго. Искин раскатисто хохочет. Заплеталов солидно урезонирует. Прошли около двух километров.

* Рабат – стоянка караванов.

Вчера проходили машины ТПЭ, но их никто не предупредил, и они уехали.

И вдруг машины! Одной удалось улизнуть. Другую остановили и на нее кинулись, как звери. Устроились на весьма полной машине и, весело помахивая шляпами, укатили.

Широкая долина. Подъем на перевальчик. Крутит смерчами пыль. Неожиданно голубизна озера Кара-куль в кольце оснеженных хребтов. Быстро несется машина под уклон к озеру.

База. Располагаемся рядом в громадной палатке. Читаем запоздавшие газеты. В некоторых целые страницы посвящены нам.

Беседуем с местными жителями, говорят: «Сейчас у нас как на курорте. А вот зимой другое. Ветер с ног сшибает. Мороз до 60 градусов. Снег весь выдувает. Озеро очерится торосами льда. Перевалы закрыты на полгода...».

Совещание. Распределение районов на последнюю исследовательскую вылазку. Я наметил для своего звена Кок-чукур-баши. Звено Давида отправляется на лошадях на юго-восток на коническую вершину километров за 40. Дадиомов — на восток, на двуглавую вершину. Николай Васильевич — на перевал Кара-джилга — Саук-дара, километров за пятьдесят, тоже на лошадях. С ним Стах и доктор.

17 сентября. С утра выдача продуктов. Плотный второй завтрак.

В 12 часов уходит первое звено, затем второе.

У нас задержка: нет караванщика (уехал за терескеном)*. Ребята волнуются. Не успеем до ночи доехать до оледенения. Наконец рысью подъехал караванщик. Вышли в час дня.

Кругом равнина, песок, камень, терескен. Кажется, никогда не дойдем до первых холмов.

Слева, возможно из Китая, движется большой караван с рослыми

* Терескен – кустарник, в горных условиях используется как топливо и корм скоту.

верблюдами. Идут женщины в красивых халатах. Затем с лошадьми мужчины. А сзади большое стадо баранов. У обрывчика старого русла остановились, видимо, ждут нас, думая, что мы разъезд.

Подъем на предгорья. Идем полтора часа. Камень, песок, лишь по долинкам кое-где зеленеют лужайки. Ишаки идут плохо, отстают, часто останавливаемся. «Трава плохая»,— кратко поясняет караванщик. (Действительно, ишаки шли из последних сил.)

Саша уже успокоился, не ругается и винтовку несет спокойно. Встретили большое стадо баранов. Пастух при нашем появлении на всякий случай ретировался в сторону.

Опять ишаки далеко позади. Кричим, но толку мало. Я и Искин пошли разведать вперед, до видимого гребня. Остальные остались помочь подогнать ишаков. Однако и с их помощью ишаки идут плохо.

Бесконечный подъем. До висячего ледничка недалеко. Темнеет. Решаю здесь остановиться, благо и площадка есть хорошая. Успели очистить место от камней. Подошли остальные с ишаками. Быстро разгрузили.

Холодно. Ставим палатки. Ребята залезают в них. А я еще долго на воле (то воды нужно, то еще чего-нибудь). Варим ужин: какао, консервы, молоко.

Полумесяц яснее и вскоре таинственно заливает зеленоватым светом Кок-чукур и матовой полосой ложится на озеро, широко раскинувшееся под нами. Хребты неясными серыми силуэтами уходят вдаль. Редкие звезды неярко светят с темного неба.

Долго не спится в эту ночь. Заснул лишь под утро.

18 сентября. Я вылезаю первым. Легкий, но холодный ветерок. Вода в котелках замерзла до дна. Ручей покрылся белой чешуей. С трудом нахожу воду. Взошло солнце, но греет еще слабо.

К десяти часам управились с завтраком, настолько плотным, что

двигаться после него нелегко.

Вышли в 10 часов. За полтора часа дошли до висячего ледника по гребешку, глубоко вклинивающемуся в лед с юго-западной стороны вершины. Выход на лед крутой, но лед пористый и идти нетрудно.

Дальше пошел целый лес маленьких сераков. Идем прямо на север. Затем огибаем ледяной лоб справа и опять на север по пористому льду и, частично, по свежему снегу.

Перед нами последний гребень, полого вздымающийся на северо-восток. Я попытался выйти на него, но попал в трещины и обледенелость. Кричу ребятам: «Не подниматься на гребень! Идти дальше!» Пришлось порядочно загнуть на восток и затем уже по снегу свернуть влево на вершину, полото поднимающуюся громадным снежным куполом.

Открылась изумительная панорама: ясно видны вершины верховьев ледника Федченко, пика Революции и еще целый ряд исключительно острых пиков.

Правее из-за темных гребней седую острую голову поднял пик Комакадемии, справа за ним пик Гармо. Еще правее остро вздымается другой большой пик, а через перемычку справа, ясно доминирующая над всем, конусообразно красуется вершина пика Коммунизма. Видно все верхнее плато со средним гребнем в середине, лишь скалистая часть тонет в хребтах.

Севернее двуглавая вершина пика Корженевской смело режет пространство. Затем понижение, вздымающееся лишь зубьями хребта Петра Первого, и уже совсем близко мощная гряда Заалайского хребта с пиком Ленина на заднем плане, но явно доминирующие над всем хребтом.

Громадный массив Кызыл-агина кажется совсем близко. Контрастно к нему на юг уходит гребень, поднимаясь острыми гранями до высшей точки пика *Октябрьского и затем отвесно падая на юг.

А еще южнее, ближе всех, эффектной вершиной — пиком

Трапецией заканчивается хребет Уй-су.

На восток от этой группы прорыв, вдали виден Алайский хребет — это выемка перевала Кызыл-арт.

Восточней хребет постепенно, сначала отдельными скалистыми вершинами (пик Архар, пик Пограничник) и дальше снежными куполами подходит к высшей точке — вершинам Курумды. Еще через одну вершину хребет последний раз вздымается острым пиком Зари Востока и дальше, уже значительно понижаясь, уходит в Китай.

В обрамлении красных скал круто спускаются языки ледников, скрываясь за крайний хребет. Ближе него — широкое пространство долины Маркан-су, далеко уходящей на восток, в Китай.

Прямо перед нами на северо-запад круто обрываются склоны снежной шапки пика, высшей точки этого неясного еще хребта (высота его ориентировочно 5850 метров). Высота Кок-чукур-баши, по моему альтиметру, совпала с измерениями немцев — 5700 метров. Слева видна еще меньшая вершина — продолжение того же хребта на запад. Это пик Красных командиров.

Прямо под нами большое снежное плато, чуть вздымающееся на север, а затем круто падающее в ущелье, идущее к Маркан-су. От плато в северо-восточном направлении отходит гребень с двумя крупными вершинами.

Восточнее (опять же в Маркан-су) спадает вполне солидная долина. А хребет явно сворачивает вправо, на нашу вершину, и затем уже значительно восточней опять поворачивает на северо-восток, ограничивая таким образом долину. Далее он, скучиваясь острыми скалистыми пиками, дает несколько отрогов и спадает в Маркан-су уже в Китае, близ пика Китайского.

К этому пику с юга подходит другая огромная долина, завершающаяся с востока длинным оснеженным хребтом. Последний с

юга венчают две громадные белые вершины, одна из которых должна быть Мустаг-ата, а с севера он заканчивается острым скалистым пиком Китайским.

На юг большими снежными плато уходит другой хребет, ограничивающий озеро Кара-куль.

Изумительная панорама! Делаем засечки. Свищет ветер. Я подошел к самому краю обрыва, к нижним плато. Тщательно прошупываю местами глубокий снег. Зарисовываю полную панораму, кончая Мустаг-атой. Замерз зверски.

Озеро Кара-Куль (акварель)

Рисунок Е. Абалакова

Колосков сверху долго жаловался, что у него замерзли ноги. Я отправил троих старым путем вниз и значительно позже начал спускаться с Заплеталовым. Вначале сильно взяли влево, попали на крутой обледенелый склон. Страверсировав его, вышли на верный путь и за какой-нибудь час спустились со льда и по гребешку вскоре дошли до лагеря.

Колосков уже приготовил суп. Настроение у него скверное. Болят голова. Когда я сказал о вторичном восхождении на другую вершину, — он начал явно возмущаться, Искин тоже пытается отговорить меня, считая, что все уже вполне ясно.

Я твердо стою на необходимости для точного нанесения точек — засечь их с другой вершины, и даже доволен, что никто желания идти не обнаруживает. Один быстрее и спокойнее справлюсь с этой задачей.

19 сентября. Лишь солнце оторвалось от южного гребня — встал. Прохладно: минус 4 градуса и ветерок режет. Отыскал воду. Закусил замерзшими консервами. Взял бусоль, захватил и кошки, учитывая ранее виденную обледенелость. Вышел рано.

При спуске с нашего плато в лощинку спугнул улара; он побежал вверх. Опять лощинка. Поднялся, траверсирую плато. Забрался высоко. Еще лощинка с пористым льдом.

Вправо обрыв большого ущелья. Раздумываю. Высоту терять не хочется. Решил подняться на плечо Кок-чукура, хотя дальше к скалистой вершинке спуск все же неизбежен. По скалистым нагромождениям гребня вышел на висячий ледник. Гладкий лед перемежается с пористыми иглами. Дошел до края. Спуск очень крут, скалы тоже обрываются отвесно. Пришлось лезть выше по скалистому гребню. Вышел почти до верха; высота 5500 метров. Нашел осыпь, спустился и по игольчатому снежнику траверсировал на полого опадающий гребень отрога, а по нему — до выемки.

Ветер глухо ревет в камнях. Жутко подходить к краю обрыва — шутя может стащить ветром и бросить в глубину ущелья. Высота этого «перевала» 5350 метров. Осторожно перехожу по ледяному почти горизонтальному участку.

Полого поднимается гребень. Делаю зигзаги среди крупных камней серого гранита. Иногда перехожу небольшие полоски льда. Сделал было

попытку пройти ледяной гребешок, но порывы ветра настолько сильны, что я с трудом спустился обратно. Обошел скалами.

До следующей значительной вершины тянется длинный гребень с тремя вершинами. Но главная беда в том, что вершина, на которой я стою, совершенно отвесной скалой обрывается на восток. Идти ли дальше?

Нет, нужно. Нельзя же не окончить исследования...

Тщательно осмотрел северный склон и нашел спуск по крутому и рыхлому фирну обходом. Аккуратно прощупываю: возможны трещины. Ниже склон крутыми сбросами падает в долину.

Удачно обогнул вершину и вышел на изорванный гребень со льдом и карнизами. Внимательно обхожу трещины. Еще два возвышения и опять длинная перемычка.

На кошках удобно идти по пологому, совершенно обледенелому карнизу. Держусь вблизи скал. Кошки почему-то оказались явно велики, и на левой ноге носковые зубья все время сворачивают внутрь. Посему ноги приходится проносить широко, чтобы не зацепить за штанину, и осторожно. Однако иду все же довольно быстро. Неожиданно ледяной карниз прерывается у предпоследней вершинки. Приходится снимать кошки.

Порядочно поднялся по гребню и затем опять вышел справа на ледяное широкое плато. До вершинки поднимался, держась у скал, по наметенному снегу без кошек.

Отсюда хорошо видна вся широкая долина, спадающая в Маркансу. Отвесной стеной падает сюда вершина Кок-чукур. Правее более полого стекает ледник, который начинается на плато Кок-чукур. Дальше двумя вершинами уходит в Маркансу уже знакомый контрофорс с вершиной.

Ну теперь все ясно. Основной хребет проходит на пик Кок-чукур, затем, южнее, на скалистую пройденную вершину, гребнем доходит до вот этой округлой вершины, а от нее круто поворачивает на северо-восток. Но что делается па востоке и на юго-востоке, можно увидеть только с крайней

вершины. Придется пройти до нее.

Снова надеваю кошки. Руки здорово мерзнут. Продувает насквозь. Быстро перешел плато. Подъем к вершине по ледяному карнизу слева.

Неожиданно передо мною почти в восточном направлении с небольшим отклонением на север в направлении пика Китайского — большая долина. Она отходит прямо от моей вершины.

На юг от этой же вершины гребнями с пологими, заполненными громадными оледенелыми снежниками, отходит хребет, ограничивающий с востока озеро Кара-куль. На востоке он сходится острыми гребнями с крутыми обрывами снежных сбросов. С юга же подходит вторая глубокая долина и входит в первую. За ней видно еще несколько меньших долин.

Все они соединяются у пика Китайского и вливаются в Маркан-су. Смотрю высоту — 5500 метров. Спешу сделать рисунки. За камнями вершины ветер чуть потише. Зарисовываю систему. Ух, холодно! Еще нужно засечь все интересные точки. Выбираю Китайскую сторону.

Вырвало карандаш (еле нашел). Затем сорвало очки — догнал кое-как. Бусоль хорошо устроил на камне и засекаю подряд. Кончил. Бусоль лежит рядом. Вдруг срывает с камня снятые варежки. Прыгаю за ними.

Наконец все готово. Надеваю штурмовку. Шлем уже давно надел поверх шляпы и получилось неплохо. Рюкзак совсем пустой. Чудесно. Не снимая кошек (через скалистую грядку осторожно прохожу на них же), спускаюсь до самого подножья ледничка скалистой вершины. Вспоминаю, что забыл взять с нее образцы породы (с первой же парочку захватил).

Поплутал в конце ледника: оказался обрыв на всем протяжении, лишь с самого левого угла удалось спуститься. По старой морене и осыпи спускаюсь быстро, выбирая, где бы перевалить через правый гребень. Последний значительный подъем на гребень по осыпи делал уже не без пруда. Вышел не очень удачно. Пришлось траверсировать еще один крутой склон.

Спуск. А дальше взял за правило траверсировать все склоны без, спусков и подъемов и так очень удачно дошел до самого лагеря. Ребята радостно приветствуют мое возвращение. Все в порядке. Работу можно считать законченной.

20 сентября. Свежо. Ветерок. Метет снег. Ручей промерз настолько, что едва набрали полкотелка воды.

Анероид что-то подскочил на сто метров, показывает 5000. Солнце очень медленно согревает воздух. В 10 часов — минус 5 градусов. К 11 часам приближается к нулю.

Позавтракали очень плотно, стараясь истребить как можно больше продуктов.

Ухожу на гребень рисовать Кара-куль. Рисунок сделал прилично, но когда начал покрывать акварелью, стали получаться какие-то сгустки. В чем дело? И тут же разгадал: мерзнет.

Вскоре показались ишаки с караванщиком. Так и не пришлось кончить акварель. Ребята уже собрали рюкзаки, начинают выючить.

Быстро сбегает по пологам склонам. Ишаки не отстают, а вскоре даже и перегнали нас. За час спустились уже на равнину. Заплеталов отстает. Искин бежит впереди.

Завеса пыли несется по равнине. Крутят смерчи. Выше гор поднимается красноватая пыль, особенно от Маракан-су. Совсем закрыло горы и небо.

Вот уже близко база. Видны наши палатки. Первыми встречают Мамаджан и Израим. Затем высыпают ребята. Сразу тысяча вопросов. Тут же смотрят рисунки, развертывают карту и с азартом расспрашивают, что сделано, что видно.

К вечеру приходит группа Давида. Измотаны здорово.

Я в палатке начальника начинаю составлять по материалам карту. Темно.

Сплю в «шустере» богатырским сном.

21 сентября. Тихое, ясное утро.

Принимаю приглашение Саши покататься по озеру.

К обеду приехало начальство. У Николая Васильевича звенья уже отчитываются о проделанной работе.

Свой отчет я поручаю сделать Заилеталову. Он рассказал в основном о восхождении на Кок-чокур-баши и о том, что оттуда было видно.

Когда речь зашла о восточной широкой долине и я сказал, что северная стена обрывается почти недоступно на всем протяжении, Николай Васильевич воскликнул:

—Что Вы мне рассказываете! Я был там и знаю, что подняться на нее очень просто.

Но вскоре все уладилось. Выяснилось, что Николай Васильевич спутал и говорил совсем о другом ущелье.

Еще поспорили немного о наименовании вершин. Однако я особенно не возражал, названия давал не я.

22 сентября. Хорошее ясное утро.

Вызывают к начальнику. Захожу в большую палатку. Там сидят Николай Васильевич, Вершико, Попов. Рассматривают негативы, фото теодолита.

—Смотрите, Евгений, вот снято ущелье с Маркан-су. Вот наш лагерь, а вот еще две вершины...

—Правильно. Это боковой отрог. За ним двуглавая вершина (одной головы не видно). А здесь — чуть заметная снежная перемычка. Дальше Кок-чукур-баши. А вот это восточное ущелье. Видите, как здесь круто обрывается? А вот и вершина, до которой я доходил.

Говорили еще долго, пока не исчерпали материал. Николай Васильевич ушел, а я еще разговаривал с Вершико, объяснял ему маршрут

на обе вершины. Николай Васильевич посылает его в те районы и даже кошки дает.

Вечером перед строем начальник зачитал оценки работ по съемке. Все звенья получили «хорошо». Мое третье звено — «отлично». Затем Николай Васильевич дал общую оценку проделанной работы, оценивая ее вполне хорошо. Коснулся нашего спуска с пика Ленина и еще раз похвалил меня, сделав, однако, замечание, что спускаться следовало более медленно. Потом оказал, что вся работа окончена и что он завтра уезжает.

Поднялся шум. «Качать Николая Васильевича!» и подняли...

Сразу же началось приготовление к сабантуе. «Собирай кружки!» Плотно расположились на брезентах. Николай Васильевич улыбается.

—Ну, товарищи, с успешным окончанием!..

Лукин винтом прошелся по посуде и кубарем скатился. Перешли к костру. Затянули песни. Прыгаем через костер. Смех и крик оглушительный. Все явно довольны сабантуем.

Николай Васильевич лег спать.

—Тише, расходитесь!..

Но куда тут, усмирить трудно! Дальше я не слышал, заснул.

23 сентября. Встал едва показалось солнце, пожалуй, первым.

Успел порисовать. Подъем в восемь часов.

Еще одно задание: проработать побригадно три раздела и записать предложения командиров: 1) по снаряжению, 2) по режиму движения в горах и питанию, 3) по методике обучения горной технике.

После завтрака, когда Николай Васильевич и прочие уехали на легковой машине на Ранг-куль, мы занялись проработкой. С азартом обсуждались все вопросы. Живейшее участие принимал Альгамбров, Заплеталов, врач и др.

Ребята ушли на берег играть в волейбол. К трем часам ждем машины; но пока их что-то не видно. Просматриваем нарасхват последние

газеты. Сенсацию произвело сообщение о вступлении СССР в Лигу Наций. Есть сообщения о нашем походе.

Поздно вечером подошли две машины и с ними Ваня Юхин. Ух, якши! Дыни, арбузы, помидоры!.. Сейчас же конвейером разгрузка. Завтра рано утром выезжаем.

24 сентября. Встали рано, только начало светать. Но сборы затянулись. Шум с погрузкой. Машины нагрузили до отказа. Выехали в 10 часов.

Пасмурно, низко тянутся облака. Ветер свистит и гонит пыль. Озеро сердито посинело. Машины идут, тихо переваливаясь то на один, то на другой бок. Здесь уже трудно разобрать, где шоссе: бесконечные обходы и спрямления запутали все. Глубокие камни, рытвины, ухабы, колеса глубоко увязают в песок. Мотор гудит напряженно.

Бесконечно долго объезжаем восточный берег озера и на практике убеждаемся, что действительно оно не маленькое. Наконец первые предгорья хребта. Дорога ровнее, а вскоре и совсем ладная. Левее за невысокими хребтами видны снежные пики с черными прорезями скалистых выходов. Впереди изрезанной стеной заканчивает долину новый хребет, и не знаешь, куда же нырнет машина.

Дорога медленно поползла вверх. Какой же здесь перевальчик? Будто на карте нет такого. Вдруг выехали на горку и справа совсем рядом открылась соседняя широкая долина. Несколько крутых поворотов — и мы там. Пересекаем русла речек. Вода шумно веером разлетается в стороны. Шоссе здесь не плохое, машины идут резво.

Справа в ущельях показываются внушительные остроконечные вершины. Это очень мало изученный хребет. Еще немного — и мы у заставы, пожалуй, самой маленькой и самой высокогорной на Памире. Здесь остановка ровно настолько, чтобы подлить бензина и воды.

Постепенно по широкой долине машина взбирается вверх. Мы уже

пропели все песни, охрипли и порядочно надоели Саше. Сидим молча и с нетерпением ждем, когда же начнется собственно подъем на самый перевал.

Застава в горах. Рисунок Е. Абалакова

Вот въехали в боковое правое ущелье. Еще немного — шоссе взбежало на склон. Наружный его край обложен каменной стенкой, а дальше прямой отвес. Чем выше, тем шире открывается сзади панорама. Пипки, один острее другого, торчат острыми зубьями, а на заднем плане, наподобие пика Коммунизма в миниатюре, видимо, одна из наивысших точек хребта Муз-кол (около 6200 метров). Утренний снег еще не стаял. Вершины седые до самого подножья.

Подъем вдруг стал почти незаметным. Долина расширялась. Мы ждем перевальной точки. Однако дождались ее не скоро. (Характерная особенность почти всех памирских перевалов — очень слабо выражена самая перевальная точка). Наконец; поваленный столб и спуск. Ветер рвет неимоверно. Но лишь перевалили — стало тише, а вскоре и значительно теплее. Здесь свежего снега на склонах почти не видно.

Горы снизились, стали цветистее. И только справа в ущельях еще долго виднеются снежные пики. Растительность небогата. На песчаной глинистой почве разросся лишь жесткий терескен.

Издали увидели встречную легковую машину и единогласно

решили: начальство возвращается.

Не доезжая до нас, легковая дала тормоз. Крики приветствия. Руки лесом взвились вверх. Все трое густо напудрены пылью, все трое улыбаются. Сейчас же окружили машину, куча вопросов...

Машины разбегаются и теряют одна другую в горной пустыне: одна держит путь на Мургаб, другая на Ош.

Поворот на юг. Еще более широкая долина. Ветер крутит смерчи. Желтая завеса пыли летит по долине. Важные верблюды с красными помпонами мерно шагают в Кашгар. Целую связку верблюдов ведет тоже разукрашенный ишачок, иногда самостоятельно, иногда с седоком на сагане. Бронзовое лицо седока окаймляет меховая шапка, на плечах темной лазури халат.

А вот идет красавец. Нежно-голубой халат перепоясан золотой тесьмой на тонкой талии, широкие белые шаровары из тонкой материи раздувает ветер. Ноги в легких остроносых туфлях. Движения его характерно восточные: легкие и медлительные.

Бесконечно долго тянется караван. Машина беспрестанно ревет сиреной. Верблюды в смятении лезут один на другого, теряя спокойствие «кораблей» пустыни.

Слева подошла еще одна широкая долина. Бели по ней пройти немного, то попадешь в Китай. Отсюда и приходят в Мургаб кашгарские купцы с товарами.

Солнце склоняется к правому хребту. Машины делают несколько поворотов в холмах и вылетают к Мургабу.

«Город» Мургаб!.. Несколько построек, склады заготовительных учреждений, кибитки и приятно удивляющее первое строительство комендатуры. Вот и все.

Базар. Небольшой прямоугольник, ограниченный строениями и юртами. Сегодня, увы, выходной день. Торговли нет. Товар лежит

упакованным посередине. Нарядные кашгарские купцы сидят тут же. Лукин было завел разговор, но не нашел «общего» языка.

Ниже конский базар. Специальный наездник объезжает низкорослых, но довольно резвых лошадок. Специалист-браковщик дает заключение. Нашли здорового кутаса и снимались на нем по очереди. Лукин пытался наладить связь с батраками баев и уверял нас, что ему многое удалось: выяснил, что батраки явно недовольны баями, а в СССР, говорят, якши! Дальнейшую агитрабoту пришлось прекратить.

На базу явились слишком рано, обед еще не готов. Посему ребята пошли «дообследовать» Мургаб. Я же принялся рисовать.

Обедаем позднеенько, но зато богато: жареный баран, дыня, арбуз и чай.

Спать думал на сене. Но там обосновалась целая свора собак. Устроился у Давида. Ночь теплая. Спали очень хорошо.

25 сентября. Встали рано. Конечно, подняли шум, хотя все еще спали.

Смотали палатки довольно быстро. Завтрак. Погрузка. Лишь начало светать — выехали.

Изумительно богато расцветает долина. Цвета меняются с рассветом. Нежная перламутровая гамма наливается теплыми цветами, а восточный склон начинает гореть густыми красными пятнами породы. Поворот вправо — и мы съехали с шоссе. Брод через речку. Пошли ухабы. Между пиками показалось солнце.

Справа в долине полоса воды: озеро Шор-Куль. Озеро оказалось порядочное. Берем пробу. Вода не плохая, чуть только подсоленная.

От Шор-куля машина начала дурить и надежды доехать сегодня до Кара-куля стали меркнуть. Пыль жуткая. Особенно хорош Саша: как рыжий в цирке напудрен, бее смеха невозможно смотреть.

Наконец, шоссе. Но, увы, поломки продолжаютcя. Продуваем и

разбираем через каждые 5-10 минут, и все меньше становятся промежутки от остановки до остановки.

Огоньки встречных машин. Одна, две, три, четыре! В этом году поодиночке машины, особенно ночью, ходят редко. Предпочитают колоннами. Опыт удачный: меньше аварий, возможна взаимопомощь. Аккуратно обходят машины одна другую, однако обмен «любезностями» все же происходит. Быстро пошли по долине.

Располагаемся на склоне. Машины задом с разгона тоже взбегают на крутой склон (это для того, чтобы завтра можно было сразу разогреть мотор, иначе замучаешься).

Я и Клименко палатки не ставим. Ночь безветренная и кажется даже теплой. Когда же пошли смыть толстый слой пыли с лиц, оказалось, что речка крепко подернулась льдом. Перед сном бегло закусили печеньем с шоколадом и дыней. В мешке оказалось совсем чудесно.

26 сентября. Пока свертывали вещи, машины резво сбежали со склона и затарахтели моторами. Усаживаемся. Нашу машину, чтобы не отставала, пускают первой.

Холодный утренний ветер пахнул в лицо. В выемку меж гор прорвалось солнце и золотистым клином вышло на плоское дно долины.

Осторожно въезжаем в русло речки. Лед хрустит и звенит под колесами. Ледяной вал образовал целую плотину, вода поднялась, едва просачивается. На этот раз машина застопорила в самом русле. С трудом доползли до берега и здесь вновь принялись за продувание. А впереди уже давно орет сирена встречной машины.

Двинулись на бугор. Вот-вот опять встанем! (Чуть не кряхтим в такт болезненным перебоям сдыхающего мотора). Резкий зигзаг. Знакомый перевальчик и мы... сели опять. Снова продувание под виртуозные ругательства шофера.

Отсюда из узкого ущелья открылась чудесная панорама на хребет

Северный Муз-кол: скалистые стены, на коих едва держится снег, пики и башни, висят ледники. Захватывающая картина! Неплохо бы подняться по этому, еще не обследованному горному кряжу!

Опять «сдох мотор». Вторая машина не вытерпела: пересадили к себе повара Мамаджана с продуктами и укатили. А мы еще долго «починяемся». Единственное спасение, что уклон по ходу; все же лишних метров сто прокатимся.

Горы разбежались. Широкая долина. Впереди простор озера Каракуль. Озеро грозное, почти черное, у берега вздымает белую пену гребней. Пыльной хмарью подернулись далекие хребты. Прозрачным пластичным изгибом кое-где тянутся к нему столбы смерчей.

Движемся по бесконечным ухабам и барханам близ берега озера. В глубоких колеях машина стопорит еще чаще (Сашка упорно продолжает шикать, когда мы затягиваем песни, явно опасаясь их пагубного влияния на работу МО-тора). Еще раз подкачали. Доедем теперь или нет? И доехали. До самой палатки топографа. Машину принялись не в шутку разбирать. В палатке организован «ресторан». Кончат первая смена. Тесно, едва можно стоять на коленях. Мы проголодались и уничтожаем все с необычайной быстротой.

На старом нашем пепелище остались еще ящики, мешки с кое-какой «шара-бара». Мамаджан срочно ликвидирует остатки. Пока насыщаются изрядно измазанные в масле шоферы, я спешу сделать последний набросок с Кок-чукур-баши.

Ровная лента шоссе полого взбирается к перевалу Ак-булак. Раздвигаются горизонты. Матово-синей плоскостью раскинулось внизу озеро. Один, зигзаг другой, спуск. Вот и широкое русло высохшей речки (полагаю, с ледника Кок-чукур-баши). Пытаюсь сделать засечки боковых долин, ориентируясь на снежную голову Кок-чукура. Однако она вскоре скрывается.

И опять в машине. Из-под колес с треском разлетаются камни. Едем по широкому руслу высохшей речки. У рабата Маркан-су ждем отставшую машину. На досуге интересуемся «историческими» надписями на стенах рабата. Двинулись к перевалу Кызыл-арт. Полого поднимается шоссе, но и этот уклон машина берет с перебоями и опять стопорит мотор. Ребята со второй машины острят и посмеиваются.

Справа убегает в Китай цветистая долина Маркан-су. Высокая вершина гордо венчает хребет, крутой стеной ограничивающий долину. Сейчас хребет кажется как-то значительнее, чем вначале. От Заалайского медленно ползет темная синеватая туча, закрывая до половины вершины.

Зигзаги подъема пошли круче. Перевал Кызыл-арт, 4245 метров.

Прощай, Памир!

1 9 3 5

В 1935 году в нашей стране впервые к промышленной работе по разведке и добыче олова была привлечена группа альпинистов, среди которых были Евгений и Виталий Абалаковы, Валентина Чередова, Андрей Малейнов Евгений Тимашев. В суровых высокогорных условиях Туркестанского хребта помощь альпинистов стала неотъемлемой частью работы экспедиции Союзникельоловоразведки.

Альпинисты явились первыми разведчиками, а в дальнейшем и проводниками к труднодоступным оловорудным жилам. Они научили многочисленную группу специалистов и рабочих трудиться в непривычных для них условиях высокогорья. Они обеспечили безопасность разведочной работы геологов и рабочих во время разработки рудных жил.

За три с половиной месяца альпинисты прошли и изучили семь ледников, 60 раз поднялись на перевалы и гребни вместе с геологами, рабочими и носильщиками. Они совершили десять восхождений на вершины, достигающие высоты 5600 метров, и составили несколько карт этого района.

Дневник Е. Абалакова повествует о суровых буднях альпинистов — разведчиков олова.

*Туркестанский хребет**

(Оловоразведка)

21 мая. Утро не очень обрадовало погодкой: дождя хотя и нет, но сильная облачность.

Навьючив караван ишаков и несколько лошадей, двинулись в путь. Мне попала славная белая лошадка. Чувствую себя на ней вполне спокойно. Ехать не жарко.

Ущелье иногда сужается настолько, что, пожалуй, удалось бы перепрыгнуть. Громады скал нависают над головой колоссальными стенами. Речка, заваленная камнями, почти совсем не видна; лишь сверху пена и злой шум. Долина повернула немного влево, стала шире. Дорожка хороша и ехать удобно.

Слева (ор.)** первый значительный приток. Шаткий мостик. Мы движемся по левому берегу роки Каравшин. Кругом голые пустынные склоны, лишь выше из-под сплошной шапки тумана виднеются, как кочки, присыпанные снегом, кусты арчи.

Вскоре река Каравшин осталась правее. На месте слияния ее с Джинтыком раскинулись несколько каменных землянок. Здесь отдыхаем и закусываем. Отсюда, говорят, до ущелья километров двадцать.

Поплутали в первом левом ущелье, решив, что тропа должна сворачивать туда. Ущелье узкое и суровое, лишь у самой речки в нежной весенней зелени стоят группы березок.

Следующее левое ущелье оказалось Тамынгенном. Оно сузилось. Тропа пошла круче, под нависающими громадами отвесных скал. Дорожка пробита в отвесной стене, вниз от нее — колоссальный обрыв до реки.

* Публикуется впервые. Печатается с сокращениями.

** Ор. – орографически.

Неожиданно дорожка вышла на большую горную поляну и побежала среди зарослей арчи и берез. Взглянул назад и убедился, что залезли высоко: далеко вниз уходит провал ущелья.

Тропа, среди зарослей березы и арчи, пошла еще круче. На ветвях видны хлопья недотаявшего снега, а сверху опять легонько сыпет свежий. Дальше пути нет: на тропу свалилось огромное дерево. Пришлось затратить порядочно усилий, чтобы приподнять его и пропустить под ним лошадей. Подниматься становится тяжелее. Чаше дыхание, медленнее шаг.

Впереди ущелье расширяется, и тропа вьется пологими лугами. Вместе с Андреем Малейновым подхожу к землянкам базы Тамынген. Видимость необычайно слабая, к тому же вечереет.

В землянке жарко и душно. Встречают нас очень радушно. Предоставили нам отдельную комнату.

Вышел навстречу ребятам. На улице снег и сильный ветер. К землянке движется фигура.

— Что, еще далеко?!

В голосе чувствуется отчаяние. Узнаю Виктора Корзуна. Вымотался парень.

Наконец собрались все, кроме ишачьего каравана (видимо, заночуют в дороге). Приятно и весело чувствовать легкую усталость. Все же 52 км пройдено.

22 мая. Облачно. Сквозь облака проглядывают горы и поражают своим величием. Особенно хорош пик на юго-востоке. Он весьма большой высоты и имеет форму Мижирги. Понемножку начала открываться и Оловянная стена, вся обеленная снегом.

Говорят, что до нас целый месяц стояла хорошая теплая погода. Снег сошел и даже ледник протаял до основного льда. Зима здесь вообще не отличается большой суровостью, а в этом году была даже мягче, чем в Алтын-мазаре. Снег удерживается мало; его выдувает.

На завтра намечен выход наверх. Занимаемся пригонкой снаряжения и отбором вещей.

Здесьшний повар старается как можно лучше подкормить нас. Дмитриев (замещающий начальника) серьезный и хозяйственный человек, очень внимательно относится к нашим нуждам.

Вся атмосфера лагеря сурова, нетороплива и положительна. Все здесь старые «волки», чувствующие себя хозяевами. К нам, прибывшему «молодняку», относятся снисходительно, с любопытством и некоторым недоверием к нашим силам и выносливости.

23 мая. Чудесно ясное утро. Исключительной белизной сияет Стена; без очков невозможно вылезти из палатки. Кругом острые скалистые пики.

Часа через два отправилась наша пятерка с ишаками и проводником, киргизенком Сали. Наша задача — обследовать и забросить грузы как можно выше вверх к леднику. Тропа вьется меж кустов арчи, затем выходит на старые морены ледника с снежными пятнами.

Вдали тропа, как бергшрунд, прорезает снежный участок и переходит на другой берег. Отсюда и начинается собственно подъем на ледник. Встретились киргизы-дорожники. Один из них, отец нашего Сали, решил сопровождать нас.

Снег почти сплошным слоем покрывает морену. Ишаки вязнут и едва бредут, начался тяжелый подъем в обход оползшей тропы. Ишаки вязнут в снегу уже по брюхо. Крики погонщиков, их пинки и удары ишак переносит совершенно равнодушно. Тогда применяем новый способ: общими усилиями хватаем его за уши, морду и хвост, приподнимаем, ставим па более прочный снег и начинаем выючить заново. И такая процедура почти через каждые 20-30 шагов со всеми десятью ишаками.

У сплошного снежного покрова решили сложить груз. Обрато спускаемся бегом, почти без остановок. Около землянки встречаем

подъехавшего Женю Тимашева (Птенчика). Не входя в «хату», он рассказывает нам о своих дорожных приключениях.

24 мая. Утро хорошее. Собрались довольно рано. Тепло распростились с оставшимися и двинулись.

Все чаще и круче подъемы. Тропа, прижимаясь к левому берегу (ор.), вьется серпантинном по сыпучему моренному склону.

Наконец довольно пологий осыпной склон и на грани с береговой мореной довольно уютная травянистая площадка. Решено: здесь будет лагерь. Довольны все: и караванщики, и мы, и ишаки. Разгребаем снег, сбрасываем камни. Несколько человек уходят за оставшимися вещами и возвращаются к вечеру с шестью ишаками. Первая ночь в палатках. Мешки явно холодные.

25 мая. Утро. Солнце выходит из-за скалистой вершинки к девяти часам. Дежурит Птенчик.

Первая вылазка на Стену. Наша задача на сегодня — осмотреть путь и ознакомиться с состоянием склона.

Тропа вновь идет по склону береговой морены. Она сильно разрушена и завалена камнями. Вот открылся левый (ор.) цирк, ограниченный высокой стеной, которая увенчана эффектной скально-ледяной вершиной.

Сошли на снежник. Сильно проваливаемся. Под первыми скалами Стены сняли рюкзаки. Часть ребят пошла выше налегке, а затем и мы с рюкзаками. Скалистым желобом вышли на первый уступ. Отсюда стенка. Первая двойка справляется успешно. Затем вторая и третья. Последние я и Мишук Дадиомов.

После траверса еще одного уступа вышли по снежнику к ребятам.

— Хватит! Складывайте вещи здесь.

Кошки, крюки и консервы полегли в один рюкзак и остались на уступе. Осмотрели склон: уступ нависает над уступом, и так до самого

гребня.

Спустились довольно быстро — ив лагерь.

Явились несколько раньше условленного времени. Птенчик, конечно, еще ничего не сготовил. Л когда сготовил, оказалось, что лучше бы и не готовил. Почему-то он решил, что лапшу сперва нужно размочить («а то она слишком суха!»), а потом заварить. Рассуждал тонко, а получился какой-то клейстер.

Катаемся у лагеря на лыжах. На снегу корка, поворачивать тяжело.

Ночью долго не могу уснуть. Завтра в 5.30 выход.

26 мая. Рано. Встаем быстро. Холод подгоняет. Решили не закусывать. Я и Андрей выходим на лыжах на перевал. Движемся в боевой готовности, связанные. Ледорубы в рюкзаках.

Утомительный подъем на ледник, засыпанный в этом месте (левый берег) глубоким снегом. Вверху группа трещин. Андрей чуть не ввалился в одну, но вовремя отступил.

Нашли мост к самому левому берегу, на лавинные сбросы. Дальше более полого, но уклон все же непрерывный, с большей или меньшей крутизной. Мешает встречный ветер. Иногда метет. Придерживаясь левого берега, когда зигзагами, когда прямо движемся по обширным снежникам.

Карнизы, которые я разглядывал из лагеря, оказались достаточно внушительными. Решили под ними не идти. Сошли с лыж и... погрузились в снег ниже колена. Полезли на крутой снежник значительно правее перевала. Снег и здесь не держит, поэтому при первой возможности перешли на скалы. Скалы очень хрупкие, покрытые снегом, но все же более надежны. В верхней части попали в непроходимые скальные дебри. Пришлось спускаться вниз, ибо мы были уже выше перевальной точки.

Очень удачно страверсировали к перевалу и... остановились в удивлении. Мы рассчитывали увидеть с другой стороны не менее крутую стену, а там оказалось почти ровное плато с легким спуском на юг. Быстро

пошли к перевальной точке. Залезли на скалистый выступ. Отсюда открылась изумительная панорама.

Верхнее перевальное плато широкими снежниками постепенно спускается вниз, переходя в более узкий, пологий ледник. С правого края (левого не было видно) свисают крутые языки сбросов, которые переходят выше в совершенно отвесные стены и изумительной остроты пики. Лавинные желоба строгими полосами режут ребра пиков. А на самом горизонте виден кусочек противоположного Зеравшанского хребта. Прямо на юг, увы, увидеть нового не удалось, ибо хребет за перевалом опять вздымается сильно оснеженной вершиной, поднимающейся отдельными уступами на значительную высоту.

Высоту перевала, к сожалению, определить не удалось — у нас не было анероида. Я занялся зарисовкой. Сильно мешает шквальный ветер. Андрей старается «слизнуть» при помощи резиновой трубки воду с камня, но это ему плохо удается.

Отсюда решили спуститься на плато и вниз, на первые осыпные выходы. Снега по колено, а осыпь оказалась довольно далеко. Замерзли порядком и поспешили обратно по проторенным следам.

На вершине перевального выступа сложили тур. По знакомым местам спускались уже быстрее и увереннее.

Ребята уже давно в лагере. Любовались, как мы мчались на лыжах по склону. Подъем их окончился неудачей: дошли они лишь до половины Стены. Дальше начался очень ненадежный снег, пошли лавины, и они не решались двигаться вперед.

Действительно, в этот вечер мы любовались многочисленными лавинами.

Миша угощает хорошей солянкой (правда, картошка оказалась сырой). Едим с энтузиазмом. Вечером опять снег. Спать тепло.

28 мая. С утра туманно. Сегодня я вызвался дежурить, ибо

физиономия моя после восхождения стала жуткой. Предполагаемое обследование перевала вчетвером не состоялось.

29 мая. Утро ветренное и холодное. Лишь вышло солнце, раздался крик дежурного: «Кофе!» Вскочили быстро.

Все кругом засыпано снегом. Ослепительно ярко. Я делаю зарисовки хребтов. Ребята ушли на скалы.

Вернулась первая пара — они ходили на вершинку и очень довольны. Ждем еще пару (Виталия и Корзуна). Увы, их нет, а уже темнеет.

Тревожно. Пошли на поиски. Валя быстро замерзла и вернулась. Идем втроем. Я взял сразу влево, решив пройти кулуар и осмотреть склоны Петуха. Никого и ничего не обнаружил.

Поднялся на гребень. Ветер порывистый и холодный. Вижу на осыпи остальных ребят. Выше всех с камня на камень движется Миша. Перекликаемся. Никого не обнаружили.

Спустился и снова полез выше, траверсируя по ломкой породе. Долез до конечного выступа. Ветер рвет свирепо. На самый вершинный, нависающий камень вылезать жутко.

Влез на гребень, перегнулся — увидел Мишку, кричу ему. Ответ все тот же: никого! Неприятно. Вдруг внизу закричали. Долго Мишук ничего не может понять — ветер мешает. Наконец, зовет меня.

Скатился по снежнику. На осыпи увидел пропавшую пару.

Миша долго прилаживается начать спуск по веревке. Выходит плохо, завязка явно фантастична. Тогда он ищет обхода. Начинаю опускаться я.

У последних скал нагнал Виталия. Оказалось, наши пропавшие заходили на шилу, не предупредив нас, конечно, и там задержались.

30 мая. Виталий и Ленц Саладин ушли в Тамынген, узнавать, где геологи. Остальные пошли на гребень искать олово. Я занялся рисованием.

Вернулись Ленц и Виталий. Ничего нового нет, и геологов нет. Радио молчит — сегодня выходной. Виталий показывал в Тамынгене образцы. Там признали, что это олово.

Наконец появилась пара: Валя с Мишей. Валя еще с дороги ругается и говорит очень быстро. Она очень зла на Виктора, что ее надули — заставили спуститься на перевальчик, а сами спускаться не стали и ушли, оставив ее с Мишей.

Мишук высыпал все образцы, богатые вкраплениями олова. Подошли остальные. Они тоже принесли кучу образцов с хорошими вкраплениями (ах, если бы олова!).

1 июня. Жуткая погодка. Всю ночь ветер и снег, а утром ко всему еще и густой туман.

Виталий ушел в Варух: к начальству, с образцами.

Сегодня варит Ленц и замечательно: чисто, вкусно и много.

Красиво крутят облака. Внизу в долине они заполняют все белесой завесой, на высоте лагеря их разрывает встречным ветром с ледника и клочьями вздымает вверх по скалистым желобам и гребням.

На обед Ленц приготовил «спагетти по-итальянски». Очень вкусно и очень много — едва справились.

Не успел отдышаться, а уже Ленц дает звонок к ужину. Чтобы не обидеть Ленца (а приготовлено действительно замечательно) с криками «ура!» нажимаем и, наконец, поедаем всю шоколадную массу. Из палатки вылезаем с трудом.

Приезжал верховой из Тамынгена. Пока никаких известий нет.

2 июня. Погода опять скверная.

К вечеру делаем лыжную вылазку. Снег мокрый и лыжи получают самую неравномерную скорость. Туман густой настолько, что не знаешь куда скользишь. Я два раза скатился почти до конца ледника.

Уже темно. В нашей палатке собрались все. Шуршит о палатку

снег. Фонарик пятном освещает томик Пушкина и смутно чтеца. Каждый хочет прочесть и уверен, конечно, что читает хорошо.

5 июня. Утро очень теплое и ясное.

Занялся акварелью. Рисовал долго и упорно, однако остался недоволен: получилось робко и краски не те. А акварель сама по себе очень хороша: чуть тронешь кистью — и уже полна звучного цвета. Мое желание как можно ближе подойти к цвету природы — убило цвет акварели. Возможно, и недосмотрел. Решил лучше познакомиться с самими красками, и тут только понял, до чего они хороши. Но как ими передать краски окружающей природы — осталось загадкой.

А вечером опять хор. Ленцу очень нравится «Стенька Разин» и он охотно подпевает нам. Но от него мы никаких песен так и не добились.

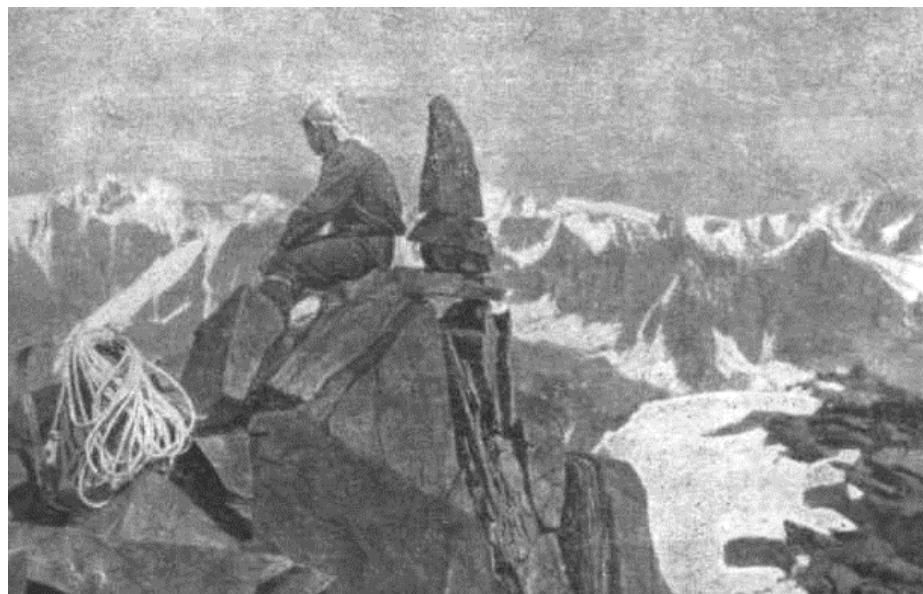
6 июня. Собрались на перевал с намерением спуститься, если возможно, на другую сторону. Валя и Птенец пошли вниз за крючьями. Мы же поднялись в левый цирк и вскоре вышли за снежные поля. Ноги проваливаются по щиколотку и выше. Погода исключительная: ни облачка и печет крепко. Вскоре нас догнали на лыжах Ленц и Андрей.

Снег перестал проваливаться и идти стало совсем легко. Наметили путь к перевалу — частично по осыпям, а выше по снежнику, спускающемуся длинным языком почти до самого ледника. Все время слегка траверсируем влево. Правый (ор.) кулуар, ведущий прямо на перевал, явно опасен: с правой его стены часто сыплются лавины и камни. Подъем легок и неутомителен.

На перевал вышли довольно рано. Солнце ярко заливает поразительной грандиозности панораму.

Хребты покрыты снежниками, которые пересекались трещинами и ровными большими полями. Вершины высятся острыми пиками и отдельными монолитными темными башнями. В глубине ледник с заметным уклоном сбегает на север. Все опушено свежим снегом. Ярко.

Ослепительно. Солице жжет и сверху и снизу. Опасаюсь, как бы опять не обжечь только что поджившее лицо.

Е. Абалаков на одной из вершин Туркестанского хребта

За перевал не пошли: и так стало ясно, что он из себя представляет.

Теперь уже несомненно: тот загадочный тупик на запад от Оловянной стены является верхним цирком этого ледника (или одним из верхних).

Обратно решили съезжать с самого перевала. Скользим изумительно быстро. Ленц кинематографирует, примостившись на выступе. Едем всеми способами, и в одиночку, и цугом. Рядом катится огромная снежная глыба. С колоссальной быстротой, расширяясь в диаметре, она устремляется прямо на ребят вниз. Кричим им. Однако снежное колесо, не докатившись, упало, на бок и застряло.

Снежник кончился. Дальше пошла довольно крутая скалистая стена. Порода оказалась хрупкой и провозились с ней немало. Корзун спустил огромный камень. Мы, не видя его, встревожились, как бы он вместе с камнем сам не выпорхнул вниз.

Снег на леднике размяк, и ноги проваливаются очень глубоко. Наши лыжники, легко скользя, прокатили мимо: они поднимаются на

Стену, чтобы снять рюкзак с крючьями и питанием. Расходимся: мы влево, к лагерю, они вправо по склону Стены. Со Стены потоком прошла лавина.

Лагерь 'Приятно почернел, освободившись от снега. Наблюдаем за «съемщиками». Самое интересное — как они покатаются. А покатались здорово: сидя — прямо вниз.

Вернулись лыжники. Опять, как и вчера, раскаты грома и снег, похожий на град.

Завтра выход на Стену. Снег все идет. Если дальше будет так, то навряд ли выйдем.

7 июня. Выход на Стену отменили: опасно.

После завтрака вчетвером идем в Тамынген.

На завтра назначили выход в круговой лыжный переход. Подготавливаем привезенные лыжи к походу. Виктор и Миша чуть было совсем не раскололи лыжи, вбивая гвозди. Сборы затянулись до темноты.

8 июня. Время 3.45. Еще ночь, а у нас подъем. И хотя все было сложено с вечера, вышли лишь в 4.30.

Мне все это напомнило давно минувшее — путь на родные Красноярские Столбы...

Темнота. Колеблются силуэты, поскрипывают лыжи. Кое-где проглядывают звездочки. Полоской светлеет северо-восток. Все ярче вырисовываются черными громадами массивы хребтов. У подъема на ледопад начало светать. На перевале в семь часов. Ветер, но не очень холодный. Облачно. На юг почти ничего не видно.

Ребята взяли влево. Я и Андрей держимся правее, и не прогадали — чудесно окатились вниз.

Снизу обрисовался и второй перевал. Подъем оказался не крутым, но достаточно утомительным. Оглянувшись: сзади мрачно. Сквозь клубящиеся облака прорываются почти черные острые пики. Вторым перевалом взяли в 8 час. 10 мин. Вершины закрыты облаками. Определить, в

какое ущелье двигаться дальше, нелегко. Идти на запад, огибая всю группу слева с чуть южным отклонением, показалось очень далеко. Решили направить лыжи правее в расщелину, кажущуюся достаточно широкой. Хорошо, что вчера намочил лыжи, теперь почти гае сдают. С перевала делаю зарисовку хребтов.

Ребята уже начали спуск. Корзун решил спускаться на лыжах и «сыграл» через голову. Спуск действительно крутоват, и снег глубок. В конце спуска — бергшруцц, местами засыпанный. Осторожно обходим его. Справа уходящий почти прямо на север цирк, видимо, он упирается в Оловянную стену. Правый (ор.) гребень цирка не высок.

Поднялись и выяснили, что перевала не существует. Пришлось скатываться на основной ледник, т.е. на огромное фирновое (сейчас снежное) плато, постепенно снижающееся на юг к Зеравшану. При выходе на вторую северную ветвь ледника сделали остановку.

Вышли на ослепительное солнце. Стало нестерпимо жарко. Начался «подлип», к счастью ненадолго. Мы вышли на Стену. Время 11 часов. Глубоко под нами знакомый левый цирк Тамынгенского ледника. Вот и перевал желанный! Он тут же, чуть пониже, прямо рукой подать. Но отвесная Стена настолько внушительна, а нависающие карнизы так велики, что благоразумно воздерживаемся от заманчивого желания проделать спуск по Стене. Отсутствие крючьев убеждает всех, что правильным будет обходный путь.

Время 11.45. Смазали лыжи и покатали вниз. Летим быстро. Ленц кинематографирует. Через 15 минут мы внизу.

Обход Ужбишки занял много времени. Снег стал необычайно рыхлым. Лыжи начали проваливаться. Ужбишка с юга и юго-запада почти целиком скалистая и более доступная. Опять открылась знакомая панорама, которую мы видели еще со второго перевала. Идти еще очень долго и все прямо, в западном направлении. Жарко. Ребят разморило,

сбрасывают с себя куртки.

Наконец справа показалась перевальная выемка. Чтобы окончательно выяснить, пришлось еще долго подниматься по левому (ор.) склону, и только выйдя на самый перевальный гребень, я увидел долину Джау-пая и падающий в нее крутой снежник. Вообще, видимо, Туркестанский хребет полого и высоко заходит снежными полями с юга и круто падает на север, образуя глубокие цирки.

Обследовав всю стенку, выяснил, что спуск возможен только у левой (ор.) стены. Подошли ребята. Солнце давно уже скрылось. Подул холодный ветер.

На лыжах спускаться не решились: внизу оказался полузасыпанный бергшруд, да и склон мог сползти. Связали две веревки и начали спуск, придерживаясь за веревку. Корзун, правда, немного съехал, но удержался.

Миши все нет. Иду ему навстречу. Птенец догадался нагрузить его рюкзаком. Мишук и без того запарился, а с рюкзаком и вовсе отстал. Встретил, взял у него рюкзак, и мы быстро покатали к ребятам.

Лыжи идут чудесно. Жаль, что ниже снег раскис и стал проваливаться. Погода испортилась. Заволокло кругом туманом, посыпая снег. Видимости никакой.

Стало положе. Пошли на прямую. Свежий мокрый снег тормозит лыжи. Идем совсем плохо, а вскоре и вовсе встали; ребята обнаружили под большим камнем целое озерцо воды. Наконец-то вдоволь напились.

Снега меньше. Показались правые склоны. До перевальной долины пришлось еще порядочно пройти вниз. Как-то на последний пятый перевал заберемся? Ребята вымотались окончательно.

Лыжи опять на загривок, и началось медленное и бесконечно нудное шагание с камня на камень по морене, затем по осыпи и так почти до самого перевала — лишь под конец по снегу.

На перевале в 6.30. На подъем ушло 1 час 40 минут.

Теперь — только вниз. Крупным шагом страверсировали до знакомого снежного кулуарчика, по которому поднимались 6 июня, и решили по нему съехать. Первым приготовился Корзун, но что-то застрял. Его опередил Андрей: с крутячка с разбега привычно сел и покатил. Вдруг мы с ужасом замечаем, что вокруг Андрея тронулся и пошел вниз снег.

В следующую секунду стало ясно: лавина!

И Андрей захвачен лавиной. Набирая все большую скорость и мощь, она с грохотом неслась вниз. Можно было видеть, как в самом языке ее трепало человека; показывались то руки, то ноги, то лыжи. Мы видели, что Андрей еще боролся.

Но вот лавина попала на изгиб кулуара, с силой выбралась на левый скалистый склон, со всего разгона врезала Андрея в большой камень и с шумом прошла до самого подножья. Мы застыли от ужаса.

В долине реки Тамынген (акварель)

Рисунок Е. Абалакова

Всем хотелось думать, что Андрей остался на камнях выше, но то что лежало и не двигалось — рождало самые ужасные предположения. Никто уже не думал съезжать, мы бежали как попало, прыгая, падал, скользя по склону, торопясь к еще может быть живому человеку. Корзун добежал первый.

Еще со склона я увидел, как с самого грязного языка лавины медленно поднялась фигура. Жив!!! Когда я опустился, Корзун уже обмотал Андрею окровавленную голову. Штурмовка, рубашка, даже лавинные сбросы обагрены кровью.

— Ну, Андрей, идти можешь?

— Конечно. Я чувствую себя хорошо...

— Тогда скорее на лыжи и пошли, пока ты еще не ослаб.

Надели ему лыжи и пошли. В почетном карауле по бокам я и Виталий. Ленц и Виктор укатили вперед, приготовить все необходимое для перевязки.

Удивительно, Андрей катится вполне прилично. (Это после того, как пролетел под лавиной более полкилометра!) Ну, Андрей, счастлив же ты! Легко отделался. На последних крутых снежниках — палки между нот и тоже скатился без падений.

В лагере быстро усадили Андрея, и Ленц приступил к перевязке. На, голове почти через весь затылок неприятный треугольный разрыв кожи. Между глазом и височной костью глубокая рваная рана. Около губ большой шрам.

Уложили Андрея в мешок, укутали полушубками. Его знобит. Постепенно стал успокаиваться. Жалуется только на бедро, говорит, сильно зашиб. Напоили чаем, накормили наиболее легким и питательным, положили в палатке отдельно, чтобы ему было свободнее.

10 июня. Утро неяркое. После завтрака двигаемся на лыжах в Тамынген справиться об Андрее, которого вчера туда отвезли, а потом в

баню. Чудесно скатились (с предварительным заходом вверх).

В Тамынгене узнали, что Андрей задержался здесь не более 15 минут.

К вечеру он был уже в Варухе, а к пяти часам утра в Исфаре. Положен в больницу. Зашивать разрывы не будут — поздно. Температура поднялась: утром 39°. Но он держится бодро.

Мы занялись баней. Много возни было с колкой дров и с водой. Наконец, самоотверженно протопили (дым в основном идет внутрь и дышать невозможно)...

Ждем известий по радио. Наконец получаем: с Андреем все благополучно.

За 1 час 50 минут дошли до лагеря с увесистыми рюкзаками и лыжами. Идет снег.

13 июня. Еще нет четырех, а мы уже выходим на Стену. Темно. Прохладно. Ветер.

Идет шесть человек. У «юрты» забираем веревки.

Поднимаюсь на лыжах по смерзшемуся жесткому фирну. Лыжи сильно скользят. Иду исключительно на рантах. Стало жарко. Снял подшлемник.

Частоколом составили лыжи и первая четверка уже лезет по снежному склону. Я и Виктор решили надеть кошки. Склон не крут — градусов на 40. Идти легко. Снег неглубок. Начало светать, за нами кровавыми островками загорелись облака.

Первая стенка. Я полагал, что Виталий обойдет ее, и был удивлен, когда пришлось подлезать прямо к ней уже по глубокому снегу. Стенка отвесная. Лед слоистый, непрочный. Без крючьев лезть невозможно. Виктор с остервенением забивает крюк, подтягивается, рубит жутко редкие ступени и сверху на ледорубе охраняет меня.

Отсюда до вершины, кажется, рукой подать. Пока вытаскивали

остальных — я отправился вверх. Снег глубок. Обошел справа (ор.) открытый участок бергшрунда. Склон оказался достаточно длинным и крутым. У самого верха пошел лед с небольшим слоем рыхлого снега. Начал рубить ступени. Снизу сразу закричали. Оказалось, ледяшки поранили Валу. Пришлось остановиться в трех шагах от гребня. Ждем долго. От бездеятельности ноги начинают подмерзать. Ветер прохватывает до костей. А тут еще Птенчик не нашел времени раньше надеть кошки и сейчас едва-едва справляется с этим делом. Наконец все подтянулись, прорубили ступени и в 9 час. 30 мин. вышли на гребень.

Открылось широкое снежное ребро. Слева крутой взъем к самой вершине. День туманный. Солнце вошло и скрылось в облаках. Решили рыть пещеру. Работы хватило надолго. Тремя ходами врылись в снег.

Туман сгустился. Видимости никакой. О дальнейшем продвижении не может быть и речи. Выжидаем. Сварили суп. Погода не проясняется. Если нельзя вверх, нужно начинать спуск.

Стометровая веревка повисла на вбитом крюке. Корзув и я опускаемся первыми, просто держась обеими руками за веревку. Виктор свез весь снег — получилась чистая ледяная дорожка.

Ниже пошли быстрее по очень глубокому снегу. Над бергшрундом задержались. Оказалось, за истекшее время он сильно обвалился. В том месте, где проходили следы, теперь зияла глубокая и широкая трещина. Попытка обойти ее слева не удалась: просто жутко было переходить по явно ненадежному мостику. Пошел Виталий и сейчас же заявил, что мы пошли неправильно, что следы должны идти правее. Прошел удачно, но конечно, не по следам. Справа появился еще бергшрунд. Поискали по стенке место спуска. Снег держится очень ненадежно, каждую минуту можно ожидать пластовую лавину. Маленькие лавины идут беспрестанно. Спустились довольно быстро по двойному концу веревки, укрепленной на крюке.

Склон спал положе. Сбросов нет. Теперь и лавины не страшны. Сквозь рассеивающийся туман виден частокол наших лыж (издалека — как натканные спички). Сбежали до них быстро; Ленц и Птенчик последними, стягивая веревку. Опять все у лыж, и все благополучно. Точно в подтверждение удачи справа с шумом прошла лавина. Ну, теперь она не страшна!

Снег мокрый, но лыжи пошли. Через 20 минут лезем на последний подъем по сыпучей морене к лагерю. Громкими криками пугаем дежурившего Мишу.

Хорошо в лагере, хотя кругом снег и туман. Нам подвезли снизу фрукты. Они еще зелены, но все же очень хороши.

А снег валит без передышки весь вечер, всю ночь.

14 июня. Целый день идет снег. Отсиживаемся. Читаю А. Толстого — «Петр Первый». После обеда пришел геолог Троянов.

Показываем ему образцы. Геолог в этом районе впервые и знает его еще плохо. О приезде начальника никаких определенных сведений пока нет. Побеседовали обо всем. Напоили гостя чаем. Наша компания пришлась ему по душе. Ушел, обещая прийти еще раз, уже с Вороновым.

18 июня. Ночь. В 12.15 выход. Идем на Зеравшан. Луна фантастическим светом заливают ледник и вершины. Движемся медленно — нагрузка большая. На подъеме перевала сняли лыжи. В темноте с особым вниманием перешли значительно раскрывшиеся за последние дни трещины. И опять на лыжах — до самого перевала.

По знакомому пути лезем на перевал. Снег держит хорошо. Внизу он довольно глубокий. Ветер шумит на гребне и поднимает снег. На перевале долго ждем отставших Мишу и Валу. Ленц ушел вперед. За ним и Корзун не выдержал — ноги, говорит, мерзнут.

В 4.30 начинаем спуск. Внизу опять ждем, и очень долго, Мишку. У него какая-то боязнь спусков: идет невероятно медленно.

Наст настолько жесткий, что и боком несет — повороты делать нелегко. Поднялись немного и свернули вправо, к скалам.

Как лодки по округлым гладким волнам, скользят наши лыжи. Плавно и постепенно разворачиваются горы. За неясной линией ближайшего увала провал кажется особенно глубоким. Ледник, стиснутый острыми пиками, поворачивает на юго-восток и глубоко уходит вниз, в темноту ущелья. С одного полого округлого увала вылетаем на другой. Ветер бьет в грудь, хотя совершенно тихо. Зарей нежной обагрило вершины, а внизу еще лежит синеватая мгла. Обледеневший наст шипит под лыжами и увалы бегут назад. Впереди плавно покачивается пара лыжников. То поравняются друг с другом, то один вдруг уходит вперед или в сторону, то, скрестившись, они меняют места и снова выравниваются в пару. Кругом все гладко, округло, нет ни трещинки. Раздолье!

Первые камни. Вскоре и морена. Двигаемся вдоль нее. Небольшие промоины берем с ходу. Все больше чернеет морена, все грязнее снег. У большой морены оставляем лыжи и, стараясь идти по замерзшему фирну, быстро движемся вперед. Ущелье впереди сужается и резко поворачивает вправо, на юг. С левого склона, с крутых и красивых % снежных вершин сползает ряд мощных ледопадов.

Вновь перешли на морены, вначале почти ровные, затем все более и более бугристые. Слева показалось ущелье. Оно разворачивается все шире и шире. И вот перед нами большой ледник, рыжей мореной вклинивающийся в наш. Это несомненно тот, который отходит от Тамынгенокого перевала. Другой не может быть (а мы уже думали, что не сольется с нашим).

Лезем левой стороной. Пересекли впадающий ледник. Отсюда открылся вид на язык и выход из ущелья. Виден клин солнечной широкой долины. Противоположный склон какой-то яркой игрушечно-зеленой окраски и над ним эффектная снежная вершина. Снежные языки спуска-

ются низко и лежат прямо на зелени лугов. Слева у выхода из ущелья виднеется полоска тропы.

Еще долго «ныряли». Нашли несколько образцов. Пересекаем ледник и спускаемся с языка по крутым лавинным сбросам (весенним). Зашумела речка.

Дно долины завалено отбросами ледника: камнями, щебнем. Кое-где проглядывает травка, какие-то большие листья, похожие на лопух, и заросли сухого кустарника. Здесь же обнаружили остатки костра и едва заметную тропку.

Речка вплотную прижимается к правому склону. Пролезли по камням у самого берега. И вот мы в долине Зеравшана!

Ярко ударило солнце. Оно заливает вдаль всю широкую долину. Слева расплылся буграми широкий язык Зеравшанского ледника. Совершенно неожиданно справа увидели Киргиз-рабат и отходящий от речки арык.

Прошли почти всю долину, ибо река Зеравшан течет под левым берегом.

На обратном пути попали к киргизам. Спугнули целый выводок ребятишек — бросились врассыпную к дому из бульжника. Прошла молодая женщина, ускорив шаги, едва слышала наши голоса. Из дома выскочила собака. Мы решили повернуть назад.

Теперь уже идем правым (ор.) берегом. Путь значительно легче — между осыпью и мореной. Иногда попадаем на старую заброшенную тропу. Бугров меньше.

Солнце поднялось высоко и печет сильно. У прозрачного моренного ручейка закусили сахаром и сухими фруктами. Довольно быстро добрались до выдающегося ледника. По пути делаю краткую глазомерную съемку.

До оставленных лыж поднимались довольно долго. Снег начал

размякать. На лыжах пошло легче; «отдачи» вначале не было совсем.

Время уже около двух часов. И с каждым километром все тяжелее. С одного взъема па другой, а их бесконечное количество. Добрались до скал, где оставлены вещи. Подкрепились еще немного, отдохнули и, нагрузившись оставленными вещами, двинулись дальше.

От вершины потянулись тени. Тень от Ужбишки скоро накрыла и нас. Лыжи начали сдавать. Пошли елочкой. А подъем длинный.

Подходим к пещере. У пещеры согнутая фигурка Птенчика, с головой всунутой в швейцарскую палатку.

—Здравствуйте, друзья!

В пещере тепло и уютно. Нас ожидает горячий суп и вода. Товарищи рады, что мы обследовали такой длинный участок. Они обследовали два выхода, но каситеорита оказалось довольно мало. Завтра намечаем слазать на шток, обследовать последние выходы.

Укладываемся с Мишей в мой мешок. Все очень устали: не спали целую ночь и прошли по горам более 50 километров. Спал неплохо.

19 июня. Солнце уже взошло, но холодно, ветрено и облачно. Иногда пересыпает снежок.

Сговорились с Мишу-ком сходить на вершинку. Подъем довольно опасен и без веревки не обойтись. Ленц с Птенцом дежурят на гребне, стравливая ж подтягивая 140-метровую веревку, по которой идут разведчики.

Крутой гребешок с карнизами подходит к скалистой башне вершины. Скалы очень сыпучие. Оставляю ледоруб внизу и начинаю подниматься. Лезу аккуратно, по возможности расчищая путь от шатающихся камней. Вылез на вершину. Верхушки пиков застилает сплошная пелена облаков. Делаю план Тамынгенского ледника.

Мишук поднялся до скал и упорно хочет лезть по ним. Я, как моту, отговариваю. Прошу, чтобы он взял мой ледоруб и с ним траверсировал по

снежному легкому пути, ибо вниз по скалам спускаться очень опасно, а чтобы идти в обход, нужен ледоруб. Но снизу Миша упрямо кричит:

— Лезу с ледорубом по скалам!

Я отвечаю:

— Глупо. Лезь в обход!

Послушался.

Всматриваюсь кругом. Ребят не видно. Но с гребня увидел их на штоке. Возвращаются.

Стена круто падает вниз. Видна лишь верхняя часть и отдельные выступы. Дальше обрыв до самого ледника — почти километровая глубина. Долго мучаются ребята на отвесных скалах кулуара, забивая и выбивая крючья. Наконец начали вытягивать веревку по крику снизу. Показались головы. Потянули во всю, едва успевают перебирать ногами.

— Ну, как? Есть образцы?

— Совсем ничего нет!

Досадно. Быстро сбегает. Подкрепились консервами и «мороженым», собрались и спускаемся вниз...

22 июня. С утра начало хмуриться.

Я, Ленд и Миша идем в Тамынген. Падает легкий снежок. Быстро сбежали вниз. Ух! Сколько цветов расцвело! Как поднялась трава за время нашего пребывания в снегах... В Тамынгене искренне удивляются, почему мы так редко спускаемся вниз.

Не знают, что нас покорила другая красота,— мощная красота вершин, ледников и скал. Нас пленила то сверкающая, радостная и зовущая, то мрачная, клубящаяся вихрями, то гневная и грозная, вызывающая на единоборство, то таинственная, неуловимой завесой скрывающая себя и лишь на мгновение открывающаяся чудесными фантастическими видениями особого мира суровая и прекрасная, вечно зовущая стихия горных вершин.

Первые вести с радиостанции: Андрей выписался из больницы и очень доволен. Сейчас он на усиленном пайке, томится от жары и скуки и рвется к нам, в горы.

В Тамынген вчера приехали геологи. Мой альбом им очень пригодился для демонстрации рудных месторождений. Особенно понравилась составленная мною карта. Геологи подняться к нам не решились, ибо к ним не пришло еще снаряжение — ботинки и прочее. (Они были твердо убеждены, что у нас в брезентовых сапогах они поморозят ноги).

На обратном пути мы нарвали по большому букету чудесных цветов. Ленц поймал богатый кинокадр: киргизы собирают каркас юрты — и отстал.

К лагерю подходили уже в снежную пургу. Снег беспросветный до вечера.

24 июня. Погода ясная. Недостает лишь тепла. Приходится создавать его искусственно и строить второй заветерок. При первой попытке раздеться едва не отморозили ноги. Но потом или уже мы привыкли, или натянутые носки помогли, во всяком случае в промежутках меж порывами ветра казалось даже тепло.

После обеда делаем вылазку. Вначале тяжело. Едва подтягиваемся, ибо дежурит Ленц и, как всегда, изобилие вкусной еды.

Вскоре я опередил ребят и полез вверх. Незаметно добрался до Петушка. Подумал: почему бы не траверсировать его вершину?

При взгляде вниз благоразумие подсказывало, что обратный путь становится все более далеким. Но при взгляде вверх и при мысли о том, сколько трудных мест уже позади и в случае отступления их уже не миновать — отбросил все сомнения. Я лез все выше и выше, брал все новые препятствия.

И вот я на вершине... Ветер рвет. Спешно делаю зарисовки в

блокнот и складываю тур. Идет снег. Спуск по знакомой стенке. В одном месте застрял — ни назад, ни вперед — и крутился до дрожи в коленках. Наконец справился.

Крупной осыпью, с камня па камень, острыми скалками (что просвечивают насквозь) добрался до вершины с туром, на которую поднимались в начале этого сезона. Рисую Мын-тэке. Замерз зверски. От холода ледник совсем плохо «улегся» на бумаге — без пространства, без глубины.

Одеревеневшие ноги едва держатся на камне. Тут бы пробежаться, погреться, а нельзя. Постепенно пошел быстрее, согрелся, а затем и вовсе легко запрыгал с камня на камень.

К вечеру налезли облака. Клубятся снизу. Чуть снежит.

Пришел геолог Миляев. Установили еще одну привезенную сегодня палатку. Завтра выход.

25 июня. Подъем в 2.30. Выход в 3.15.

Двое идут на Мын-тэке. Трое — к Черной горе, на перевал и прилегающую к нему вершину для ознакомления с юго-восточным бассейном. Четверо (в том числе и я) выходят на Стену.

Уже на леднике выяснил, что идем не кругом, а в лоб. Предложил идти кругом. Все согласились. Под большим камнем оставили кошки и двинулись дальше налегке.

Лезем на крутую стенку перевала. Снег стал достаточно жестким, держит хорошо. Влезли довольно быстро. С перевала увидели на другой стороне ледника три маленькие точки: это ребята двигаются к перевалу. Как ничтожно малы эти люди среди горных громад!..

Солнце осветило край снежного цирка. Далеко за перевал уйти нам не удалось. Пришлось остановиться: геолог Миляев, жаловавшийся, что ему нечем дышать, почувствовал себя плохо. Стало ясно, что состояние его не блестяще и работать на Стене, если даже и дойдет, он не сможет.

Подкрепляемся (Миляев ничего не ест) и начинаем спуск вниз. Если обернуться назад, то можно увидеть, как полоска наших следов идет, идет и обрывается на середине громадного снежного поля...

У ребят замерзли ноги. Отогревают, сидя на камнях близ перевала. Я пользуюсь случаем, быстро делаю глазомерную съемку неясного еще ледника. Спустились довольно быстро с подкатцем внизу. Миляев немного отстает. Вниз по леднику брести легче. Удачно прошли все трещины, лишь Виталий чуть завалился. Я опередил ребят и пришел к лагерю намного раньше других. Десять часов утра — рекорд самого раннего возвращения...

Развел костер. Тихо припекает неяркое солнышко. Подошли еще двое, а к приходу Миляева и чай был готов. Напоил его чаем и уложил, чтобы отлежался, прежде чем идти в Тамынген.

Около трех часов послышались крики. Кричал Ленц. Вскоре я увидел на снежнике две движущиеся точки. В 3 час. 30 мин. ребята спустились в лагерь. Их восхождение на Мын-тэке не состоялось. Как ни бились на скалах — то стенка, то снег по пояс. Пришлось вернуться. А до вершины совсем близко было. Возшли на соседнюю вершину — Пик САВО*.

Ленц говорит, что они с ребра Мын-тэке видели ледник Шуровского, текущий от раздельного гребня пика Архар.

Небо безнадежно заволокло облаками. Посыпалась крупа и с ветром зашумела о палатку. В палатках затихло: спят или жуют что-нибудь.

27 июня. Хорошее утро. Ослепительно сияют вершины ледникового цирка.

После плотного завтрака, приготовленного Мишуком, без долгих сборов идем в Тамынген для доклада начальству.

Сбежали быстро. Решили устроить себе отдых на траве в арчевой роще. Кругом цветет прекрасный сад. Темные кущи арчи пятнами резко

* САВО – Средне-азиатский военный округ.

выделяются на белом фоне вершин. Внизу под нами ковер яркой зелени, испещренный синевой цветов. Солнце пронизывает все горячими лучами. От земли поднимаются испарения и благоухания трав и цветов. Воздух как бы напоен их ароматом.

Наши тела с радостью освобождаются от курток и штурмовок навстречу живительным лучам. Ребята резвятся как дети. Я пытаюсь схватить все окружающее акварелью. Трудно передать всю материальность, всю мощь окружающего. Успел сделать два этюда.

Спустились вниз. Договорились с начальством, что наряду с окончательным разрешением проблемы Оловянной стены поведем работу по обследованию ледника Рама и перевала в Ак-су, а также Гранитного нотка. Задачи очень интересные и приятно, что не нужно все время сидеть на одной Оловянной стене.

В лагерь возвратилась уже в сумерки по закрытому тенью леднику.

28 июня. С утра довольно хорошая погода, но уже к обеду Стена закрылась туманом.

Часа в два поднялись топографы. Их давно уже ждут двое рабочих. Топографы передохнули и хотели были двинуться на съемку. Но уже всю Стену заволокло низко надвинувшимися облаками и крупные дождевые капли забарабанили о палатку. Дождь разошелся и, видимо, надолго. Топографы отсиживаются в нашей палатке.

Пришел прораб Троянов и совсем уже к вечеру — Саты-Валды с ишаком, груженным спальными мешками в продуктах.

Дождик (первый за время нашего пребывания), наконец, стих. Топографы ушли, оставив планшет, мензулу и поручив нам поставить для них вешки на жиле.

Читаю письмо из Москвы.

1 июля. Чудесное утро.

Рано. Еще все спят. Я вышел на лыжах. На склоне снег передумало и

идти хорошо лишь с левой стороны. Исколесил весь склон. Под конец подошли ребята и устроили слалом меж палок. Валя и Мишук безнадежно застревали среди леса препятствий.

На завтрак Корзун угощает сладкой кашницей в небольшом количестве. Продукты, увы, на исходе, а каравана все нет и нет.

Нет и Ленца, ушедшего в Исфару.

Погода весь день чудесная. Ходим в одних трусах (кожа уже привыкла и не обгорает). Просушиваем снаряжение. Готовимся к походу. Завтра в три часа ночи выход на Стану. Двое (Валя и Мишук) идут к перевалу Ак-су. Сборы, как обычно, с вечера.

2 июля. Встали в три часа. Ночь звездная и не очень темная: видимо, от ярких звезд есть какие-то отсветы...

К перевалу подошли еще в совершенной темноте. Снег на склоне оказался достаточно жестким, идти было легко.

С перевала двое безлыжных (Троянов и Саты-Валды) пошли без задержки по указанному нами пути и сразу же скрылись в темноте. Зашипели лыжи о заледеневший перемещенный наст. Снег жуткий; лыжи бросает в разные стороны. Почти уже внизу обогнал пешую пару.

Медленно двигаемся на второй перевал. Вскоре пришлось снять лыжи и покричать Мишуку (его что-то долго не видно, видимо, опять свалился). Наконец он откликнулся.

На снегу следы.

— Волчь! — убежденно говорит Птенец.

— Не может быть! — искренно удивляюсь я. Подхожу с фонариком, освещаю и вижу след... скатившегося комка снега.

На втором перевале передохнули, но Мишука так и не дождались, замерзли. Спуск оказался вполне удовлетворительным: проваливаемся умеренно. От перевала Птенец присоединился к пешим. Я же быстро прокатил мимо них и помчался дальше. На последнем крутячке, с ходу

попав на невидимый бугор, я основательно приложился о жесткий наст. Еду впереди. За мной трое ребят и вдаль — еще двое, заметно отстающих.

Уже светло! Солнце озолотило вершину Ужбишки. Последний нудный подъем позади. Вот и пещера! Но... вместо пещеры — гладкое место и никаких следов. Тыкаю лыжной палкой, припоминая, где примерно должна быть пещера. Никаких намеков. Лыжная палка проходит везде одинаково туго.

Подошли ребята, и тоже начали щупать снег. Потом принялись копать. Вырыли чуть ли не новую пещеру, а на старую никак наткнуться не можем. Подул свежий ветер. Ноги слегка подмерзают. Подошел Трояков и, перекусив, сразу же свалился.

Мы все возмемся с пещерой. Птенец уверяет, что копать нужно значительно левее.

Дыру сделали большую и, наконец, стало ясно, что мы наткнулись как раз на вход. Я влез внутрь: от бывшего простора пещеры едва осталась полотно — настолько осел потолок. Извлек веревку. Быстро забрали из пещеры все необходимое и двинулись к гребню.

Около 200 метров веревки, укрепленной на воткнутых лыжах и двух ледорубах, постепенно начали стравливать за гребень.

Виталий прокладывает следы на снежном склоне. Троянов, опасливо прилегая к склону, ползет за ним. Остальные трое сдают веревку. Дошли до верхнего выступа. Раздается крик «Сколько веревки?». Навязываем еще одну, 30-метровую.

Фигуры скрываются с правой стороны выступа, и вот уже они внизу, на площадке второго выступа. У них теперь самостоятельная работа — обойти второй выступ снизу. Кричим: «На полчаса уходим». Остается Саты-Валды.

Я занялся съемкой и зарисовкой панорамы на пик Гранитный.

Обратно их вытягиваем вчетвером. Тащим чуть не волоком.

Троянов совсем лет на живот, едва переводит дух. Виталий кричит: «Медленнее!» Начинаем медленно, но затем ребята опять разгоняют. Наконец показалась голова Виталия, затем вытянули и Троянова. Результаты обследования не блестящи.

Троянова и Саты-Валды сразу отправили вниз. Сами задержались с укладкой вещей и лыжами. Доели «мороженое», сделанное за неимением посуды прямо в снегу.

Птичка несколько раз воткнулся, прежде чем съехать до пологого места. Я боком съехал почти со всего склона. Далеко уже успели уйти пешие, догнал их только около озера. Троянов крепко устал.

Снег размяк под жгучими лучами. Лыжи абсолютно не идут. Рубаха взмокла. Первым подхожу под перевал. Ищу следы Мишука и Вали. Солнце печет сверху и снизу. Глаза застилает. Подошедшие ребята указывают на надпись: «Ушли домой». Надпись была на снегу» я как-то ее не заметил.

Долго лезем на перевал. Виктор унылым басом ругает погоду и перевал. С его крупного носа капает пот. Саты-Валды, неожиданно пропавший, так же неожиданно появился и уже подходит под перевал. Блаженное дуновение ветерка ободряет. Редкие облачка проектируют тени на яркой снежной поверхности цирков.

Птичка перевалил, но надевая лыж. Мы поехали втроем, к восхищению Саты-Валды (он равнодушен к лыжам). И съехали чудесно: размякший снег не давал большой скорости и спуск прошел мягко и ровно. Позади нас оставались зигзаги «христианий».

Опять длинный подъем к последнему перевалу. Лыжи по старым следам идут довольно хорошо. Пешие безнадежно отстали. Сзади Птичка месит по следам, без лыж. Виталий ругнул его за испорченный след. Он не возразил (видимо, не дошло) и меланхолично продолжал шагать.

Под перевалом нагнали Мишука и Валу.

Спустились успешно (только Птенец во время одного разворота чуть не сшиб себя собственными лыжами).

Еще с перевала просмотрели правый берег ледника и решили спускаться по нему. Перелезли через первую грядку. Дальше покатали хорошо. И лишь у последнего крутого склона опять зашаркали лыжами. Мишук, как обычно, отстал. Но мы уже не беспокоимся: трещин нет.

Глубоко внизу — ледник. Склон в большей части не виден и сразу бросается жутковато. Однако после двух «христианий» стало видно, что он широкой лентой убегает круто вниз. Снег хорош, и я смело иду на спуск. Уже снизу наблюдаю за отставшими. Птенчик на расставленных циркулем ногах чертит зигзаги. Валя, присев довольно низко, изворачивается из, казалось бы, безнадежных положений. Все же два раза нырнула в снег. Однако позже с гордостью упорно отстаивала: «Я только один раз». Птенчик тоже разок завалился. Мишук же показался на склоне, когда мы уже за половину ледника перевалили. Я с замиранием ждал, как он съедет... Все обошлось благополучно: Мишук потоптался, потом снял лыжи и медленно побрел пешком.

Ледник обнажил лед и кое-где трещины. На лыжах прошли их гладко.

В лагере у нас гости: геологи и начальство. Сармин с любопытством наблюдал за нашим спуском. Троянов и Саты-Валды пришли значительно позже. Троянов даже осунулся как-то.

Производственное совещание. Доложили о результатах обследования. Договорились о дальнейшей работе, и начальство двинулось вниз. Ленца нет до сих пор.

3 июля. Хороший день. Отдыхаем.

Вчера нам прислали свежих овощей. С наслаждением поглощаем их (в сыром и вареном виде).

Вечером явился, наконец, Ленц и привоз целый ящик абрикосов и

слив. Мы с жаром принялись отбирать «помятые» фрукты и «отобрали» больше половины: отобранное поглощалось тут же.

5 июля. Встали в три часа. Выход на Мын-тэке и Архар. Ветерок треплет палатки.

«Архаровцы» решили взять лыжи, чтобы использовать хороший обратный спуск. Темно. Частенько ковыряем ногами камни морены. Идетя как-то тяжело: жарко и лыжи на спине мотаются.

На крутом снежном взъеме неожиданно попали на лед и начали скользить. Ребята, при помощи ледоруба, на четвереньках едва-едва влезли. Птенец, помогая Вале (не знаю, насколько реально), поехал вниз, упорно цепляясь клювом. Проехал мимо меня (чуть не сшиб) и так съехал почти до конца. Пришлось-таки надеть кошки. Место для этого неудобное. Круто, все катится. А тут еще сильные порывы ветра с ледяшками затрудняют дело. Зато на кошках сразу легко зашагали вверх.

Вверху группы разошлись: Я, Виктор и Птенчик пошли прямо по ледничку, остальные взяли резко влево и начали подъем по снежнику Мын-тэке.

Чем выше, тем свирепее становятся порывы ветра. Пологими увалами приходим к подножью пика САВО. Открылась стена Архара. Пристально всматриваемся, и ничего утешительного: склон крут. Пятнами на нем проглядывает лед. Слева сбросы. Для прохода намечается лишь одно наиболее безопасное место, но и там до гребня нужно пройти два бергшрунда. Кроме всего этого, мы убеждаемся, что на Архар нужно идти не нашим путем, а по леднику. Мы же забрали настолько вверх, что для подъема на Архар придется порядочно спускаться вниз. Вскоре острую вершину Архара затянули быстро несущиеся клочья облаков; шквальный ветер рвал немилосердно; стало ясно, что подниматься в таких условиях не имеет смысла. Решили переключиться на другую вершину и обследовать пик САВО.

Добраться до предвершинных скал оказалось не так-то просто: порывы ветра угрожали смести и часто ставили нас на четвереньки (хорошую услугу ветру оказывали привязанные к рюкзаку лыжи, игравшие роль паруса).

В скалах же продвижение еще более затруднилось благодаря колоссальному завихрению и глубокому снегу. Порыва ветра были настолько велики, что обрывали (и на наши головы) целые пласты снега и крутили их между скал вместе с вихрями снежной пыли и ледяшек. Пришлось сбросить рюкзаки та лыжи и, поминутно защищаясь от угрожающих порывов, двигаться к вершине.

Она оказалась не близко. Перешли на подветренную сторону гребня. Здесь тише. Когда вновь вылезли на гребень, ураганный вихрь яростно силился сорвать три наши фигурки, такие крохотные по сравнению с окружающей гневной стихией.

Маленький тур, сложенный Ленцем, разобрали. Между порывами ветра в банку добавилась еще одна, наша записочка, и тур был воздвигнут вновь.

На восток — громадный провал, на дне которого покоится ледник, стекающий из нескольких цирков (ледник этот уже, конечно, не Шуровского, как уверял Ленц). Мын-тэке отсюда невероятно эффектен. Острым красным зубом торчит он, обрываясь на восток колоссальной стеной. Хороша отсюда и Ужбишка. Высота нашего пика все же метров на 30 выше 5000. Но задерживаться на нем не приходится: снежные вихри заставляют спешить вниз.

Захватив рюкзаки, прямо по скалам спускаемся к седловине. Отсюда на лыжах по обледенелому насту зигзагами пытаемся окатиться вниз. Скольжение происходит исключительно на рантах, разносит сильно. Ноги быстро устают. Птенчик начал отставать. Виктора вообще что-то не видно. Двигаюсь один.

Узкий кулуарчик кончается неожиданно провалом. Делаю частый серпантин около самого провала. Зигзаг вправо, выскакиваю на гребешок, падаю и начинаю сползать. Все попытки удержаться ни к чему не приводят.

Набираю бешеную скорость и на боку, упираясь лишь рукавицами, с шипением продолжаю скользить вниз. Стараюсь только не перевернуться и не полететь через голову... Так и пролетел весь крутой длинный склон. Думал, все не мне прогорит, настолько от трения горела нога и рука. Однако кроме рукавиц и штурмовки (огромные дыры) ничего не пострадало.

Приятно после такого «катанья» съесть полураздавленные абрикосы, окончательно вымокший и испачкавшийся в кармане сахар и двинуться широкими зигзагами дальше. Птенец и Корзуи на этом месте лыжи сняли.

Дальше еду по лавинным сбросам. На другом склоне Птенчик развивает бешеную скорость. С обледеневшего «пупка» пришлось-таки спускаться без лыж.

Чтобы не тащить питание обратно в лагерь, на первой морене расправились с рыбой и прочим. В лагерь пришли рано: без четверти одиннадцать.

Палатки наши в самом жалком состоянии: некоторые совсем полегли на землю, другие дали сильный крен. Лишь «черная» к гордости Птенца стоит непоколебимо.

С Мын-тэке ребята пришли к четырем часам, объявив со скрытой горечью, что на вершину не взошли... Конечно, много жалоб на виновника неудачи — шквальный вихрь, причем каждая партия рассказывала о страшных порывах и убеждала, что у них эти порывы ветра были сильнее, чем у другой группы. К вечеру ветер стих.

6 июля. Хороший день. Отдыхаем.

Явились рабочие починять дорогу. Вскоре пришел караван с юртой. Все это приготовление к приезду начальника Воронова.

Внизу дорожку разделали исключительную, в пору лишь цветами усыпать... Наши многострадальные ишачки идут приплясывая и, верно, думают: «Вот если бы начальство приезжало сюда пораньше, мы бы не ломали себе ног в течение стольких дней и недель».

После ужина, глядя на яркие звезды, запели было песни, да Виталий унял.

8 июля. Опять сильный ветер. Восхождение не состоялось. Я с ребятами пошел под Оловянную стену.

Повстречались с геологами, обследовавшими низ Стены. Они с азартом напали на рудные свалы. Вдруг грохнула лавина и, перескочив как раз через рудные выходы, прошла по еще свежим следам геологов. Как серны, побежали вверх геологи, хотя лавина и без того никак не могла достать их.

Мы набрали образцов. Ребята отправились в лагерь, а я решил двинуться на запад, в цирк. Долго шел по глубокому размякшему снегу. Дошел до остатков лавины, увлекшей некогда Андрея... Сразу же увидел его белый шлем, затем рукавицу. Выше обнаружил кусок лыжной палки и лишь очки разыскивал действительно долго, но все же нашел и их, и целыми. Вернулся в лагерь.

К вечеру на леднике показались фигуры. Первым подошел Майский, сухой и довольно крепкий блондин, секретарь Исфаринского райкома партии, видимо, простой и славный парень. Позже подошел Сармин. В последней толстой фигуре, сделавшей огромный зигзаг, прежде чем влезть, мы сразу же почувствовали начальника Воронова.

Угостили гостей чаем. От яблок, только что привезенных нам, они отказались и, глядя на опустошенный наполовину ящик, удивились: «Неужели вы уже сейчас столько съели?».

Производственное совещание. Поговорили о всех делах. Показали образцы. Майскому я дал свои прожженные ботинки, ибо для него ботинок не привезли и он хотел идти на Стену в сапогах. Ленц снабдил его варежками. Итак, договорились: завтра в два часа ночи гости двинутся на Стену.

Когда они ушли, мы занялись сборами. Шутка ли: двенадцать человек пойдут через перевалы на Стену и это исключая четырех, которые пойдут в лоб. То-то будет суматоха!

Ребята еще долго обсуждали, кто пойдет в связке с Вороновым и как мы будем его «транспортировать» со второго склона.

Вдруг шум шагов и голос: «Где начальник? Записка!»

При свете спички Виталий читает:

«Не пойдем»... Ну, так и знал!

В лагере хохот.

Ленц говорит:

— Завтра! Морген! Рано-рано!..

Опять смех. И еще долго в лагере царит веселое оживление.

10 июля. Ясное утро.

После завтрака (дежурный Миша) явился Ашур и с достоинством подал нам «бумагу». В этой бумаге значилось, что геологи идут на Черную гору (ее было решено разрабатывать) и нас приглашают туда же.

Сборы заняли достаточно много времени, ибо некоторые, в том числе Птенчик, умывались и чистили перышки нестерпимо долго. Вышли прямо на ледник, не заходя в кибитку, но известив о своем выходе страшным криком.

На правом склоне заметили свежие следы, очевидно геологов, и устремились по ним. Солнце ослепительным светом заливают снежники. Вершины купаются в его лучах. Становится жарко. Геологов нагнали на осыпи, за ледником Архара.

Здесь группа разделилась: ребята с геологами пошли дальше, я и Виталий по заданию Воронова покатали на лыжах к ледопаду. Нужно было наметить и обследовать возможный путь для транспортировки руды с Черной горы.

Взяв влево, залезли в трещины. Тогда перебрались вправо и неплохо скатились по уже знакомому длинному снежнику. Снег на этот раз неважный: жесткий, с пятнами свежеснежавшего. Поднялись по впадине между снежником и ледопадом. Это единственное приличное место для спуска руды; правда, довольно длинное и крутое, но спокойное. Выше пошли совсем спокойные поля, по которым мы и дошли до гребня Черной горы, обследовав, таким образом, весь путь будущей трассы.

Геологов нагнали в начале подъема на стенку. Большинство из них чувствует себя неуверенно, особенно обогатитель. Высоко, конечно, они не полезли, заявив, что там смотреть нечего, жилы бедны.

Я полез вверх. У гребня ко мне присоединился Ленц, и по осыпной южной стороне мы вместе полезли к вершинке гребня.

Остальные опустились и отдыхали.

С вершины чудесный вид: на юго-запад — море уходящих вдаль вершин Туркестанского и Зеравшанского хребтов. Рядом — черная стена Архара, длинный белый гребень Верблюда и весь цирк Тамынгена. Перевал глубоко под нами. Наша вершинка лишь немного ниже пика САВО.

Вниз спускались по крутому снежнику. Съехали ниже, чем было нужно, и поэтому пришлось опять лезть вверх, за оставленными лыжами. Ленц, зацепившись, комично кувырнулся через голову.

Птенец пошел за кристаллами, а мы быстро скатились на лыжах. Геологов пришлось ждать долго. Потом сопровождали их, указывая путь, до низа ледопада, где и разошлись.

После обеда посыпала крупа.

В кибитке начальства произошел интересный разговор. Ленц, зайдя туда, как обычно начал восторгаться красотой ландшафта, открывающегося с Черной горы.

—Никакой красоты... Руду, руду давайте! — вдруг закричал Воронов...

Луна купается в облаках над вершиной Степы. Тихо и тепло. Около лагеря появляются Сармин, Воронов и двое подрывников.

—А скажите, как здесь на Невский пройти? — шутит Сармин.

—Удивляюсь я вам, альпинистам, вам все — хоть бы что! Здоровый народ, — говорит Воронов. Поговорили с нами и ушли давать радиogramмы.

Начались деятельные сборы. Завтра выход на пик Гранитный.

11 июля. До четырех часов спал очень мало.

Ночь довольно темная. По знакомому уже пути к рассвету подошли к обледенелому «лбу». Надели кошки.

Поднялись на «лоб» и свернули в первый правый кулуарчик. Подъем пошел круче (а у меня того и гляди слетит кошка с левого прожженного ботинка). Валя и Миша сильно отстают. Последний чувствует себя неважно.

На первых скалах расположились завтракать. Мишука ждем долго. Он все припадает на ледоруб: самочувствие скверное.

На гребне нас осветило солнце, ноги отогрелись. Видно, как глубоко внизу солнце осветило белые пятнышки палаток. Время движется к девяти: там сейчас, видимо, завтракают.

Идем по гребню. Делаем частые остановки, поджидая отставших.

К двенадцати часам спустились по ледяному склону с предвершинки и подошли вплотную к самой желтой стене. Попытка взять ее с юга не увенчалась успехом, ибо вбить крючья оказалось совершенно невозможно: трещины очень мелки. Пришлось спуститься немного по

снежному кулуару и начать подъем значительно левее, частью по обледенелым и крутым снежничкам, частью по скалам, тоже очень крутым, но большой прочности (что-то вроде гранита).

Аккуратно охраняя, я иду первым на веревке с Валея. Ленц с Мишуком. Много раз пришлось мне вбивать крючья, а Ленцу выбивать их и вновь передавать мне. Наконец дошли до крутого, наискось идущего снежного кулуарчика и уже по нему подошли к самому гребню.

Гребень острый, сильно засыпан снегом. До его вершины дошли быстро. Ее трудно даже назвать вершиной, настолько она остра, но по высоте она равна основной.

4 часа 30 минут. Почти все вершины глубоко внизу, лишь некоторые поднимают свою голову выше, и в их число и Архар. За ним еще вершина (топографы говорят, что это и есть Мын-тэке). Острый пик Ужбишки немного ниже нас.

А на юг и юго-восток бесконечные пики: там Памир. И быть может, одна из тех видимых вершин — пик Коммунизма, но определить, конечно, трудно.

На восток наш пик запрокидывает совершенным, более чем километровым отвесом.

Кричим поодиночке и хором в сторону лагеря, но ответа, конечно, нет. Ленц кинематографирует. Я срочно делаю приблизительную съемку восточных вершин и ледника. Съели банку рыбы и оставили в ней записку, засунув банку (из-за невозможности построить тур) прямо в щель. Скорее вниз.

Ленц предлагает спускаться прямо по южной стене. Жутковато, учитывая, что крючья там забивать трудно... К тому же все равно у начала нашего подъема оставлены кошки.

Удачно (по предложению Ленца) спустились на двойной связанной веревке: нашлось три хороших уступа. Это сэкономило и крючья и время.

Веревка мокра и заедает порядочно. При спуске зашибли Мишуку руку. Он и так-то едва на ногах стоит, посерел, осунулся, а теперь и за веревку держаться ему трудно.

Облако крутится над вершиной, задевая ее. Нам это на руку: вершина в тени и снег не очень раскисает.

*Еще одно восхождение. Е. Абалаков вкладывает записку
в консервную банку*

От кулуарчика начали спуск прямо вниз. Один уступ Ленц забраковал (предварительно насмешливо, с поклоном предложив опуститься по нему). Отсюда пошли на крючьях. Под стеной — в восемь часов. Охраняю Валу на ледяной стенке. Мишук тоже выбрался по веревке.

Красный шар солнца сквозь застлавшие его тучи бросает последние багровые лучи. Очень глубокий стал снег, проваливаешься выше колена.

Сойдя в кулуар, сразу сели «на иждивение» и поехали, ибо идти стало совсем невозможно. Спина сначала помокрела, потом заоченела, а потом уже начало очень больно резать и жечь. Но идти невозможно, приходится ехать, преодолевая боль.

Наконец осыпь и ручей. С наслаждением пьем ледниковую воду. Маленьким пятнышком катит сверху Мишук.

В сумерках быстро идем по леднику. Сзади крик: Мишук упал и зашибся. Еще ниже он умудрился легонько растянуть ногу... Ленц и Валя, съехав с последнего круточка, ушли вперед. Я поджидаю Мишука. При луне уже переходим ледник, и в десять часов — в лагере.

Итого вершина взята за 18 часов ходу...

13 июля. Около четырех часов вышли в новый поход. Сразу пересекли ледник к правой стороне. Поднялись на крутой взьем. Забрезжил рассвет. Лезу левыми скалами. Остальные пошли правыми. Рельеф хороший (однако Валя все же напоролась где-то на лед и страшно злилась за это на Виталия).

При подъеме на перевал заметили на леднике одинокую фигуру с собакой, а с перевала увидели всех носильщиков. Я быстро иду вниз, чтобы до подхода носильщиков и рабочих обследовать путь по ледопаду. Ледопад не очень страшен. Вначале полазал меж трещин, но вскоре ближе к правой стороне нашел чудесный путь.

Носильщиков ждать пришлось не менее двух часов. Наконец первая кучка отделилась от перевала и затем черными пятнышками и группами люди потекли вниз. Такого количества людей перевал еще не видел никогда: 12 носильщиков, пятеро русских рабочих, геолог и мы.

Первыми поднимаются геолог и группа рабочих.

Подождали носильщиков. Некоторые из них были в неподбитых

сапогах и сильно скользили. Удивительный народ киргизы! Ходить предпочитают своими путями, а не проложенными, более легкими и безопасными. Очки носить не любят, большинство идет без них, прикрыв глаза платком. А если и удастся уговорить кого — из уважения наденут, но очки при этом неизменно находятся на лбу. В руках в лучшем случае палка. И ничего! Не валятся и не слепнут!

Ледник заметно повернул на юго-восток. Не доходя километра три до слияния с ледником Елдаша, геолог неожиданно сбросил рюкзак и сказал: «Вот и лагерь! А вот здесь, налево, наш ледник с оловом».

Место неуютное. Как посередине улицы, прямо на морене раскинули две палатки и сложили поднесенный носильщиками груз.

Живописной группой расположились киргизы. Полулежа ведут нестройный разговор. Одежда у всех одинаковая: черные ватнушки. Но какое разнообразие фигур, лиц, характеров!

Ушли носильщики. В лагере осталось пятеро: геолог, нас двое, да двое молодых рабочих. Рабочие кипятят на керосинке чай — занятие почти безнадежное, ибо керосинка едва дышит.

Я слазал к оловянному ледничку. Осмотрел ледопад Елдаша. Теплый ветер, горячие камни. Долго лежал на осыпной площадке. Обрато резво сбежал по размякшему снегу. Солнце зашло за зубчатую стену, с которой почти беспрестанно шумят камнепады и лавины, и сразу стало прохладно.

14 июля. Утро. Солнышко уже позолотило вершинку.

Быстро спустились до слияния с ледником Елдаша. Отсюда ледник Рама течет почти прямо на юг, и до Зеравшана не более шести километров. Ледопад действительно грандиозный: стеной встает весь в провалах и трещинах. Высота, пожалуй, не меньше четырехсот метров.

Путь выбрали по скалам левого склона (этим путем водил группу в

прошлом году Елдаш^{*}). Скалы поднимаются вверх террасами, удобными для прохода. Жаль только, что порода крайне хрупкая и сильно разрушена (сланцы). Выше взяли влево от русла потока, по которому лезли. Пошли осыпями и вскоре залезли значительно выше ледопада. Спускаться пришлось порядочно и по довольно неприятным скалам. Геолог лезет смело и неплохо.

Скатившись по лавинным сбросам, вышли на пологий ледник. Трещин совсем мало. Почти к самому ледопаду слева подходит приток. Повернули в него. Осмотрели небольшую моренку и нашли несколько кусков турмалина.

Левый ограничивающий гребень имеет подозрительные желтые выходы. Ледник пологими буграми уходит вверх в северо-восточном направлении.

Печет солнце. Жарко.

Последний крутой подъем — и мы у заключительной стены цирка. Слева она — из охристого гранита с острыми пиками. Правее переходит в крутую, видимо, сланцевую, стену. Полезли меж двумя гранитными пиками по сланцам, оставив рюкзаки внизу.

Скалы некруты, сильно разрушены, масса захватов. Глянул на ту сторону и отпрянул: полный отвес. Кудрявые сбросы грибами приросли к скалистым выступам. Глубоко внизу растресканный ледник вливается в большой ледник Фарахнау, уходящий на юг.

На севере от нас большая вершина, вероятно, Мын-тэке. Меж ней и пиком Гранитным нашего гребня уходит на восток довольно пологий снежник, вполне пригодный для спуска. Но, увы, попасть на него из нашего цирка невозможно.

Сделал глазомерную съемку всего видимого. Хотел все зарисовать, но ребята замерзли. Пришлось спешно спускаться вниз. Сошли быстро,

^{*} Елдаш – опытный проводник, участник прошлогоднего похода.

наполовину съехав по снежникам.

Делать в этом цирке больше нечего: все желтые выходы оказались гранитами. Встретили лишь небольшое количество турмалина в пегматите.

От места слияния цирка с ледником Елдаша хотели направиться домой. Но я предложил подняться вверх по основному леднику: нужно было сделать съемку его верховьев, кроме того я предполагал найти там перевал.

Ледник течет полого. Трещин немного.

Обошли гребень, разделяющий два рукава. Открылась опять та же вершина Мын-тэке, а правее действительно обнаружился перевал, целиком снежный и достаточно длинный. Верхняя часть цирка обрывалась ледопадами и заканчивалась стеной, тянущейся от Мын-тэке к Архару. Последний отсюда более легок для подъема, нежели с севера.

Сделал съемку. Спускаемся вниз. Обошли ледопад на этот раз удачно, не залезая высоко вверх. Внизу застряли немного, спутав террасы.

Жарко. Длинным кажется подъем по леднику. В нашем новом лагере — в пять часов.

Завтра уходим вниз, оставив здесь спальные мешки, веревку и кошки.

15 июля. Встали опять с солнышком. Налегке по холодку резво идем на перевал.

Выше ледопада заметили шесть человек, поднимающихся на второй перевал. Наши! Долго перекликаемся, стараясь понять друг друга, но так и не поняли.

У перевала встретили носильщиков и рабочих. Последние сообщили, что Ленцу разбило где-то голову, но, видимо, не очень сильно. Мы встревожились и поспешили вниз. Спуститься по веревке с перевала — совсем пустяки. Завистливым взглядом, отчаянно помахивая хвостом, провожал нас пес, тоже залезший с нами на перевал.

По леднику сбежали очень быстро. В лагерь пришли, когда его лишь только осветило солнце. Время, видимо, около девяти. Часы стоят. В лагере пусто. Ушли все. Вероятно, с Ленцем ничего плохого, коли и он ушел.

Обнаружили свежую картошку и немедленно начали жарить. Я рисую водопад. Замерз на ветру и в то же время поджарился на солнце.

К вечеру сходил в кибитку.

Узнал все новости. За наше отсутствие на Стену ушли 15 человек (наши, носильщики и подрывники). Завтра должен быть взрыв.

Палаток у них еще нет. Однако завтра думают получить и тогда тронуться на ледник Рама. Договорились о снабжении продуктами из их фонда.

Вечером пришли двое рабочих и принесли вам письма из Москвы. Сплю на матрасе Ленца, тепло и мягко.

16 июля. Изумительное ясное утро. Встаем с восходом солнца.

Идем к юрте ждать взрыва. Подошел Сармин. Воронова не дождалась, он «немного» отстал.

Первый сигнал услышали, лишь только отошли. Ленц же решил, что через десять минут будет взрыв, и начал устроиваться на морене для съемки. Однако мы успели подойти к морене, а взрыва все не было.

От юрт все поспешно отступают. Почему-то здесь оказался маленький парнишка Мишка, бегущий впереди с испуганным лицом. Обитатели юрт собрались около больших камней, присматривая на всякий случай более защищенное место за камнем.

Меня Ленц приспособил в качестве фотографа, сам же целиком занялся киносъемкой.

На гребне показались черные точки людей. В бинокль можно различить некоторые фигуры. Второго сигнала ждали долго. Замерзли. Лишь через час щелкнула вторая петарда. Общее возбужденное

оживление: сейчас рванет!

Взрыв.

Черные облачка одно за другим показались над гребнем. Глухие гулы. Вслед за этим склон прорезали полосы лавин.

С шумом, заглушающим самые взрывы, рушатся лавины, красивым каскадом рассыпаясь внизу и затихая лишь у кибиток.

Ленц с энтузиазмом кинематографирует. Я, как заправский фотограф, щелкаю лейкой, перекручиваю пленку и снова щелкаю. Подбегаю все ближе. Эффектные кадры остаются на пленке.

Еще несколько вспышек черных облаков, и на гребне утихло. Ровная пластичная линия его вершины стала похожа на зубчатую стену. Склон заметно оголился. Внизу появились большие языки лавинных сбросов. И все же склон мало изменился. Желаемого действия взрыв не произвел.

Подошел и Воронов. Взрыв ему пришлось наблюдать с более – отдаленного места. Уютно устраиваемся в юрте за чаем.

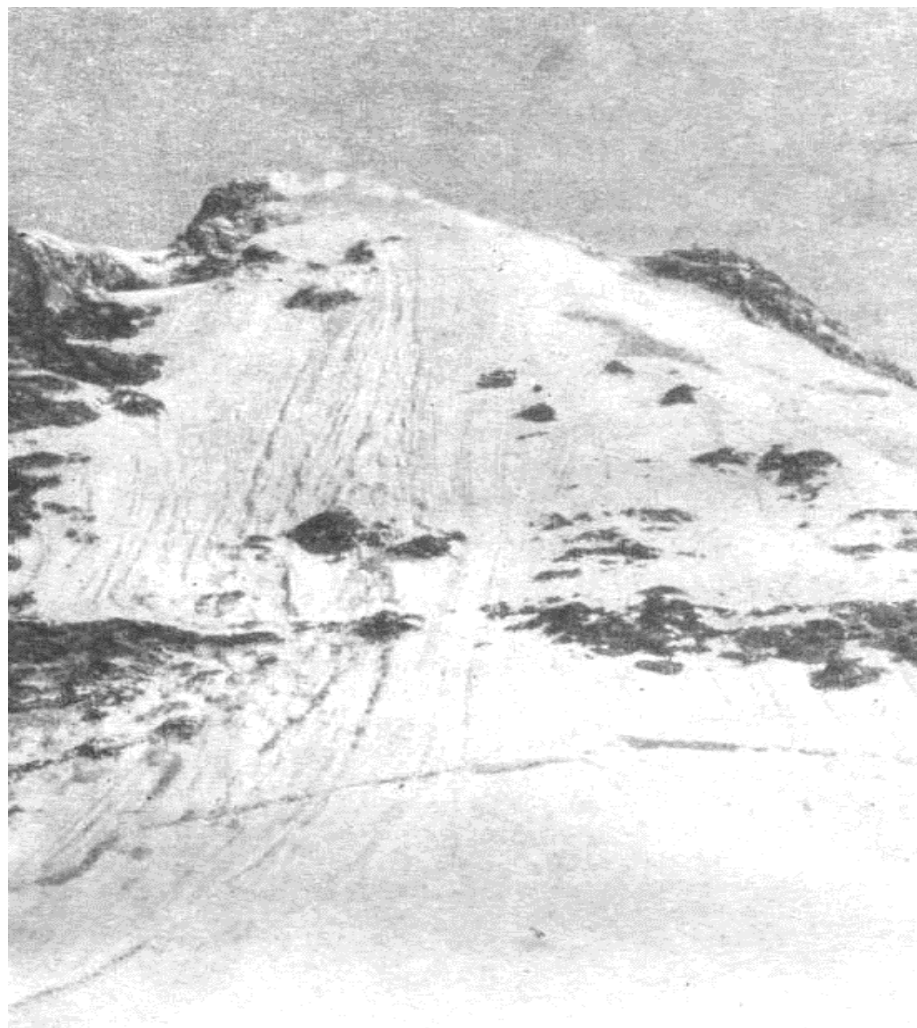
Договорились: завтра выходим на ледник Рама. Наши продуктовые дела так плохи, что пришлось занять продовольствия у геологов.

Сигнала об окончании подрывных работ не дождались — пошли в лагерь.

17 июля. Утром проспали (будильник встал окончательно). Вышли, когда солнышко осветило вершины. В юрту не заходили, прошли ледником. На подъеме увидел свежие следы. Неужели геологи уже пришли?

Идти прохладно и легко. Я нажимаю. Следы идут дальше. Под перевалом никого не оказалось. Пригретые солнцем, по склону перевала полетели камни. Ловко увертываюсь от падающих «гостинцев».

На перевале встретил носильщиков. От них узнал, что топограф ушел вперед.

С шумом, заглушающим взрыв, рухнули по Оловянной стене лавины и красивым каскадом рассыпались внизу

Вскоре заметил черную точку, опускающуюся с перевала. Вероятно, кто-нибудь со Стены. Пошел навстречу. Фигурка вдруг остановилась и опустилась на снег, да так и осталась. Больной, что ли? Спешу к нему. Подойдя ближе, вижу, что сидит на лыжах. Совсем чудно... Приблизившись, узнал коллектора из раминской группы.

—Как Вы сюда попали? — спрашиваю.

—Я, видите ли, немного заблудился... Потом увидел четырех человек и пошел за ними и зашел на самый перевал, а там совершенный обрыв... Снизу мне стали кричать, что идут на пик, а на Рама дорога обратно вниз... Вот я и еду обратно...

Показал «лыжнику» дорогу и понаблюдал, пока он верхом на палках продвигался вниз.

На ледопаде встретил рабочих и сообщил им о «лыжнике».

— Да это Николай Иванович!.. Эк, куда он попал!

Я пошел вниз и быстро достиг лагеря. Рассказал о встрече с «заблудившимся лыжником»... Ребята покатываются со смеху.

Николай Иванович (он же временный завхоз) пришел значительно позже. На вопросы ребят отшучивался, а потом все же рассказал всю историю своего «блуждания».

Число палаток сразу увеличилось. Вырос целый поселок. Как-то непривычно шумно и людно.

Вечером производственное совещание. Завтра выходим на оловянную жилу. Разработали общий план выходов на восемь дней. Общее количество охвата съемкой более 300 квадратных километров. Сюда входят ледники Рама, Елдаша, Преображенского, Фарахнау и ледник западнее ледника Преображенского. Порядок работы таков: после выхода к оловянной жиле день отдыха. Затем два-три дня на леднике Елдаша. День отдыха. Два дня на леднике Преображенского. В оставшееся время решили обойти все кругом, начиная от Зеравшанской долины.

Вечер холодный. Ночью прохладно даже в мешке.

18 июля. Вышли до восхода солнца. Десять человек начали шумно подниматься по крутой осыпи. У выхода на снежник — отдых.

— Ну, как, до бога сегодня доберемся? — шутит один из рабочих.

Ледник крутыми буграми забирается вверх к зубчатому гребню Оловянной стены. Часто отдыхаем. Некоторым не хватает воздуха, одышка!

Наверху ясно видны желтыми полосами жилы.

Небольшой скалистый участок (наполовину с осыпью) прошли как-то удачно, хотя камни сыпались щедро.

Со снежного гребня открылась хорошая панорама окрестных вершин и ледника Елдаша. Геологи и рабочие занялись пробами с первой жилы, а я полез по ней обследовать дальше. Выбрался на вершину.

Хорошо видны все знакомые вершины: совсем близко Стена. Рядом чернеют склоны Верблюда. Интересующий меня северный склон перевала в соседнюю уходящую на север долину так и не удалось просмотреть — видна лишь часть крутого снежника и бергшруд.

Памирскую сторону видно совсем плохо — облачно.

С выветренной вершинки, обойдя два жандарма, спустился быстро. По пути старательно просматриваю и собираю образцы.

На первой жиле оказалось приличное содержание олова. Душа геологов возрадовалась. Работа кипит. Камни с грохотом летят вниз. Штабеля образцов растут. Бур медленно, под мерные удары молота, врезается в камень.

Вчетвером (я, Валя, геолог и рабочий Федя) идем через перевал. Солнце уже высоко, снег размякает. Нужно спешить.

Быстро окатились по талому снегу до подножья перевала и полезли по скалам. Федя для первого раза лезет ничего (немного трусит). Но лезть дальше вверх по острому гребню отказался. Обследовали с геологом жилу и спустились вниз.

Связавшись веревкой и надев кошки, я встал на охранении. Валя идет наискось вниз. Придерживаясь за веревку, двинулись Федя и геолог. От камня я лезу первым, предполагая, в случае обледенел ости, на крутой части склона забить крюк. Но снег оказался глубоким. Так и спустились на три веревки. Геолог идет смело и уверенно, Федя — робко и медленно.

На четвертой веревке я подошел к бергшруду. Бергшруд довольно порядочный. Прыгать нужно метра три. Сбросил рюкзак, ледоруб и кошки. Вытоптал площадку, примерился и, набрав метров пять веревки, прыгнул... По колено увяз в снег, но удержался.

Следующим пошел Федя. Скороговоркой сказав раз, два, три..., сиганул вниз. Попал в снег (ближе меня, у края бергшрунда), перевернулся, стал было сползать, в последний момент ухватился за веревку и я его вытянул.

Геолог поставил рекорд: хорошо прыгнул и увяз чуть не по пояс.

Валя прыгнула, предварительно сбросив вниз свои вещи. Но неудачно. Приземлившись, перевернулась и поехала на животе щучкой вниз, чуть не напоровшись на собственные кошки. После она утверждала, что сделала это нарочно. В таких случаях бесполезно возражать человеку (я не стал добавлять, что веревка натянулась, и мне пришлось задержать ее дальнейшее продвижение вниз).

Быстро пошли вниз. С ледопада по правой стороне скатились на ногах и вскоре были в лагере.

Рабочие сидели уже за обедом. Хвалились друг перед другом, что очень здорово катились вниз. И это было заметно, ибо все, и особенно спины, сильно мокры.

Обедаем в нашей палатке и очень плотно. Затем бесконечно пьем чай.

Впервые за несколько дней набежали облака и солнце скрылось.

Вечером пришли носильщики с дровами.

20 июля. Среди ночи сильно удивил знакомый крик. Это Виталий и Виктор зашли проходом со Стены. Беседовали часа полтора, они рассказывали о восхождении начальников на Стену. До выхода на ледник Елдаша спать уже не пришлось.

Нагрузка получилась порядочная, посему идем не спеша.

На скалах, в трех наиболее затруднительных местах, у многих ребят подрагивали коленки, несмотря на то, что путь предварительно расчищался весьма старательно. Особенно робели два парня и Николай Михайлович.

Елдаш, сильно груженный, выбирает свои варианты пути.

На последнем спуске к леднику я скатился с очень маленького, но крутого снежника. За мной пошли геолог, Валя и Николай Михайлович. Я съехал наискось и снизу предупредил, чтобы аккуратней спускались, ибо снег проваливается, а внизу ледяная корочка.

Геолог сразу навалился на свою салку всем телом. Она лопнула, и он на боку выкатился на морену. Удачно, даже не поцарапался, видимо, спас полушубок.

Николай Михайлович замялся.

Спускаться начала Валя. Я еще раз крикнул, что внизу яма, осторожней. Валя отошла в сторону, но съехала все же прямо в яму, зацепилась за ледяную корку и полетела через голову. Когда поднялась, лицо ее было в кропи: при полете она рассекла губу и щеку. Возвращаемся назад в лагерь. Самочувствие у Вали неважное: после нервного напряжения начался упадок сил.

В лагере промыл рану и сделал вторую перевязку. Решили идти в основной лагерь. К перевалу шагаем очень медленно. Жарко. Валя часто садится. Вместе с носильщиками спустились с перевала. Вниз уже пошли значительно бодрее.

При нашем появлении выскочил Виктор с диким выражением лица. Как потом оказалось, в лагере поджидался Птенец, который самовольно ушел один на вершину Верблюда. И дикое выражение физиономии предназначалось ему.

Птенец вернулся лишь к вечеру, и на нем сразу же разрядился весь накопившийся за это время запас возмущения. Птенец угрюмо молчит. Не стал даже пить чай и ужинать. Позже появился караван, а с ним... Андрей! Радость великая! Напряженная атмосфера быстро рассеялась.

Побледнел и похудел Андрияша здорово. У него в последнее время в организме были осложнения (воспаление надкостницы). От

дополнительного лежания убежал раньше срока. Привез яблок и персиков (от последних сразу же ничего не осталось).

Вечером товарищеское обсуждение поступка Птенчика. Он не оправдывается и говорит порядочную чепуху.

Завтра в четыре часа утра выхожу с Виктором на ледник Рама.

21 июля. Выходим в 4.30. Утро холодное. Подмерзло. Светит луна. Идем легко и быстро. У перевала нас догнало солнышко и осветило вершины. В лагерь на леднике Рама спустились почти бегом. Все спят. Разбудили завхоза, оставили ему лишние вещи, немного подкрепились и двинулись дальше.

Солнце ударило в лицо лучами лишь на повороте к ледопаду. Виктор в восторге от ледопада и цирка ледника Елдаша.

Скалы пролезли быстро. От спуска зычным криком оповестили о своем приближении. В лагере лишь двое рабочих и геолог Наталья Емельяновна. Остальные с рассветом ушли на правые склоны вверх по леднику. Она рассказала, сколько страхов было ночью: вокруг палаток трещины и кто-то два раза провалился. Мы решили пойти на правые склоны навстречу геологам. Связались, однако никаких значительных трещин так и не обнаружили.

Близ второго ледопада на скалах заметили человека, затем еще несколько. Они уже спускаются. В ожидании их, делаю беглые зарисовки Мын-тэке. Наконец все собрались. Подкрепились и начали спуск «а ледник Рама. По скалам найден совсем хороший путь. Лишь в одном месте для верности спустили ребят по веревке.

На подъеме к лагерю далеко растянулись. Солнышко уже зашло за острый гребень.

С Оловянного гребня пришли двое рабочих. Там один парень нырнул в трещину, пролетел метров десять и упал в воду, вымок. Наверх его едва вытянули, связав рубахи и портянки.

Вечер прохладный. Ужинаем при свечке. Спим втроем.

Приняли еще Федю.

23 июля. Будильник в указанной срок промолчал, поэтому выходим, когда уже стало светать.

Идем вчетвером: я, Виктор, геолог и рабочий. Другая группа — рабочие вместе с Натальей Емельяновной — должна опуститься по леднику Рама к Зеравшану и к вечеру встретиться там с нами.

Шагаем налегке. Погодка серая, облачно, но снег все же держит и идти довольно легко. Нас догоняет солнышко.

Спускаемся по хорошим ступенькам. Сразу прыгаем через бергшрунд. Часто делаю засечки и фундаментально дополняю и уточняю прежние. Солнце изредка проглядывает сквозь облака.

Озеро! И на славу: громадное, с зеркальным ледком на водной глади. Даже пить холодновато.

К перевалу Ак-су — длинный, но не крутой подъем. Решили вылезти не на самый перевал, а левее, в выемку между двумя вершинками. На половине подъема на снегу увидели совсем свежие следы кийка.

На перевале холодный ветер. Долго задерживаться и любоваться на глубокую впадину ледника Ак-су не стали. Настоящий перевал остался правее, а от нас уходит вниз почти отвесная диоритовая стена.

Сделав засечки, я полез на вершинку справа, чтобы оттуда снять панораму в сторону Джау-пая. Ребята пошли вниз. Но и с этой вершинки Джау-пая тоже не видно. Однако уточнил, что она южнее, чем у меня было намечено раньше. Бегом спускаюсь вниз. Виктор уже пересек широкое ровное снежное поле и лезет по склону Шпоры.

Перевал к цирку Гранитного округл и мало заметен. Издали увидели на Аксуйской тропе несколько баранов и человека.

У склона Шпоры устроился на камне делать засечки. Уселись и остальные. Вдруг крохотная птичка порхнула прямо в расщелину нашего

камня. Ребята принялись ее ловить, но щель узка и рука не проходит. Спустя некоторое время птичка выпорхнула. Однако не прошло и нескольких секунд, как она появилась опять: за ней гнался коршун. Птичка доверчиво шмыгнула мне прямо под ноги и там притаилась. Здесь уж, конечно, поймать ее не представлялось никакого труда. Я взял ее в руки. Желтенькое брюшко птички часто-часто вздымается. Подержал ее минут пять, пока совсем не скрылся коршун, и пустил...

Спускаемся быстро. Трещины почти не встречаются. Вот и стена. Гранитного уже позади. Вышли на морены основного ледника. С удовольствием напились воды и закусили, да так, что от буханки хлеба почти ничего не осталось.

Справа опять знакомые ледопады. Спешу вновь занести их на карту, ибо весь ледник у меня немного сдвинулся на юг. Ниже совершенно неожиданно встречаем двух человек: геолога Никитина и знаменитого проводника старика Елдаша. Никитин поднялся с Зеравшана, где у него база. Район исследований у него обширный, а посему особенно глубоко он не забирается. Сегодня он решил добраться до Гранитного.

Начался дождь. Мы пошли дальше вниз. Набредли на тропу, достаточно торную, а ниже встретили двух таджиков с баранами. Старик-таджик говорит необычайно громко, как глухой. Наших он не видал. Сам идет на Ак-су.

Позже таджики повстречали Елдаша. Последний уговаривал их вернуться: уже вечер, погода плохая, туман, дождь, а они и дороги не знают. Однако не убедил, и те пошли вверх.

Если наши товарищи совсем сегодня не придут, нам придется грустно коротать ночь в одних рубашках. Но, надеясь на гостеприимство Никитина, шагаем вниз.

Почти у самого языка вдруг показались люди, ныряющие с одного бугра на другой. Наши! Они уже у левого берега.

—Почему не правым идете? Там же тропа...

—А черт ее знал! Нас так вели...

Речка прижимается вплотную к левому берегу. Пришлось на крутом обрыве рубить в земле ступени. Перешли удачно, хотя и с риском: в случае падения бурная речка закончила бы наверняка. Геолог Наталья Емельяновна и Федя обошли верхом.

Кругом высокая трава, масса цветов, тепло.

Вернулись Никитин и Елдаш, сильно отсыревшие и, конечно, не дошедшие до Гранитного. Спим в палатке геологов.

24 июля. Облачно. Идем на гребешок осматривать ледник.

Я ушел вперед. Цветов кругом масса, флора напоминает нашу сибирскую. Много болиголова, водосбора, колокольчиков, орхидей и других растений. Увлёкся пышным белым и желтым шиповником, залез в чашу и в трусах чувствую себя неважно.

Чтобы толком осмотреть Зеравшан, пришлось ползать еще порядочно. Чистая бугристая морена видна до поворота. Льда — ни кусочка. С левой стороны впадает несколько ледников, и мощный белый пик венчает гребень. Делаю зарисовку. Едва успел кончить — пошел дождь.

Быстро сбегая вниз к палаткам Никитина. Он вчера приглашал есть козла. Подошли и остальные. Угостили нас супом, и неплохим. Сидим у него в палатке и разбираемся в картах. Никитин сетует, что точных карт нет, что ему приходится сначала заниматься топографией, а потом уже геологией.

25 июля. Сегодня выходим на Фарахнау. Никитин не пошел, говорит, что будет дождь.

Идем по тропе среди густой травы. Масса сурков.

Дошли до Фарахнау. Оказалось отсюда до Рама не меньше пяти километров. Спустились на морену и приступили к поискам олова, однако

кроме порфиридного гранита с богатыми вкраплениями турмалина ничего не обнаружили.

Вскоре надвинулся фронт облаков и повалил снег.

Виктор раскаялся, что не взял штурмовки: продувать стало не в шутку. От снежной бури укрылись под камнем, там же и закусили, замерзнув от молока еще больше.

Беспросветной мглой несутся белые мухи. Ждать не стало сил — быстро выскочили и побежали вниз. Снег ударяет в спину и тает на ней. Мы все же успели сходить на левую сторону ледника и осмотреть там морены, но ничего нового не обнаружили. Еще раз перейдя ледник близ его слияния, вышли на Зеравшанский. Чтобы не мокнуть в траве, пошли мореной. Вдоволь попрыгали с камня на камень, пока наконец, не спустились на тропу.

Никитин уверяет, что это уже последний дождик и с завтрашнего дня наступает хорошая погода. В знак своей полной уверенности в завтрашней хорошей погоде он объявил, что завтра переселяется на Фарахнау.

Напились чаю из пережженного тута (похоже на кофе) и отправились в лагерь.

26 июля. Утро хорошее.

Позавтракав и тепло распрощавшись, двинулись на Фарахнау. Идем по склону залитой солнцем Зеравшанской долины. Жарко. Увесистые рюкзаки крепко налегают на плечи. Свистят сурки.

На морене (на повороте к Фарахнау) вдалеке увидели двух человек и ишаков. Это геолог Никитин и рабочий. Догнали их в ущелье Фарахнау. Никитин идет не спеша, постукивая молотком скалы. Поговорили и распрощались. Никитин на прощанье, щелкнув лейкой, запечатлел нас.

Неприятная моренная часть осталась позади. Вышли на узкий язык льда и быстро зашагали по нему. Кругом блестят и шумят потоки. Полого

вверх лентой уходит ледник. Справа вдаль красивая скалистая группа, похожая на Ужбу. Слева отвесные стены какой-то большой вершины.

Все шире становится полоса льда и все меньше и уже морены. Ледник с северного направления начал отклоняться к западу. Из-за стены слева выплыл массив Мын-тэке.

На бурой морене сушим носки и ботинки. Я рисую будущий объект восхождения.

С северо-востока вылезла туча и начала закрывать вершины. Решили спешить на перевал. Если выпадет снег, лезть туда будет очень трудно. Однако и без того досталось крепко: глубокий снег, трещины и частенько крутой и очень длинный подъем дали себя почувствовать. Первую половину пути торю я. Вторую Виктор (ему поручил более благоприятную часть).

Уже начало темнеть, когда выползли на самый перевал. Увы, радости мало: острый гребень и одному негде улечься. (Хорошо уже, что снег перестал. Есть надежда, что тучи разгонит.) Нашли снежную впадину, в ней и расположились, подстелив плащ и палатку Здарского.

Холодно. Все мокрое. Мерзнут и руки и ноги. Отогревались в мешках. Подкрепились банкой фруктовых консервов и залегли. Спали неплохо.

27 июля. Из-за холода рано не встали. Солнце немного не дотянулось до нашего логова, когда мы без рюкзаков вышли на штурм Мын-тэке.

Перевалили по острому гребню небольшую вершинку, спустились в седловину перевала и лишь оттуда полезли по склону Мын-тэке.

Вскоре встретились крутые и обледенелые участки меж скал. Пришлось надеть кошки. На них вышли на гребень и прошли верхнюю часть того самого полувисячего ледника, который виден с ледника Елдаша. Здесь лежит глубокий снег, а внизу осыпь. Чтобы не портить кошки, снял

их и оставил вместе со свитером. Посоветовал сделать то же и Виктору. Виктор не решился и потащил с собой. Как я и предполагал, тащил зря: кошки не понадобились.

Начались крутые скалистые стенки, сильно разрушенные острые гребешки и бесконечное количество жандармов. Отсюда уже виден Памир. Вдалеке над морем облаков высятся горные гиганты. Теперь уже ясно, где пик Коммунизма, где пик Корженевской. Правее, видимо, пик Революции.

Я иду первым, расчищая снег. Руки сильно мерзнут. Скалы скользкие. Охранение ненадежно.

Над нами вторая стена, третья и еще и еще. Гребень, как спина гигантского сказочного дракона, весь в зубьях. Спускаясь, поднимаясь, пролезая в узкие трещины, вылезли мы на острый выступ и с него, наконец, увидели вершину. Но до нее еще нужно пройти длинный, острый, с множеством карнизов снежный гребень, прерывающийся пятнами острых скал.

Виктор постепенно выдает веревку и следит за каждым моим движением. Карнизы настолько ажурны, что их пришлось почти целиком срубить и лишь тогда можно было встать на острое лезвие гребня.

Идем очень осторожно: по обе стороны глубокие провалы. А тут еще как нарочно справа пошли лавины. Внезапно склон под нами с треском разорвался черным зигзагом. Мы приготовились к худшему. Однако прошли. «Ну, значит, на обратном пути обязательно съедем»,— говорит Виктор.

Еще один жандарм, и, кажется, последний. Действительно, за ним в легком тумане, затянувшем все кругом, уже виден громадный карниз вершины Мын-тэке. К величайшей досаде клочья облаков, клубящихся на северо-востоке, мешают полностью сделать съемку и нанести на карту этот интересный участок.

Записку решили оставить на последних скалах. Чтобы убедиться,

что за карнизом нет точки выше нашей, я решил сходить к карнизу. Виктор страхует меня, пока я вылезаяю на самый гребень. Убеждаюсь, что по другую сторону гребень резко уходит вниз. Удовлетворение полное.

Быстро сделал зарисовку. Затем написали записку и вложили ее в опустошенную банку из-под молока. Достав несколько дефицитных в этом месте камней, придавили ими банку. Теперь, пока не повалил снег, скорее вниз.

На снежнике, где я оставил кошки, обнаружили выходы порфириовидного гранита с турмалином. Взяли образцы. Последний крутой участок прошли опять па кошках. Сильно подлипает. Виктор измотался вконец и даже начал монотонно ругаться: «Ну и гребень, черт его дери! Конца ему не будет...».

Наконец опять перевалили вершинку и — знакомое пепелище. Быстро собрав опущенные снегом вещи, в третий раз перешли вершинку и начали спуск на ледник. Склон оказался без бергшрунда и это несколько ускорило спуск. Долго ковыряем лед в поисках воды. Но вот нашли немного и с жадностью начали поглощать ее с молоком. Замерзли зверски, зато самочувствие сразу стало лучше.

Начинает темнеть. Нужно устраиваться на ночлег. Дошли до маленького отрога Мын-тэке, залезли на гребень и, устроив площадку на осыпи, расположились на ночлег.

Все на нас вымокло настолько, что отовсюду при легком прикосновении руки выступает и легко выжимается вода. Похолодало и начало подмерзать. Чтобы не всовывать в мешок мокрые носки, решили, что они вполне высохнут на ветру и разложили их на камнях.

Облака разошлись, и прекрасная звездная ночь с мягким мерцанием опустилась на нас. Ветер зашумел в скалах, убаюкивая.

28 июля. Наши надежды не оправдались: носки не только не высохли, но и покрылись льдом. Приходится терпеливо отогревать их в

спальном мешке на собственном животе. Наконец вышли. Солнце уже предательски вылезло на ледник.

Оказалось, что гребень, столь мирный с юга, на север обрывается стеной. Прошли порядочно вверх, а спуска все нет. Решили спускаться на крючьях. До половины спустились и удачно выдернули веревку.

Второй крюк — и спуск на крутой снежник. Он оказался ледяным; и крюк со звоном вошел в лед. Веревку заело, но потрудившись, выдернули ее и на этот раз. Вот чертов гребень, задержались часа на два!

Наконец ровный, хотя и с трещинами ледник. Зашагали быстро.

Второй гребень. У его конуса перевалили совсем легко и двинулись к перевалу Елдаш — Тамынген. Солнце жаром и тяжелой одурью ударило в голову. Идти сразу стало тяжело. Снег начал рыхлиться и проваливаться. По существу недлинный ледниковый цирк кажется бесконечным. Чтобы увлажнить рот, частенько хватаем снег.

Небольшая передышка и подъем к перевалу. Ноги проваливаются по колено. Бергшрунд переходим по хлипкому мостику с большими шансами на падение.

Выемка перевала. Нашли воду и пьем до похолодения в желудке. Здесь взяли несколько образцов пигматита с турмалином.

Быстро сбегает по крутому снежнику, обходим бергшрунд и идем уже по Тамынгенскому леднику. Вот поворот на север. Открылись Оловянная стена и окрестные знакомые вершины. Ледник покрыт свежим снегом. Мы чувствуем себя уже дома.

Еще крутой спуск, трещинка, пористый, разъеденный солнцем ледник. Вот и последний подъемчик на береговую морену (в который раз!), палатки, лагерь. Ребята заняты своими делами, нас не замечают. Тихонько подходим к ним.

Живейший обмен впечатлениями. Узнаю последние новости: Мишук и Ленц в Исфаре. Виталий отправился в среднеазиатский поход.

Виктор последует за ним. Здесь остаемся я, Птенец, вернувшийся из больницы Андрей и Валя. А работы еще очень много...

Ходил в юрту. Завтра на Стену идут рабочие бурить и закладывать амонит. Нужна наша помощь.

Сплю в сухом и поэтому особенно приятном мешке.

31 июля. Будильник зазвенел, когда было абсолютно темно. Подъем отложили до рассвета и вышли вместе с рабочими и носильщиками.

Утро ясное.

Носильщики убежали вперед. Рабочие и забойщики, идущие на Стену впервые, отстают и часто присаживаются. Мы идем впереди, но так, чтобы не терять всех из вида.

У перевала нас осветило солнышко. Поджидаем рабочих. Их уже осталось трое. Один не выдержал, вернулся с первого подъема. На перевал влезли медленно, но удачно. Наверху отдых.

Мы опять идем впереди. Солнце начало подогреть, идти стало труднее. На втором подъеме сидят киргизы и пытаются спуститься по одному. Посмотрел: ступеньки плохие, люди спускаются чуть не сидя. Приостановил их спуск. Иду расширять и дополнять ступени. Работы хватило надолго.

Забойщики повязали глаза платками и двинулись. Помогаю им. К лагерю подниматься тяжело и жарко. Рабочие сильно отстали.

Гребень стал неузнаваем: по всей южной стороне вытаяли скалы и осыпь. Длинной улицей растянулись палатки обитателей лагеря.

С группой рабочих спускаюсь к жиле. Птенец и Андрей работают, прокладывая трону снизу. Спешу им на помощь. Ступени редковаты. Идти будет трудно. Одной веревки маловато, нужна параллельная. Навесили горизонтальную веревку, укрепив ее на скальном и ледяном крюке, и еще четыре вертикальные, поддерживающие первую.

Идут лавины. Две из них прошли по нашей тропе. Особенно

неприятной оказалась последняя. Она образовалась от падения карниза, видимо, от вершины, и большими кусками неожиданно налетела на нас. Птенец закричал сверху. Но уже в следующий момент большая снежная глыба ударила меня в грудь. Удар был силен, но я удержался... Остальные не пострадали.

После этого случая рабочие, кроме Коханчука и Гордеева, быстро удалились, жалуясь, что «голова кружится». Андрей с Птенцом ушли перекусить.

Забили две бурки, и Коханчук вложил в одну 200, в другую 800 граммов амонала.

Взрывы получились эффектные. Сверху хорошо было видно, как полетели куски льда и, к нашему ужасу, вместе с ним и веревка, которую забыли убрать... Спустились осмотреть место взрыва. Взлетела большая порция льда, его выворочено порядочно, а веревка, к удивлению, совершенно цела.

Я поднимаюсь последним, подрубливая ступени. Пошел снежок. Рублю без остановки, но работы много и вылезти наверх быстро не удастся. Наконец, весь мокрый, вылез и спустился к ребятам. Быстро подкрепился и скорее в мешок, ибо солнце уже зашло и стало прохладно.

Ребята завтра уходят на Зеравшан, а оттуда Раминским ледником в Тамынтен. Вернутся, вероятно, не раньше 2 августа, к вечеру.

1 августа. Утро опять ясное. Спалось неплохо. Встали, когда уже взошло солнце и стало довольно тепло (конечно, пока нет ветра).

Напились чаю.

Рабочие пошли на Стену. Ушли Андрей и Птенец, солидно груженные. Пришли четыре носильщика-киргиза.

Выхожу на подрубку ступеней. Забойщики работают на жиле, пробивая бурки. Едва успел прорубить ступени, забойщики уже кончили, поднимаются вверх.

Забойщик Файзула Мурзабаев

Рисунок Е. Абалакова

Коханчук приступает к работе: закладывает патроны. Резкий свисток. Быстро лезем вверх и прячемся за камень. Коханчук несколько позже торопливо укрывается за выступ скалы. Трескучий взрыв потрясает камень. Стелется пороховой дым.

Семь взрывов дали в этот день.

Возвращаемая с Коханчуком (крупный рыжеватый парень, молчаливый, скромный и вдумчивый, хороший подрывник). Холодный ветер дует по гребешку, раздувая палатки.

Пообедали и улеглись.

3 августа. Носильщики принесли буры и амонал. Ходят теперь аккуратно каждый день, но осталось их только трое, самых крепких: Саты-Валды, Ашур и еще один. Принесли записки. Есть и от Виталия. Ему удалось устроить Валю на Кара-су. Туда же явится и Мишка. Посему Валя

отправляется вниз.

Остаюсь я один. Опять прорубаю ступени. За ночь они сильно заплывают льдом, засыпаются ледяшками и фирном.

Геолог Александр Тимофеевич Троянов

Рисунок Е. Абалакова

Носильщик Ашур. Рисунок Е. Абалакова

Начинают обрисовываться печи*, но в начале довольно бесформенными углублениями. Всего их три, расположены по горизонтали у подножья пегматитовой жилы.

Крутым обрывом на 700-800 метров вниз уходит Стена. Стаканы бурятся треугольником, причем после взрыва, на следующий день рабочие бурят в промежутках. Длина печи должна быть пять метров, ширина метр, высота полтора метра. Эти размеры наводят жуть, ибо мы видим, как медленно подрывается порода и как далек еще желанный момент генерального взрыва.

Забойщики, растянувшись на большом расстоянии, медленно поднимаются по веревке на гребень, в лагерь.

Подрывник Андрей Сергеевич Коханчук

Рисунок Е. Абалакова

* Печи – горные выработки.

Вечером долго беседуем с Коханчуком о Памире. Он был в прошлом году на строительстве дороги Хорог—Ванч.

Уже два вечера рисую панораму на юг. Акварель плохо сохнет.

Ночью сыплет снежная крупа. Я встревожился, вылезал из палатки, собирал впотьмах раскиданное снаряжение. Спал плохо. Беспокоился, что погода может испортиться, а это сейчас же отразится на разработках.

4 августа. Утро облачное. На юге угрожающе сгущаются тучи.

На Стене набралось очень много отработанных буров и нет возможности переправить их вниз.

Решили спускать буры прямо по Стене, тщательно осмотрев северный склон. Перевязали их веревкой и пачками потащили к краю. Троянов залез на скалы наблюдателем.

Я бросил сначала один бур. Он пролетел немного и воткнулся в обледенелый склон. Решив, что пачка пролетит лучше, пустили короткие буры. Они, попрыгав по склону, быстро (развязались, веером разметались в стороны и вскоре все дружно застряли в снегу. Решили произвести последний опыт: с Коханчуком спустили связку длинных буров. Но и их постигла та же участь. Последние связки пришлось оставить для носильщиков.

Настроение плохое. Учитывая надвигающиеся тучи и возможный снегопад, который несомненно похоронит буры или надолго задержит их поиски, я решаюсь спуститься по Стене и по возможности собрать, что смогу. Все же жалко: двадцать буров полегло внизу. Кризис, нечего заправлять, возможен простой.

Собрав все свободные веревки, связал их и получил метров 80. Привязался. Указал Троянову и Коханчуку как держать веревку и начал спуск. Склон крут, не менее 50. Чуть не дотянул до первого застрявшего бура — веревка кончилась.

Начались трудности с транспортировкой буров. Заложить за лямки

пару буров уже трудно (особенно длинных): только повернешься боком к склону, как бур сейчас же упрется в склон и сталкивает и так весьма неустойчиво держащуюся фигуру.

Буров довольно много и все не утащишь. Я решил постепенно сбрасывать их вниз. Но эффект получился слабый: бур, в лучшем случае, попрыгав, опять втыкался в лед. В худшем — щучкой нырял в снег и исчезал. Поиски его не всегда приводили к желательному результату.

Так гоняясь за прыгающими бурами, в конце концов, спустился до бергшрунда, собрав пять штук (шестой бур улетел вниз, где его и обнаружил воткнутом в снег). Бергшрунд действительно широкий, но до десяти метров (как утверждала Валя), конечно, не доходит. Сверху иногда со свистом пролетают камни, но, к счастью, стороной.

С шестью бурами пришел в кибитку. Начальников нет. Пошел на старое пепелище, вниз, в свой лагерь. Пусто. Уже нет ни одной палатки. На их месте из-под камней ползут желтые стебли травы. Решил спуститься в Тамынген.

Изрытым и грязным стал ледник. Взбухла и вздыбилась речка, подмывает и переплескивает жалкий мостик, готовый рухнуть в пучину грязных брызжущих и ревущих волн. Вот и арчевый лесок. Сколько запахов цветов, сколько ласкающей зелени! Лужайка перед землянками кажется земным раем и нет желания даже оборачиваться на Оловянную стену с застрявшими на ней бурами.

Из землянки раздаются звуки патефона — приятный молодой голос поет что-то хорошее. Захожу внутрь. За обширным столом сидит вся многочисленная компания. Обедают. Увидев меня, у всех делаются круглые глаза. «Ты откуда? Что случилось?» Кратко рассказываю все.

5 августа. Спали часа четыре. Чуть забрезжил рассвет — вышли с Андреем на Стену. Наша задача: обследовать уже виденные с северного склона скалы и окончательно решить, могут ли по ним пройти носильщики

с грузом.

От бергшрунда почти сразу пошли довольно крутые и исключительно сыпучие скалы. Редкому камню можно довериться. Связались. Идем по границе скал и снежника. Неожиданно сверху со свистом пронеслось несколько камней, едва не задев Андрея.

С большой аккуратностью долезли до конца скал и, надев кошки, перешли на ледяной склон (около 50°). Андрей идет медленно и неуверенно, жалуясь, что ему выворачивает ноги. Я забиваю крючья и, видимо основательно, ибо Андрею долго приходится их выбивать.

Сверху угрожающе нависает карниз. Капли воды, блестя, слетают с его края. Придерживаясь небольшой, гряды скалистых выходов, наконец выбираемся на гребень перевала. Увидели поднимающихся от лагеря к последнему подъему носильщиков. Ого! Порядочно же мы влезли!..

Подкрепившись немного, идем прорубать ступени. Я решил, не откладывая, приступить к прорубке горизонтальной дорожки для будущей лебедки, прямо по Стене на нижние скалы (влево от жилы). Однако много прорубить не удалось, ибо сверху Андрей все время сыпал ледяшки и камни.

После взрывов поднялся наверх, встретив на половине пути Андрея. Он прорубил совсем мало, говорит, что все пропускал забойщиков. Рубили до вечера. Андрей поднялся весь мокрый.

В большой палатке Троянов и Гордеев играют в шашки.

Спим с Андреем в одном мешке. Он как завалился на один бок, так и проспал на нем. Видимо, крепко устал.

6 августа. Утром с гребня раздаются крики: оказывается ступени сгладились, и один забойщик, поскользнувшись, упал. Приходится спешно подниматься и спасать положение.

Действительно, последние ступени сильно испорчены. Пострадавшему, видимо, надоело лежать в ожидании помощи и он сам

благополучно сошел вниз. Наскоро прорубив ступени, поднимаюсь вверх. На площадке повстречал Андрея. Он даже обиделся, что я пожалел его и не разбудил.

Пришел Птенчик, с ним пять забойщиков и носильщики. Начальство не явилось.

Вскоре к нам поднялся Троянов и объявил, что если сегодня не спустим буры, завтра будет простой. Кричу Андрею, чтобы вылезал вверх и захватывал все веревки. Сам начинаю прорубать тропу влево.

С веревками спустился Птенец, и мы, переждав взрыв, приступили к организации спуска. Основательно забив крюк, продели через карабин веревку и к ее концу прочно привязали буры, упакованные в брезентовые штаны Коханчука. Сложность операции заключалась в том, что буры пришлось спускать не от крюка, а от скалистого выступа под жилой. Посему спуск начали на дополнительной веревке, сдавая ее через скалу.

Мне пришлось почти сразу же спускаться к неподатливо, рывками идущему грузу, причем я при первом рывке чуть не «сыграл» вниз. Все же удержался, отделавшись лишь ожогом руки. Дальше пошли лучше. Надев рукавицы и придерживаясь легонько за веревку, ледорубом подталкиваю застревающий груз. Спустился еще немного. Криков Птенчика уже не разобрать, понять друг друга трудно.

Несколько раз задержки были продолжительными, видимо, проталкивались узлы. Один раз заело Птенчикову рукавицу. В другой — крепко застопорило. Птенец сверху крестообразно разводит руками. Увы, веревка вся! До скал не хватало много, метров полтора ста.

Ко мне опускается Андрей. Обсудили положение. Решили, взяв с собой возможное количество буров (по три), пойти вниз.

Так, с охранением на ледорубе, под стоны Андрея (ибо буры больно нажимают ему на еще болезненные после падения места) спустились до скал.

Начало темнеть. Я тороплю Андрея. Пройдя траверсом влево, сверху скал, быстро пошли на спуск. Уже в темноте спустились по более пологому снежно-ледяному склону и, обойдя по мостику бергшруд, довольно скоро добрались до юрты. Устали.

В юрте Володя Миляев угостил хорошим ужином. Веревки, конечно, здесь не оказалось.

Спим в юрте на кошмах.

7 августа. Утро хорошее.

Решили расплести трос и на нем дотранспортировать буры. Пока кузнец с помощниками расплели два куска по 70-80 метров, прошло много времени.

С нами пошел Володя. Скалы оказались легко проходимы, и мы быстро добрались до последних камней. Отсюда пошли на кошках. Володя не привык к ним и идет плохо. Град камней сыплется с верхних скал. Прячемся за выступ.

Я с Андреем поднимаемся к бурам. Володя остается на скалах наблюдателем. Началась возня с тросом. По ошибке распустили сразу целый моток, и я намаялся, распутывая сразу же закрутившуюся проволоку. Распутав ее, начал через вбитый крюк продолжать спуск груза, но увлекшись сдачей троса, не заметил, как лопнувшая проволочка устроила гармошку у крюка. Трос заело и о дальнейшем спуске не могло быть и речи.

Пришлось перевязывать груз на другой конец, который нужно было предварительно распутать. Когда перевязали и отрезали, нагруженный трос, ослабнув, смотался кольцами. Опять потребовался целый час на распутывание. В конце концов, аккуратно сдавая, спустили на весь трос. Но увы, и этого троса не хватало до скал!

Тогда решили надвязать охранную веревку. Груз снова двинулся вниз, и вдруг мы увидели, что новая веревка оказалась каким-то

непонятным образом отделена от основной... Я инстинктивно зажал веревку в руке и содрал себе кожу на пальцах. В следующую секунду от рывка сорвался вниз. Сдернуло и Андрея. К счастью, буры засели в снегу и нам удалось задержаться.

Связав веревки, опустили буры и... веревки опять не хватило. В конце концов пришлось спускать их на куске веревки, сдвывая через вбитый бур и ледоруб. Наконец скалы! Солнце близко к горизонту. Берем еще восемь буров и быстро спускаемся вниз.

В юрте почти все забойщики. Сошли вниз из-за отсутствия буров. Начальство не явилось и сегодня: выше Тамынгена сорвало мосты.

8 августа. Я с Андреем и тремя носильщиками идем за бурами. Топографы попросили Володю Миляева всучить рабочим рейки, чтобы они поставили их на скалах. Но Володя в последний момент забыл это сделать. Топографы, не зная этого (когда мы уже были на скалах), выразительно начали жестикулировать с ледника и были немало раздосадованы, когда убедились, что все их старания пропали даром.

У нас опять ушло порядочно времени на распутывание троса для укрепления одного снежного участка. Однако, несмотря на легкую и оборудованную дорогу, один носильщик через снежник идти отказался. Пришлось двоим забрать все 24 бура.

Я слазил за верхний выступ и оттуда достал еще 11 буров. Осторожно и не без труда спустил их до Андрея. Здесь груз распределили и снесли к оробевшему носильщику. По скалам спустились очень быстро: на скалах носильщики полубоги, зато на снегу хуже черепах.

Ашур, поскользнувшись, эффектно съехал по снежнику и, как на салазках, выехал на осыпь. Поднявшись, с изумлением осмотрелся кругом и остался доволен уже тем, что штаны целы. Саты-Валды решил показать высокий класс, попытался, как мы, скатиться на ногах и чуть не «сыграл» через голову.

В юрте уже было все начальство. Из новых прибыл исключительно щупленький человек (из Воронова таких десятков бы вышел). Это уполномоченный Наркомтяжпрома по Таджикистану. Оба быстро свалились, почти ничего не ели, только «Тяжпром» попросил сварить ему рисового отвара, ибо ничего иного он в настоящее время не принимал.

Зато мы с наслаждением поели хорошо приготовленный для начальства обед (взамен уступив начальству свои полушубки и прочее утепление).

Сармин чувствует себя неважно (но отнюдь не от пройденного пути) и всячески старается предупредить критические высказывания рабочих по сути дела. Чтобы как-то показать сбою деловитость, набрасывается на Коханчука, жестикулируя буром, начинает доказывать, что бур еще вполне пригоден для работы. Мнения разделились, но все чувствовали себя неловко.

Долго и молча пили чай.

10 августа. С рассветом иду на Черную гору.

На подъеме трещины еще легко проходимы. Обогнал раменских носильщиков. У подъема к лагерю оставил рюкзак, предварительно вытащив из него и распределив по карманам, чтобы не спутать, послания к Воронову, накладные Сармину и пр.

Начальство уже встало, сидит в палатке и развлекается чайком. Солнце только начинает освещать вершины.

Долго читали письма и писали ответы, наконец двинулись в путь.

Пришлось обходом забежать за рюкзаком, и на леднике я догнал плетущуюся тройку. Едва-едва передвигая ногами, пересекли ледник.

Над перевалом оказались трещины. Связались. «У меня конь здоровый», — шутит «Тяжпром», указывая на Воронова. На подъеме пошли совсем нога за ногу. Через десять — пятнадцать шагов отдых, ибо у обоих «сердце заходится...».

Падающие с верхних скал камни произвели на моих спутников удручающее впечатление. На неважных местах, а таких немного, ибо носильщики исключительно хорошо проторили тропу, охраняю всех начальников по очереди.

Еще немного и перевал. Вниз пошло скорее, да и я тяну довольно крепко.

На ледопаде при виде глубоких разинувших пасти трещин начальство совсем присмирело. Робко переставляют ноги. Подавленные впечатлениями, еле выбрались на ровное место.

Здесь уже я потянул их покрепче. Когда пришли, Воронов высказался, что, мол, по ровному участку я, кажется, тянул их слишком резво.

Прием в лагере исключительный. После показа образцов — чай и закуска. Воронов обязательно пожелал добраться сегодня же до нижнего лагеря. Начались уговоры и перечисления всех ужасов дороги в нижний лагерь. Уговорили, намекнув об обеде, изготовленном специально для них. Остались.

Много разговоров о работе: говорит больше Воронов и в несколько шутовском тоне. Сармин упорно отмалчивается.

Николай Михайлович молодец, прямо заявил, что их жила не имеет промышленного значения и что он немедленно кончает работу на ней.

Воронов внимательно посмотрел на него, по плану одобрил.

Наобедались так, что шевелиться стало трудно. Вечером начальство от ужина отказалось. А я в уютной палатке Николая Михайловича долго пью чай и веду разговор.

11 августа. С рассветом идем вверх с Сарминым и двумя носильщиками («свита» Сармина, несущая его вещи). Чуть облачно и тепло. Взяли хороший ход. У ледопада Сармин запросил пощады.

Выше ледопада распрощались. В назидание Сармин сказал:

— Вы там нажимайте!..

Я улыбнулся.

Андрея еще не видно. Спуск пришлось прорубать. Лестница едва держится. Спускаться жутко.

Облака полезли гуще. Хорошим шагом подошел к лагерю. В большой палатке бурное производственное совещание. Сегодня простой: нет буров. Все забойщики идут вниз. Отправлено послание с требованием поднять на Стену кузницу — это единственный выход из тяжелого положения. Гордей ушел ругаться с Сарминым.

Пришли пять носильщиков с амонитом и письмом в решительном тоне от Миляева.

Я ухажу прорубать ступени, прочищать траншеи. В усердии порвал ледорубом штаны.

Пошел снег. Все кругом заволокло снежным туманом. Вечером спим на богато разостланных полушубках в большой палатке.

13 августа. Птенчик с усердием рубит с утра. Носильщики что-то очень долго не появляются. Утро ветреное. Кругом все в густой желтоватой дымке.

К двенадцати часам подошли четыре забойщика, носильщики и... кузнец. Вот это хорошо.

Принесли письма. Но лучше бы их, не было. Краткое и бестолковое сообщение о том, что с ребра Дых-тау при осмотре пути сорвался московский художник, мастер-альпинист Александр Малейнов*. Труп был найден вечером у подножья.

Погиб Шурка?!! Глаза застилает, а рука невольно сжимается в кулак. Шурка!..

Тут же целая пачка соболезнований Андрею.

Пришел Птенец. Молча передаю письмо с горестным известием.

* Брат Андрея Малейнова.

Решили написать Андрею на Рама, чтобы он шел в юрту, ни о чем пока не сообщая.

Вторую записку адресовали ему же в юрту. В ней робко написали, что если он захочет, пусть не раздумывая едет в Москву... (Не умею я эти штуки писать...).

В Тамынген он, видимо, спустится 16 августа. Написали Миляеву, просили встретить Андрея теплее. Наверное, там тоже будут письма...

Опять погибла прекрасная молодая жизнь! Тяжело и дико... И наверняка, почти наверняка, по ошибке, по глупости окружающих.

Есть послание от топографа Константина Дмитриевича, просит поставить вехи на вершине Стены. Уже поздно, да и охоты после тяжелого известия нет никакой. Однако и сидеть невозможно...

Взял ледоруб и пошел рубить ступени. Рубил долго и иступленно. Руки намозолил так, что плохо гнутся. Уже совсем темно. Птенец кричит: «Кончай». Кончил. Вырубил около 90 ступеней.

Долго сидим у костра, ожидая запоздавший ужин (он же и обед).

Эх, Шурка!..

14 августа. Ветреное утро. Хмарь немного разошлась. Довольно рано пришли четверо забойщиков во главе с Гордеевым. Кузнец заправляет буры в новой кузнице.

Птенец рано ушел рубить ступени, просил через три часа его сменить.

После обеда иду сменять Птенца. На этот раз он прорубил действительно хорошо ступеней 75. Увидев меня, ни слова не говоря, пошел обедать. Вскоре показались забойщики. Быстро рублю, чтобы они могли пройти. Прорубил сильно оползшую тропу.

Оказалось, что ступени, вырубленные еще сегодня Птенцом, зверски заплыли. Прорубаю их, а затем уже свои. Кроме того, спустился к нижней траншее, вырубил и ее.

Управился лишь к заходу солнца. Коханчук взрывает уже в сумерках.

16 августа. С рассветом отправляюсь ко второму перевалу. Носильщики говорят, что там спускаться стало почти невозможно.

Хорошее тихое утро.

Действительно, лестница оказалась сползшей и добираться до нее непросто. Вырубил солидную траншею со ступенями и с подошедшими носильщиками подтянул лестницу.

Солнце уже осветило половину вершин, когда я двинулся к лагерю.

Шел в хорошем темпе. По пути внимательно осматривал южное плечо Ужбишки — явилась мысль взобраться и обследовать ее. Гребень и крутой выход на вершину вполне приемлемы и во всяком случае неизмеримо легче и приятнее восточного гребня. Впрочем, и по восточному подъему возможен, но с риском, ибо склон ледяной и не менее 50-55°.

В лагере немало удивились, когда узнали, что я уже успел поработать на втором перевале. Пришел забойщик и сильно вымотавшийся Трухманов. В лагере с появлением этого веселого парня сразу стало как-то оживленнее. Явилась первая смена. Гордей объявил, что Птенец отводил воду и ступени поэтому не прорублены. Просил опять меня на подмогу.

Обучаю узлам и «прусику» новеньких рабочих. Лезут до крайности робко, в коленках дрожание. Прорубил 270 ступеней и вычислил всю трассу. Провозился до глубокой ночи. Вернулся в лагерь. Коханчук подрывает при лунном освещении.

Намечаем с Птенчиком подъем на Ужбишку.

18 августа. Ветренное утро, и выход на Ужбишку не состоялся. Пришел Саты-Валды. Писем нет. Говорит, что внизу в кибитке почти пусто. Сармин «рассортировал» всех: один из топографов на Черной горе, Миляев должен отправляться на Джау-кая (чему он очень рад). Сам

Сармин спустился на Каравший, видимо, встречать Воронова. В Тамынген прибыл профессор Григорьев.

После ухода второй смены опускаюсь вместе с Константином Дмитриевичем и Птенцом к жиле. Константин Дмитриевич лезет с прибаутками, но очень робко. Я прорубил ступени к первому левому выходу, однако в последний момент топограф раздумал и полез на правый выход, судорожно перебирая кошками. Мы с Птенцом продолжаем рубить дальше. Прорубили до конца, затем вырубил тропу и спустились в забой. Печи выглядят уже солидно, метра по два. Забойщики, скрючившись целиком, сидят в них. Глухо разносятся удары кувалды.

С верхнего выступа топограф спихнул здоровенный камень и тот, с грохотом стукнувшись о край жилы, перескочил тропу. Удачно! Птенец привел Константина Дмитриевича в забой. С опаской и удивлением осматривает топограф печи.

Когда ушли рабочие, Коханчук приступил к взрывам. Ребята нарочно задержали топографа, упрятав его за выступ в «чайхане». Коханчук перебегает от одной печки к другой, поджигает шнуры и затем уже быстро переходит к нам. «Ну и герой»,— удивляется Константин Дмитриевич.

Из третьей печи, как из кратера вулкана, вырывается столб черного дыме, камней, осколков, летящих далеко вперед. Резкий подземный гул сопровождает взрыв. И почти подряд еще три взрыва. Затем, несколько слабее, гремит вторая печь. И, наконец, первая печь, наиболее близкая к нам. Эта рвет небывало мощно, с подземными толчками и гулом.

Константин Дмитриевич испуган, взволнован и... доволен. Замерзли. Быстро идем вверх. Топограф лезет медленно, но боязнь, что я могу уйти, подгоняет его.

Коханчук пришел, конечно, уже ночью. Чай готовим сами, дежурных забойщиков не дожدهшься. Ребята со смехом сочиняют для

стенгазеты заметку «Кто о чем мечтает».

21 августа. Теплое солнечное утро. Облачка, правда, все же лезут. Забойщики под руководством Абдулы наконец-то расширили свою палатку. Пришли носильщики. Писем нам опять нет. Есть записка от Сармина. Он просит меня прийти на Черную гору и помочь ему, инспектору по охране труда, инженеру и геологу подняться на Стену.

Пришлось спуститься к жиле за веревкой и с носильщиками и Гордеем идти вниз. Взял с собой еще и спальный мешок.

Облачно. Идти не жарко. Носильщики отстали. Под первым перевалом простился с Гордеем и пошел вправо на Черную гору.

Начальство, видимо, обрадовано моим приходом и встретило меня крайне радушно. Усадили и начали расспрашивать. Я сильно огорошил их, объявив, что печи пройдены лишь на 2,5 метра.

Кончили поздно. На дворе метет.

22 августа. Встали, конечно, не рано. Погодка хмурая. Вершина Верблюда закрыта облаками. Горы по-зимнему побелели.

Сармин повел меня на то место, где он «чуть не отдал черту душу». Действительно, возможности к этому были большие, ибо камень не маленький и пролетел в результате взрыва с седьмой жилы до лагеря. Если бы Сармин не пригнулся, то лишился бы головы.

Спускаемся вниз. Снег оказался достаточно глубок. Инспектору с неподбитыми ботинками идти совсем плохо. От ледника Архара разошлись. Они пошли более легким путем по осыпи. Мой же маршрут проходил по леднику. Снег повалил хлопьями и вскоре скрыл моих спутников.

Перескакивая через трещины, вышел на знакомый спуск. С разбега перепрыгиваю последний сильно разросшийся бергшрунд, пересекаю ледник и поднимаюсь к юрте.

Последнее известие: Оденец нашел в Кара-су богатую жилу и ушел

с образцами в Исфару.

23 августа. Погода не блещет ясностью. Носильщики в раздумье: идти или нет? Я говорю: «Погода якши. Аида!».

Бегло перекусив, догнал носильщиков уже у подъема. Пришлось мне рубить, ибо скользко и легко можно окатиться в бергшруд. На подъеме аккуратно проходим трещины. Хорошо, что здесь еще кое-где видна старая тропа; выше ее уже совсем не видно. Провалился молодой раминский носильщик. Я подбежал и вытянул его. У перевала пришлось покружить, отыскивая безопасный подход. Подъем тоже занесен, пробиваю ногой до породы.

С перевала пошел один, не дожидаясь отдыхающих носильщиков. (Отсюда двое из них идут на ледник Рама и шесть на Стену). На втором участке проверил крепление веревки и старательно стал прорубать ступени в свежем снегу. Веревка вытаскивается из-под слоя снега с трудом. Внизу прокопал засыпанную траншею к лестнице. Вскоре опять набежал туман и повалил снег.

До лагеря дошел тяжело, запорошенный снегом. После ухода Андрея единственный оставшийся со мной Птенчик второй день лежит больной в шустере.

Снег идет до вечера. Лишь к ночи вызвездило.

25 августа. Ветер. Холодно.

Встал рано и пошел рубить. Прошел уже больше половины. Вверху показался Птенчик, почему-то с лыжами. Долго что-то кричал мне, затем ушел и вернулся, когда я почти кончил рубку. Иду прорубать тропу к печам.

Спустился Коханчук. Вылезаем наверх. Продуктов у нас нет никаких. Нет и хлеба. Птенец угрюмо кипятит на горне чай. Напившись чаю, ушла первая бригада.

Спускаемся в забой втроем — я, Константин Дмитриевич и Птенец.

Топограф замеряет, затягивает неснятый участок. Птенец делает съемку аппаратом, я — схему и зарисовку. Тащим вверх забитые буры: забойщики сами вытащить все буры не смогут. Вечером опять сплошной туман. Опасаемся лавин.

У Мурзабаевых печь уже 4,25 метра.

27 августа. С рассветом иду на второй перевал. Сделал хорошую пробежку по жесткому снегу до подъема к перевалу. Утро ясное, тихое.

Прорубаю сверху ступени. Немного не дорубил донизу, показались носильщики, обнимают, благодарят, суют краюшку хлеба. Пропустил носильщиков и окончательно дорубил нижнюю траншею. Краюшка хлеба очень пригодилась, не спеша смакую ее.

Пришел дядя Миша, говорит, траншеи и ступени замело, ни пройти, ни пролезть. Иду прорубать. Снегу действительно целые сугробы. Прорубил нижнюю половину и траншеи. Коханчук уже взывает. Вытаскиваем оставшиеся буры.

Уже в темноте пришли в лагерь Коханчук и Троянов. Рвало, говорят, сильно, до пятидесяти стаканов. У Мурзабаевых печь уже 4 метра 80 сантиметров.

Топограф вернулся в темноте.

28 августа. Хорошее ясное утро.

Забойщики ушли рано. Перед прощанием с Константином Дмитриевичем выпили чайку и решили сняться. Птенец долго мучает нас, приготавливая аппарат и выбирая место.

Пришли носильщики. Новостей никаких нет. Принесли зеленых яблок и груш, превратившихся в кашу (почему-то лежали под яблоками). Все же это целый праздник.

Сармин пишет, чтобы проходку печей делали до сланцев. Строчим ответное письмо и в нем категорически сообщаем, что 1 сентября спускаемся вниз, на Москву. Троянов пересылает заявление забойщиков о

том, что и они хотят первого числа спуститься вниз передохнуть. Тепло распрощавшись, ушел Константин Дмитриевич.

Чтобы форсировать проходку, тащут забойщикам четыре бура. Забойщики благодарны. На обратном пути делаю зарисовки юго-востока с куском обрывистой Стены. Замерз жутко.

Забойщики кончили и пошли наверх. Коханчук подрывает. Опять здорово рвало первую, и вторую печи, осколки долетают до юрты. Беру буры и поднимаюсь наверх.

29 августа. Рассвет. Ясно и тихо. Быстро собираемся в поход на Ужбишку. Рюкзак один. Я беру его и сбегаю по снежнику вниз.

Пересекли ледник к южному гребню Ужбишки. Уже близ подножья понял, что подниматься можно, не обходя далеко (как думали вначале), а прямо по первому снежнику (южнее вершины), выходящему к последнему предвершинному жандарму.

На кошках подниматься легко, склон — 37° , но постепенно становится круче. У первых скал нас нагнало солнце.

Обледенелые снежники стали совсем узенькими и крутыми, иду боком. Птенец все пытается идти передом, хотя это явно неудобно. Так на кошках дошли до самого подножья жандарма.

Уже виден далекий Памир.

По скалам идти тяжелей: они оказались круты и крайне сыпучи. Птенец взял у меня кошки и застрял с ними окончательно. Я пошел обходом. Нашел некрутой кулуарчик, но с крайне сыпучим дном. Кричу: «Подожди лезть. Камни!». Наконец кулуарчик пройден.

Впереди обнаружил хороший обход вершины жандарма. Страверсировав по снегу, с подружкой ступеней, вышли на основной гребень с обвалившимся карнизом и пошли над ним. До вершины теперь уже пустяки. На последней снежной площадке оставили кошки и ледорубы.

Обойдя первую стенку, вышли на скалы, тоже сильно разрушенные, с массой уступов. Пошли зигзагами, чтобы не свалить на голову камень, предварительно связавшись веревкой. Веревка цепляется за выступы, и Птенцу приходится отцеплять ее.

Вышли на вершинный гребень как раз между двумя вершинами. На какую идти? Пошли вначале на западную, ибо она ближе. Легонький ветерок, но в общем тепло.

Быстро достаем альбомы, я принимаюсь зарисовывать Памирскую сторону, с хорошо видимым пиком Коммунизма, пока ее не затянуло облаками. Ну и хребтов! Это тебе не Кавказ... Океан хребтов, уходящих в бесконечную даль.

Птенец занялся зарисовкой острой восточной вершины, поднимающейся стеной. Я перехожу на съемку лед-вика Джау-пая.

Внизу шумит ветер, а у нас тихо. Закусив яблоками и сахаром, пошли на восточную вершину. На западной оставили небольшой тур, с кусочком яблока и хлеба.

Гребень, вначале довольно широкий и пологий, постепенно сужается в очень острый и крутой. Огромные сланцевые плиты с наклоном на юг торчат зубьями. Лезть стало сложно.

Вылезли на самый высокий уступ. Отсюда виден наш лагерь. Кричим и машем штурмовкой. Однако в лагере тихо: нас не слышат и не видят. На широком белом поле ледника черными точками видны носильщики. Кричим и им. Но и они тоже, видимо, не слышат и не видят нас.

Подкрепились мясными консервами. Птенец написал записку. Я в это время дорисовываю западную вершину. Вложили записку в освободившуюся банку и плотно загнали ее в расщелину скалы. Рядом сложили тур. Ну, теперь и вниз можно...

Конечно-таки, забыли определить километраж северного, очень

крутого ледяного склона.

Пошли новым путем немножко левее подъема и очень удачно вышли к южному гребню. По гребню (в конце) тоже шли не по следам, а над карнизом. Потрескивает! Того и гляди съедет... Идем аккуратно и удачно добираемся до камней жандарма.

Порядочно спустились на юг и затем свернули на восток. Здесь уже пологий полуосыпной, полускалистый восточный склон. Развязались. Я таял веревку, Птенец — рюкзак и быстро с подбежкой и прыжками пошли вниз.

Вышли на снег. Птенец констатирует потерю каблука. Ну, теперь уже дома. Потаскились вверх по леднику. Сразу стало жарко. Вот и подъем к самому лагерю.

Оказалось, наши крики были слышны, но товарищи думали, что это перекликаются носильщики, и не потрудились вылезти посмотреть.

Вечером общее собрание. Зачитывается список ударников. Лучшими ударниками призваны: подрывник Коханчук, забойщики Мурзабаевы и двое альпинистов — Птенчик и я.

30 августа. Ясно, ветерок.

С утра иду прорубать ступени. Рубил до трех часов. Вырубил 145 ступеней. Устал порядочно и руку ледорубом набил.

Птенец в это время закончил переписку газеты. Пообедав, сменил Птенца и собрался оформлять заголовок газеты, но приступить никак не могу: руки трясутся.

От Сармина послание. Просит остаться до его прихода.

Вернулись забойщики, а позже, совсем к вечеру, Коханчук и Птенчик. Забойщики говорят, что во второй печи показалось что-то вроде сланцев. Радость великая!

31 августа. Сильный ветер.

Птенец рано ушел рубить. Я занялся портретами ударников.

Перерисовываю их в газету.

Показались носильщики. Когда подошли ближе, я увидел среди них Сармина и инженера.

Газету кончил. Это самая «высокая» в СССР стенгазета. Отвес ее пока в свою палатку. Иду помогать Птенцу. Он поднялся подкормиться (ослаб от голода и голова пошла кругом). Дорубываем ступени вдвоем. К вечеру кончили все и поднялись в лагерь.

Сармин и инженер узнав, что мы уже поднимались на Ужбишку, немало были удивлены: когда мы это успели?

Оформляем отзыв. Собираем имущество. Последняя ночь на Стене...

1 сентября. Встали с рассветом. Свернули снаряжение.

Я пошел с рюкзаком вниз в последний раз проложить путь. Птенец ликвидирует свои фотодела и подходит ко мне, когда я уже заканчиваю рубку. Еще работа: прорубаем и укрепляем путь на вторую жилу для Сармина.

Я начал спускаться по Стене первым. (Нужно вырубить и снять со Стены примерзшую веревку). Очень стесняет рюкзак: тяжел! Иду медленно. Сверху кто-то спустил град камней. Напоследок с трудом увернулся.

Спустился Птенец. Вбиваем крюк и выдерживаем еще две порции камней. По двойной веревке лезем до скал. Отсюда под невероятной тяжестью рюкзака и всех снятых нами веревок спускаемся к юрте.

К вечеру — в Тамынгене.

Через три дня гигантский взрыв потряс воздух и целые пегматитовые скалы в пыли лавин ринулись вниз.

Наша работа окончена.

1 9 3 6

Летом 1936 года на Тянь-Шань отправилась экспедиция ВЦСПС. Ее участниками были: Евгений и Виталий Абалаковы, Леонид Гутман, Михаил Дадюмов и Лоренц Саладин. Руководил экспедицией Е. Абалаков. Перед альпинистами была поставлена задача: силами небольшой экспедиции совершить восхождение на высочайшую вершину Тянь-Шаня — Хан-Тенгри.

К концу августа группа вышла на ледник Южный Инылчек и отсюда по западному гребню поднялась на вершину Хан-Тенгри (6995 м). Интересно отметить, что до 1963 г. ее вершина покорялась человеку всего пять раз.

О мужественном восхождении пяти отважных альпинистов на вершину «Властелина гор» рассказывается в дневнике Е. Абалакова.

*Хан-Тенгри**

2 июля. Ночь на 2 июля прошла в сборах. Быстро удалось достать машину и сдать в багаж наш немалый груз — 164 кг. Сами мы попали на вокзал за десять минут до отхода поезда.

Гудок паровоза, торопливые поцелуи, чудесный букет роз, возбужденные лица, обрывки фраз и возгласы. Поезд тронулся. Перрон с пестрой толпой провожающих медленно проплывает мимо нас. Шумная Москва остается позади.

Непривычный покой и ритмичное постукивание колес. Ленд Саладин, Леонид Гутман и я удовлетворенно переглянулись и с чувством пожали друг другу руки — едем!

6 июля. В Ташкент прибыли почти без опоздания. Высадившись, убедились, что вещей действительно уйма. Попытка отправить наши грузы малой скоростью прямо на Фрунзе не удалась. Сдали их на хранение.

Пошли посмотреть старый город и базар. Потом занялись билетами и достали их с немалым трудом. Погрузка в вагон далась нелегко, ибо на этот раз протекала без провожающих.

7 июля. Спали крайне мало; я почему-то разбудил ребят рано. В Мельникове приехали в 11.30. С трудом дозвонились в Исфару. Присылка за нами машины явно проблематична.

Вещи устроили на складе. В этот день уехать не удалось.

9 июля. Ровно в семь часов прибыла машина. Погрузились, поехали за вещами на склад и оттуда выбрались около десяти часов. Знакомая дорога. Чудесная видимость. Машина идет хорошо.

В Варух прибыли в первом часу. Нашлись знакомые с базы ТПЭ, полились нескончаемые разговоры.

* Публикуется впервые. Печатается с сокращениями.

Решив, что за верблюжьим караваном угнаться мы успеем, остались в Варухе обедать. Караван грузился по-восточному медлительно. Мы пообедали, поговорили и не спеша двинулись.

Нам предоставили трех верховых ишаков. Заехали по пути на базу ТПЭ. Место прекрасное — не база, а дом отдыха.

Догнали караван очень скоро: он расположился на ночлег в восьми километрах от Варуха...

Выработали план действий на завтра: моего ленивого ишака решили подбросить караванщикам, двух других навьючить рюкзаками и пешим ходом, подгоняя ишаков хворостинами, двинуться вперед, ибо караван завтра, конечно, не доберется ни до Кара-су, ни до Тамынгена.

Легли поодаль в новой палатке, вначале на мешках, потом в них. Высота 1300 метров. Спали хорошо.

10 июля. В 6.15 двинулись. Быстро обогнали караван, всучили караванщикам ленивого ишака и, подгоняя двух других, зашагали вперед.

Я и Ленц идем до Тамынгена, Леонид — до Кара-су. По плану должны через шесть дней, закончив работу, поменяться местами: мы перейдем в Кара-су, а Леонид — в Тамынген. Знакомая дорога кажется довольно легкой. Особых происшествий не произошло. В Джиптыке в 12 час. 15 мин. Отсюда разошлись.

От поворота на Тамынген путь пошел хуже. На крутом подъеме ишаков пришлось подпихивать: едва-едва плелись. Устроили им еще одну кормежку.

К 7.30 добрались до Тамынгена. Встретили нас очень радушно, хотя никаких сведений о нашем приходе не имели. Напоили, накормили чудесной жареной картошкой с мясом. Мы, конечно, все съели и довольны были необычайно.

Погода испортилась. Небо обложило тучами. Пошел дождь. Лагерь САВО выше. Завтра, вероятно, встретимся с Лукиным и другими

товарищами.

Ленцу дали сразу два спальных мешка (свой он оставил с караваном).

12 июля. Сходили с Ленцем на старое пепелище — наш прошлогодний лагерь. Нашли много нужных вещей: крючья (за некоторыми пришлось полазить), мазь для ботинок (крайне необходима, ибо наша ушла на Кара-су). Ленц хотел сфотографировать лазанье по скалам и забивку крючьев. Но веревки еще идут с караваном, и пришлось это дело отложить.

К вечеру прибыл геолог Троянов и с ним наши вещи. Подъем на стену третьего рудного участка решили перенести на завтра.

13 июля. Встали поздно, не спеша. Я начал вводить забытый режим — обтирание ледяной водой. Хорошо. Чувствую себя свежо и бодро.

В два часа вышли к Стене. Ледник настолько обтаял, что до самого цирка одна оплошная морена, и вообще в этом году снега осталось небывало малое количество. Камни сыпятся, но довольно вежливо.

В три часа полезли по обледенелому снежнику. Погода облачная, по скалам Стены еще иногда поблескивают лучи солнца, но и оно вот-вот зайдет за гребень Стены.

Скалы оказались не столь круты, как мы ожидали, очень ломки и с большим количеством уступов и зацепок. Лезем по гребню, местами острому и расщепленному иногда небольшими кулуарами. Крючьев набрали много, но применить их так и не пришлось. Долезли до верхнего края жилы, расходящейся здесь наиболее широко.

Ледяная стена всякого ледничка на склоне Ужбишки отсюда кажется весьма внушительной. Внизу есть свежие лавинные сбросы. Склон открыт. Посему большая просьба к сбросам подождать с перелетом на другое менее высокое место до нашего спуска. Правая часть дуги исчезает под крутым обледенелым снежником и затем, выйдя из него, убегает вверх

по склону.

Ледорубы остались у подножья скал. Ленц упорно доказывает, что на льду достаточно снега и можно обойтись без ледорубов. Но первые же два шага убедили его, что прорубить ступени молотком не удастся. А рубить нужно. Отступили до ледорубов и, отогнав от себя искушение спуститься вниз, опять полезли вверх. Я порядочно вспотел, вырубив немало ступеней, и страверсировал весь снежник.

К восьми часам были уже в лагере. Ленц сделал много снимков на Стене. Геолог вытащил из карманов небогатые образцы. Поужинали и спать.

15 июля. Солнышко, часто прячась в густых облаках, поднялось уже очень высоко, а ишаков все нет и нет. Мы давно собрались. Ленц решил пойти вперед, поснимать. Часто идет снежок. В юрте я один. Наконец подошел Саты-Валды со связкой дров и оповестил о прибытии ишаков. Навьючили их без проволочек и — вниз.

В Тамынгене узнали, что Лукин повел большую группу красноармейцев с пика Великанова на ледник Шуровского (каким точно путем — неизвестно). Ясно одно: срок уже прошел, а они еще не вернулись.

Читаем свежие газеты. От Миши Дадиомова — никаких известий. Завтра идем на Кара-су.

Погода скверная — и дождь, и крупа.

17 июля. Утро довольно ясное. Ленц ушел с рюкзаком на перевал Даван-сай.

Я три часа жду погонщика с ишаком. Послали за ним Саты-Валды. Через час Саты вернулся и сообщил, что погонщик с ишаком ушел совсем в другую сторону, в Мын-тэке. (А ведь еще утром присылал мальчишку узнать, пойдём ли на Кара-су!) Заручившись обещанием завтра же переслать наши вещи, пошел с рюкзаком к Ленцу на перевал.

На перевале покричал Ленцу, но безуспешно. Увидел следы его сандалий. Они вели вниз по другую сторону перевала. Пошел по ним и вскоре увидел Ленца, медленно поднимающегося вверх. Он успел излазить уже все окрестные вершинки, поранить палец и наснимать много чудесных панорам.

Начал падать снег. Крупинки больно били в лицо. Склоны быстро белели. Бесчисленными серпантинами и часто спрямляя, по глубокой осыпи, двинулись прямо вниз. Спустились в чудесный арчевый лес. Снег здесь сменился морозящим дождиком. Вымокли здорово.

На слиянии светлой речки Джау-пая с мощным потоком белесой Ак-су стоит кишлак Каравший. Ленц указывает на пятнышки кибиток. Радиостанция. Оказывается, в прошлом году они два дня жили у радиста и, видимо, неплохо, поэтому он не прочь заглянуть туда и сейчас. Я возражаю, ибо кибитки глубоко внизу и нам не по пути.

Нашли пустую кибитку. Закусили. Погода не улучшается. Карату совершенно закрыта.

Перевалили гребень, отделяющий Ак-су от Кара-су. В вечернем освещении гранитные стражи Кара-су необычайно красивы.

Опять начался дождик. В кишлачке-колхозе оказался кумыс, но мы решили не задерживаться: уже начинало темнеть. Вдруг голоса: «Да ведь это же Абалаков! Эй, друзья, заворачивайте сюда!» То были прошлогодние знакомые, рабочие. Киргизы смеются, глядя на наши трусики. Но кумысом угостили на славу.

Вчетвером в темноте, под дождем пришли на базу. Радужная встреча. Знакомые лица и хороший ужин.

Леонид немного поболел, но сейчас самочувствие у него хорошее. От Миши никаких вестей.

19 июля. Хотели было послать за вещами носильщика (есть такой сверхмощный Ашур, который за день берется перетащить все вещи), но

нас отговорили, убедив, что завтра ишаки с вещами будут обязательно.

Ходили на гребень. Подъем значительный, панорамы широчайшие.

Опять испортилась погода. Занесло Пирамидальный пик. Из черного он превратился в белый.

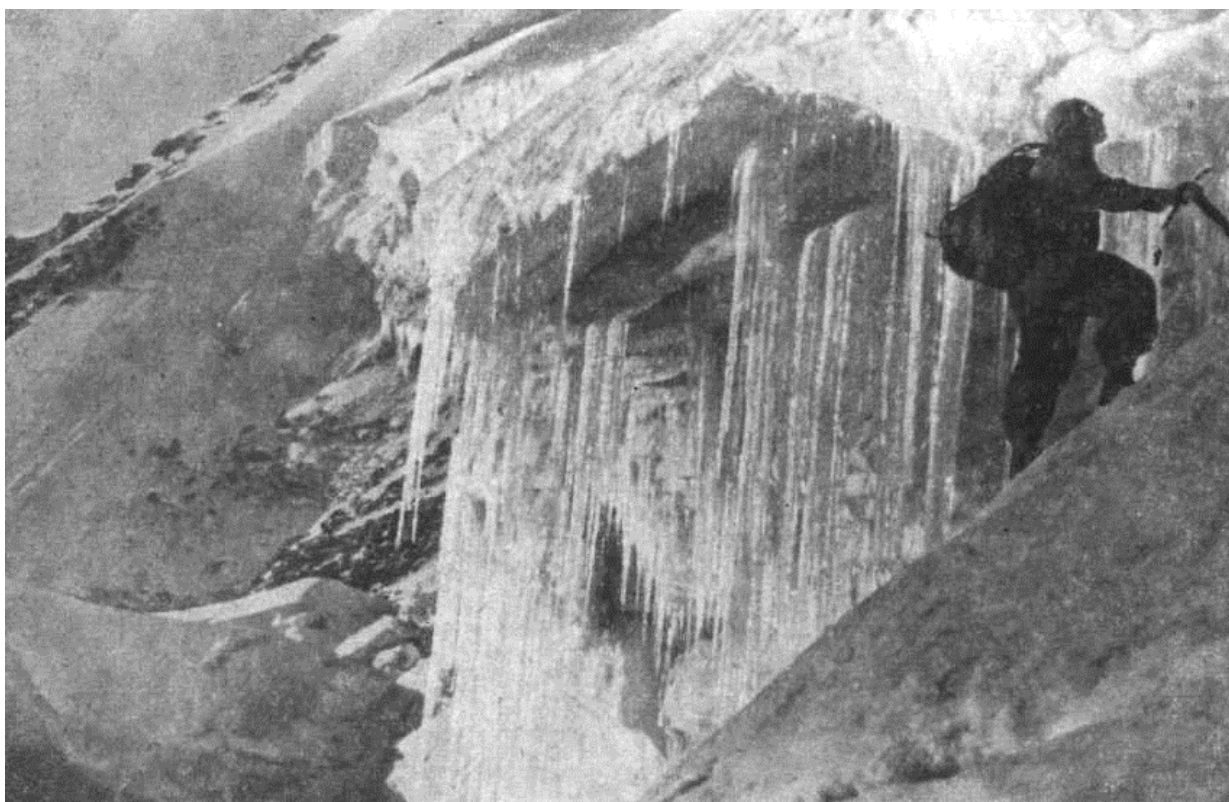
Гутман ушел в Тамынген, захватив с собою рюкзачок. Тяжеловато ему будет, ибо ноги он стер порядочно.

22 июля. Вышли после завтрака, да еще отдохнув изрядно. (Наши вещи пришли вчера).

Тропинка вьется левым берегом, по скоро выходит из арчевого леса и дальше идет над ледником. Справа нависают отвесные стены. Затем 'показывается крутой, во не широкий ледопад Ак-су.

На третьем участке задержались. Геологи начали разговор, видимо, надолго. Идем с Ленцем вперед. Вот уже и цирк. Но где же лагерь? Наконец обнаружили его: на моренном бугре пара палаток.

Долго возились с костром и чаем. К вечеру подошли и остальные.

Швейцарский антифашист, участник многочисленных альпинистских походов Лоренц Саладин

24 июля. В шесть утра вышли с Ленцем на северную стену. Особых трудностей не встретилось, хотя верхняя стенка оказалась довольно крутой. Идем все время на кошках. В 7.30 были уже на гребне.

Пошли к Пирамидальному. Ленц решил траверсировать вершину, вставшую на нашем пути. Я не возражал, хотя и не был с этим согласен. Попали в целый ряд кулуаров и гребней. К 12 часам Ленц уже настроился против подъема по северному гребню. Пытаемся с порядочными опасностями страверсировать крутой обледенелый склон к гряде скал. К двум часам мы на скалах. Скалы оснежены и сложны. Ясно, для подъема на вершину времени мало. Идем обратно, затем на соседнюю вершинку. Вдали виден пик Коммунизма.

Спускаемся к вечеру. Долго возимся с первой крутой стенкой, перелезаем два бергшрунда.

25 июля. После чая спустились к третьему участку. Здесь узнали печальную новость — заболел Гутман, лежит в Варухе, температура 40°. Сходили на базу. По радио узнали: Гутман в Исфаре в больнице.

Погода портится. После обеда вышли на Ак-су. Подъем крутой, но приятный. Сперва среди арчевого леса, затем по лугам.

Лагерь на ровной полянке у светлой речки. (Ленц едва не увел нас выше по леднику, мимо лагеря).

Варим ужин. Плотно поев, засыпаем в уже расставленной палатке на полушубках.

26 июля. Рассвет. Неприятно забарабанила снежная крупа по крыше палатки. Облака сели на вершины. Ничего не остается, как продолжать спать.

Прояснилось довольно поздно. Вышли в цирк ледника. До конца не дошли, ибо опять посыпал снег и закрыло всю грозную стену. Пробовали исследовать это Место, но безуспешно. Пришлось повернуть обратно.

Опять разорвало тучи. Принялись лазать и обследовать ближайшие

гранитные скалы. Ленц очень оживлен и старательно ловит на фото пленку эффектные кадры. Идет снег. Через полчаса мы начали спуск вниз.

В лагере благодущие. Получили радиограмму от Миши.

Спим на воздухе. Над нами — красивые облака с лунными просветами.

27 июля. Встали в шесть часов. Лагерь еще спит.

Ленц, несмотря на некоторый опыт относительно наших темпов, начинает терять терпение. Лошади не оказалось и ишака тоже. Решили взять носильщика. Увидев два рюкзака, тот поначалу отказался, но потом все же согласился, правда с уговором взять под груз одного ишака.

До ледового колхоза дотащили вещи с нашей помощью, а затем Султан (наш носильщик) привел нам погонщика с ишачихой и чудесным маленьким ишачонком. Пошли, сверх ожидания, очень быстро. Вскоре погонщик неожиданно взгромоздился поверх двух рюкзаков. Изумление Ленца не поддается описанию: «Эй, уртак, ишак помирать будет!» Но уртак лишь самодовольно улыбается.

Джиптык. Дальше уже знакомые места.

Тучи надвигаются с хребта. Вскоре пошел дождик и стало совсем прохладно. После поворота на восток встретили двух киргизов с Кара-су. Ишак было начал сдавать, но один из киргизов стал так нещадно колотить его палкой, что ишак побежал рысью. Однако у первого урючного сада он окончательно сдал. Даже падал два раза. Пришлось стать на отдых. Закусили молоком и хлебом. Когда двинулись дальше, погонщик вновь спокойно уселся поверх рюкзаков на ишака. Мы с Ленцем ушли вперед, чтобы не видеть этого.

Наконец, последние километры и последний, по счету шестой, дождь с вихрем, промочивший нас насквозь.

Приветствуем лагерь ТПЭ и спешим к себе, ибо уже семь часов, а машину мы вызывали на шесть. Однако какая наивность! Машины,

конечно, еще нет. Ее ждет с утра сам коммерческий директор, и все же ее нет. Возникли опасения за нашего бедного ишака. Не задержит ли он нас с отъездом? Не опередит ли его машина? Дождь разразился с новой силой. Это, видимо, освежило ишачиху, и она, семеня ножками, наконец появилась на базе. Чуть позже пришла и машина.

Большая удача: выйдя в девятом часу утра, мы в 11 часов вечера уже были в Исфаре. Опять знакомая комната на базе ТПЭ и койка вместо земли, подушка и простыни вместо спального мешка.

28 июля. Погода необычная. Едва мы принялись за мороженое, как по фанерной крыше ресторана оглушительно застучало и тотчас же градины, словно пули, защелкали по земле, деревьям, крышам, людям, животным. На улице паника. Наш ресторанчик разгромило нещадно. Полетели занавески, клеенки, запрыгали по полу «ядра», почти с куриное яйцо. Листья зеленым дождем полетели вместе с плодами. Ленц ахал и охал, сожалея, что не взял с собой кинаму, и щелкал с досады лейкой.

Разговаривали с геологом. Выяснилось, что нашей прошлогодней работой остались довольны. Вечером встретились с Леонидом.

3 августа. Мы уже во Фрунзе. На юге новый для нас Киргизский хребет.

Встречает Миша Дадиомов. От радости обнимаемся на ходу. Куча вопросов-расспросов.

Через 15 минут мы были в городе, в Доме декханина. Чисто, просторно.

Попытка уехать сегодня же в Каракол оказалась, конечно, наивной. Успели лишь сдать багаж. Отдыхаем.

4 августа. Аудиенция в республиканском Совнарком. Встретили нас очень радушно. У них побывала группа А.А. Летавета, и поэтому нас уже ждали.

Беготня по городу с забавными приключениями. Ожидание

автобуса на Пишпек.

Вечерком ужин в саду под дождем. Печально. Говорят, что нынче поливает необычайно часто, а в горах крутят бури и снежный покров исключительно толст и малопроходим.

Гутману стало лучше. Занялись хозяйственными покупками. Приобрели примус и казанок.

5 августа. К часу едва получили вещи и сдали их для отправки в Рыбачье.

Последний заход в Совнарком. Получили хорошую карту двухверстку и любезно распрощались.

В четыре часа выехали в Рыбачье. По пути довольно долго постояли на станции Ток-мак. Задержались и в Быстровке.

Буамское ущелье проехали в темноте и посему не имели оснований восторгаться его красотами.

Шоссе хорошее и приехали мы довольно быстро: без четверти одиннадцать уже были в Рыбачьем. Пустынно, ни одного деревца. Темнота и холодный ветер.

Заночевали в помещении для приезжающих «Киртранса».

6 августа. Утром узнали, что ночью ушел пароход. Досада великая! Ленцу не говорим, чтобы не расстраивался. (Однако, если бы даже сразу узнали о пароходе, то навряд ли уехали — нужно было предварительно переотправить багаж.)

До следующего парохода два дня. Сидеть и ждать невозможно. Решили ехать машиной. За десять минут оформили дела с багажом, поручив приемщику переотправить его. После полуторачасовых неполадок с машиной в 11 часов все же выехали.

От Рыбачьего до Каракола 235 километров. Длинной кажется дорога вдоль северного берега красивого темно-синего озера. Колхозы чисто украинского типа утопают в зелени садов. Кругом — поля, луга.

Начало темнеть. На склонах показались еловые леса. Тюб — большой колхоз — проехали уже в темноте. Отсюда, наконец, началось шоссе. Машина пошла быстрее, несмотря на то, что фары освещали дорогу слабо.

В Караколе — без четверти двенадцать. В Доме крестьянина, по уверению сторожа, мест нет. Расположились в общей для приезжающих комнате. Я и Миша предпочли устроиться на воле.

7 августа. Утром увидели во дворе знакомую фигуру Летавета. Радостная встреча с Августом Андреевичем и другими товарищами из его группы. Сидят здесь уже седьмой день. С лошадьми трудно. Они их покупают, что советуют сделать и нам. Узнали о всех важных лицах и учреждениях. На конном базаре узнали цену лошадям. Группа Летавета завтра собирается выехать на Каракольский пик.

Алма-атинская группа отправилась к Хан-Тенгри числа 25-го, минуя Каракол, прямо из Алма-Аты. Где они сейчас, сведений нет. Остался лишь след в газетах, но далеко уйти они не могли.

Вечером сидим за пловом и наблюдаем местные нравы.

10 августа. Сходили еще раз в «Киртранс», но вещи наши до сих пор не прибыли.

Пришел паренек-киргиз Карибай и на плохом русском языке сообщил о своем желании ехать с нами. Но когда узнал, что за это ему будут засчитываться трудодни (а не выплачиваться наличные деньги), отказался. Не помогли никакие обещания обучить его альпинистским премудростям. Однако парень оказался нам подходящим и мы попросили его зайти к нам еще раз. Навели справки — паренек оказался приемлемым, только, говорят, несколько ленив. Уговорили. Решили взять, чтобы не терять времени. Пусть закупает пока лошадей.

Погода стоит хорошая, хотя над хребтом хмурится.

13 августа. Явились новые караванщики Такта-сен и Израим. Если

первый молчалив, ибо по-русски почти совсем не говорит, то второй на редкость юркий и разговорчивый. Он побывал в киноэкопедии Шнейдерова, даже снимался. Был поваром в походе Елщанского. Единогласно решили взять его.

Достали письма Исполкома в более отдаленные колхозы и распределили закупочные функции между тремя караванщиками.

Израим не растерялся: взял себе два ближайших колхоза, а другие десять (отдаленных) поручил остальным. Эти уехали сразу, а Израим еще долго вился около нас, рассказывал о себе и заверял, что он-то все достанет, все сделает.

16 августа. Караванщики с лошадьми запоздали и явились лишь к вечеру. Они пригнали девять лошадей (вместо десяти). Болтунишка Израим ничего не сделал. Выяснилось, что он даже не был в колхозах, хотя уверял нас в обратном. Изобличив его во лжи, мы изгнали болтуна.

Обсудили положение и решили разделить на две группы.

Поздно вечером, наконец, приехал Летавет со своими чадами. Обгорели здорово, но на Каракольский пик так и не взошли. Пройдя ущелье прямо на юг от Каракола, группа Летавета уперлась в цирк, явно не имеющий прямого отношения к пику Каракольскому. Взошли на стену — по их уверениям большой трудности (типа Безингийской) и исключительной длины и лишь в конце примыкающей к пику.

Маршрут, увы, оказался труден и настолько длинен, что группа решила вернуться.

19 августа. В шесть часов состоялся выход первой группы. Виталий, прибывший накануне, и Миша остались ждать задержавшегося караванщика Николая с лошадью.

Над хребтами густо клубятся облака. Бодро шагаем по дороге, за нами девять лошадей и караванщики. Дорогой встретили знакомого лесонадсмотрщика. Рассказал нам много интересного, и за разговорами

незаметно дошли до Ак-су.

После Ак-су начало темнеть. Ленц не растерялся и вспрыгнул в первую проезжавшую бричку. К нему присоединился Гутман, а вскоре прыгнул и я. Начал накрапывать дождь. Едва успел вытащить куртку, пошел ливень. Тьма жуткая. Леонид сначала залез под мою куртку, потом под куртку Ленца и, наконец, под широкую шинель Карибая. Дождь, промочив нас до нитки, наконец стих.

Решили искать ночлег. Свернули влево, долго рыскали по арыкам и кибиткам. Наконец въехали в какие-то ворота и встали. Разгрузили вещи. Поставили палатку, оказавшуюся весьма просторной. Напились чаю и залегли.

Как-то наши «рубашечники» устроились? Ведь вещей при себе у них никаких нет.

20 августа. Утро опять очень хорошее. Поднялись не очень рано. Пока привели лошадей, времени прошло много. Лишь в девять часов навьючили их и в окружении киргизов вышли. От вчерашнего дождя осталась лишь легкая сырость. Карибай любезно предоставил мне свою лошадь. От Киргизташа, где мы ночевали, опять ровная дорога полями и скрывающимися в зелени поселками.

Справляемся по дороге, не проходили ли трое с вьючной лошадей? Отвечают: встречали километрах в четырех. Ребята здорово обогнали нас.

Еще вчера, после того как собрали все сведения, решили идти не Тургенем, а свернуть сразу от Бузчука (Новая Вознесенка) в горы и двумя небольшими перевалами по более удобной и короткой дороге выйти в голову Тургеня. Учитывая эти изменения, послали догонять ребят. Ленц опять удачно подсел на бричку и ускакал вперед.

После Новой Константиновки караван пошел совсем тихо. Тактасен отлучился, а когда догнал нас, в руках его мы увидели ружье. Правда, у ружья не оказалось затвора, но Тактасен успокоил, заявив, что затвор

достанет.

В Вознесеновке встретили Ленца и Карибая, а потом и остальных. Не задерживаясь, вышли дальше.

Остановились для закупки лошадей. Этим занялся Карибай.

Я сварил хорошее варенье из облепихи и барбариса. К вечеру открыли оживленный товарообмен с ближайшими юртами. Меняли всякую мелочь на молоко, кумыс, дрова. Сторговали барашка.

Карибая все нет, хотя уже стемнело. Тактасен уехал за новым ружьем и придет утром. Долго варили мясо на жиденьком костре.

Ночью явился Карибай, закупил три лошади, однако привести их можно только утром, ибо они не подкованы.

21 августа. Утро хорошее. С аппетитом поели мясного супа. Не спеша собрались и ждем Карибая. Тактасен привез новое ружье и тоже уехал за лошадьми. Итак, сегодня выходим в горы!

Одной лошади все же нет, мы ее должны взять на сыртах.

Дорога идет ущельем, густо заросшим еловым лесом. Ель не очень высокая, но пышная и иглы длиннее, чем у нашей, северной. Ближе к сыртам дорога стала очень камениста и довольно круто пошла вверх.

Я успел вдоволь полакомиться кислинкой, — ягодой с виду очень похожей на смородину, а по вкусу на кислицу. На сыртах опять задержались. Ленц старательно носится за типажем.

Караванщики пригнали целый табун лошадей. Бригадир выбрал нам одну пегую лошадь. Теперь у нас 13 лошадей: восемь под вьюками, остальные верховые.

От сыртов вскоре свернули влево. На юг веером уходят долинки, завершающиеся оснеженными вершинками. Преодолев крутой склон, заросший низким арчевником, мы уже думали, что перед нами перевал, но, поднявшись, и убедились, что до него еще далеко.

На юго-западе показался красивой формы снежный пик. Карибай

назвал его Тамет-бек-тер-баши, а перевал, на который мы вскоре поднялись, — Аши-тер (3300 метров).

С перевала дорога в основном спускается полого, но, несомненно, она длиннее, чем это указано на карте.

Опять еловый лес и широкая долина Тургень Ак-су. Долина очень красива. Внизу она окаймлена темной зеленью ельника, выше — луга и извивы гребней, а впереди крутой стеной вздымаются оснеженные пики.

Прошли немного вверх и у первой боковой речки встали на ночлег. Дров много. До ночи варим суп. Хотелось вскипятить и чаю, но помешал дождь. Залезли в палатки: мы пятеро в большую, караванщики в маленькую. Дождь разошелся и лил, вероятно, до полуночи.

22 августа. Утро холодное и не очень ясное. Кругом все заледенело.

Лошадей поблизости не оказалось. Нашли лишь одну, и на ней Тактасен отправился на поиски остальных. Отыскал их совсем в другой стороне, в лесу на склоне. Зато в долине Тактасен обнаружил группу Летавета.

Слегка закусили и двинулись дальше. До широкого ущелья, идущего справа (орографически) доехали очень быстро, свернули и сразу же начали забирать вверх.

Погода испортилась. Долину Тургень сплошь заволокли мрачные тучи, дождь снизу подбирается и к нам. Воздух, насыщенный парами, поднявшись, сразу превращается в волнистые облака, которые быстро бегут вверх по склону.

Лес кончился, далеко на восток уходит безлесная долина. Мы сворачиваем направо в новое ущелье. Впереди белая пологая вершинка. Перевал направо. Однако первая ложбинка слева (орографически) целиком замыкается барьером белоснежных вершин. Идем во вторую.

На перевале нас крепко запорошило снегом. Вначале недоумевали

— куда же переваливать? Кругом или скалистые гребни, или снежные стены.

Лишь когда вошли в самый цирк, слева показалась осыпь, занесенная свежим снегом. Подъем серпантинном; местами он довольно крут и сыпуч. Лошади скользят на мокром снегу, но в общем преодолевают склон неплохо. Лишь одна сползла с тропы, упала и стала съезжать. Дело кончилось бы печально, если бы я не подоспел на помощь к Тактасену.

Южный склон менее крут. Лошади сошли легко. Горы пошли более отлогие и низкие. Все вокруг поросло травой. Но леса нет совершенно. Здесь, в Оттуке, нас в третий раз запорошило снегом. Снег валил часа два. Мы с Леонидом шли пешком. Кругом вода, ноги промокли и, когда мы взобрались на лошадь, мгновенно стали замерзать.

Далеко слева осталось боковое ущелье, по которому проходит путь с перевала Чоп-ашу (им же пошел и Летавет). Позади осталось и второе ущелье (поворот на перевал Беркут).

Остановки днем так и не сделали, тщетно надеясь доехать до арчи.

Оттук резко поворачивает влево. Справа подходит долина реки Кашка-су. Здесь встали на ночь, хотя время было раннее — 5 час. 20 мин.

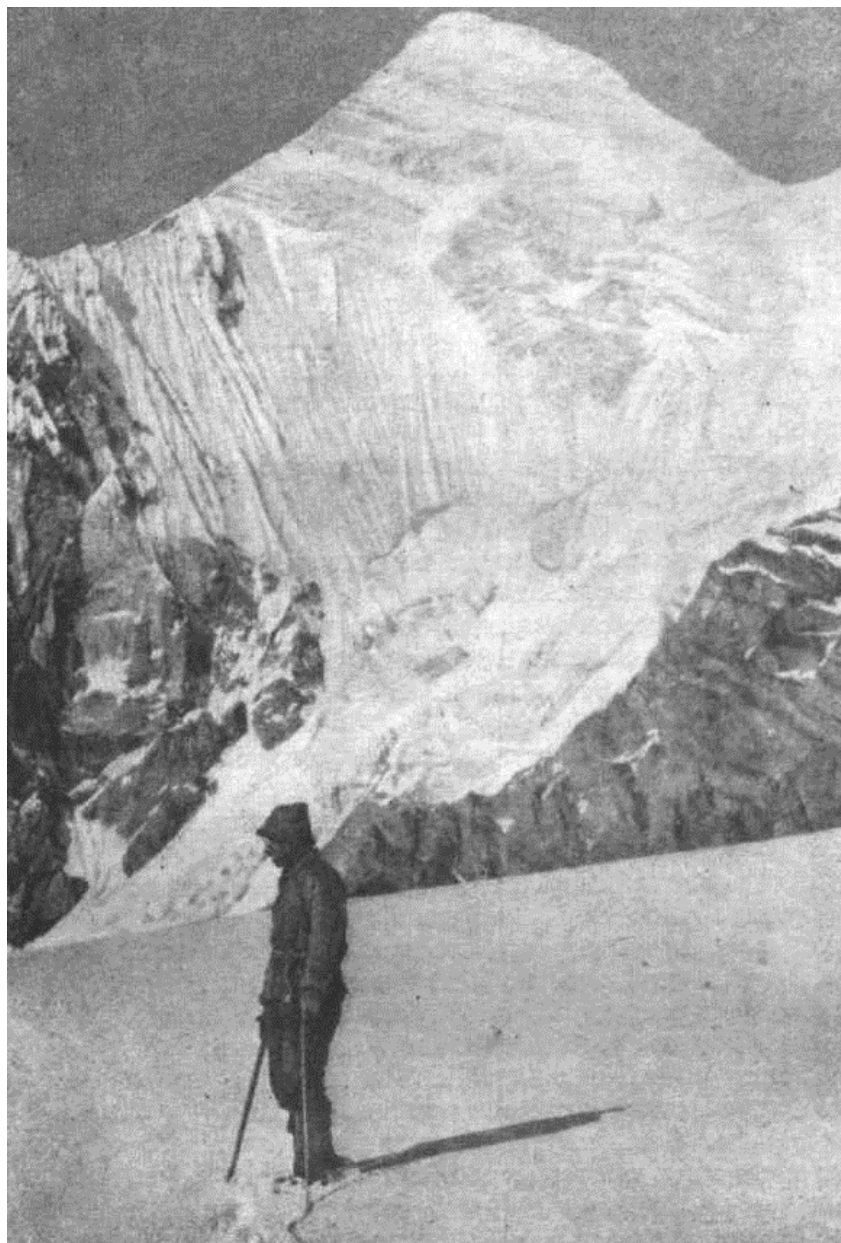
К вечеру прояснилось, стало прохладно (высота 2900 метров). Закусили мясом, напились чаю и залегли.

23 августа. Еще вчера вечером узнали интересные новости от брата Тактасена, недавно приехавшего из Инылчека. Оказывается, в Инылчеке очень большая вода (возможно, прорвало озеро). Через Тюз, говорят, дорога хорошая.

Сегодня сведения подтвердились. Пришли новые киргизы, в их числе брат Карибая, орденосец. Решили ехать через Беркут на Тюз.

Выехали в 9 час. 20 мин. Возвращаемся обратно к реке Беркут. (Вчера на перевале Кара-гыр мы решили ехать низом по мосту и дальше

Инылчеком.) На первом же броде я выкупался — благо еще солнышко греет... До реки Беркут километра четыре. Долина реки такая же безлесная, встречаются кибитки. Ушел далеко вперед, чтобы поскорее увидеть панораму.

*На фоне темного неба резко выделяется своим белым конусом:
пик Хан-Тенгри*

Панорама открылась чудесная. Виден не только Хан-Тенгри, но и другие изумительные вершины, особенно в районе Куй-лю, высотой около

7000 метров. Бассейн Сары-джаса представляет собой обширную пустынную котловину. На юго-востоке хребет Сары-джас белыми языками ледников сползает на плоскогорье. Пик Хан-Тенгри резко выделяется белым конусом с прожилками окал.

Ленц с энтузиазмом производит фото- и киносьемки. Облака заслоняют вершины. Ленц упорно выжидает, когда они очистятся и снова засияют белизной.

В трусиках холодновато, ветер пробирает насквозь; чтобы согреться, мчусь бегом. Дорога хорошая. Вскоре добежал до травянистых склонов и внизу, в выемке, увидел наш караван.

Пологая часть кончилась. Страверсировав два ущелья, начали спускаться. Лошади петляют, упорно не желая спускаться по прямой. Приходится бегать за ними и гнать в нужном направлении. Особенно долго возились с лошадьё, навьюченной рюкзаками; три раза перевьючивали ее.

По красивому ущелью реки Беркут (восточный) с ярко-зелеными склонами и темно-бурыми скалами быстро добрались до долины Сары-джаса. Белесая, довольно широкая речка спокойно катит свои воды. Пологие склоны безлесны и пустынны.

Я опять ушел вперед. Но мне не повезло: когда пытался перепрыгнуть через речку, под ногой подвернулся камень и я с разбега ухнул в воду. Хотелось пробежаться и согреться, но на мою беду ребята решили расположиться на ночлег. Полянка действительно неплохая. На склоне оказался карашивак (мелкий кустарник, пригодный для топлива).

Разожгли костер, сварили неплохой обед. Небо затянуло тучами, пошел мелкий дождик.

24 августа. Утром на том же карашиваке вскипятили чай. Нашли лошадей, которые, как всегда, ушли далеко, навьючили их и пошли опять вверх по Сары-джасу.

Погода облачная, но дождя нет. Склоны долины постепенно понижаются и отступают, долина становится все шире.

Поднялись на плоскогорье. Вновь виден Сарыджасский хребет. Третья речка слева (орографически) действительно оказалась Тюзом. С плоскогорья спустились прямо к ее впадению в Сары-джас.

Найденное нами место брода через Сары-джас не понравилось Тактасену, и он пошел выше. На новом месте Лени первым погнал свою лошадь в воду, за ним Тактасен. Первая струя самая быстрая и глубокая. Лошадь наполовину скрылась, но почти сейчас же выпрыгнула на камень. Дальше переправа пошла более легкая.

Ветер резкий и холодный. Ждать на берегу, предвкушая холодную ванну при ледящем ветре,— удовольствие небольшое. Ленц на том берегу приготовился к съемке. Мы двинулись последними вслед за удачно переправленным грузом.

Долина Тюза еще более унылая и голая. Пошла снежная крупа. Опять встретили карашивак и наломали его на вечерний костер.

Караван медленно двигался по леднику Инылчек

К вечеру заметили на склоне человека, затем лошадь и, наконец, две палатки. «Это наши охотники»,— говорит Тактасен. Вскоре к нам

подъехал всадник, оказавшийся его братом. Тактасен начал поворачивать к палаткам, уверяя, что там проходит дорога. Когда же мы подъехали к палаткам, он остался там, обещав нагнать нас к ночи, ибо мы твердо решили двигаться дальше.

Черная туча затянула небо и разразилась исключительно обильной снежной крупой. Часам к пяти доехали до первой развилки в начале Сарыджасского хребта.

Через час встали на ночлег против поворота на перевал Тюз. Снег ударил снова. Тучи безнадежно заволокли все кругом. Сидим в палатках, лишь подоспевший Тактасен упорно старается вскипятить чай, раздувая костер. Вымок крепко, а чаю напились мы все же некипяченого. Так и заснули под шум вьюги.

26 августа. Утро порадовало. Голубое небо. Взошло солнце и быстро все обогрело и подсушило. Удалось даже вскипятить чай.

Немного раньше каравана мы вышли с ледорубами к перевалу: если будет нужно, прорубим дорогу. Стало жарко. Снял куртку.

Долина свернула налево к востоку. Тропа пошла круто вверх по осыпи в обход скалистого льда. Справа два снежных языка, перегороженных острой гривкой. Куда сворачивать, вправо или влево? Мы решили в пользу правого языка, Виталий пошел левым. Забравшись на морену первого ледничка, нашли тропу и долго кричали Виталию, но безрезультатно.

Подошел караван. Виталий излазал снежный склон, который не стал от этого более пологим. Кое-где подрубили лед, но первая же попытка провести по прорубленному льду лошадь убедила нас, что просто по снегу, зигзагами, лошади идут лучше.

Особенно упорно прорубали повороты. Именно на них или около них и получались аварии. (Первая лошадь скатилась метров на 40-50.) После этого повели лошадей более осторожно, особенно тяжело

груженых. Каждую лошадь с гиканьем, понуканием тащили человек пять. Часто останавливались: люди и лошади быстро задыхались. Снег повалил сплошной завесой, но лошади все же скользили по льду. Доволен был один Ленц: он все время снимал исключительные кадры.

Наконец все лошади были вытащены на более пологий склон и до самого перевала дошли уже без приключений. Провозились два с половиной часа на перевале. Панорамы никакой. Кругом серая пелена. Видимость на 100-200 метров.

Спуск пошел круто, но тропинка хорошая, хотя и присыпана снегом.

Я ушел вперед и уже на травянистой площадке дождался караван. Снег толстым покровом закрыл траву, липнет к копытам лошадей.

Караванщики не решаются на неизвестный им спуск. Мы пошли вперед: я направо, Виталий и Леонид налево. С лошадьми остались Миша и Ленц. Миша вдогонку кричит, чтобы я далеко не уходил.

Из-за снежной пелены видимость ограниченная, но насколько видно — спуск возможен. Вернулся обратно — каравана нет. Решил, что караван пошел на спуск, и побежал вниз. Вскоре нашел тропу и двинулся по ней. Тревожит логовинка, по которой пошли Леонид и Виталий. Она переходит в узкое ущелье и притом очень крутое; внизу шумит поток. Будет совсем плохо, если и караван туда попадет.

Вышел из зоны снега. Дождик. Внизу в широкой долине видны рукава Инылчека и противоположные обрывистые и заросшие елью склоны с глубокими боковыми ущельями.

На нижней терраске, чтобы укрыться от дождя, встал под нависающий камень. Смотрю по сторонам в надежде увидеть караван или людей. Ниже Инылчек поджимается к правому берегу. Скверно будет, если Тактасен поведет караван по этому пути. Однако подняться берегом возможно: он опускается несколькими отлогими террасами.

Стою очень долго. Наконец влево на равнине увидел двоих. Пошел навстречу. Виталий и Леонид.

—Караван не видели?

—Нот.

—Он за вами в ущелье не спускался?

—Куда там! Сплошной водопад, сами едва выбрались.

Решили разведать — сходить к языку ледника. Там должен быть лагерь алма-атинских альпинистов. По старым, иногда заросшим руслам шагать легко, хотя я уже намозолил себе ноги. Ледник бурыми моренами солидно выпирает в долину. По характеру он очень напоминает ледник Федченко.

Кричим — ответа нет. Прошли до самых морен — никого. Куда они девались? Возможно, ушли за восходителями. Вернулись назад. Залезли на склон. Нашего каравана нигде нет...

Время к вечеру. Что делать? Решили идти вниз, ибо предположение, что Тактасен пошел знакомой тропой вправо, показалось наиболее реальным. Разделились по террасам: Леонид пошел верхней, Виталий ниже, я самой нижней. Виталий кричит почти без перерыва — ответа нет.

Я к тому времени нашел глубокий каменный навес, и мои коллеги с грустью должны были согласиться на холодную ночевку. Нарвали травы, заложили по возможности одну сторону от ветра и улеглись, плотно прижавшись друг к другу. На нас только курточки. Большую часть ночи дрожали.

Я лежал и вспоминал подобную ночевку на леднике Федченко, когда мы так же налегке оторвались от каравана...

26 августа. Встали, конечно, очень рано. Чудесно: Запад ясен и тучи явно отступают на восток.

Я решил идти вверх до тропы, посмотреть следы. Ребята тоже

пошли снова вверх. На тропе никаких следов не обнаружили. Стало ясно, что они заночевали на склоне.

Пошел вверх по тропе. Дошел до снега и здесь вдруг заметил всадника — это был Миша. Короткое объяснение. Оказалось (это и нужно было предполагать), лошади скользили и они не решились спускаться. В подробности я входить не стал. Было слишком досадно. Махнул рукой, чтобы шли за мной, и повел их зигзагами вниз. Снег кончился и спуск стал совсем прост. У низа встретились с Виталием и Леонидом.

Остановились на равнине в трех километрах от ледника. День чудесный. Варим, жарим, загораем.

Я сделал первую акварель пика Нансена. Получилось более тяжеловесно, нежели в натуре.

Понемногу восстановилось прежнее дружелюбное настроение. Оно окончательно закрепилось после доброго ужина.

27 августа. Сборы, пересортировка всех вещей и продуктов отняли много времени, поэтому вышли к леднику не рано. Сторожить лагерь остался Тактасен. Попрощались с ним, дали наставления и двинулись с шестью груженными лошадьми.

Путь среди моренных бугров легок. Вышли к довольно большому озеру. Ленц, конечно, поспешил заснять его во всех направлениях.

Дальше дорога пошла сложнее. Я сходил к правому (орографически) берегу и выяснил, что проходимость рандклюфта слабая. Однако караван вышел как раз к этому месту (четыре-пять километров от языка). Пришлось делать тропу и с большим трудом проводить лошадей. Выше рандклюфт оказался лучше и лошади пошли совсем легко.

Часа через полтора увидели палатки: лагерь алмаатинцев. В лагере лишь один киргиз. Он сообщил, что алма-атинские альпинисты ушли на восхождение 12 августа с караваном из восьми лошадей. 24 августа они должны были вернуться. Сегодня 27, а от них нет никаких известий.

Киргиз показал дорогу по леднику. Мы предложили ему поехать проводить нас. Он не возражал, но хотел дождаться своих товарищей-караванщиков, которые ушли искать лошадей. Мы подождали. К нам присоединился русский паренек, и мы тронулись дальше.

Вдруг сзади шум пропеллера. Самолет! Летит очень высоко, пролетел и скрылся на востоке. Затем полетел обратно. Ленц снимает.

Сброшен вымпел. Мы бросились искать. Но не так-то просто найти его в моренах. Самолет спустился ниже. Мы машем штурмовками и зорко смотрим, стараясь заметить место падения второго вымпела. Искали долго, но все же нашли.

Текст не очень ясен. Беспокоятся отсутствием алма-атинской группы, предлагают нам ряд условных фигур, по которым они могли бы узнать о состоянии разыскиваемой группы. Стало ясно, что до Хан-Тенгри самолет или не долетел, или никого там не обнаружил.

Мы сами ничего не знали о пребывании алмаатинцев, поэтому и фигур изображать не стали. Самолет пролетел над нами еще несколько раз и скрылся.

Встретили двоих верховых. Один бородатый, лучший проводник. Второй помоложе. Они заехали близко к озеру Мерцбахера, лошади посбивали там ноги и с трудом выбрались обратно. В результате обмена мнениями бородатый поехал в лагерь, а молодой присоединился к нам.

Дорога пошла хуже. Крутые подъемы и довольно опасные спуски. Пришлось каждому взять по лошади. Времени уже много. Наши новые проводники говорят, что засветло до зеленой Полянки нам не добраться. Поэтому, когда набрали на травянистую луговинку, я предложил заночевать на ней. Тут же оказался карашивак.

Развели костер, сварили суп. Новый провожатый повел нас на высокую морену, с которой показал, хотя и не совсем ясно, дальнейший путь. Долго еще беседовали с ним у костра на разные охотничьи темы.

28 августа. Утро хорошее.

Напились чаю и распрощались с нашими новыми проводниками. Карашивак нагрузили на лошадь (экономим керосин) и двинулись опять рандклюфтом. Срезы местами очень круты. Прошли их удачно.

Поворот на ледник. Ленц ушел вперед. Ему кричали, он махнул рукой, но все же на ледник не вышел. Идем хорошо, круто пересекая ледник. На той стороне видна желтая полянка, на нее мы и ориентируемся. Ленц не показывается, я предполагаю, что он ушел снимать озеро.

Не доходя серой морены левого берега, опять услышали шум мотора. Самолет несколько раз пролетал над нами, но на этот раз ничего не сбрасывал. Алмаатинцы еще, очевидно, не обнаружены.

Пересекли серую морену вблизи полянки и вышли на черную очень ровную морену. Ну, теперь — как по шоссе. Лошади пошли резвее.

Хан-тенгрийский хребет будто ледорез разрезает Южный Инылчек, отделяя его от Северного, и сразу крутыми ребрами поднимается на большую высоту. Кое-где появляется лед.

Северный склон почти отвесными, но оснеженными стенами падает к леднику. Лавинные желоба дают склонам богатую гофрировку, создают разнообразие форм и фантастически красивую картину.

Южный склон менее оснежен, но рельеф его тоже богат, а отдельные вершины исключительно внушительны крутизной своих склонов.

Неожиданно на леднике показалось облако. Без всякого шума, оно разрослось и перекинулось через весь ледник к противоположному склону. Перед самым нашим проходом прошла почти бесшумная лавина. Черная морена начала все более погружаться в снежный покров. Обнажения льда стали богаче, по обеим сторонам выпирая сераками.

Нашел переход на лед. Ребята давно уже идут в очках. Я же свои сразу не достал, а задерживать караван не хотелось, и поэтому перешел на

соседнюю морену и иду по ней.

Ледяная полоса постепенно отходит вправо, явно вытекая из большого бокового ледника Комсомолец. Нужно теперь искать переход со льда на морену. Я нашел его. Но Леонид воспротивился, стал уверять, что переходить нужно дальше, что по льду хорошая дорога и т.д. Доказывать ему было бесполезно. Поэтому я не возражал, но решил немножко проучить его и крикнул:

— За переход ответственный Леонид!

Леонид вскипел:

— Ну и переведу сам, сам все сделаю...

Лошади прошли еще порядочно. Леонид все бегаёт, но перехода нет. Лошади встали. Миша не знает, куда с ними податься. Виталий с Ленцем где-то отстали. Леонид скрылся. Выжидаю. Лошади стоят. Леонид вернулся и растерянно пошел вниз. Пришла очередь действовать мне. Довольно быстро нашел переход, крикнул караванщику, чтобы вел лошадей. К смущению Леонида, мы быстро перевели их. Леонид приумолк. Нотации читать было не к чему.

Я ушел несколько вперед посмотреть путь. Лошади должны были выйти на морену по сравнительно нетрудному пути. Вдруг раздался Мишин крик: «Лошадь упала в озеро». Бегу. Маленькое озерко. В середине голова лошади и куст карашивака. Карибай и Коля суетятся вокруг, но тщетно: края круты и лошадь вылезти не может. Отвязали два веревочных повода и с их помощью кое-как выволокли лошадь.

Виноват Карибай, отвязавший ее. Лошадь, конечно, предпочла идти по ровному месту (озеру), нежели лезть куда-то в гору. Выкупались наши рюкзаки. Я отыскал сносную площадку. Развьючили лошадь, принялись срочно отжимать, разбрасывать по камням и просушивать вещи. А время уже к вечеру, темнеет. Все мои вещи, в том числе и спальный мешок, промокли до нитки.

Подошел Виталий. Влезли на бугры и начали призывно кричать Ленцу. Вот еще номер — Ленц потерялся! Уже к самому вечеру заметили его, быстро шагающего по льду. Ответный крик — и вскоре длинная фигура, весьма легко одетая, появилась у лагеря.

Сварили на подмокшем карашиваке суп и улеглись спать.

29 августа. Встали довольно рано с тем, чтобы дойти до Хан-Тенгри и вернуть лошадей на полянку. Поэтому овса засыпали порядочно.

Вскипятили чай, позавтракали и уже хотели двинуться в путь, как услышали голоса, а вскоре показались люди. Алмаатинцы!

Зовем их к нам в лагерь! Вначале они замялись, но затем подошли к нам, оставив рюкзаки внизу. Вид у них суровый: обросли, обгорели, оборвались жутко.

—Ну как, можно поздравить с вершиной? — спрашиваю я.

—Да, вот трое взошли 24 августа.

—И как, тяжеленько?

—Да, погода мучила и пить было нечего; все снег глотали.

Пошли расспросы с обеих сторон о пути. Они, оказывается, шли прямо в лоб по ребру, левее пути Погребецкого. Говорят, путь технически совсем прост, скалы ступенчатые и осыпи. Продвигались со ступеньки на ступеньку.

—Но все же тяжело было, — признается их начальник Колокольников. — Если бы не категорическое задание, наверное, не взошли бы.

На вершине, говорят, были в тумане, оставили банку из-под дымовой шашки. Кроме того, мне они сказали, что выложили тур из камней на западных склонах, а ребятам сказали, что оставили горку из крючьев и карабинов.

Мы сфотографировали тройку героев, у одного из которых сильно поморожены руки.

На прощание алмаатинцы сообщили нам, что бросили много продуктов у подножья и в двух местах выше, а в верхнем лагере оставили палатки. Тепло распрощались со взаимным обязательством писать. Тут опять раздался шум мотора. Становись, ребята, в круг! Все выстроились (вместе с лошадьми) и машут руками: дескать, опустились, живы!

Выехали мы довольно поздно. Морена опять кончилась. Перешли на лед и долго лавировали между промоин, пока не вышли на более ровный лед. Хан-Тенгри уже виден, особенно хорошо — знакомый по фотоснимкам его южный гребень.

Длинный и утомительный ледниковый путь. Лошади вязнут в снегу. Я и Ленц ушли вперед. Наконец удалось перейти поток и цель кажется уже близкой. Но расстояния в горах обманчивы, и мы идем еще очень долго.

Стена пика, под которой проходит путь к ребру Хан-Тенгри

Начались трещинки, сначала небольшие, затем шире и, наконец, одна лошадь (опять виноват растяпа Карибай) рухнула в трещину. Мы вернулись на крики. Над трещиной — лишь голова. Вылезти лошадь,

конечно, не может. Особенно сильно увязли задние ноги. Первые энергичные попытки вытащить ее ни к чему не привели. Лошадь настолько вымоталась, что была уже без сил. Пришлось вырубать ее, как пароход из льдов: подкопались, подвели под живот веревку и тогда, и то не сразу, выволокли измученное, трясущееся животное. Дальше пошли осторожнее. Каждую лошадь вели отдельно, ибо трещины все разрастались.

И вот мы, наконец, напротив лагеря алмаатинцев. Суровым конусом высится перед нами Хан-Тенгри. Подойти к опустевшему лагерю оказалось невозможно: едва лишь лошади свернули по направлению к нему, как немедленно увязли в снегу по брюхо. Пришлось разгружаться. К месту лагеря алмаатинцев пошел Виталий, а за ним и Карибай; он слышал разговор при встрече с ребятами и мудро решил, что палатке пропадать не к чему, лучше в ней еще пожить. К ним на помощь отправились и мы с Мишей. Обрато шли тяжело груженные. Карибай запасся не только палаткой, но и солидным количеством сахара и конфет.

Лошадей накормили овсом, погрузили на них почти пустую тару, дали наставления Николаю и Карибаю, чтобы они 12 сентября были на полянке Мерцбахера, ждали нас, берегли лошадей и охотились на теков. Тепло распрощались, и Ленц заснял из раствора нашей чудесной палатки удаляющийся караван.

Итак, мы под Хан-Тенгри.

Виталий раздваивает найденную лыжу и мастерит сани. Остальные готовятся к завтрашнему походу.

30 августа. Утро хорошее. Встали не спеша.

Виталий погрузил на самодельные сани три ящика и двинулся. По мерзлому снегу тащить сани оказалось довольно легко. Мы собрали все остальное и солидно груженные вышли к подножью ребра пика Чапаева.

Свой лагерь мы устроили немного выше «алма-атинского», ибо последний был сильно загрязнен. Кругом белая пустыня. Лишь отвесные

скалы свободны от снега. Около самой палатки протекает ледниковый ручей. Усиленно варим и жарим. К вечеру отсортировали питание к восхождению.

План восхождения существенно изменили: при сносной погоде и достаточно приличном самочувствии решили не спускаться, а сразу же пойти на вершину.

Взяли концентраты, шоколад, сухие фрукты, орехи, магги, сыр, манку, вермишель, сухари и, конечно, консервы. Леонид еще прихватил банку масла, что было бесполезно, ибо масло прогоркло.

До выхода еще успели подремать.

Из штурмового дневника

30 августа. Вышли на штурм в 21 час 10 мин. Лишние вещи оставили в опущенной палатке. Чудесная лунная ночь.

Постепенно поднялись по полотой части и вошли в ущелье. Проходим 200 метров. Остановки примерно через каждые 50 минут.

Ледник волнообразно поднимается вверх. Справа нагромодились сераки с ребра Хан-Тенгри. Слева отвесная стена пика Чапаева. Алмаатинцы оставили здесь очень заметные следы: сочувствуем ребятам — тяжело им досталось!

Прошли несколько глубоких трещин, некоторые переползли. Перед нами крутой склон. На склоне видны следы скатывавшихся людей. Полезли и застряли: дальше нагромождение сераков и трещин, к тому же луна закатилась за гребень.

Попробовали другой путь, но безуспешно. Темно. Перед нами крутой склон и бергшруд.

Решили остановиться и подождать рассвета. Высота 5450 метров. Влезли в нерасставленные палатки и довольно скоро заснули.

31 августа. Встали до восхода солнца. Оказалось, мы были на верном пути. Без труда пролезли бергшруд и крутой склон, за ним другой и опять вышли на ровный ледник.

Идем медленно. Высота около 5600 метров. Дует порывистый ветер. Температура — 9 градусов мороза. Однако в пуховке и валенках идти не холодно.

Первым шел я и вскоре вышел к большому сбросу неподалеку от седловины. Высота 5650 метров. Решили рыть пещеру.

Работали с Виталием часа два. Леонид на палатке Здарского оттаскивал снег. Палатку сильно изорвали, но пещеру все-таки вырыли.

Начавшаяся буря так и не дала обсушиться. Пришлось мокрыми

влезть в пещеру, заделать отверстие и развлекаться чаем.

Миша чувствует себя лучше. У Леонида побаливает зуб. У меня самочувствие хорошее.

Клонит ко сну. Легли в три часа. Тепло, но душно, ибо замуровались почти герметически. Спали неплохо.

2 сентября. Ленц и Виталий выходят раньше фотографировать и проторить дорогу. Мы долго возимся возле пещеры, варим еду, укладываем рюкзаки.

По обширным снежным полям заключительного цирка вихрями носится ветер. Видимость плохая. Однако в тумане видео массив Хан-Тенгри, серовато-желтое ребро с круто вздымающейся верхней частью, а правее его — кулуар Погребенного.

Следы Виталия почти повсюду уже замело. Я торю вновь. Леониду и Мише, видимо, тяжело. Вышли к первому лагерю алмаатинцев. На подъеме по снежной стенке к седловине снег оказался исключительно глубок. Виталию он был выше колен, а Леонид и Миша увязали по пояс. Наконец вышли на жесткий гребень. Обледенелый снег кончился. Пошла темная осыпь со скалками. В седловинке на сравнительно большой площадке устроили лагерь. Я чувствовал себя совсем хорошо и пошел выше, пытаюсь найти лучшую площадку. Дошел до мраморной короны, но ничего не нашел. Здесь корона уже очень близка. Вернулся обратно.

К вечеру палатка обледенела изнутри, сконденсировав пары. Лежим, тесно прижавшись друг к другу, герметически закупорившись, ибо снег надувает даже в малую дырку. У головы стараюсь поставить черенок от лопатки, чтобы полотнище не касалось лица и было чем дышать.

3 сентября. Погода стала лучше. Миша в палатке кипятит чай. Палатки обледенели, мешки и вся одежда мокрые. Идем в пуховках.

Пологий черный гребень кончился, начался более крутой, собственно массив Хан-Тенгри. Высота примерно 6300 метров.

Подниматься решили прямо вверх, придерживаясь широкого ребра (путь алмаатинцев), а не сворачивая вправо, в кулуар Погребецкого. Подниматься нетрудно, со ступеньки на ступеньку, частично осыпями, как и говорили алмаатинцы. Лишь иногда встречающиеся небольшие стенки несколько осложняют подъем, ибо рукавицы снять уже невозможно — холодно.

Осуществить задуманное не удалось. Хотели выйти выше крутой стенки, а остановились несколько ниже ее подножья. Но довольны и этим. Высота 6600 метров. Поставили палатку. Площадка удобная; особенно хорошей она стала после моего и Леонида вмешательства.

Мишука приходится подгонять: он очень апатичен. Вечером с Леонидом впервые оттираем Мишины ноги. Я, конечно, поругал его, но оттерли добросовестно и на всякий случай обернули пальцы керосиновым бинтом.

4 сентября. Утро замечательное: ясное и холодное. Мишук опять кипятит чай. Жмемся к палатке. Я иногда размахиваю ногой: подмерзает даже в валенке. Леонид стоит как-то странно съезжившись. Виталий тоже. Ленц ходит по гребню, стараясь не замерзнуть.

Исключительные панорамы открываются вокруг. Под нами на севере глубоко залегает северный рукав Инылче-ка. За ним круглые вершины хребта Сары-джас. На северо-запад темная впадина — Сары-джас. А запад и особенно юго-запад почти целиком заполнены белыми гребнями.

Решили выходить. Собрали было рюкзаки, но неожиданно Виталий внес предложение идти без рюкзаков и взойти сегодня же. Предложение встретило сочувствие большинства: рюкзаки стали для многих чрезвычайно тяжелы, а до верха стенки, казалось, близко и легко добраться.

Вышли налегке, оставив основной груз в лагере. Однако уже в

начале кулуара встретились трудные крутые и обглаженные скалы. Времени на их преодоление ушло много. Виталий с Ленцем попытались обойти слева, но это им не удалось и вскоре они оказались в нашем кулуаре.

Виталию совсем скверно, его валенки без обивки и скользят на сильно оснеженных скалах. Я предложил вернуться в лагерь. Миша запротестовал. Он настаивал, чтобы я его в таком случае оставил здесь, ибо завтра он уже сюда не дойдет. Подтянули к нам на веревке Виталия и Ленца, обсудили создавшееся положение, просьбу Миши и решили ускорить восхождение — идти на вершину. А поскольку даже в случае достижения вершины спуститься до лагеря мы не сможем — решили заночевать в новой пещере.

Пересекли снежник и поднялись по обглаженным скалам до последнего крутого места. Ребята идут медленно сзади. Я свободно успеваю торить им путь. Всех мучает одышка и до боли пересыхает в горле. Глодают снег. Последнюю часть преодолели без особых трудностей.

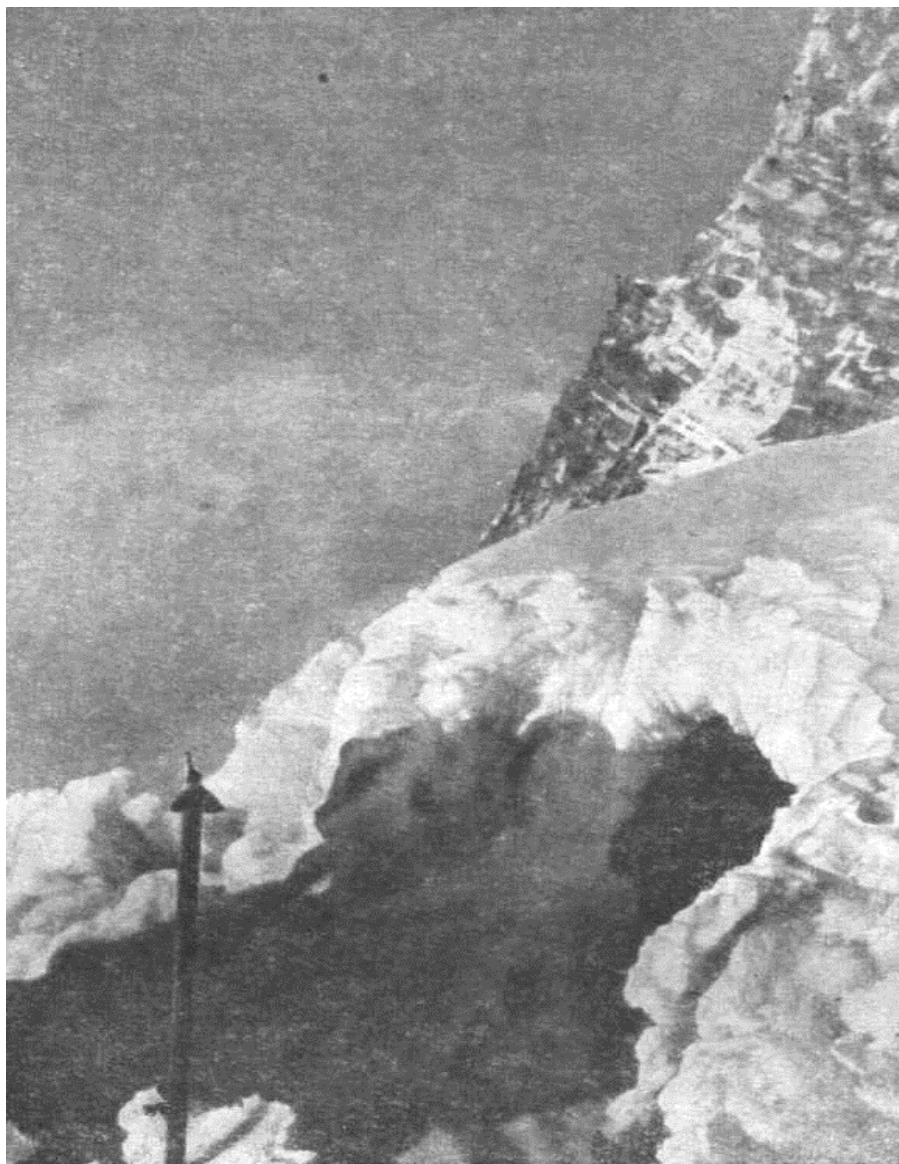
Вышли на снежный гребень. Он идет, извиваясь в северо-восточном направлении. Справа большой кулуар. Выше видна шапка скал, но вершина ли это?

Решили рыть пещеру в гребне: выше снежных массивов не видно. Я начал с одной стороны, Виталий с другой. Однако к концу он переключился ко мне: у него что-то не вышло. Пещера получилась обширная. Много трудов доставило извлечение здорового камня.

Залегли в пещере, однако как-то нескладно: не поперек, как предполагали, а вдоль, ногами к выходу, и мне места не досталось. Никакие увещания не помогли и я улегся поперек у самого входа. Из дыры дует. Заложил ее кусочками снега, но и это не помогло. Холодно, меня трясет. Ночь нестерпимо длинна. Сижу, размахиваю и бью ногами. Под самое утро ввалился в общую кучу людей и немного вздремнул.

5 сентября. Вокруг облачное море. Лишь над нами ясное небо и вершина Хан-Тенгри.

Вышли. Полезли по гребню, вначале весьма короткому и нетрудному. Потом гребень расширился, перешел в снежный со скалистыми выходами. Снег довольно глубок. Идам очень медленно: каждые 10-15 шагов передышка. Вышли на жесткий снег. Пришлось подрубить: у Виталия нет кошек. Здорово мерзнут руки, но рубить нужно, так как Виталий совсем уже не может идти.

На высоте 7000 метров отважные альпинисты вырыли обширную пещеру

Снежный гребень вывел к группе скал и... вот она, снежная шашка самой вершины!..

Ветер яростно гонит снег и промораживает насквозь. Кругом море облаков и лишь к югу от нас видна одна вершина, вернее, громадный массив...

Ребята с трудом сделали последние несколько шагов и сгрудились у камня. Я пошел искать следы алмаатинцев. Они говорили, что сложили тур и оставили шашку в западных скалах. Все тщательно осмотрел — ни записки, ни тура. Абсолютно нет никаких следов пребывания человека на вершине. Затем обошел всю вершину. Она образует гигантский снежный купол, наиболее приподнятый в северо-восточной части и спускающийся наподобие большого отлогого снежного плеча на юго-запад. До конца на восток пойти один я побоялся, так как, по описанию Погребецкого, там должен быть карниз.

Однако потом все же не удержался, побывал и на самой высшей точке и оттуда немного спустился на восток. И тут выяснилось, что высшая точка карнизом не обрывается. Сложил на скалистом островке юго-западного плеча тур, вложил в него кусочки винных ягод в обертке и вернулся к ребятам.

Они сидят, чуть спустившись и укрываясь от ветра за большим камнем. Место это в северо-западной части вершины очень заметно благодаря двум выступающим камням. Решили оставить здесь записку. Ее писал я: у остальных плохо работают пальцы. Вложил ее в банку Ленца и положил на правый камень на карнизик, придавив сверху большим камнем.

Высота по альтиметрам 7220 (без поправки). Температуру Мишук уже давно не измеряет — не до этого. Ленц ничего не снимает, ибо руки у него сильно поморожены. Я взял у него лейку и сделал несколько кадров.

Пошли на спуск. Идем опять очень медленно: Виталий здорово

скользит. Ленц и Миша ушли вперед. Времени не больше 12 часов, точно никто не знает: часы стоят.

У пещеры сошлись. Посидели. Виталий надел кошки, пошли вниз. Скалы занесло снегом. Спуск стал сложнее. Прошли по снежнику и вышли опять на обглаженные скалы. Виталий предпочел съехать по снежнику. Я начал пересекать его. Сверху сыплются камни. Это Мишук с Ленцем никак не могут одолеть первую стенку.

Решили спускаться по всей 40-метровой веревке по одному; я опустил первым и хорошо. Затем Леонид. С порядочным перерывом — Миша, Ленц и Виталий.

Пока они лезли, я решил спускаться без охранения, руководствуясь желанием скорее попасть в лагерь, подготовить его и натопить воды для измучившихся ребят. Спуск оказался сложным. Сверху зачем-то сбросили мне веревку. Когда я спросил, закреплена ли она, Виталий ответил, что раз он спускает, значит закреплена. Потом вдруг кричит «тяни!». Я потянул, веревка натянулась и... вся слетела ко мне.

Виталий кричит, чтобы я закрепил ее за большой камень. Ого, чего захотел! Камень этот значительно выше меня, но обмотавшись веревкой, уже карабкаюсь вверх. Неожиданно веревка выскользнула и полетела вниз. С замиранием сердца слежу, как она извиваясь катится все дальше и дальше, но вот остановилась. Вниз за ней! Осторожно разгребая снег и цепляясь за каждую неровность окал, лезу вниз. Но чем дальше, тем скалы становятся обглаженнее и опаснее.

Сверху кричат, что не могут спуститься без помощи. Виталий слез самостоятельно, а оставшиеся настолько ослабли и перемерзли, что не могут ни спускаться, ни охранять друг друга. Решаюсь на опасный шаг: тормозя ледорубом, соскальзываю вниз, метров на 15, затем еще. Внимание, воля — все напряжено до предела.

Дальше рисковать невозможно — скалы совершенно гладки. Прошу

Виталия (он на кошках) страверсировать до веревки. Виталий идет на кошках, и то разок съехал. Не отрываясь, слежу — дойдет или нет? Дошел, взял веревку, но вернуться назад не может. Я подхожу как можно ближе и с трудом достаю конец брошенной веревки. С концом веревки в зубах добираюсь до более расщепленных скал.

Лезу опять вверх с тайной надеждой, что ребята в свою очередь хоть сколько-нибудь спустятся вниз. Однако надежды мои не оправдались, и до встречи с ними пришлось лезть порядочно. Привязался к их веревке, укрепился и, выругав хорошенько всех, особенно Мишку, погнал вниз.

Но Мишка все же отстает. Не действует и главная угроза — заночевать на скалах. А опасность эта стала довольно реальной, ибо уже темнеет. О нижней пещере нечего и думать. Дай бог, дотащить их до первого лагеря!

В выемке встретили Виталия. Еще до этого он что-то кричал. Оказывается (по его мнению) мы прошли лагерь. Мне что-то не верилось; спустились мы будто немного. Однако, чтобы не было худшего (уже совсем темно), снова полез вверх искать лагерь. За мной двинулся Леонид. Я быстро опередил его. Прощупывая в темноте выступы, пролез сочти до начала крутых скал, вылез на гребень и... лагерь! Разгребаю: вот шкуры, что-то завернутое в брезент, опять шкуры, кусок прорезиненной ткани, возможно, край палатки... Это, конечно, не наш лагерь, это последний лагерь алмаатинцев. Отдышался, дождался Леонида и вместе мы еще раз перещупали вещи. Явно: выше этого места нашего лагеря быть не может.

Леонид на обратном пути отстает и стонет. Вот черти, сгоняли нас зря!

Уже вблизи кричим. Ответы не ясны. Затем отчетливо донеслось: «Мы в лагере алмаатинцев»...

Что за чертовщина, везде им мерещатся алмаатинцы. Спустились. Ребята сидят под палатками. Место определено наше.

— Вот, их палатки нашли, — говорит Виталий и ощупывает палатки.

Смотрю — палатки наши. Вот палатка Ленца.

— Да вы что, свихнулись, это же наши палатки! — говорю я.

— Нет, нет, у нас таких не было...

Мне даже жутко стало. Ясно, от всех невзгод у ребят легкий мозговой заскок.

— У алмаатинцев и кухня, оказывается, была, — замечаю я, доставая мету Ленца. Доказывать им что-либо сейчас бесполезно.

Вытащить Виталия и Мишку из палатки невозможно. Пришлось разжечь мету на улице.

Ленц сидит, скорчившись под палаткой Здарского, но когда услышал шум закипающей воды, поднялся и сразу с наслаждением опустошил полмиски. Дали миску Виталию с Мишуком. С удовольствием выпили и мы.

Ночь довольно тихая.

Наши спальные мешки неизвестно где. Виталий говорит о них что-то несуразное. Наконец я нашел два абсолютно мокрых мешка, но не стал их вытаскивать и влез в палатку третьим. Она совсем свисла на косогоре, поправить невозможно. Так и лег, свесив вниз ноги. Промаялся полночи и не выдержал — вылез.

Леонид с Ленцем устроились в палатке Здарского и кипятят чай. Выпили немного.

Странно, воздуха достаточно, а грудь требует усиленного дыхания. Приходится нарочито глубоко дышать, в противном случае больно в груди.

Удалось вытащить один мешок. Пришлось улечься прямо на воле. Мешок мокрый, влез в него. Очень холодно, но все же вздремнул.

6 сентября. Утро довольно хорошее. Разбудил всех. Вид у ребят неважный. Напились еще воды.

Я иду связанный с Ленцем и Леонидом. Виталий немного позже (когда напьется горячего) выйдет с Мишей.

Спуск казался коротким, но времени занял много. Скалы местами круты, скользки и засыпаны, а люди очень ослабли. Мишук и Виталий спускаются ближе к выходу на пологую часть гребня, к первому лагерю. Ленд; и Леонид часто садятся, особенно плох Ленц.

Наконец дошли до лагеря. Хорошо греет солнышко. Времени, видимо, около 12 часов. Сушим вещи, подкармливаемся, много пьем: вода противная — растопленный на палатке снег.

Вдруг неожиданным шквалом разметало рюкзаки, я понесло их по осыпи. Из последних сил бросились догонять. Поймали все, кроме рюкзака Леонида.

Где-то близко зашумел ручей. Пошел на поиски. Прошел далеко. Шум слышен, а воды нет. Упустил чашку Ленца. Долго наблюдал, как она уменьшалась па обледенелом склоне и затем скрылась из вида. Нашел чулок и еще один. Ясно, этот мнимый шум ручья привел сюда в поисках воды и алмаатинцев. Проклятый шум, конечно, не воды, а ветра!

Слышны голоса и, кажется, совсем близко, но людей нет. Ждем и мучительно долго ищем на склонах отставшую двойку — Виталия и Мишу. Вдруг они выехали и покатались по снегу. Задержались и снова, на сей раз очень медленно, стали съезжать вниз. Пошли и мы.

Леонид просит нас двоих пойти правее и поискать рюкзак. Он пойдет с той же целью левее, а около снега встретимся. Леонид надевает рюкзак Ленца, чтобы помочь последнему, и уходит.

Безрезультатно проискав рюкзак, спустились к обледенелому, но пологому краю снежника. По пути видели Леонида и покричали ему, что рюкзак не нашли. Немного времени спустя вдруг послышался шум, а вслед за тем из-за снежника вылетело тело Леонида. Нелепо разбросав руки и ноги, он покатился вниз по снежному склону. Мы видели, как стали

отрывать части рюкзака. Затем все скрылось и уже внизу выкатились и остановились несколько черных, неподвижных предметов...

Решили надеть кошки. Я помог надеть Ленцу, надел сам, и мы быстро пошли вниз. По пути собирали растерзанные вещи. Снег, где катился Леонид, местами обагрено кровью. Это наводит на самые печальные размышления.

Удачно перепрыгнули через бергшрунд и скатились по глубокому снегу. Ленц сел в снег: у него нет сил идти. Я отвязался и подошел к Леониду. Лежит ничком. Пошевелился... Жив!

С помощью подошедшего Ленца перевернули Леонида. Картина жуткая: все на нем изорвано, лицо в крови, на лбу глубокая рана. Осмотрели руки, ноги — будто не сломаны.

Ленц советует дать Леониду горячего чая. Я побежал к пещере. Снег проваливается, да и шагать порядочно. Вот и пещера. Сверху видна лишь небольшая дырка. Кричу:

—Леонид разбился. Дайте горячего чая скорее.

Из пещеры долго не отзывались. Наконец появилась кружка с чаем.

—Виталий, выйди, помоги дотащить Леонида, — прошу я.

—Не можем — обморожены, — раздается в ответ.

Так и пошел я опять один. В кружке несу чай. Однако чай Леонид так и не выпил. Я собрал рюкзаки и разные вещи. Надели на ноги Леониду соскочивший валенок. С трудом завернули его в палатку. Он иногда стонет, произносит что-то несуразное. Ничего не видит, ибо глаза заплыли кровоподтеками, и я вообще опасаюсь, что они выбиты.

Надели с Ленцем рюкзаки. Один рюкзак остался. Придется мне еще раз сходить за ним. Повезли Леонида. Через каждые 30-40 шагов Ленц обессиленный валится в снег. Я жду, когда он соберется с силами, и сам спешу, отдышаться. Тяжело, Особенно трудно уже вблизи пещеры — по глубокому снегу, косогору, а затем опять в гору. Наконец втащили.

Ленц скрылся в пещере. Я разгребаю вход, чтобы пронести Леонида. Работы много. Засыпало здорово. И сейчас опять метет, мешает копать, заметает лицо и всего снегом. Но вот вход расширен. Ленц вылез и помог втолкнуть в пещеру Леонида.

Середина пещеры настолько осела, что едва можно пролезть. С потолка капает. Виталий с Мишкой лежат у противоположной стены. Леонида, завернутого в палатку, положили в середине. Я и Ленц с трудом устроились ближе к выходу. Мешок мой в палатке, в которую завернут Леонид, вытащить его невозможно. Пришлось опять лечь прямо на мокрую палатку.

Жуткая ночь. Леонид бредит, кричит: «Развяжите веревки!». Мишка стонет. Я сижу у самого входа совсем мокрый, тщетно стараясь согреться. С потолка все время монотонно капает и капает... Вход давно замело. Душно. А раскопать тоже нельзя — замерзнем. Ночь тянется бесконечно долго. Вот вход слегка засветился — видимо, вошла лупа.

7 сентября. Дышать почти нечем... Мишук и Виталий задыхаются. Молят прокапать отверстие. С тяжелой головой я ползу к выходу. Палкой из палатки пытаюсь проткнуть снег. Ничего не выходит. Длины палки не хватает, чтобы проткнуть толщу снега. Мы погребены...

Судорожно начинаю раскапывать лопаткой. Задыхаюсь, снег валится за шиворот, за рукава, подступает тошнота. Неужели не выдержу? Неужели не докопаюсь? Тогда задохнутся все.

И опять работаю лопаткой, головой, руками. Нужно докопаться во что бы то ни стало, иначе — гибель всем. Палкой на вытянутой руке ковыряю снег и вдруг... дырка! Маленькая дырка. Тянусь к ней, дышу, но облегчения нет. Еще и еще работаю лопатой. Дырка становится больше. Чувствуется свежая струя. Спасены!

Уже последними усилиями, орудуя лопатой, плечами, головой, упираясь ногами, протискаюсь в дыру. Голова над снегом. Ослепительно

сияет солнце. Кругом ясно и тепло. Отдышался. Теперь уже более спокойно и уверенно раскапываю выход для ребят. Раскопал и кричу:

— Скорее наверх, уже давно ясный день!

Как полудохлые мокрые мыши, вылезают ребята на солнце. Картина невеселая! У Мишки, Виталия и Ленца пальцы ног и рук черные, а слабость такая, что они едва стоят на ногах. О Леониде и говорить нечего; хорошо хоть дышит. Решили взять его сегодня же вниз. У меня большое сомнение — довезем ли сегодня? Но не хотелось отнимать надежду у измученных ребят.

Упаковали Леонида еще в одну палатку. Он немного шевелится. Сажали я даже ставили его на ноги, конечно, поддерживая со всех сторон. А главное, протерли ему глаза и убедились — они целы. Видит человек!

Впряглись в многочисленные построжки все. Однако снег размяк и первые же 20 шагов убедили, что тащить Леонида будет невероятно трудно. Через каждые 20-30 шагов мучительного пути остановка. А через 100 метров убедились окончательно, что никуда мы сегодня Леонида не дотащим. Ночевать всем на снегу на случайном месте — значит рисковать всеми. О том, чтобы затащить Леонида обратно в пещеру нечего и помышлять. И вот пришлось, укутав беднягу палатками, оставить одного, а самим возвращаться в пещеру.

Весь вечер варим чай, супы и прочее и все это пожираем без остатка. Главное вода. Я несколько раз спускаюсь к Леониду, подкармливаю его, последний раз уже в абсолютной темноте. Леонид жадно ест и бормочет всякую чепуху.

Спим, наконец, в почти сухих мешках с открытым входом. Спим как мертвые.

8 сентября. Я лично выспался чудесно. Встали и собрались довольно рано. Погода серенькая, но большого ветра нет.

Леонид, к нашему счастью, чувствует себя лучше. Удалось

уговорить его подняться. Он все жалуется, что его связали и поэтому у него отнялись ноги. Развязав, удалось его поднять, и при помощи Ленца и Виталия (в качестве подпорок) он шагнул вниз.

Я с Мишуком остались собирать палатки и с удивлением и восторгом смотрели, как постепенно «пьяная» тройка удаляется от нас. На Мишука пришлось нагрузить два, хоть и легких рюкзака. Весь остальной груз повешал на себя.

Догнали тройку. Решили, что я пойду искать и торить дорогу. Все были уверены, что переход на месте сбросов. Но этот мнимый переход закончился крутым обрывом. Леонида подвели уже вплотную.

Я несколько раз, проваливаясь в трещины, лазил туда и обратно. С трудом нашел обход. Спустился вниз, но поскольку остальные не шли, опять полез наверх. Наконец опустились все и попали на верный путь: вот трещины, «воротца» и спуск. Леонида «стравили» на веревке. Помогли Мише.

Дальше опять поиски, завершившиеся тем, что окончательно установили старый путь. Траверс крутого склона, к счастью, присыпанного снегом,— наиболее трудная часть. Я, страверсировав по горизонтали, укрепился и жду. Долго не может пройти Мишук. Его ноги сводит судорогой. Повели Леонида. После двух третей пути склон стал крут. Леонид упал. Пришлось последнюю часть пути через бергшруд, постепенно стравливая, скатить бедного Леонида донизу.

Еще один траверс по горизонтали. Мишка проходит его целую вечность. С ногами у него совсем плохо.

Последний спуск, и мы на почти ровном леднике. Ленц ушел вперед. Тройка (теперь я в роли пристяжной) — посредине, сзади тащится бедный Мишук.

Вдруг справа шум. Белое облако, бурно нарастая, бежит по склону пика, с грохотом вылетает на наш ледник и перекрывает его. Вот еще

напасть! Облако медленно улеглось. Тревожно вглядываемся. Ленца не видно. Дошли до сбросов. Следы пересекают их. Ну, значит перешел!

Снег стал крепче, остановки сократились. Идем по следам Ленца. Часто следы делают зигзаги. В этих местах Ленц, очевидно, искал более удобный путь.

Чудесным полярным призраком с массой ледопадов, сбросов, гигантскими стенами хребтов, спадает напротив нас широкий ледник. Облака легкими слоями покрывают стены, создавая картину необычайного величия. Я высказываю предположение, что это ледник Звездочка. (Позже выяснилось, что это были верховья Инылчека.)

Маленькая фигурка Ленца уже совсем внизу. Через час примерно и мы втроем (с Леонидом в середине) заворачиваем на последние сбросы. Ввалившись в последний раз в трещину, подходим, набравшись духу, без остановки к еще непоставленной палатке.

Журчит ручей. Мы пьем все сразу. Виталий хочет пить со вкусом. Он достает варенье, накладывает в кружку (это была его мечта: вода с брусничным вареньем), но, увы, варенье настолько высохло, что не растворяется. (Мечта не сбылась). Последним, минут через двадцать, приходит Мишук.

Опять в знакомой просторной палатке. Как хорошо, что мы спустились!

Началось подкармливание. Продуктов очень много. Консервы всех сортов, какао, сухие фрукты и т.д. Заработал примус. Едим, едим и едим.

А ночью разыгралась буря.

Как хорошо, что именно сегодня мы смогли спуститься! Это повторяли мы в дальнейшем много раз.

9 сентября. Снежный день. Лазарет среди снежной пустыни...

Ноги и руки у ребят имеют жуткий вид. Пять ног и шесть рук (у Ленца, Виталия и Миши) — черны. Щиколотки невероятно распухли,

ладони рук как подушки. Особенно они страшны у Мишука. Виталий бодрится:

— Это ничего, лишь бы живым остаться. А срежут кое-что — не пропадем.

— Что будет, то будет,— вздохнул Миша.

Леонид совсем как беспомощный ребенок. Распух, лежит, кряхтит, станет. А когда попробовал встать, свалился на всех сразу. При падении, видимо, что-то нарушилось в его мозговых центрах — конечности перестали ему повиноваться.

Я здоров и вполне работоспособен.

А работать придется на полный ход: и поваром, и хирургом, и завхозом, и сиделкой. Одевать, раздевать, убирать за всеми, перевязывать раны, поить, подкармливать — все это мои непрерывные обязанности.

Погода чуток прояснилась, но к вечеру опять стало хуже. Так и не удалось мне просушить наше сырое снаряжение.

11 сентября. Опять хороший день.

Госпиталь в действии. Процедуры идут своим чередом. Леониду промыл глаза. Видит получше, но опухоль зверская. У Миши пальцы не лучше, черны и сохнут. Ноги пухнут все больше и больше.

В 12 часов пошли с Ленцем на ледник фотографировать. Солнце светит невероятно ярко. Идем связанные, с остановками. Ленц щелкает я крутит кинамку. Постепенно все более величаво встает Хан-Тенгри. Он сияет снегом и нежной игрой желтоватого мрамора. Ощущаешь всю ширь ледниковых полей. Через два часа дошли до середины поворота Инылчека и тут сели для последней съемки. Жара, ни малейшего дуновения ветерка.

*На вершине Хан-Тенгри. Слева направо:
Л. Саладин, Л. Гутман, В. Абалаков, М. Дадиомов.*

Фото Е. Абалакова

Хотелось бы посмотреть восточную сторону Хан-Тенгри, но, увы, идти далеко. Ленц предоставил мне фотоаппарат и я сделал снимков шесть окружающих вершин. Назад дошли за полчаса. Трещин за весь путь не встретилось ни одной.

Вечером отобрал продукты, которые возьмем с собой. Жаль бросать. Много едим, чтобы поменьше оставить.

План таков: завтра рано утром Виталий дойдет до поляны, где должны быть лошади. Мы повезем груженные «санки» до морены и там будем ждать лошадей.

План прост, но выполнить его нелегко.

12 сентября. Утро опять хорошее. Виталий ушел с восходом солнца.

В 10 часов «выехали» мы. Снег уже подался, вернее, он вообще на

этот раз не затвердевал. Ящик сидит низко. Вес приличный, ибо на нас только легкие рюкзаки. А впереди нужно пересечь еще несколько снежных гряд.

Понемногу движемся вперед. Я коренник, Ленц и Леонид на пристяжке. Мишук сзади упирается ледорубом. На остановках все, кроме меня и Леонида, валятся, но и он стоит в такой позе, что уж лучше бы сел — голова где-то на животе болтается.

Так шли приблизительно до часу. С тоской оглядываюсь на возмутительно медленно отодвигающийся гребень Хан-Тенгри. Сани заело безнадежно, налип снег, нет сил отодрать. Догадались очистить ящик от снега и смазать полозья глетчерной мазью. Пошли.

Дальше путь — больше под гору. Стало немного легче, останавливаемся реже.

Мишук раскис и иногда идет сзади, не подпирая сани. А время уже к четырем часам! Пожалуй за шесть часов километров шесть-восемь отмахали... Остановки опять стали чаще. Ленц совсем сник и каждый раз просит продлить отдых.

Вдруг крик. Неужели Виталий? Кричим в ответ.

Вскоре слева показалась точка, затем другая, третья. Вот это да! Лошади!

Кричим хором:

— Кто это?

Разглядели Карибая и Тактасена. Наши!

Мы еще долго обходили промоину и, наконец, — радостная встреча. Карибай, Тактасен! Куча вопросов.

Видимо, какое-то предчувствие толкнуло наших караванщиков нам навстречу.

— А Виталия видели? — спрашиваю я.

— Нет.

— Неужели? Значит разошлись!

— У нас там ниже еще три лошади есть, — говорит Карибай.

— Сколько отсюда до них километров?

— Два, — отвечает Карибай.

Погрузились. Посадили Мишку. Ленц тоже категорически отказался идти; говорит, у него нестерпимая боль и ходить он не может. Посадили и его. Я и Тактасен нагрузились рюкзаками и пошли.

Как чудесно, что подоспели лошади! А вот «два километра» затянулись до темноты. Уже переход на морену, а остальных лошадей все нет.

На старом подъеме лошади увязли по брюхо. Лошадь Ленца, ведомая Леонидом, оступилась и упала на брюхо, задрав ноги в воздух. Ленц удачно ополз на снег. Я выхватил повод у Леонида, забежал сбоку и с помощью подоспевшего Тактасена вытянул лошадь. Здесь же на морене, так и не дойдя «двух километров» до остальных лошадей, заночевали. Сено, взятое караванщиками, осталось с теми лошадьми, посему все лошади простояли ночь голодными.

Сварили какао и довольно плотно поели. Карибай спит в нашей палатке.

13 сентября. Вышли в девять часов. Долго идем мореной. Впереди лошадь Ленца. Он сам и Мишка чувствуют себя явно плохо.

Тактасен рано утром ушел за лошадьми и вот, наконец, появился с тремя. Опять перегрузка. Мне так и не удалось сесть на лошадь. Хорошо, что хоть рюкзаки удалось снять.

Вскоре сделалось настолько жарко, что пришлось раздеться до трусов. Посмотрел на себя: «пообтаял» я здорово. Ну, ничего, мне это не в ущерб. Идти сразу стало легко. Знакомый пейзаж уплывает в обратную сторону, Хан-Тенгри постепенно закрывается пиком Горького и другими.

К полудню услышали крики. Виталий! Оказывается, с караваном

он, действительно, разошелся. А следы увидел лишь около этого камня, где, поудивлявшись, заночевал. Ну вот, опять все вместе.

Виталий чувствует себя лучше, говорит, что его прогулка принесла йоге пользу. Ленцу все хуже, с трудом шевелится. Мишка почти ко всему безучастен.

14 сентября. Вышли в 8.15. Погода явно портится. Пересекаем ледник. Я иду впереди, просматривая дорогу.

К 12 часам достигли его правого берега. Не сразу нашли переход. Леонид на подъеме опять свалился с лошади.

Дорога пошла более торная. Ленц просит сделать передышку: ему трудно сидеть в седле. Решили отдохнуть в лагере алмаатинцев, но до лагеря оказалось очень далеко, доехали лишь к трем часам. Ссадили Ленца и Мишу. Оба упали на траву, лежат, не шевелятся. Ветер, находят тучи. Мишу удалось уговорить ехать дальше, а Ленца — никак.

В результате мне и Тактасену пришлось остаться и разбить лагерь. Остальные уехали. Я в роли сиделки у Ленца.

Продуктов крайне мало. Развлекаемся с Тактасеном чаем с сухарями. Ленц лежит в мешке и не может шевельнуться.

К вечеру надвинулись тучи. Нашу палатку (двухместную), несмотря на отсутствие нужного количества металлических палок, мы все же установили. Недостачу восполнили деревянными палками, скомбинировав их с металлическими. Вечером посыпал мелкий дождик (наконец-то дождик!), но вскоре перестал.

Ленц спит довольно спокойно, но дышит плохо, видимо, у него жар.

15 сентября. Утро неплохое.

Ленц так и не может шевельнуться. Становится ясно, что и сегодня мы никуда не уедем.

Если вчера еще можно было побаловать себя случайно уцелевшей банкой молока, то сегодня только чай и остатки колбасы.

Ленц часто зовет меня. Снял с него мешок. Ему жарко. Прорезал ему ножом пятку, но она оказалась, к его радости, вполне здорова. Выпустил воду из опухоли вокруг пальцев. Часто пою его водой и чаем. Ест он очень мало. На лоб положил ледяной компресс.

Приехал Карибай из нижнего лагеря. Порадовать его нечем; сегодня, конечно, не едем. Он тоже нас не порадовал, привез лишь мешочек сухарей. Зато сообщил, что в Инылчеке вода спала, можно ехать без опасений.

Беспокоит Мишка, видимо, ему стало хуже. Я написал Виталию, чтобы он еще раз прислал Карибая с жердями для носилок. Если Ленц не сможет ехать, придется нести его в нижний лагерь. Карибай обещал съездить на левый берег и достать жерди.

Великое событие: вымыл голову и как-то легче стало.

В порядке эксперимента удалось посадить Ленца, чему все очень обрадовались. Он как будто начинает чувствовать себя немного лучше.

Подул ветер, погода меняется. Доели остатки продуктов.

Что-то принесет нам завтрашний день?

16 сентября. В девять часов приехали Карибай и Николай с тремя жердями. Удалось поднять Ленца на специально сделанное седло. Карибай ведет лошадь. Тактасен поддерживает сбоку.

За 2 часа 15 мин. добрались до лагеря под большим камнем. Мишке хуже. Лежат с Ленцем под каменным навесом.

К ночи Мишку перевели в палатку. Упаковали вещи.

Ночь прошла очень тревожно. Дежурю около Ленца под камнем. Ленц ведет себя очень беспокойно. Ночь теплая.

17 сентября. Встали с рассветом. Утро ясное.

Ленц перебирает свои вещи. Просит то об одном, то о другом. Я плохо понимаю его, и поэтому часто делаю не то, что он хочет. Говорит Ленц тихо, неразборчиво и иногда заговаривается. Вид у него жуткий.

Лицо заострилось, взгляд мутный.

Наконец все собрались и в девять часов выехали. Ленца опять посадили на специально сооруженное седло и проделали это как-то легче, чем вчера. Двинулись.

Я часто оглядываюсь на Ленца. Примерно через полчаса по выезде увидел, что с его руки спала варежка. Ее подобрали. Я сказал Ленцу, что если ему тепло, лучше снять и вторую варежку. Он ответил по-русски: «Не понимаю»...

Через 5-10 минут я заметил, что он как-то свис и уткнулся головой в возвышение. Я поднял его голову. Вид безжизненный. Нос скривился на бок. Пульса нет.

Мы быстро сняли его с седла. Искусственное дыхание не помогло. Сердце не бьется. Реакции на зрачок нет.

Ленц умер...

Приладили его труп на седле, прикрутили веревками. Тактасен поддерживает сбоку.

Легко перебрали Инылчек. Вода совсем низкая.

Около леса заметили всадников. Встреча с группой Погребецкого. Они приехали за нами как спасательный отряд.

Из Алма-Аты была телеграмма, что с нашей группой неблагополучно. Из каких источников алмаатинцы имели эти сведения — осталось неясным.

Решили не везти Ленца до Каракола, а похоронить его на Инылчке. Едем до сумерек. Остановились, не дойдя 16-20 километров до Сары-джаса.

Похоронили Ленца. Я написал карандашом на надгробном камне: «Саладин Ленц. Умер 17/IX—36 г.» Высечь надпись мне так и не удалось...

Спи спокойно, друг! Трагична твоя гибель далеко от твоей родины и твоих близких...

Лекпом осматривает и промывает марганцовкой обмороженные конечности Виталия и Миши. Температура у Виталия 40°, у Миши — 39,6°. Сплю в палатке с больными.

18 сентября. До света уехал Николай на Майдадыр с радиограммой о вызове самолета. У Мишки на правой ноге выше щиколотки появилась опасная краснота. Лекпом озабочен. Мишка совсем не спит. Ест очень мало. Виталий тоже спит очень плохо. Мишке сделали надстройку на седле вроде гнезда. Сидеть ему удобно. У Леонида вид жуткий. В добавление ко всему ему раздуло флюсом щеку.

Выехали в восемь часов. Утро хорошее. Дорога ровная, частые броды через речки и рукава Инылчека. Левый склон обрывист, лесист и очень красив. У Сары-джаса отдохнули в юрте, напились айрана.

Переход через Инылчек с помощью целой оравы местных жителей прошел удачно. Течение не быстрое, но довольно глубокое.

По Сары-джасу тропа тяжелая, крутые подъемы и спуски, часто по крутым отвесам. Больным нашим, особенно Мише, трудно. Кое-где его пришлось переносить на руках.

Большой Талды-су прошли к вечеру, и к огорчению Мишука не устроили здесь привала.

На Малый Талды-су пришли в темноте и остановились в чудесном лесу. Едим подгорелую рисовую кашу. Больным поджарили картошку. Температура у них снизилась.

Миша первую половину ночи спал, вторую стонал (я опять дежурю). Особенно болит у него правая нога; она деревенеет. Он думает, что это от ушибов при четырехкратном падении за сегодняшний путь.

19 сентября. Утро с облачками. День хороший.

У Виталия температура нормальная. У Миши краснота не распространяется.

Долго гонялись за одной лошастью. Выехали поэтому в 9 час. 30

мин.

Подъехал Николай. Сообщил ответ: «Врач выехал навстречу». Ответа о самолете он не дождался.

Близ долины Куйлю услышали шум мотора и увидели самолет, идущий на большой высоте. Пока искали посадочную площадку, он повернул назад. Весьма нечеткую нашу фигуру из лошадей он не заметил, не заметил и часть выложенного знака на хорошей посадочной площадке.

Погребецкий и еще трое остались на два часа ждать самолета. Мы поехали дальше. Свернули в Оттук. К вечеру встреча с врачом. Перевязка.

Поздно в темноте добрались до юрт под Беркутом. Больные с доктором ночуют здесь. Мы едем еще полкилометра к каравану.

Сплю у костра. Ночь холодная.

20 сентября. Караван ушел около восьми часов.

Я и Леонид ждем больных. Вышли в 9.15. Мишу уже несут на носилках.

Опять самолет и опять высоко.

Затем появляется второй. Этот пошел вниз, смело взял над землей и сбросил вымпел. Кроме поздравлений о покорении Хан-Тенгри, приписка: «Ищем посадочную площадку».

Позже сброшен второй вымпел: «Посадочной площадки не нашел, улетаю. К вам идет помощь. За перевалом профессор».

Нести носилки очень тяжело. Догадались поднять их и положить поперек на лошадь. Поддерживаем с обеих сторон.

В 12 час. 45 мин. я и Леонид на перевале. На траве часа два ждем остальных. Опять появились самолеты. И, наконец, радостное известие: самолет сел.

Вечером мы на Тургене, у самолета. Попытка взлететь с Виталием и Мишей не удалась: нарвало крест и скосило шасси.

Ночью едем до лесозавода. Добираемся туда в 1 час 15 минут.

Виталий и Леонид уезжают в Каракол.

21 сентября. Еще один самолет пролетел в Кара-кол. Думаю, с Мишуком.

Греюсь на солнце и жду караван.

1 9 3 7

Лето застало Е. Абалакова на Кавказе. В течение 25 дней (с 21 июня по 15 июля) он руководил школой инструкторов в Адыл-Су, а затем вместе с альпинистом Е. Васильевым и группой товарищей совершил первый советский траверс вершин Северной и Южной Ужбы. Поход через двурогую Ужбу, начатый с ледника Шхельды, они закончили спуском на Гульский ледник.

Путевой дневник Абалакова повествует об этом нелегком траверсе.

*Траверс Северной и Южной Ужбы**

16 июля. Вышли в 12 часов. Рюкзаки — на двух ишаках. Завершает караван погонщик.

До мостика через Адыл-су знакомая дорога. Подъем чудесным лесом по левому берегу Адыл-су, а затем Шхельды. По склонам масса спелой земляники. По пути успели погостить на ней. В коше напились айрана.

Кругом сосны. Кончаются они лишь у самого ледника. Ишади прошли по морене немного дальше первого снежника, после чего мы их отпустили, расплатились с погонщиком и перегрузили рюкзаки на себя. Они показались тяжеловаты, хотя каждый весил не более 18 кг. Прыгаем по большим камням левобережной морены.

Погода портится. Облака (цирусы) оправдали себя. Я и Женя Васильев спим в приюте Гельфенбейна и подшучиваем над остальными, устроившимися на открытом воздухе. Ночью гроза.

17 июля. Погода скверная. В семь часов решили идти дальше. Длинный путь по моренам и снежникам ледники. Резкие порывы ветра и дождь.

Устроили комфортабельный лагерь под камнем. Решили заночевать и завтра с рассветом двинуться на плато и Северную вершину Ужбы. Вскипятили чай на примусе. С бензином горит хорошо.

18 июля. До самого вечера крутили облака.

Вышли в три часа ночи. Связались веревкой двойным репшнуром.

Вершины едва начали светлеть, когда мы приступили к подъему на Шхельдинский ледопад. Ледопад в этом году очень изменился: сераков и трещин мало, пройти будет легко. Лавируем меж трещин и без труда поднимаемся вверх.

Над нами стена Шхельды. Вершину уже рассветили лучи солнца.

* Публикуется впервые. Печатается с сокращениями.

Вдали белый пологий массив Эльбруса.

В верхней части ледника путь совсем прост. Идем по его середине. Последнюю широкую трещину обходим слева.

На плато остановились близ новой широкой трещины. Наш фотолобитель ушел к трещине для съемки и оттуда увидел, что все мы, оказывается, стоим на довольно тонком сложном мосту. Пришлось поскорее убираться.

Северо-восточная стена Ужбы грозна и эффектна.

Достали из широкой трещины воды. Долго кипятили чай. Примус так и не загорелся, пришлось кипятить на мете.

Двинулись к Северной вершине. Сброс, которой обычно труднопроходим, прошли без труда слева.

Снег стал размякать. Я пошел первым. Снежный угол до скал решили страверсировать к нижнему краю бергшрунда. Но уже в первой половине пути заметил, что сверху и вправо от меня верхняя ледяная пленка разорвалась, образовав трещину. В любую минуту можно было ждать лавину. Пришлось изменить направление и пройти выше к бергшрунду. В его верхний край я вбил крюк. Дальше пошли уже спокойнее.

При выходе на скалы вырубил несколько ступеней. Скалы оказались не очень круты, но очень сыпучи. Продвигались попеременно и очень аккуратно. Несмотря на это, к большому неудовольствию стоящих ниже, частенько из-под ног летели камни.

На крутой стенке я взялся за уступ и в тот же момент почувствовал, что камень идет на меня. Секунды единоборства, напряжения воли и сил... Удалось поставить камень на место и очень аккуратно обойти предательский участок.

На кошках пошли по снежному гребню. Торю следы в талом снегу. На более крутом склоне (45°) лед.

Идем на крюковом охранении. Быстро устают ноги. Я не рассчитал и крючьев до верха не хватило. Пришлось охранять из вырубленных ступеней.

К пяти часам вышли на вершинный гребень. В верхней части на ледяном основании талый снег держится очень непрочо. Гребень оказался настолько оснежен и с массой самых зверских карнизов, что при таком состоянии снега идти по ним было бы просто легкомыслием. Решили встать на ночлег.

Вырыли под гребнем две пещеры. Ночь провели неплохо. Было почти тепло.

19 июля. Утром встали не рано. Ясно и холодно. Пока топили воду, да собирались, времени прошло много. Вышли в семь часов.

Карнизы при ближайшем рассмотрении оказались не так страшны. Однако проходили их осторожно, попеременно охраняя через ледоруб; за весь переход забили лишь один крюк.

Вершинный карниз обошли и устроились на скалах. На Северной вершине Ужбы пробыли с 11 до 12 часов. Сделали зарисовки, снимки.

Пошли на спуск по южному гребню. Гребень не труден. Наибольшее время занял переход с гребня к седловине (спустились дюльфером^{*}). На спуск от вершины затратили два часа.

Траверсировать гребень седловины не решились: снег сильно подтаял.

Обнаружили обильные источники. После продолжительных поисков нашли хорошую площадку. Работы по устройству бивака хватило часа на три.

Любовались прекрасной картиной вечерних облаков.

Спали укрывшись палаткой Здарокого и, признаться, не мучались от жары.

^{*} Дюльфер – способ спускаться, сидя на веревке.

20 июля. В семь часов вышли на снежный гребень седловины. Холодный ветер. Путь по острому гребню с карнизами в обе стороны занял час и не произвел на нас большого впечатления.

Выход на скалы северной стены Южной вершины оказался необледенным и простым. Хорошее лазание с крюковым охранением.

На середине подъема, наконец, встретилась стенка, которую трудно было взять с рюкзаками. Полез один на нас. Уверенно взял первую часть стенки, но на второй застрял. Лишь после того, как вбил дополнительный крюк для ноги и перекинул веревку за выступ, поднялся наверх.

Затем подняли рюкзаки и с верхним охранением полез Женя. Примерно на половине пути он неожиданно сделал маятник и едва не сорвал других. Я лез последним. Выбил все крючья и взобрался сам без их помощи.

Дальше рюкзаки уже не снимали. Траверсируя вправо, обошли еще одну стену и вскоре вышли к вершинному гребню. Стена отняла пять часов,

На вершину Южной Ужбы вышли к двум часам дня. Пробыли там недолго. Написали записку и заложили в тур. Я сделал зарисовки. Сфотографировав близлежащие горы, мы начали спуск. Снежный гребень, полого спускающийся вниз на юг, прошли быстро под резкими порывами ветра. Сошли влево на снежник. Наша двойка идет на кошках, и поэтому продвигается скорее.

Дойдя до края стены, забили крюки на полную длину и опустили веревку. Первый спустился с прусиком и не зря. Веревку заело и прусик выручил. Последним лез Женя: он имел опыт по вытягиванию веревки. С верхней площадки легко вытянули веревку. Дальнейший порядок спуска почти такой же.

На второй наклонной площадке встали на самоохранении, и вдруг у нашего фотографа вылетела лейка. Только ее и видели! Потеря крупная.

Третий дюльфер, наиболее длинный, сразу захватил в четвертую стенку. Спуск оказался настолько утомительным, что пришлось отдыхать на промежуточной площадке.

Уже в темноте спустились вначале по снегу, а затем по скалам и отсюда, как по радио, переговаривались с поднявшейся на стену группой Нелли Казаковой.

Сделали площадку. Ночевали в палатках Здарского.

21 июля. Ночью сильный и холодный ветер рвал палатки.

Утром траверсируем влево по карнизу. Выходим на наклонные плиты, нетрудные, но частично обледенелые и поэтому опасные. Надеваем кошки и идем по жесткому фирну, а затем по наклонным, но не крутым плитам. Резкие порывы ветра. На снежнике применили скольжение.

Два уступа к Мазерской зазубрине одолели быстро. В кулуар спустились дюльфером и затем с попеременным охранением двинулись вниз по хорошему талому снегу.

Жарко. Спускались очень долго. После кулуара — путь по скалам. На скалах нас как следует обсыпало камнепадом.

Спустившись в большой кулуар, стали вначале глиссировать на ногах с попеременным охранением, а затем чудесно съезжали сидя. Вышли на плоское место. Тульский ледник. На морене радостно поздравили друг друга с первым советским траверсом Ужбы. Отдохнули, доели все остатки своих скромных запасов.

Ниже перешли на левую сторону ледника и пошли не спеша вниз торной тропинкой. Богатые луга, затем кустарник и, наконец, чудесные сосны кажутся необычайно прекрасными.

В селении Гуль подкрепились мацони, яичками и двинулись дальше по красивой долине.

К вечеру дошли до селения Мазери. Женя разыскал знакомого свана, встретившего нас весьма радушно. Покормили нас айраном и

яйцами и уложили на сеновале. Спали как убитые.

22 июля. Обгоревшие мордочки дают себя знать. Особенно осунулся и обгорел Женя.

Появляются группы туристов. Кто-то узнает, что начальник группы, только что спустившейся с траверса Ужбы, — Евгений Абалаков. Раздаются возгласы: «А, это знаменитый восходитель! — Тот самый?!.. Да где же он?» Один из товарищей указывает на меня. Очевидно, вид мой мало героичен, ибо не производит никакого впечатления.

В полдень выехали, погрузив рюкзаки на лошадь, нанятую до южной палатки за репшнур и ботинки Жени (увы, денег у нас уже нет).

Чудесный нарзан, а потом не менее чудесный елово-пихтовый лес. По крутой каменистой тропе над ревущей Долрой, наконец, вышли на гарные луга и вскоре подошли к Южному приюту.

23 июля. В пять часов утра вышли из Южного приюта на перевал. Лошадь провезла рюкзаки километра два и в сопровождении брата нашего носильщика-свана повернула вниз.

Вот она, двурогая Ужба!

Мы медленно под тяжестью рюкзаков двинулись к перевалу. С

нами пошли два самодеятельных туриста. Один немедленно забрел куда-то вверх, и мы едва вытянули его на верный путь.

Утро прохладное и ясное. После первого крутого подъема встретили группу сванов. Как ни лень было нести рюкзаки «по ровной» дороге, но заломленная цена сразу придала бодрости и рюкзаки продолжали путешествие на наших плечах. Вскоре даже обогнали сванов.

Я шел первым, решив как можно скорее пройти тоскливый Бечойский перевал. Вот и он. Отдохнув, быстро пошли вниз, временами скатываясь сидя. Опять осыпь, затем трава и, наконец, — Северный приют.

Очень много «планового» народа. Пестро, как на ярмарке. Пришлось выдержать целую атаку вопросов и насказать таких «ужасов» про перевал, что у бедняг делались круглые глаза и весь пыл остывал. Разумеется, потом мы признавались в шутке.

Начальник спасательной службы увел нас в соседний кош и накормил чудесными сливками.

Через час, пройдя красивый сосновый лес ущелья Юсенги, мы были уже у лагеря «Рот фронт», а немного погодя оказались за столом, богато уставленным яствами. Подкрепившись, двинулись дальше и, делаясь впечатлениями, незаметно дошли до своего лагеря.

Встреча в лагере бурная. Меня качают.

После небольшого отдыха Е. Абалаков и Е. Васильев вновь отправляются в район Шхельдинского ледника и через несколько дней успешно штурмуют главную (Восточную) вершину Шхельды. Возвратившись па базу, они узнают о гибели на Шхельдо альпиниста К. Ручкина. В третий раз за месяц идет Е. Абалаков на Шхельдинский ледник.

По окончании спасательных работ на Шхельде Е. Абалаков участвовал в спасательных работах на Дых-тау и в восхождении на Салынан, Бжегдух и Джан-туган. Публикуемые страницы из его путевого дневника рассказывают о восхождении на главную вершину Шхельды.

Восхождение на главную вершину

*Шхельды**

Первое советское восхождение

28 июля. По плану я и мой товарищ по восхождению Женя Васильев хотели выйти не позднее 12 часов, но из-за чертовских ишаков вышли после обеда, часа в четыре. До коша дошли легко и быстро. Напились айрана и, расплатившись с погонщиком, двинулись с рюкзаками по знакомой дороге.

У приюта Гельфенбейна оказались еще до захода солнца. Решили идти дальше и в сумерках поднялись на снежник к скалам лагеря.

Я очень долго искал воду, ворочая сыпучие камни морены. Но вода была настолько глубоко, что так и вернулся ни с чем. Закусили сосисками, помидорами (роскошь!), огурцами и легли спать. Спали очень хорошо, тепло и уютно.

29 июля. Утро прозевали и встали, когда совсем рассвело. Быстро собрались и вышли. Однако самочувствие Жени Васильева оказалось много хуже вчерашнего и темпы подъема не блещут особой быстротой.

Утро ясное. Солнце осветило вершину Шхельды. Трещины на ледопаде значительно разошлись.

Отдыхаем один раз на середине ледопада. Вышли на плато и сейчас же свернули вправо. Вначале спуск был замечательный, но ниже пошли многочисленные трещины.

Долго маневрировали среди трещин. Решили до подножья гребня не спускаться, а страверсировать по снежнику и в дальнейшем вести подъем к вершинному гребню по снежникам с левой (орографически) стороны от гребня. Снежники кажутся достаточно мирными.

* Публикуется впервые. Печатается с сокращениями.

Ночевку под гребнем решили отменить и перенести ее поближе к вершине. Пришлось снять кошки. Снег сильно размяк. С силой врубаю ботинки — снег держит.

Бергшрунд обошли справа по скалам. Перед нами башня. Обходим и ее справа по снегу, затем влево длинным снежником выходим на гребешок. Часто снимаем красавицу Ужбу.

Погода портится. Отдаленные раскаты грома. Решено заночевать здесь, хотя еще, видимо, не больше трех часов дня. До вершинного гребня осталось совсем немного. Удалось разыскать воду. Варим чудесный кисель. Воды много, хоть обливайся. Подкрепились плотно.

Гроза прошла стороной, но с края опять ползут тучи. Женя Васильев чувствует себя неважно.

К вечеру облака разошлись. Спим под тентом палатки Здарского.

30 июля. Ясное утро. Встали рано, солнце едва осветило Сванский хребет и Северную Ужбу. Вышли часов в пять.

Снег под кошками часто проваливается, затрудняя подъем. Широкий кулуар в верхней части (до 40°) не труден. Думали, если и дальше так пойдет, то вершинка больше третьей категории не заслуживает.

На скалах южного гребня нас встретило яркое солнце. Хорошо видны мрачные срединные, башни Шхельды. Закусили и поплелись на солнце. Опять зашли в тень от скалистой башни. Идем по жесткому фирну довольно острого гребня и после крутого взъема подходим к скалистой стенке. Кошки долой.

Женя лезет по скалам первым. Я с рюкзаком иду вторым. Скалы обглаженные, но не трудные. Мешают ледорубы. По острому гребню с тремя жандармами приходится двигаться с большой осмотрительностью. На среднем жандарме Женя сфотографировал меня. У начала верхнего жандарма решили оставить ледорубы. Вложили их в расщелину и подошли к западной стене первого крупного жандарма.

Я довольно легко преодолеваю расщелины и стенки, на которых Женя копошится довольно долго. Крючьев не вбиваем. По легкому гребню, высматривая дальнейший путь, дошли до верха жандарма. Ясно, что до седловины, глубоко падающей между нашим жандармом и эффектным обелиском вершинной башни, придется спускаться дюльфером. На хорошо проверенном уступе сделали петлю и через нее прoderнули репшнур. Я пошел первым, несколько опасаясь за прочность репшура и уступа. Выдержало то и другое блестяще.

От седловины продолжаю идти первым. Женя — вторым. Траверс вправо и затем подъем по восточной стене. Ухожу от охраняющего далеко, обещая забить крюк. На всей стене забил два крюка. Скалы прочные и теплые — лезть одно удовольствие, хотя угол часто доходит до 70°. Около одного уступа нашли древнюю петлю из репшура с хорошо сращенными концами, видимо, след Шульце*.

Несколько труден кусок перед выходом на предвершинный гребень. Видна уже и сама вершина, но далеко и как знать, сколько еще будет провалов до нее.

Вершинки. Первую траверсировали не заходя на нее. На второй переход простой, но спуск оказался почти отвесным. Пришлось, чтобы не возиться с организацией дюльфера, искать обход. Женя долго не решался совершить траверс по отвесной стенке. Забив два крюка, с трудом прошел. Я выбил один крюк я, не воспользовавшись другим, перешел на перемышку. Третью вершинку легко обошли. Слева трудноватый подъем на пятую, и, наконец после легкого гребня — сама главная вершина. Не трудна, но сыпуча. Я восхожу первым. Затем подтягивается Женя.

Пятая вершина проектируется совсем в долину. Ясно, что она ниже на 30-40 метров.

Тур не обнаружили. Видимо, его разрушило время. Азартно

* Немецкий альпинист Шельце, поднявшийся на Шхельду в 1903 году.

снимаем все кругом и друг друга на двух почти одинаковых вершинках. Сделал зарисовки. На вершине пробыли минут 30.

Спуск пошел быстрее. Опасный траверс миновали, взяв стенку в лоб.

У трудного места на основная восточной стене укрепили за уступ петлю для дюльфера. Я спустился первым, Женя — вторым, и легко вытянули репшнур. Сразу же нашли еще уступ. Опять петля и опять спуск на 35 метров. После третьего раза опустились по наклонной плите и по ней опять дюльфером до перемычки к жандарму.

Связались вновь, и я полез по стене на жандарм. Стена крута, много захватов, не отличавшихся большой прочностью. Иду на всю веревку, лишь в нижней части забив один крюк. Тронул крупный камень, и он с грохотом двинулся вниз. До верха жандарма хватило одной веревки. Женя влез с рюкзаком.

Солнце закатывалось за зубья вершин. С жандарма опускались опять дюльфером. Второй раз при вытягивании веревки конец ее зацепился за камни. Пришлось мне лезть и обрезать. Следующий дюльфер прошел уже в темноте. Наконец последний гребень.

Внимательно осмотрели скалы первого жандарма — ледорубов нет, значит дальше. Спуск по острому гребешку уже ощупью.

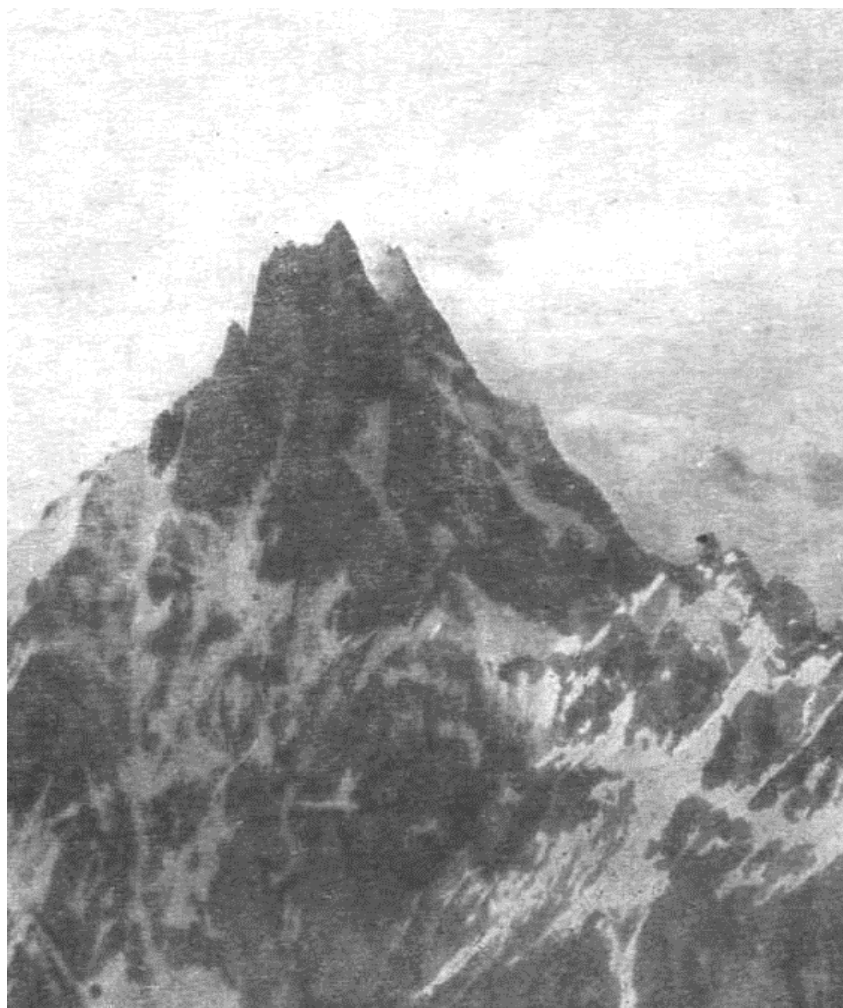
Третий жандарм. Женя пошел дальше. И тут я вспомнил, что снимался на остром гребне с ледорубом. Жаркий спор, и по моему настоянию лезем в полной темноте и тумане обратно к первому жандарму. У его подножья обнаруживаю, к великой нашей радости, ледорубы. Опять спуск и транспортировка ледорубов по веревке на карабине.

Последняя стенка — и Женя на снегу. Спустился и я. Снег оказался мокрый. Пошли по нему, угадывая путь в тумане и мраке.

Гремит гром, блещет молния. Снег держит едва-едва. Вышли на гребень и с попеременным охранением двинулись по жесткому фирну. На

склонах оделись потеплее и уже быстрым темпом одновременно пошли по снежному склону.

Из облаков иногда выглядывает месяц и освещает величественную картину. Я перегоняю Женю. Оба энергично втыкаем носки ботинок в чрезвычайно неравномерный снег: он то жесткий, то такой рыхлый, что мы проваливаемся по пояс.

Над вершиной Шхельды клубятся облака

В 11-12 часов ночи спустились в лагерь. Итого 17-18 часов напряженной работы,

31 июля. Поднялись с восходом и, быстро собравшись, двинулись на кошках по жесткому фирну. Пагода ясная.

Через час — полтора уже на леднике. Внимательно осматриваем снежные кулуары стены Шхельды, пытаюсь отыскать загадочную группу,

огонек которой мы видели под стеной вчера вечером. Никого не обнаруживаем.

Бодро зашагали вверх по Ужбинскому леднику, направляясь вновь к плато. Знакомые трещины обходим выше. Последний крутой подъем, и мы на плато.

По ледопаду спускаемся аккуратно. Снег здорово растопило. Удачно обходим значительно разошедшиеся трещины. По леднику идем уже резво, но не развязываясь.

Дойдя до морены, сварили сосиски и доели все свои запасы. По морене я развил такие темпы, что Женя даже расстроился. В коше выпили по пять стаканов айрана и к пяти часам были уже в Тегенекли.

Накрапывает дождик.

1938

Летом 1938 года группа советских альпинистов решила совершить траверс семи вершин Безингийского района (Центральный Кавказ) — пройти от Дых-тау до Коштан-тау.

Но прежде чем осуществить намеченный план, необходимо было забросить на некоторые участки трассы продукты питания. Выполнение этой задачи взяли на себя участники траверса Е. Абалаков и Г. Прокудаев. В течение пяти дней они совершили нелегкий переход по кольцевому маршруту: из Миссес-коша прошли по ущелью Дых-су, поднялись на Крумкольский ледник и вышли на гребень между Восточной Мижирги и Крумколом, откуда спустились к Миссес-кошу.

В поход через семь грозных вершин Центрального Кавказа вместе с Е. Абалаковым и Г. Прокудаевым вышли В. Миклашевский и Ю. Скорняков. С Безингийского ледника участники траверса поднялись по северному гребню на Дых-тау Западную. Продвигаясь по направлению к Коштан-тау, они совершили восхождение на Восточную вершину Дых-тау, на пик Пушкина, на Западную и Восточную Мижирги, Крумкол и, наконец, на Коштан-тау. По северному гребню восходители благополучно спустились на ледник Кундюм-Мижирги.

Об операции по заброске продуктов и о рекордном траверсе семи вершин Е. Абалаков рассказывает в путевом дневнике и статье «Тринадцать суток в снегах высочайших вершин Кавказа».

*Траверс семи вершин от Дых-тау до Коштан-тау**

(Первый траверс)

8 августа. Нальчик. Со станции на бричке доехали до Вольного аула. Первая встреча с Колей Чекмаревым. Много новостей. Не вернулась группа Е. Белецкого. Контрольный срок прошел уже три дня назад. Жора Прокудаев с Юрой Скорняковым решили идти с Дых-су и уже уехали.

На улице неожиданно встретили Жору. Уехал, оказывается, один Юра, а Жора летал на самолете на поиски Белецкого. Выяснилось, что утром с самолета видели, на юге от гребня Джанги, четырех человек. Кто это были — пока неясно. Однако спасательные группы к этому времени выйти на гребень вряд ли могли.

Юра с ледорубами, кошками, веревками и прочим снаряжением, по уверению Жоры, должен ждать нас на Клепачном заводе. Решили ехать к нему и затем всем вместе забросить продукты с Дых-су на гребень Крумкола. Коля Чекмарев с остальным грузом должен ехать в Миссес-кош.

В четыре часа спешно выехали с подвернувшейся машиной до Кулиша (я едва успел вскочить, надев ботинки на босую ногу).

На Клепачном Заводе никаких следов Юры не обнаружили. Поехали дальше.

Исключительно узким и крутым ущельем поздно вечером добрались до Кунюма. Заночевали в сельсовете. Дождь.

10 августа. По словам местных жителей, человек, похожий на Юрия, проследовал вверх.

Наняв ишака, в шесть часов вышли в Нижнюю караулку. Жора

* Публикуется впервые.

ушел вперед, желая зайти и на Верхнюю караулку. К 12 часам добрались до Нижней караулки. Встретили группу туристов. Следов Юры нет.

Через час пришел Жора. Положение тяжелое: ни веревки, ни ледоруба, ни кошек у него нет. Решили все же не возвращаться, а добыть все необходимое на месте и двинуться на заброску продуктов. Иду, несмотря на стертые ноги, в Верхнюю караулку. Жора — к знакомой группе на ледник Дых-су. Обещали помочь украинцы. Вечером Жора купил у них продуктов и крючья.

Спим у радиста. Ясный вечер.

11 августа. Связались по радио с начальником спасательной службы. Взять временно ледоруб из фонда он не разрешил. Дело плохо! Все же решили идти.

В Нижней караулке пополнили рюкзаки и пошли вверх по ущелью Дых-су. Красивое лесистое ущелье. У Жоры импровизированный рюкзак из чехла спального мешка.

В лагере у ледника у друзей Жоры взяли веревку, вырезали ему дрючок вместо ледоруба и пошли к леднику по левой (орографически) стороне.

Дождь заставил нас отсиживаться под скалами. Заночевали в палатке Здарского на травянистой площадке. Ночью дождя не было.

12 августа. Утро приличное. По пути быстро дошли до коша. Там оказалась группа геологов. Встретили нас очень радушно.

Погода опять портится. Вышли к Крумкольскому леднику. До него километра два. Узкое ущелье ледника. Шагаем по левой (орографически) береговой морене, затем сходим на лед. Ледник идет увалами не очень круто. Трещин нет. Прямо перед нами ледопад — предполагаем, что с Крумкольского провала. Видимость плохая, вершины закрыты туманом.

Ледник по-прежнему увалами сворачивает влево. Идем по нему, причем, чтобы не вязнуть в снегу, — левой (орографически) стороной. У

выхода с крутого увала попали в трещины.

На ночь устроились на небольшой моренке. Натянули палатку Здарского. Согрели в банке воду с молоком.

По-прежнему тихо. Вершины в тумане.

13 августа. Утро приличное. Старательно обходим трещины, поднимаясь вверх по леднику. С правой стороны ледопада нашли скалистый выступ. Поднялись на него и на верхней, округлой, покрытой осыпями части оставили лишние вещи.

Отсюда же решили начать восхождение на гребень стены. Наметили путь: вначале по снежнику влево, затем в кулуар и далее по кулуару или по скалам справа.

Я настаивал на том, чтобы пойти по скалам, ибо, когда прошли длинный и крутой снежник, пересеченный лавинными полосами, и вошли в кулуар, стало ясно, что он весьма опасен. Прошли вверх, стараясь держаться менее опасного края кулуара, и вышли на левые (орографически) скалы. Они очень сыпучи, но вначале не особенно трудны. Часто приходится менять направление, выбирая более легкий путь. Слева по кулуару нередко летят камни.

Выше уклон пошел круче, а скалы стали более обглаженными. Жора привязал свой дручок на тесьму, чтобы он не выпал. Лезем с попеременным охранением. Задержал почти отвесный обледенелый кулуар. Облезаем по стенке справа. Пришлось снять рюкзак. Вылез с трудом. Вытянул рюкзак. Охраняю Жору. Он лезет с рюкзаком. Тяжело пришлось.

Выше пошло проще. Вскоре вышли на снег и затем через маленький карнизик на широкий снежный гребень Крумкола. Туман. Видимость самая ничтожная... Особенно жаль, что не видно трудного гребня Восточной Мижирги.

Пошли вправо по гребню, отыскивая удобное место для продуктов.

Вскоре нашли заметный скалистый выступ. Под него повесили мешок с продуктами. Сбоку привалили камнями, чтобы мешок не сорвало ветром. Консервы, колбасу, сыр уложили в камнях у основания. Всего продуктов сложили 8-10 кг.

Было ясно, что по старому пути спускаться будет очень трудно, ибо на нашем огрызке веревки, дюльфера не организуешь.

Пошли дальше на северо-восток по гребню, стараясь отыскать подходящий спуск. Но справа в туман уходила отвесная стена и о спуске не могло быть и речи. Наконец с одного жандарма увидели более пологий скалистый склон. Спустились в расщелину. Ниже падал крутой кулуар. Я решил обойти его слева. С полочки на полочку удачно спустились вниз, пересекли кулуар и перешли на правые более легкие скалы.

Подошли к другому кулуару и пошли по нему. Но он оказался обледенелым. Опять — на скалы. Так прошагали до широкого и, кажется, выходящего уже к основанию кулуара.

Видимость очень плохая... Давно уже сыплет мокрый снег и наши штурмовки изрядно промокли. Быстро спускаемся по снежнику. Жора разок сорвался, скользил метра четыре и удержался одновременно с натяжением веревки.

Внизу показались очертания подножья, мы увидели знакомые места и скалистый выступ, где оставили наши вещи. Вскоре, уже в сумерках, мы были на выступе.

Снег валит по-прежнему... Мокрые насквозь, устраиваем площадку и натягиваем палатку. Спички зажигаем с трудом — отсырели. Даже спирт горит плохо.

Ночью выглянула луна.

14 августа. Утро ясное. Подсушиваем вещи. Нужно торопиться, чтобы выйти еще по смерзшемуся снегу и перейти пораньше бергшрунд и многочисленные трещины. Но провозились с просушкой и вышли поздно.

Солнце уже высоко.

Пересекли склон. Нашли подходящий мост через бергшрудн и вышли на ледник. Без кошек нужно было особенно аккуратно переходить не один острый гребешок ледяных перемычек между широкими и глубокими трещинами. Часто подрубаем особенно острые гребешки и тщательно охраняем друг друга (насколько позволяет короткая веревка).

Выбравшись из лабиринта трещин, пошли ровным снежным плато, частенько в подозрительных местах прощупывая снег ледорубом. Запоздалый выход сказывается главным образом на мне. Жора идет первым и налегке; я — по его следам и с рюкзаком, набитым всеми нашими вещами. Там, где Жора проходит свободно, не проваливаясь сквозь верхнюю корку снега, я безнадежно увязаю. Жора идет не быстро, несмотря на это я пыхчу, как паровоз, и обливаюсь потом. Даже огромные поля балкарской шляпы, купленной для вырезания из нее стелек, не спасают от палящих лучей солнца.

Впереди из-за гребня перевала на леднике Башха-ауз показался мощный гребень вершины Шхары. Во время редких остановок любуемся эффектной «башней» Западной Мижирги и с интересом отыскиваем путь нашего вчерашнего восхождения.

Спуск, конечно, получился более удачным. (Подъем можно было бы выбрать менее трудный.) Дальше вниз по леднику видны скалистые склоны вершин Крумкола и грозные стены Коштан-тау и Тютюна.

Очень приятно было выбраться на отлогий гребень перевала и опять рюкзак. Легкие порывы ветра освежили разгоряченное тело. Дальше рюкзак понес Жора, а я пошел первым.

Решили траверсировать склон Башха-ауз и затем уже выйти на следующий перевал, ведущий в бассейн ледника Безинги. Этот, казавшийся совсем легким, склон оказался весьма утомительным и отнял у нас порядочно времени. Очень мелкая осыпь чередовалась на нем со

снежниками то глубокого и талого снега, то льда, в котором приходилось рубить ступени. Солнце жгло невыносимо. Всякое дуновение ветра прекратилось.

Со второго перевала увидели длинный ледник с обширными снежными полями, довольно, полого спускающимися в направлении перевала Дыхни-ауш. Мы вышли как раз в самые его верховья. Спуск в цирк ледника оказался коротким, но крутым. Солнце еще не пригрело его и снег был настолько тверд, что пришлось рубить в нем ступени. Удачно скатившись через закрытый и, видимо, в этом месте небольшой бергшруд, мы вышли в цирк ледника.

Вначале шли довольно быстро, но ниже снег подался под лучами солнца, и ноги стали вновь глубоко проваливаться. Теперь уже крепко доставалось Жоре, он поминутно чуть не по пояс увязал в снегу, а вскоре и не на шутку провалился в скрытую трещину. Пришлось идти медленнее, более тщательно прощупывать гладкую снежную поверхность.

Слева склон пересекал пунктир Чьих-то следов. Они шли с низа ледника и терялись на выемке гребня. Здесь был еще один перевал на леднике Башха-ауз.

Попытка обойти лабиринт трещин по правому склону не удалась. Склон был крут, а снег на нем настолько раскис, что мы съезжали при первом прикосновении. Пришлось спуститься и пробираться среди трещин. Как тщательно ни прощупывал я снег, все же ввалился в одну, на счастье, небольшую, трещину.

Особенно мучительно долго тянулся путь в нижней части склона, когда до соединения с чьими-то загадочными следами, казалось, было совсем недалеко... Ноги вязли в снегу по колена. Мокрые ботинки сильно терли ноги. Солнце пекло нещадно. Лицо сгорело и очень сильно. Это было особенно неприятно потому, что засиживаться в Миссес-коше для лечения было никак нельзя. Наконец вышли на следы. Они оказались не

очень свежими и, что нас больше всего удивило, принадлежали одному человеку. На следах снег был жестче и мы пошли быстрее.

Перевал Дыхни-ауш был уже позади и значительно выше нас. Крутой спуск по склону. Иногда глиссируем по талому снегу. Слева цирк ледника и грандиозная стена Шхары. Быстро теряем высоту. Вспоминаю, каким страшным казался мне этот склон над трещинами в 1932 году!

Вот и морена. На ней устроили отдых. Просушиваем все вещи. Приятно походить босыми ногами. В изобилии пьем воду с кислотой, доедаем последний кусок так выручившей нас брынзы и крошки сухарей.

Вдруг вверху затрещал самолет. Маленьким комариком вылетел он из-за склона Дых-тау. За ним второй. Казалось, что вершины Дых-тау значительно ниже стальных птиц. Однако, когда самолеты развернулись вблизи склонов Джанги и пошли к перевалу Дыхни-ауш, стало ясно, что это была лишь обманчивая видимость. Самолеты приблизились к перевалу, и нам стало казаться, что они снизились, а гребень перевала неожиданно вырос, да настолько, что машины вот-вот заденут его снежную шапку.

Спускаемся по дну долилки, образованной слева валом береговой морены, а справа осыпью. Со всех сторон — камень. Впереди показалась палатка. Слышны голоса. На валу морены стоят двое. Подходим к ним. Это два молодых альпиниста. Они наблюдают за возвращением последних спасательных отрядов, искавших группу мастера Белецкого.

Узнаем от них, что Белецкий уже вернулся и срочно вызван в Нальчик. Поставлен еще один рекорд продолжительности пребывания на высоте и недопустимого отношения к искавшим его товарищам. По словам альпинистов, группа Белецкого стену сумела одолеть лишь за 18 дней. Это настолько большой срок, что уже трудно было ожидать их возвращения... Приходится отдать должное упорству группы и справедливо возмутиться поведением мастеров.

В Миссес-коше оживленно. Палатки по обеим сторонам каменной

ограды. В середине еще одно нововведение — турник. Впрочем, вскоре убедились, что он вкопан главным образом как декоративное украшение, ибо самое большое, что можно на нем сделать, это подтянуться.

В особое умиление пришли все, увидев дручок Жоры Прокудаева. Не успели наговориться, как пришлось начать подкрепляться. Особенно плотным оказался ужин, любовно приготовленный Сережей Ходасевичем.

Из нашей группы здесь оказался только Юра Скорняков. Коля Чекмарев ушел с ребятами на Катын, а оттуда, возможно, на Джанги (искать все того же Белецкого) и вернется не ранее, чем через два дня... Это известие сильно путало наши планы.

Юра сейчас же предоставил нам свою палатку и под этим предлогом (видимо, не без удовольствия) перекочевал в девичью.

15 августа. Утро очень хорошее. Безингийская стена ослепительна. Предаемся приятному отдыху и усиленному питанию. Жора считает, что завтра необходимо начать восхождение, даже если не успеет вернуться Коля Чекмарев. Юре это не нравится, но он не может возразить, ибо упускать хорошую погоду действительно нельзя. Я тоже считаю, что выходить нужно, но необходимо подобрать четвертого партнера.

Начали обсуждать возможные кандидатуры из группы Ходакевича (у них пять человек — цифра неудобная для группы). Я предложил кандидатуру Виктора Миклашевского. Возражений не последовало. К вечеру Жора подсел к Ходакевичу, объяснил ему наше положение. Ходакевич не возражал. Миклашевский первое время колебался. Ему, видимо, не хотелось расставаться со своими друзьями, но наконец согласился.

Мы считали, что все теперь в порядке. И вдруг поздно вечером возвратился Коля Чекмарев с поисков Белецкого... Положение неловкое. Ясно, что Коле самое меньшее дня полтора-два нужно на отдых. А это значит откладывать восхождение и отказывать только что приглашенному

Миклашевскому. Переговоры с Колей взял на себя Жора. Узнав о нашем решении выходить завтра, Коля явно обиделся, но возражать не стал.

Нелегко подниматься по скальной стене

16 августа. Утро опять хорошее.

Начались сборы. Жирно намазываем ботинки и выставляем их на солнце. Вокруг каждого рюкзака разбросаны вещи в самом неожиданном сочетании: леченье в тесной дружбе с мазью для ботинок, какао с крючьями и карабинами и т.д. Альпинисты успешно управляют с работой портных, точильщиков, сапожников, поваров.

Едва успев закусить, прилично нагруженные, выходим в пять часов вечера. Работа сегодня небольшая — дойти только до «Русского ночлега».

Тепло простились со всеми обитателями Миссес-коша и особенно с группой Ходаке-вича (они тоже сегодня должны выйти на траверс Безингской стены), пожелав успеха друг другу.

Я оставляю контрольный срок 30 августа и примерный календарный план маршрута.

Солнце уже приблизилось к гребню Каргашильского хребта. Идем, то поднимаясь, то спускаясь по зеленым лужайкам близ обрыва, на ледник. Слева в высоте холодным блеском сверкают снежные поля Миссес-тау. Иду спокойно, без всякого волнения, что не всегда со мной бывает перед трудными восхождениями.

Вот и давно знакомая осыпь! В пятый раз я начинаю подъем по ней... Пошли медленнее, аккуратно выбирая место для ноги. Стало жарко. Пот капля за каплей слетает с лица.

Полосы морены на леднике становятся все меньше, а скалистый гребень, за которым скрывается желанный ночлег, медленно приближается к нам. Не желая идти по желобу, заваленному невероятно сыпучей осыпью, пошли вправо на обглаженные скалы и, обходя трещины и уступы, зигзагами двинулись вверх. Трикони еще совершенно новые, не скользят, и мы легко поднимаемся по скалам.

Тень от зашедшего солнца чуть обгоняет нас. В сумерках перевалили гребень и спустились к «Русскому ночлегу». Приятная неожиданность: на площадке обнаружили прекрасную полудатскую палатку, хорошо расставленную. Вот поспим!

Вечер теплый настолько, что это начинает нас беспокоить. На леднике не без труда нашли воду и наполнили ею всю нашу посуду. Ледник с прошлого года сильно изменился — стал почти неузнаваем.

После плотного ужина и чая завалились спать. Тепло, и я вынужден вылезти из опального мешка. Высота 3800 метров.

17 августа. Ночью с тревогой слушали стук дождевых капель о

крышу палатки. Утром тоже изредка капал дождь. Облака быстро проносились, облизывая скалы, иногда закрывая нас туманной мглой.

Мы не спешим, выжидая, в какую сторону изменится погода. Просветы меж облаками стали шире, изредка показывались желтые скалы вершины Дых-тау. Решили оставить гостеприимную палатку и двинуться вверх. Вышли в 8 час. 30 мин.

Ледник настолько разошелся, что пришлось обходить его по краю. Из-под ног сыплются камни. Осыпь оседает под ногами.

Вдруг сверху слышались голоса. Отвечаем. Кто бы это мог быть? Вероятно, Кизель с Андреем Малейновым... Вышли на выступ, откуда хорошо виден весь крутой снежник. Никого нет. Кричим. Ответа нет... Так и разошлись, не увидав друг друга.

На снежнике сразу убеждаемся, что без кошек будет плохо. Выше снежник постепенно становится все круче, а слой снега на льду все тоньше. Слева уступами нависают скалы. Справа высоко к гребню Миссестау уходит крутой ледяной склон. Внизу глубоко под нами раскрыты черные пасти трещин и где-то совсем в глубине, сквозь просветы в облаках, видны кусочки ледника Безинги.

По крутому ледяному склону поднимаемся зигзагами. На каждом повороте я вырубаю ступеньку, с которой охраняем друг друга. Я иду с Жорой. Миклашевский с Юрием за нами. Уже близок желанный гребень. Еще два зигзага — и мы на нем!

Тринадцать суток в снегах высочайших вершин Кавказа

*Восхождение посвящаем
славному двадцатилетию
Ленинского комсомола*

14 августа к вечеру двое участников группы, утвержденной Всесоюзным комитетом по делам физкультуры и спорта на рекордный траверс труднейших вершин Кавказа: Дых-тау (высота 5198 м), Мижирги (4928 м), Крум-кол (4676 м) и Коштан-тау (5145 м), Георгий Прокудаев и Евгений Абалаков пришли в горный приют Миссес-кош, расположенный на чудесной зеленой лужайке за валом береговой морены самого длинного на Кавказе Безингийского ледника.

Мы пришли не снизу, из долины, откуда обычно подходят группы альпинистов, а сверху, от белой, закрывающей все ущелье Безингийской стены. Такой необычный подход объяснялся тем, что перед основным восхождением нужно было забросить необходимое питание на вторую половину пути. Для этого мы и проделали кольцевой маршрут по соседнему ущелью Дых-су, поднялись до редко посещаемого Крумкольского ледника, достигли его верховьев и оттуда по крутым и мрачным скалам взошли на самый гребень между Восточной Мижирги и Крумколом. Лишь поздно вечером в туман и снегопад мы спустились опять на Крумкольский ледник, а на следующий день, точно в назначенный контрольный срок, новым перевалом пришли на Безингийский ледник и к вечеру были уже в Миссес-коше.

Погода начала устанавливаться. Даже вечером над Миссес-кошем уже не висел густым покровом туман и морозящий дождь не портил настроения. Группы альпинистов оживленно готовились к восхождениям. Спешили и мы. Необходимо было воспользоваться столь редким здесь

периодом хорошей погоды. Однако раньше чем через два дня мы выйти не могли. Нужно было отдохнуть, по возможности полечить обожженные палящим высокогорным солнцем лица и окончательно подготовить необходимое снаряжение.

Стоящая перед нами задача была трудной и даже дерзкой. Мы должны были совершить восхождение, труднее которого по сложности и общему объему работы еще не делалось на Кавказе ни иностранными группами, ни нашими советскими альпинистами.

В 1936 году группа сильнейших альпинистов австро-германского клуба поставила задачу сделать траверс стены Дых-тау — Коштан-тау. Однако этой группе удалось пройти лишь часть пути до седловины между Восточной вершиной Мижирги и Крумколом. Отсюда альпинисты вынуждены были спуститься и вернуться в свой лагерь. Лишь через некоторое время группе уже в другом составе удалось пройти вторую половину пути. Иностранная печать высоко оценила эту победу своих альпинистов.

Мы решили выполнить то, что не удалось иностранцам: пройти всю стену от вершины Дых-тау до Коштан-тау без спусков, за один раз.

Третьим участником нашей группы был Юрий Скорняков. Четвертого участника, Николая Чекмарева, не было в Миссес-коше. Он еще не вернулся с Безингийской стены, куда вышел на поиски группы Белецкого. Откладывать выход было нельзя и 15 августа мы договорились с Виктором Миклашевским из группы С. Ходасевича, отправлявшейся на рекордный траверс Безингийской стены. Миклашевский был пятым в своей группе и поэтому без ущерба для группы Ходакевича согласился примкнуть к нам.

В пять часов вечера 16 августа напутствуемая лучшими пожеланиями товарищей, находившихся в Миссес-коше, наша группа в составе Г. Прокудаева, В. Миклашевского, Ю. Скорнякова и Е. Абалакова двинулась вверх по леднику. Слева высоко над нами холодным блеском

сияли снежные сбросы вершины Миссес-тау.

К сумеркам за два часа добравшись до так называемого «Русского ночлега», набрав высоту более 1000 метров над Миссес-кошем, мы были приятно удивлены, найдя там хорошую и уже расставленную палатку, в которой и не замедлили устроиться на ночлег. Нас окружали дикие, крутопадающие скалы и мощные ледопады с чернеющими полосами трещин. Над нами в головокружительную высоту уходили к вершине Дых-тау засыпанные снегом скалы.

На утро уже нельзя было не почувствовать высоту в 3800 метров и начало зоны вечных снегов. Холодный ветер свистел в скалах, поднимая на снежных гребнях вихри и смерчи, облака быстро неслись по склонам, обдавая нас слепящим туманом. Изменился и вид людей. Плотные штурмовые куртки и брюки облекли тело. На тяжелые горные ботинки надеты стальные кошки, глаза защищены горными очками.

Группа разбилась на две двойки и связалась веревками. Разговоры лаконичны.

Крутой ледяной склон взметнулся вверх к вершине Миссес-тау. Вниз он падает глубоко в ущелье к раскрытым пастям трещин. Темп продвижения стал медленнее. Нужно уверенно и сильно вонзять зубья кошек в гладкий фирн, чтобы не соскользнуть и стремительно не полететь вниз. Во льду необходимо тщательно вырубать площадку, чтобы в любой момент удержать товарища при падении. Напряжены и силы и внимание.

Вверху слева слышны удары. Поднимаем головы. Четыре точки, как мухи, прилепились к ледяной стенке и медленно продвигаются, пересекая крутой кулуар. Это группа молодых альпинистов, успешно завершающая первый советский траверс вершины Миссес-тау.

Впереди, уже недалеко, видны широкие снежные карнизы седловины между вершинами Дых-тау и Миссес-тау, но движение под нависающими над нами скалистыми стенами требовало неторопливости и

внимания. Под лучами солнца эти мертвые скалы могли ежеминутно «ожить» и сбросить на нас камни и огромные ледяные сосульки. Как бы в подтверждение этого послышался характерный треск и груда сосуллек со свистом пролетела над прижавшимися к скале альпинистами.

А впереди — новые вершины...

Вот и широкий, обманчиво спокойный гребень седловины. Этот гребень представлял собой не что иное, как гигантский карниз. Поэтому пунктир наших следов прошел по более крутой части, но дальше от линии гребня.

Солнце уже приближалось к снежной кайме Безингайской стены, когда мы перелезали 'последние зубья скалистого гребня, настолько

острого, что о<n, как стена руин, был совсем ажурным. Направо и налево на полтора километра зияли провалы.

Уже в темноте выложили мы на крутых скалах каменную площадку. Однако улечься па ней всем четверым было нельзя.

Влезли в штурмовую палатку Здарского, устроились в спальных мешках таким образом, чтобы ноги не сильно свисали над обрывом, и, закрепившись на веревках, привязанных к вбитым в скалу крючьям, приступили к варке пищи на специальной альпийской кухне «мета». Ветер и холод давали себя знать; даже плотно прижавшись друг к другу, мы подмерзали.

В долинах было еще темно, а наши скалы уже осветило желанное солнце. Его лучи победили холод. Слегка обледеневшая за ночь одежда, спальные мешки, ботинки начали оттаивать и подсыхать.

И вот опять четырьмя точками растянулись мы на белом фоне снежного склона. Идущий первым сильными ударами пробивает смерзшуюся корку снега.

Но вот склон пошел круче, а снег сделался настолько рыхлым и глубоким, что идущему впереди по пояс в снегу долгое время приходится утаптывать самый малый участок, постоянно проваливаясь и начиная работу снова, теряя массу сил и задыхаясь от недостатка кислорода.

Высота уже около 5000 метров. Немного побаливает голова — первый признак горной болезни. Дыхание становится учащенным, а всякое физическое усилие дается несравнимо труднее, чем в обычной обстановке.

Скорняков (он теперь идет первым) начал обходить трудный жандарм. Гранитные стены его были настолько гладки, что пролезть по ним оказалось невозможным. Пришлось рубить ступени и обходить жандарм по крутому ледяному склону, придерживаясь за скалистую стену. Это потребовало большого напряжения, ибо стена оказалась настолько крута, что удержаться даже на вырубленных ступенях было не просто.

Неожиданно заболел Скорняков. Он сильно ослаб и к вершине Дых-тау шел очень медленно. Чтобы ему было легче идти, мы взяли у него значительную часть груза и переложили в свои рюкзаки.

В 30 метрах от самой вершины Дых-тау обнаружили бергшрунд. Я опустил Прокудаева на веревке на дно трещины. Оказалось возможным использовать ее как пещеру. При помощи ледорубов и специальной лавинной лопатки удалось расширить один край закрытой сверху трещины, засыпать зияющие провалы внизу и таким образом устроить хорошую пещеру, вполне защитившую нас от резкого ледящего ветра и снежной выюги. Это была самая «высокая» наша ночевка на высоте 5168 метров.

19 августа утром Скорняков, отдохнув, почувствовал себя лучше, мы отнесли вчерашнее его состояние к влиянию высоты (явление во многих случаях временное) и двинулись дальше к вершине.

В девять утра, преодолев последние оснеженные скалы, вылезли на острые скалистые зубья Северной вершины Дых-тау.

Теперь выше нас был только Эльбрус, но он был далеко отсюда и казался совсем маленьким. Перед нами волнистая линия величественной Безингийской стены, а левее — острый мрачный гребень «нашей» стены, увенчанный зубьями вершины Мижирги и громадным крутым массивом Коштан-тау. Как далеко казалась отсюда эта заключительная для нас вершина! Если северный гребень Дых-тау, по которому мы поднялись, был нам знаком и не раз посещался советскими альпинистами, то далее большую часть пути мы должны были пройти впервые и путь этот должен быть неизмеримо труднее пройденного...

Ближе всех других пиков хищным зубом торчала над гребнем Восточная вершина Дых-тау. Это наша ближайшая цель. Сразу же пошли крутые скалистые стены, запорошенные снегом. Яростные порывы ветра старались сбросить альпинистов, упорно, метр за метром, спускающихся

вниз. Задерживаться нельзя. О том, чтобы влезть прямо на Восточную вершину Дых-тау, нечего и думать: она обрывается отвесно. Приходится спускаться ниже, обходить ее кругом по небольшой обледеневшей «полочке» и искать путь с той стороны.

Скалы гладки и круты. Лишь при второй попытке удалось найти незначительные расщелины, забить в них крючья и на охранении влезть на наиболее трудную стену. Через час, поднявшись по крутому снежнику и слева обогнув склон по скалистой расщелине (камину), мы вылезли на самую вершину.

На Восточную вершину Дых-тау (высота 5158 метров) советские альпинисты поднялись впервые, победив этот последний «пятитысячник» Кавказа.

Вниз, на седловину, мы спустились уже к вечеру, широко используя на отвесных участках спуск по веревке способом дюльфера. По-прежнему на седловине свистит ветер, от которого решительно некуда скрыться. Решили опять рыть пещеру. Гребень обрывался карнизом, но, казалось, небольшим. Отступив от края на четыре-пять метров, принялись копать. Но лишь начали углубляться в снег, как снежная поверхность осела и весь карниз с глухим грохотом рухнул вниз, а копавший пещеру Прокудаев повис на веревке над пропастью... Ему помогли выбраться наверх, но пещеру копать было уже негде. Работая изо всех сил, уже в темноте из комьев снега сложили стену и, соединив ее со скалой, устроили нечто вроде пещеры.

Мы знали, что предыдущая группа австрийцев опускалась на восточный гребень Дых-тау, обходя Восточную вершину слева. Однако наши наблюдения привели к заключению, что в этом году спуститься таким путем слишком рискованно. Очень крутым и опасным был ледяной карниз; за эти два года он настолько изменился и разошелся с основным снежным покровом, что для спуска через образовавшийся громадный

бергшрунд не хватило бы и ста метров веревки. Путь по ледяному карнизу был исключительно опасен и длителен.

Решили искать новый спуск — по скалам, в обход Восточной вершины уже по знакомому пути справа. Дошли до края знакомого гребня и взглянули вниз — картина открылась неутешительная: провал был настолько глубокий и крутой, что, казалось, не было надежды спуститься.

Все же решили попытаться. Сначала нам удавалось находить среди отвесных скал узенькие, засыпанные снегом полочки, но затем и они исчезли. Сплошной отвес уходил до снежника, лежащего глубоко внизу...

Пришлось опять организовать дюльфер. Тщательно забили крюк, проверили, достаточно ли он прочен, ибо если крюк не выдержит, то... результаты ясны для всех.

Продернули веревку через специальную верёвочную петлю, и она повисла на 30 метров вниз. Особенно ответственно спускаться первому и последнему. Первый может, спустившись на всю длину веревки, очутиться на гладкой стене, повиснув над бездной, и таким образом оказаться иногда в безвыходном положении. Последний должен очень внимательно следить за концами веревки, ибо они могут перекрутиться, после чего вытянуть веревку будет невозможно, а влезть обратно и исправить положение удастся не всегда.

Солнце клонилось к западу. Его жаркие лучи растопили верхний слой снежника. При каждом прикосновении снег с шипением срывался и стремительными лавинами катился вниз. На самом тщательном охранении первому удалось все же проложить следы прямо вверх на снежный гребень.

Ночь застала нашу группу расположившейся в снежной яме между двумя стенами огромных жандармов.

На другой день погода улучшилась. Ветер прекратился, облака почти не закрывали солнце. Но путь стал труднее. Сплошные шеренги

жандармов венчали гребень, который становился все острее и острее. Только влезешь на очередной выступ, на котором едва удастся уместиться, как уже нужно опять спускаться, тщательно выбирая небольшие выступы и сгребая с них снег. Звонкие удары молотка о крюк говорят о том, что иная страховка невозможна.

Солнце растапливает на скалах снег. Струйками сбегает вода. Пользуемся случаем сэкономить горючее и вдоволь напиваемся ледяной воды.

Впереди опять жандармы и на этот раз уже со столь отвесными стенами, что перелезть их невозможно. Приходится обходить справа. Сверху со скал летят камни. По крутому снежнику стараемся пройти под защитой нависающих скал. Снежник кончается обрывом. Как идти дальше? Словно снаряды, свистят над нами летящие камни...

Наконец, достигли последнего узкого снежника. Пересекаем его. Он оказался столь растаявшим, что в нем можно провалиться по пояс, и он к тому же ползет вниз.

Скорняков опять почувствовал себя плохо. Несомненно, у него не горная болезнь, а что-то более серьезное. Если не будет лучше, утром придется спускаться вниз. Жизнь и здоровье человека Дороже любых спортивных рекордов.

Утро не изменило положения. Помочь спуститься больному самоотверженно решил Прокудаев. Он в 1936 году сделал первое советское восхождение на Западную Мижирги и поэтому знал путь спуска. Путь не легкий: Западная Мижирги считается вершиной высшей категории трудности. Для того чтобы попасть на знакомый гребень, нужно было подняться на вершину, соседнюю с Мижирги, и уже оттуда начать спуск. Но добраться до начала спуска было не так-то просто.

Особенно напряженным был переход через ледяной кулуар большой крутизны. В лед для охранения пришлось забивать крючья, часто

вырубать ступени, ибо и на кошках можно было соскользнуть. Особенно тревожились мы за больного.

После этого перехода подъем по снежному гребню на острый пик безымянной вершины показался легким. С этой вершины была прекрасно видна вся Безингийская стена, а напротив красиво выделялась вершина, носящая имя Шота Руставели. Ими великого грузинского поэта навело нас на мысль назвать вершину, на которую мы взошли, именем великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Через час мы уже прощались. Миклашевский и я были твердо уверены, что с честью закончим траверс, и желали своим товарищам благополучного спуска в лагерь. Быстро затерялись на скалах две двойки, ушедшие в разных, направлениях. Наша двойка, поднимавшаяся вверх, через два с половиной часа достигла Западной вершины Мижирги.

На Западной вершине Мижирги было особенно трудно найти хотя бы маленький кусочек пологих скал и построить площадку. Уже в темноте мы не менее двух часов ворочали глыбы камней. Площадка получилась очень маленькая, но достаточная для двоих. В кастрюле спиртовой кухни закипела натопленная ив кусков льда вода. Засыпав в нее сухого киселя, мы уже предвкушали удовольствие съесть целую миску особенно приятного в горах десерта. Однако вскоре наступило разочарование: кисель случайно смешался с чесноком. Смесь получилась малосъедобной и лишь необходимость промочить пересохшее горло заставила нас съесть половину миски.

Крутизна склонов Западной Мижирги такова, что лишь в немногих местах видишь выступы скал, и взгляд, обращенный вниз, останавливается на полосках трещин ледника уже в двух километрах ниже... Гребень Мижирги настолько ажурный, что невольно с большой опаской, берешься за все выступы скал, кажется, что не смогут эти тонкие плиты выдержать тяжести тела. Гребень обрывается отвесной стеной.

Стена, по которой мы спускаемся, рассечена лишь двумя небольшими расщелинами. Пальцы крепко хватаются за края расщелины, вся тяжесть тела висит на них, взгляд внимательно и быстро отыскивает следующую расщелину, но до нее нужно дотянуться. Ради этого приходится повиснуть на одной руке. Мышцы напряжены до предела... Охраняющий Миклашевский серьезно и внимательно следит за каждым моим движением и постепенно выдает веревку...

Три часа продолжался спуск с Западной Мижирги. После этого спуска движение по широким снежным гребням Восточной Мижирги показалось приятным отдыхом. На вершине Восточной Мижирги мы не нашли ни тура, ни записки. Еще одно первое советское восхождение!

Легкий участок, к сожалению, оказался коротким. Широкий гребень кончился обрывом. Заглянув вниз, мы увидели острые зубья гребня, уходящего в клубящиеся облака. Жандармы этого гребня были настолько трудны, что перелезть их казалось невозможно.

Мы знали, что группа австрийцев обходила эти жандармы слева, по северной стене, 12 часов. То, что мы видели сверху, никак не убеждало в том, что их путь был выбран удачно. Мы решили обходить справа, по южной степе. Вначале скалы были не круты, и мы легко находили путь. Затем стенки пошли чаще и, наконец, перешли в одну сплошную отвесную стену. Вновь пришлось лезть на гребень.

Лучи солнца сквозь туман нагревали скалы. Снег таял. Водопадами, с шумом катилась вода по скалам. Чтобы добраться до гребня, нужно было пересечь три кулуара. Куски льда и камни почти непрерывно летели по ним...

Под защитой нависающих скал подходили мы к кулуарам. Один устраивал охранение через выступ или при помощи вбитого крюка, другой, выждав время, когда камнепад стихал, быстро перебежал на другую сторону и опять укрывался под скалы. Особенно труден был последний,

почти отвесный, обледенелый кулуар...

Наконец мы вышли на гребень. Здесь идти было безопаснее. Но сгустился туман, и вскоре пошел снег. Внимательно разглядывая едва заметные очертания окал, лишь к вечеру спустились мы к подножью гребня и на последних скалах устроили бивуак. Спуск занял у нас пять часов.

В девять утра мы уже подошли к месту, куда 13 августа были заброшены продукты. С тех пор еще сохранились следы на снегу, и мы легко нашли мешочек с продуктами. Это было очень кстати, ибо наши запасы уже иссякли. В первый момент мы были в некоторой нерешительности. Сумеет ли мы унести все на себе? Ведь мы забрасывали продовольствие на четверых, а теперь нас двое. Но незаметно съели по три банки консервов, колбасу, сыр и многое другое. Потом прикинули, что продуктов не так-то много, если есть по-настоящему, и взяли с собой все. Лишь в 11 часов несколько отяжелевшей походкой двинулись по гребню к следующей вершине — Крумколу.

Гребень вскоре из мирного снежного перешел в острые скалистые зубья, перемежающиеся с не менее острыми, увенчанными бахромой опасных карнизов снежными гребешками. Мы были сильно удивлены, увидев на снегу следы двух человек. Кто бы это мог быть? Этот вопрос мучил нас весь день.

К вечеру из ущелья поднялись облака и начали заволакивать вершины. Только что мы нашли путь на один из многочисленных жандармов и вылезли на его вершину, как туман сгустился, пошел снег, где-то близко заворчал гром.

—Отложи в сторону от себя все железо, — крикнул я Миклашевскому, — гроза!..

Ледоруб, кошки, крючья быстро были отложены в сторону и вовремя. Кожу на голове пощипывало, волосы, казалось, шевелились под

шляпой и чувствовалось, как через все тело проходит ток. Быстро достали штурмовую палатку Здарского, немного спустились вниз и укрылись под ней. Наконец разряды прекратились.

*Справа вверх уходят крутые склоны Западной Мижирги,
слева грозно навис карниз Восточной Мижирги*

Уже в сумерках заметили на гребне площадку. Видимо, недавно здесь ночевали люди. Но кто — мы не узнали и здесь. Лишь в девять утра,

когда, пройдя последние жандармы, мы вышли на вершину Крумкола и раскрыли банку, всю пробитую молнией, мы узнали, кто проходил перед нами. Это были Коля Чекмарев и Валя Прошина.

Час спустя мы подошли к следующему их лагерю как раз в тот момент, когда молодая чета альпинистов, внимательно охраняя друг друга, начала спуск в Крумкольский провал. Веселой песенкой приветствовали мы товарищей и дальше пошли уже вчетвером.

Крумкольский провал оказался очень глубокий, а спуск обрывист и труден. Крутые обледенелые скалы перемежались с ледяными кулуарами и острыми снежными гребнями. К вечеру снизу опять полезли облака, обволокли все кругом непроницаемой завесой тумана. Пошел мокрый снег. Мы все же успели спуститься до седловины Крумкольского провала. Это была самая низкая точка нашего траверса — 4250 метров.

Пока мы разравнивали площадку, успели промокнуть. Пришлось укрыться под палаткой. Затерянная на громадной ледяной стене кучка людей не унывала. Из-под прорезиненного мешка палатки неслась бодрая песня четырех альпинистов. Все кругом как будто ожило, стало не так мрачно.

Снегопад прекратился. По плану Чекмарева утром их группа должна спуститься вниз по не пройденному еще никем пути, прямо на ледник Мижирги. Наши пути расходились. Николай и Валя пошли вниз, где глубоко под ними ошетинился ледяными торосами мощный ледопад Мижирги. Мы же двинулись вверх, к нависающей над нами четырехсотметровой стене Коштан-тау.

Основная часть пути была нами уже пройдена. Впереди была последняя грозная крепость — Коштан-тау! Крепость очень трудная и высокая. Опять нужно было подниматься на пятитысячную высоту.

Стена встретила нас неприветливо. Отвесные скалы оказались обледенелыми. Каждую стенку приходилось предварительно обрубить

ледорубом, вырубать со всех уступчиков лед, счищать снег рукой. Очень трудно было отыскивать те незначительные полочки, засыпанные снегом, которые были намечены заранее. Молоток стучал все чаще, иного охранения, кроме крючьев, устроить было невозможно.

Впереди отвесная стена. Обхода нет. Кричим вниз, где две маленькие точки медленно движутся по снежнику:

— Можно ли нам пройти дальше?..

Но они никак не могут найти нас на скалах.

В ясное утро с вершины Коштан-тау открывается изумительный вид

Я полез по стене. Тяжелый рюкзак оттягивает назад. Пальцы, цепляющиеся за маленькие выступы, начали уставать. Положение критическое... С трудом, держась одной рукой, удалось снять рюкзак и передать его Виктору.

С верхней площадки, вытянув на веревке рюкзаки, я охраняю Миклашевского. За обрывом я его не вижу, но чувствую по натяжению веревки, как он постепенно поднимается вверх. Иногда слышится

приглушенное: «подтяни!» Веревка быстро натягивается, но не туго, чтобы не мешать свободе движений лезущего.

Узенькая полоска снежного кулуара оказалась обледенелой. Опять пришлось лезть по скалам. Лишь поздно вечером мы преодолели эти 400 метров стены и вышли на вершину огромного жандарма. Очень обрадовались, когда обнаружили около устроенной нами площадки капающую со скал воду.

С утра следующего дня опять началось трудное лазание по целому ряду жандармов. Особенно осложняло положение то, что пальцы рук были уже изранены от долгого лазания, на их концах треснула кожа, глубокие раны увенчивали каждый палец. Железные гвозди на подошвах ботинок стерлись до основания и не держали на скалах. Ледоруб и кошки сильно затупились.

В середине дня, когда мы уже считали все жандармы пройденными, на дороге встал небольшой острый пичок, но настолько трудный, что пришлось затратить около двух часов на его обход.

Перед нами широкий снежный гребень, который круто вздымается к скалам вершины Коштан-тау. Высота уже не менее 5000 метров. Ветра нет. Солнце печет нещадно, жара совершенно нестерпимая. В то же время ноги, глубоко вязнущие в снегу, явно чувствуют холод, а ботинки обледенели и стали похожи на деревянные колодки. Кожа на лицах давно уже обожжена, особенно под носом и на губах. Из носа часто идет кровь.

К вечеру, увязая в глубоком снегу, поднялись на последнюю вершину траверса — Коштан-тау.

Громадные кучевые облака, причудливо освещенные заходящим солнцем, медленно ворочались внизу, закрывая ледники, гребни и вершины. Лишь самые высокие из них гордо выступали над облаками. Видны вершины грандиозной Бевингийской стены. Где-то на одной из них, вероятно, в это же время стояли четыре альпиниста группы

Ходасевича и думали о нашей группе, как мы думали о них...

Эта последняя ночь на «пятитысячнике» была наиболее холодной. К утру все заледенело. С радостью встретили первые лучи солнца и отогрели промерзшее снаряжение. Утро было ясным, а воздух настолько прозрачным, что весь хребет от Эльбруса до Казбека был хорошо виден.

Простившись с Коштан-тау, мы быстро двинулись вниз. Спуск по северному гребню после всего пройденного казался легким. К четырем часам мы уже перелезли последний бергшруд и были на леднике Кундюм Мижирги.

На леднике я и Миклашевский поздравили друг друга с полным завершением траверса Дых-тау — Коштан-тау и крепко расцеловались.

На следующий день, 29 августа, преодолев сложный ледопад, к пяти часам вечера мы вернулись в лагерь Миссес-кош, на один день раньше назначенного контрольного срока.

То, что не смогли сделать зарубежные альпинисты, сделали советские покорители гор.

1 9 3 9 – 1 9 4 0

Летом 1939 года группа альпинистов в составе А. Летавета, Е. Абалакова и инструктора Андриешина решила совершить траверс четырех вершин (МЮД, Безбожник и две безымянные вершины) Заилийского Ала-тау (Северный Тянь-Шань). Единственной достаточно подробной картой этого района, которой они могли пользоваться во время похода, была схематическая карта ледников и вершин Заилийского и Кунгей Ала-тау, составленная в 1937 году В. Горбуновым.

Первоначальный путь исследователей лежал к леднику Богатырь — самому крупному леднику Заилийского Ала-тау, расположенному на его южном склоне и относящемуся к системе реки Чилик. Перевал Тогузак вывел группу на центральную часть ледника Богатырь — на ледник Голова. Отсюда участники траверса прошли к левой ветви ледника — к леднику Шуйца. Судя по карте, где-то неподалеку находилась перемычка, отделяющая ледник Шуйца от ледника Корженевского. Решено было идти к ней.

Однако путь к перемычке оказался довольно длинным. Группа шла уже долго, а ее все не было. Начался снегопад. Неожиданно идущий впереди Е. Абалаков остановился: перед ним была стена, круто обрывающаяся вниз. Там, в разрыве облаков, лежал незнакомый им ледник, стекающий на север. Что это за ледник?.. Усилившийся снегопад заставил восходителей заночевать около стены на небольшой снежной площадке.

Утро нового дня внесло ясность. Внизу протекал ледник Шокальского. Он стекал на север и давал начало реке Средний Талгар. Впереди, чуть правее, виднелась главная вершина Заилийского Ала-тау — Талгар. Перемычка, разделяющая ледники Богатырь и Корженевского, находилась восточнее, на расстоянии примерно одного километра.

Схематическая карта В. Горбунова оказалась неверной. Левая ветвь ледника Богатырь была гораздо длиннее, чем указывал Горбунов. Она смыкалась с ледником Шокальского, а не Корженевского.

Участники похода решили страверсировать вершины так называемого Нового отрога, который отходил от места их ночевки на северо-запад, а затем по леднику Джамбула спуститься в лагерь. Одна за другой были пройдены четыре вершины, в том числе и пик Сулеймана Стальского. Отдельные участки преодолевались с трудом. Так, в одном месте им пришлось идти по гребню, похожему на лезвие гигантского ножа, причем по обе стороны падали отвесные 500-метровые обрывы.

В итоге трехдневного похода были получены новые данные об этом почти неисследованном районе.

В августе 1940 года Е. Абалаков вместе с Е. Ивановым и В. Миклашевским впервые в истории альпинизма совершают траверс вершин Кавказа: Цурунгал — Айлама — Нуам-куам.

15 августа участники похода вышли на Айламинский ледник и отсюда по северо-восточной стене поднялись на Цурунгал. Далее, продвигаясь по юго-восточному гребню, они взошли на вершину Айлама, прошли весь гребень Нуам-куам. 22 августа восходители спустились с этого гребня на верхнее плато ледника Дых-тау и по ущелью Дых-тау вышли к спасательной станции в Дых-су.

Публикуемый ниже очерк Е. Абалакова повествует об этом замечательном восхождении советских альпинистов.

Траверс Цурунгал—Айлама— Нуам-куам

(Первый траверс)

Маленькая палатка белым пятном резко выделялась среди камней, травы и (низкорослых, изломанных суровой непогодой, карликовых березок. Дальше серыми буграми заслонял долину язык ледника Дых-су. Мы (Евгений Иванов, Виктор Миклашевский и я) деятельно принялись за последнюю укладку необходимого снаряжения и питания. Нужно взять на десять дней все необходимое, но вес рюкзаков не должен быть слишком велик.

Рано утром 15 августа в одном из наших рюкзаков исчезла и палатка. Рюкзаки получились увесистыми, они прямо-таки «прижимали» нас к земле и не располагали к торопливому шагу.

Через час — отдых. Приятно расправить плечи, выпить студеной воды из ледникового потока и с удовлетворением отметить, что самая нудная моренная часть ледника осталась позади. Впереди белой полосой уходит чистый пористый на поверхности лед. Однако слева громадными каскадами Айламинского ледопада лед, разорванный громадными черными трещинами, сердито щетинится.

Больше часа ушло на попытку пробиться серединой ледника. Пришлось отступить к правому (орографически) берегу и там по кромке льда без труда подняться на 600 метров. Так мы обошли весь ледопад. С Айламинского ледника впервые увидели почти весь наш будущий путь в развернутом виде. Мрачные стены Цурунгала и Айламы были уже недалеко.

Косые тени легли от хребта на ледник. Нам оставалось преодолеть верхнюю часть крутого фирнового кулуара между вершиной Черная незнакомка и гребнем, ведущим к Цурунгалу. Но огромная трещина,

разорвавшая поперек фирновую толщу, задержала нас надолго. Только после тщательных поисков, уже в сумерках, удалось перелезть через трещину рядом со скалами и выбраться, наконец, на гребень.

Вскоре среди диких нагромождений камней вырос силуэт нашего легкого жилища. Приятно забулькал суп в кухне «мета», суля неплохой ужин, а затем и заслуженный сон в теплых спальнях мешках.

За весь следующий день прошли лишь острый и очень сыпучий скалистый гребень и вплотную подошли к северо-восточной стене Цурунгала.

Пока Миклашевский разбивал бивуак, мы сделали необходимую разведку дальнейшего пути и убедились, что обойти стену невозможно и придется брать ее в лоб. Кроме того, стало совершенно ясно, что порода здесь очень ломкая.

Несмотря на всю осторожность, нам с Женей пришлось пережить несколько неприятных минут. До верха первой стены оставалось уже немного. Женя висел в двух метрах надо мной. Я тщательно следил за ним и охранял, перекинув веревку за маленький скалистый выступ. Неожиданно большая плита, на которой стоял Женя, подалась. «Камень! — крикнул он и повис на одних пальцах рук. Плита скользнула между его широко раскинутых ног и полетела на меня. Я отпрыгнул вправо, но в то же мгновение и плита изменила направление. Опять прыжок — теперь влево, плита с грохотом пролетела совсем рядом, и срывая камни, грохочущим камнепадом устремилась в бездну...

Туман окутал Цурунгал, ветер силился сорвать нашу палатку. Вскоре началась снежная буря с грозой. Мы вовремя отложили от себя все железное снаряжение. Разрядов молнии долго ждать не пришлось. В палатке все освещалось очень ярко и, казалось, что молнии забираются внутрь сквозь прорезиненные стенки. Одновременно с разрядом слышался трескучий удар грома, и после этого тьма становилась еще чернее.

Буря продолжалась в течение полутора суток.

Наконец открылись соседние вершины, убеленные свежим снегом. На стене Цурунгала клубился туман, но переждать, когда он рассеется, было безнадежно, ибо эта вершина обладает свойством скрываться в тумане даже в ясные дни.

Женя Иванов лезет первым, мягко подтягиваясь с ус-туна на уступ, отыскивая и расчищая от снега непрочные зацепки. Пальцы быстро коченеют и отказываются работать. Стена отвесно забирает вверх.

—Охраняю, лезь! — кричит Женя, невидимый за уступом.

После небольшой площадки опять стена. Я рад пойти первым, так как сырой холодный ветер пронизывает до костей и хочется согреться. Чувствую, как охраняющий осторожно и внимательно выдает каждый вершок веревки. Лезу, оставив рюкзак. Выжимаюсь, стараясь по возможности мягче налегать на захваты. Вдруг камень под рукой подался и огромной глыбой пошел на меня. Всей силой прижимаю его обратно к скале и вжимаюсь в небольшую нишу, чтобы хоть немного отдохнуть. Пальцы рук совсем заоченели. Затем осторожно обхожу предательский камень и вылезаю на очередной уступ.

В тумане показался гребень. Вершина Цурунгал! Фотографируем, делаю зарисовки. Под ударами свирепого ветра начали спуск к перемычке перед вершиной Айламы.

Заболел Миклашевский. Лишь большим напряжением воли ему удавалось двигаться по сыпучим скалам. Впереди над нами нависали грозные стены Айламы. Трудности ожидались немалые. Поэтому нельзя было рисковать здоровьем, а может и жизнью товарища. Он должен вернуться.

За три с половиной часа по скалистым стенам спустились мы до бергшрунда, быстро, чтобы избежать частых в этом месте камнепадов, обошли его и добрались до безопасного места. Жаль расставаться, но

иначе нельзя. Долго провожали взглядом удаляющегося Миклашевского... К вечеру поднялись обратно на гребень.

Снежная крупа застучала о крышу палатки. Неужели опять непогода? Однако снег только чуть запорошил скалы, можно продолжать путь. После тщательного изучения южной стены, решили обойти ее слева. Отлогие сыпучие склоны вскоре перешли в крутые, его более прочные.

—Камни! — крикнул Женя.

*Е. Абалаков делает зарисовки на одной из вершин хребта
Заилийского Ала-тау. 1939 год.*

Фото А. Летавета

Я едва успел пригнуться к скалам, как камни засвистели над головой. Женя оказался на открытом месте, и ему пришлось от них увертываться.

Подшли к отвесной стене, впереди пути нет. Влево — крутая плита, настолько обглаженная, что кажется непроходимой. С трудом удалось найти маленькую трещину и забить крюк для охранения. Женя с замечательным мастерством, в основном «на трении», переходит плиту.

Еще несколько трудных стен, и мы, миновав громадный жандарм, вышли, наконец, на вершинный гребень. Впереди виден зазубренный гребень. Из-за его скалистых башен изредка показывается в разорванных облаках снежный пик самой вершины. Идем то вверх, то вниз. Особенно беспокоят громадные разрывы между жандармами, уходящие темными отвесными кулуарами в туманную мглу.

Два часа оборудуем площадку для палатки на маленьком уступчике. Труды окупаются хорошим ночлегом. Отсюда видна вершина Айламы и перед ней последние, по нашим подсчетам, четыре жандарма (пять мы уже прошли).

Утром подошли к шестому жандарму, острому, как огромный штык. Нужно искать обход по стенам. В западной стене нашли небольшую расщелину и на одних руках перебрались по стене. Но лишь только вздохнули свободно, как выяснилось, что Женя забыл лейку — пришлось эту стену пройти еще два раза...

Последняя стена и... вершина Айламы! Обширные отлогие фирновые поля. Грандиозная панорама гигантов Кавказа: Шхары и чудесной стены Дых-тау — Мижирги. Спрятав вершину в облако, справа венчает стену угрюмый Коштан-тау.

В провал ледника Дых-су уже легла синяя тень, а мы все еще тщательно охраняясь на ледовых крючьях, спускаемся на кошках по ледяным кручам. Совсем рядом грандиозные фирновые сбросы. Глухой рокот и белые клубы лавинной пыли устремляются вниз...

На вершине обычно трудно достать воду, и жажда мучает альпинистов. Но в этот вечер нам удалось набрать воды, и мы вдоволь и с наслаждением напились чаю с лимоном.

По гребню к последней вершине — Нуам-куам — идти оказалось проще. Нужно было лишь безошибочно находить обходы острых жандармов, да иметь терпение то снимать, то вновь надевать кошки: скалы

то и дело чередовались с ледяными гребнями.

Во второй половине дня вышли на последнюю в нашем маршруте вершину Нуам-куам.

Широкий волнообразно спускающийся фирновый гребень вершины пришлось проходить с осторожностью. Он весь оказался изрезан громадными скрытыми трещинами, что на вершинах бывает редко.

Подшли к намеченному заранее снежному гребню, ведущему к леднику Дых-су. Заходящее солнце позолотило вершины. Успеем ли опуститься на плато? Гребень острый и крутой. Снег настолько рыхлый, что проваливаемся по пояс.

Осторожно проминая сыпучий снег, чтобы не вызвать лавины, выбираем заранее возможное место для перехода бергшрунда. Темнеет. На животе сползаю по тонкому снежному мосту и затем охраняю Женю.

Последняя ночь на снегу. Луна освещает торжественно спокойные вершины...

Спуск на ледник нашли без труда, так как наметили его заранее. Прошли напоследок по крутым скалам и, быстро сглизсировав по снежному кулуару, вышли на ледник Дых-су. Теперь и поздравить друг друга можно! Грохот — и ближайший снежный сброс, разбившись на огромные куски, летит на нас... А может, рано радоваться?

Прыгая с ледяного бугра на бугор, быстро сбегает по леднику. Вот справа остались ледопад, морена. Ледник кончился. Запах травы, деревьев. После мертвого царства вершин особенно приятно увидеть зелень, вдохнуть аромат цветов!

А через час — спасательная станция в Дых-су и крепкие объятия друзей. Круг завершен. До контрольного срока остались сутки.

На завтра дальний путь до Цея.

1 9 4 1 – 1 9 4 4

С первых дней Великой Отечественной войны Е. Абалаков ушел добровольцем на фронт. Рядовым солдатом защищал он подступы к столице нашей Родины, участвовал в разгроме немцев под Москвой. Летом 1942 года Абалаков прибыл на Кавказ, куда в то время усиленно рвались фашистские альпинистские соединения, готовясь форсировать удобные для проникновения в Закавказье перевалы.

Командование наших войск на Кавказе противопоставило немецким горным егерям ядро советских альпинистов. Лучшие наши альпинисты, участвуя в боях с фашистами, учили воинские части вести горную войну, помогали создавать особые горнострелковые отряды. Все свои знания гор, весь свой богатый опыт альпиниста отдавал этому делу и Е. Абалаков. В учении и походах, в беседах и выступлениях на страницах воинской печати он требовал от наших солдат и офицеров упорства и настойчивости в овладении наиболее передовой советской техникой альпинизма.

Примером вдумчивого подхода к преподаванию методов и приемов военного альпинизма может служить заметка Е. Абалакова «Горный путь бойца», опубликованная в одной из фронтовых газет 1943 года. В ней рассказывается о технике передвижения в горах.

Горный путь бойца

Техника передвижения в горах

Техника движения в горах имеет свои особенности.

Скалистые стены, иногда покрытые снегом и льдом; утомительные для передвижения осыпи; длинные ледники с коварными трещинами; травянистые склоны — все это нужно уметь преодолевать быстро, ловко и скрытно.

Вверх по прямой

Прежде чем начать подъем на скалы, тщательно просмотри предстоящий путь. Выбери наиболее легкую и безопасную дорогу и наметь ориентиры (выступы скал, участки различной окраски, снежные и ледяные склоны и тому подобное). В дальнейшем придерживайся этих ориентиров, выбирая путь прямо вверх.

Некоторые отклонения допускаются для того, чтобы обеспечить безопасность товарищам, идущим ниже и избежать падения на них камней.

Тщательно выбирай выступы для рук и опоры для ног. Сначала проверь их прочность, а затем берись рукой или переступай.

Соблюдай правила трех точек опоры: подыскивая новую точку опоры, отнимай только руку или ногу. Продолжай прочно опираться на скалы двумя руками и ногой или двумя ногами и рукой.

Поднимайся как правило на ногах. Руки поддерживают равновесие.

Экономь силы

По травянистым склонам поднимайся равномерно, не делая больших шагов.

Иди уверенно, но избегай наступать на отдельные шаткие камни и кочки.

После дождя, когда травянистые склоны скользкие, передвигайся осторожно, используя для самостраховки ледоруб или альпеншток.

По крутому травянистому склону поднимайся наискось, зигзагообразно.

Наоборот, на осыпях, где подъемы особенно утомительны, лучше выбирать путь прямо вверх, экономя силы. Ступай осторожно, приминая ногой породу. Получив надежную опору, делай следующий шаг.

Поднимаясь по крупной осыпи, помни, что неосторожно наступив на шаткий камень, можно вызвать камнепад. Поэтому в большой колонне дистанция между бойцами должна быть не более одного метра. Это поможет вовремя остановить сдвинутый камень.

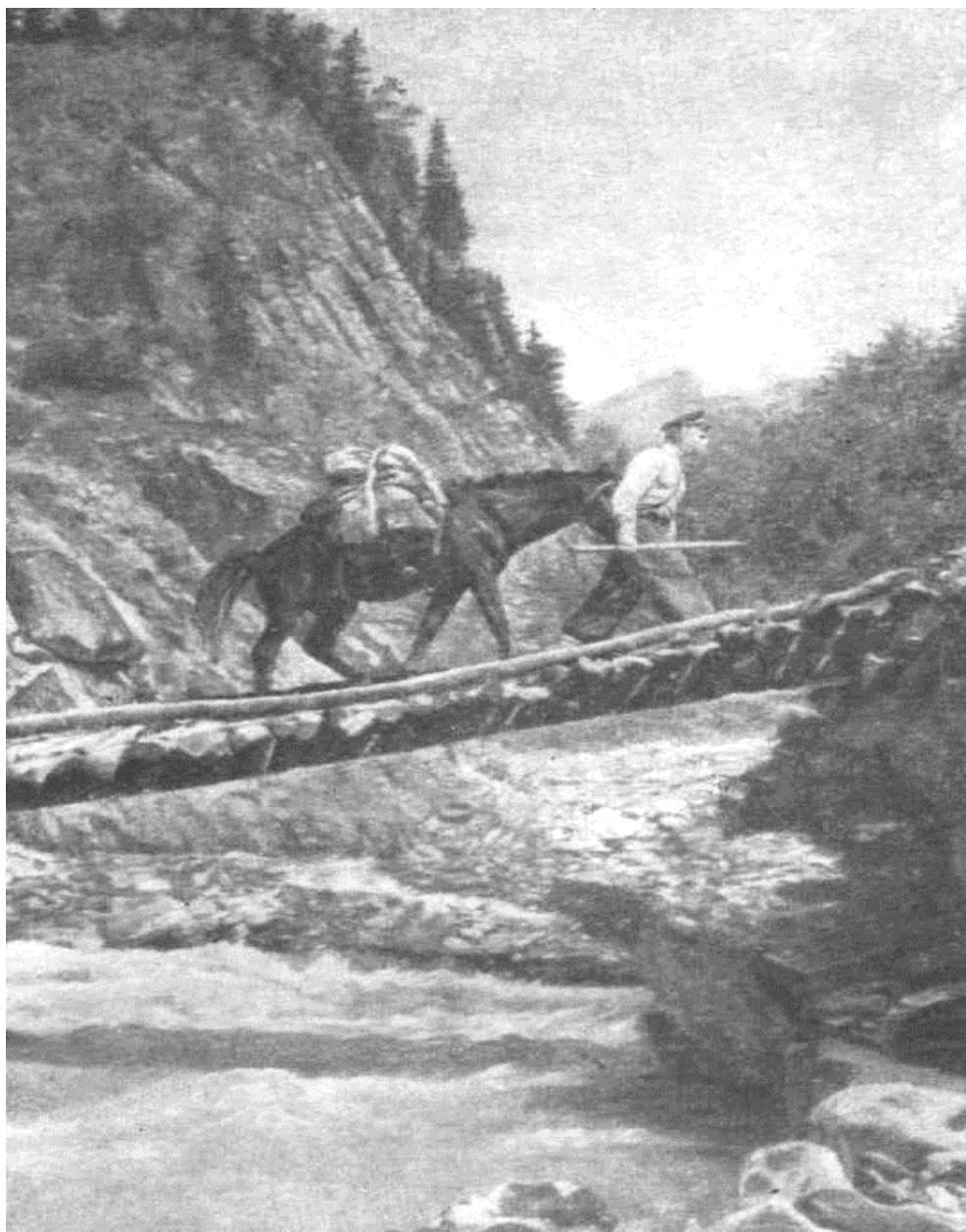
По снежному склону

По снежным склонам, как правило, тоже поднимайся прямо вверх, выбивая носками ботинка ступеньки в снегу. Если снег глубокий и рыхлый, то вначале утрамбуй его, чтобы получить жесткую опору, и затем переступай дальше. Для самостраховки вбивай перед собой ледоруб.

Пологие ледяные склоны можно преодолевать в горных ботинках.

Для подъема на более крутые ледники (более 20°) — надень кошки. Существуют три основных способа подъема на кошках: на склонах небольшой крутизны — прямо вверх «елочкой»; на более крутых — поднимайся наискось, зигзагообразно, боком к склону; еще более крутые, предельно возможные для подъема склоны преодолевай подъемом на кошках спиной к склону, с тщательной самостраховкой ледорубом.

При подъеме на очень крутые ледники и в опасных местах вырубай ледорубом ступени.

*В. Абалаков отправляется в горы для выполнения боевого задания.
Закавказский фронт, 1942 год.
Фото П. Захарова*

Храброму бойцу горы — не преграда

При подъемах во всех случаях ставь ногу на всю ступню, а не на носок. Этим сохранишь силы и создашь большую устойчивость.

Держи ледоруб всегда наготове, чтобы в любое время можно было задержаться в случае срыва.

Во время спусков ступай мягко на всю ступню, не перенося сразу вес тела на новую опору.

Е. Абалаков — офицер Советской Армии. 1943 год.

Фото П. Захарова

На леднике тщательно прощупывай древком ледоруба места, где можно ожидать трещины, свяжись веревкой с товарищами.

На всех опасных участках, встречающихся в горах, обязательно связывайся веревкой и применяй страховку.

Храбромu и тренированному бойцу горы — не преграда. Научись смело, ловко и быстро двигаться в горах и хорошо маскироваться.

Используй горный рельеф для скрытного и неожиданного нападения.

Обрушь горные лавины на головы фашистов, удержи, опрокинь в пропасть, уничтожь врага!

В годы войны Е. Абалаков совершил ряд восхождений. Так, в 1943 году он побывал на одной из вершин Дигории (Центральный Кавказ) — на Дубль-пике (4580 метров). В 1944 году солдаты и офицеры стрелкового взвода одного из воинских подразделений совершили восхождение на труднодоступную вершину Кавказа — Казбек. Е. Абалаков руководил штурмовой группой. Сохранились его воспоминания об этом походе.

Восхождение на вершину Казбека

Выше пяти километров над уровнем моря вознеслась вершина седого Казбека. Дикими нагромождениями выступают среди снежных обрывов скалистые пики. В вечные снега и льды закованы крутые его склоны. Темными шрамами глубоких трещин разорван их ледяной панцирь. Облака обычно клубятся у его подножья.

На вершину Казбека трудно подняться даже по наиболее легкому пути. Нужны знания, опыт, большая выносливость, смелость и осторожность, чтобы преодолеть все препятствия.

На широких снежных полях Гергетского ледника и на склонах окружающих вершин офицеры Н-ской части овладели основами горнолыжной техники, научились подниматься и спускаться на лыжах в любом направлении и делать повороты на большой скорости, объезжая и преодолевая различные препятствия.

Там, где обледенелые склоны были слишком круты и недоступны для лыж, приходила на помощь техника альпинизма. Офицеры научились пробивать ступени на крутых снежных склонах, страховать друг друга, в случае падения, веревкой, ходить на кошках по ледяным скатам и рубить ступени во льду, обнаруживать и преодолевать скрытые под снегом трещины на леднике. После тренировочного восхождения на вершину Орцвери (3997) офицеры были готовы к более трудным маршрутам.

Е. Абалаков. 1944 год.

Фото М. Ануфрикова

Военные альпинисты должны уметь проходить всюду в горах, должны уметь выходить в самых неожиданных для противника, а, значит, и самых труднодоступных местах.

Мы выбрали не обычный, сравнительно отлогий путь на вершину, а более короткий, но крутой путь прямо в лоб по южному скату. Альпинисты сами должны были отыскивать и прокладывать путь к вершине. Мне как преподавателю, а также старшему технику-лейтенанту Захарову и лейтенанту Келье приходилось давать лишь общие указания и внимательно следить за своими отделениями.

...Пять часов утра. Морозно. Длинные тени ложатся от медленно поднимающихся вверх по леднику лыжников. Сыпучие скалы Хмауры встретили обычным камнепадом. Отсюда начинается восхождение. Лыжи оставлены. Офицеры связались по три человека веревками для взаимной

страховки и надели кошки. Глаза защищены очками, лицо — марлей, от ожогов солнца. Медленно поднимаются одна связка за другой по крутому снежному склону в обход скал Хмауры.

Несмотря на медленный темп, многие задыхаются: сказывается высота. Уже 4000 метров. Разведчики во главе с младшим лейтенантом Ананяном удачно выбирают путь и пробивают следы в снегу. Также уверенно идут лейтенант Линкевич, младший лейтенант Шерстнев, лейтенант Мовсесян, младший лейтенант Сафронов, лейтенант Дудучава и младший лейтенант Сизинтцев. В любую минуту каждый готов удержать товарища в случае его падения. Завершает колонну командир взвода младший лейтенант Стопани.

Облака быстро проносятся над головой, застилая вершину. Вошли в облачную пелену. Туман. Ориентировка по компасу и карте. Склон все круче и круче. Через каждые 10-15 минут отдых. Кое-кто в изнеможении падает в снег, судорожно дышит, но поднимается и идет дальше. На остром гребне западной вершины Казбека (4950) альпинисты с трудом держатся на ногах под резкими ударами порывов ветра.

В разрыве облаков обозначился купол главной вершины. Время 12.00. Между клубящихся облаков внизу на головокружительной глубине видны ледники, скалы и темные ущелья долин...

В полном тумане, с видимостью не более 10 метров, взвод все же успешно нашел правильный путь и без потерь и отстающих в 17.00 спустился в обсерваторию. Подъем и спуск заняли 12 часов.

Тем, кто победил Казбек, не страшны горы!

В октябре 1944 года в связи с освобождением Кавказа от гитлеровских полчищ командование Советской Армии решило провести первый в истории альпинизма траверс пяти вершин Джугутурлючата (Западный Кавказ). Приказом командования траверс поручался группе офицеров Закавказского фронта: Е. Ануфрикову, Е. Абалакову и В.

Коломенскому.

*Перед штурмом вершин Джугутурлючата. Справа налево:
заслуженные мастера спорта Е. Абалаков,
М. Ануфриков и В. Коломенский.*

Фото К. Крымского

Участники траверса с ледника Аманауз поднялись по западному гребню на вершину Западный Джугутурлючат. Отсюда, идя по гребню, они взошли на его Восточную вершину, далее — на пик Митникова и на вершины Узловую и Главную. Пять труднейших вершин они преодолели в течение восьми суток, в условиях наступившей зимы, труднейшего горного рельефа, не имея возможностей для отдыха, пищи и сна. Ни одна страна в мире не может похвалиться таким рекордным восхождением в тяжелые годы войны. Абалаков, Ануфриков и Коломенский вписали в летопись советского альпинизма новую героическую страницу.

Отлично провел траверс Е. Абалаков. Не раз его исключительная выдержка и мужество помогали участникам траверса преодолевать тяжелые участки пути. Позднее руководитель похода М. Ануфриков писал: «На всю жизнь останется в памяти первый наш альпинист, друг и учитель — Евгений Абалаков».

Публикуемый ниже небольшой очерк Е. Абалакова рассказывает о том, как были покорены три первые вершины Джугутурлючата.

*Преодоление скал Джугутурлючата**

(Первый траверс)

Отвесные скалистые стены нависали над нами.

Из-за острых выступов высилась скалистая башня первой на нашем пути вершины — Западный Джугутурлючат. Она казалась близкой, но опытный глаз сразу устанавливал обманчивость этого впечатления: расстояние скрадывал необыкновенной чистоты горный воздух.

Под нами почти не видно было склонов. Скалы уходили вниз отвесно, на 600-800 метров и взору открывались белые, ослепительно блестящие на солнце снежные поля ледников с мелкой сеткой трещин.

Над нами взметнулись в беспредельную высь вечно снежные, овеванные холодными туманами вершины, висячие ледники, ощерившиеся огромными трещинами и ледяными торосами, темные пятна отвесных стен и зазубренные скалистые гребни — барьер, который мы должны преодолеть.

Внимательно осматриваю отвесные скалы. Есть едва заметные выступы, за которые можно ухватиться пальцами. Но с тяжелым рюкзаком лезть невозможно. Осторожно снимаю его и вешаю на вбитый в трещину крюк. Кричу товарищам:

—Страхуй!

—Есть, — отдалось в скалах.

В. Коломенский подобрал веревку, связывающую нас, перекинул ее через плечо, прочно уперся ногами и прижался для устойчивости к скале. М. Ануфриков также стал на страховку. Не отрывая глаз, следят страхующие за первым: его тело, изгибаясь, плавно скользит вверх, упрямо преодолевая метр за метром.

Нога на крохотной площадке. Найдена трещинка. Под сильными

* Публикуется впервые.

ударами молотка звонко запел вбивающийся крюк. Прочно! Веревка при помощи карабина соединена с крюком. Страховка обеспечена.

С большим напряжением преодолел еще три метра и опять вбил крюк.

Скалы нависают над головой. Единственный путь обхода по гладким плитам. Пальцы торопливо отыскивают малейшие зацепки, ноги упираются в гладкие скалы. Тело висит над пропастью.

Правее расщелина. Тянусь к ней, но веревка вдруг натянулась, будто ее дернули. Пальцы хрустнули от напряжения. Удержался... Крикнул:

—Дай веревку!

Но веревка не подалась...

Повиснув на одной руке, с трудом вытянул веревку и ногой уцепился за край расщелины. Еще одно усилие — и я буду на гребне...

Лучший помощник на льду — ледоруб на скалах оказался врагом. Едва я оторвал руку от края расщелины и потянулся, чтобы ухватиться выше, как руку дернул назад темляк от ледоруба, попавшего в расщелину и зажато ногой. Острая грань скалы врезалась в пальцы. В памяти мгновенно всплыл весь километровый отвес... Секунды жгучей борьбы за жизнь!

Предельным усилием вытащил из расщелины ногу, освободил ледоруб и... вылез. От напряжения все тело трясет мелкая дрожь и самому не верится, как смог преодолеть все это.

—Привяжи рюкзак! — кричу вниз.

Веревка врезается в плечо и спину. Низко нагибаясь всем корпусом, подтягиваю рюкзак. Он уперся в нависающие выступы скал.

—Оттяни веревку!

За оставшийся конец веревки Коломенский оттягивает рюкзак от выступов в сторону. Препятствие преодолено.

Опять стена и я снова постепенно ухожу вверх. Порода стала слабее. Перед тем, как ухватиться за выступ, внимательно нажатием проверяю его прочность.

Большой выступ. Не отпуская одной руки, другой переношу на него тяжесть тела. Неожиданно вся эта огромная глыба подалась... Мгновение растерянности и гибель была бы неизбежной... Собрал всю свою силу, прижимаю глыбу к основной породе. Нахожу рядом зацепки, обхожу ее и закрепляюсь на небольшой площадке.

—Ну, друзья, могли и вы пострадать. Это наука. Не лезьте подо мной, подайтесь в сторону!

Скалы нависают еще круче.

—Куда же лезть? Здесь и комару зацепиться не за что! — тяжело дыша говорит Коломенский.

—Посмотрим.

Я осторожно отползаю несколько метров в сторону. Отсюда стала видна вся стена. Незаметная за выступами расщелина давала надежду на преодоление самого трудного участка...

Я внимательно запомнил все характерные выступы и яркие пятна на скалах, чтобы в дальнейшем не сбиться с пути, и полез.

Всовывая поочередно кисти рук в расщелину, разжимаясь и заклинивая поочередно носы ботинок, медленно начинаю передвигаться вверх над пропастью.

Затаив дыхание, страхующий внимательно выдает веревку, заботясь о том, чтобы она не дернула меня и озабоченно следит, сколько еще осталось веревки. Слышу крик Коломенского: «Осталось три метра!» Вишу над пропастью и в таком положении изучаю стену: закрепиться нигде. Крикнул:

—Валя, держи!

На страховке Коломенского и Миши пролез вверх и быстро

закрепился на стене.

По вбитым крючьям влезает второй и затем вытягиваем третьего. Его работа сложнее: он выбивает крючья, которые понадобятся нам в дальнейшем.

Гребень стал совсем ажурным. Камни наложены один на другой и столь непрочны, что от легкого прикосновения срываются, увлекают соседние и огромным камнепадом, со страшным грохотом, сотрясая скалы, летят вниз. При ударе о скалы возникают облака пыли, живо напоминая разрывы снарядов.

—Очищай смело! Мы не на стене, — кричит Валентин Коломенский.

Эх, вот, если бы к подножью подступал фашист. Лихо бы ему досталось! Трудненько уцелеть под такой лавиной свистящих и грохочущих камней.

Еще один острый, как лезвие ножа, скалистый пик. Перелезть невозможно.

Как всегда внезапно, расступилась облачная пелена и вновь засверкало солнце, нагревая южную скалистую стену. Хорошо бы пролезть по ней, но она отвесна и недоступна.

Северная — чуть отложе, хотя покрыта снегом и льдом, но придется лезть по ней.

—Держи!

Руками и ногами тщательно разгребаю снег, ищу зацепки. Ледяной панцирь сгладил их. Приходится скалывать ледорубом лед и очищать все шероховатости, за которые можно ухватиться. Стынут руки и ноги. Мокрые варежки примерзают к обледеневшим скалам. А рядом за гранью гребня теплые, но недоступные скалы...

Сказывается высота: от тяжелой работы и недостатка кислорода мучает одышка, пересыхает горло, смертельно хочется пить. Но воды нет.

Кругом дикие скалы, лед и мертвая тишина, нарушаемая лишь глухим грохотом обвалов.

Но вот из-за выступа вылетел огромный орел и со свистом пронесся около нас. В следующий момент, поднявшись ввысь, он начал плавно парить над вершиной. На таких высотах горный орел — редкий гость, сразу ожививший мертвое пространство гор.

—Смотрите, — крикнул Ануфриков, — орел уже над Главной вершиной, а нам еще дней пять нужно лезть до нее!

Солнце спускалось к зазубренным гребням гор.

Дошел до большого выступа. Опять стена. Нависающий уступ. Захватиться не за что. Закрепив на крюке репшнур, двое привязались к нему и прочно взялись за плечи.

—Лезь!

Опершись на колено, на стену, плечи, я подтянулся и достал до первого выступа. В глаза сверкнуло солнце! Мы на вершине Западный Джугутурлючат!

Пять часов напряженной работы. А пролезли всего триста метров скалистых обрывов, но каких!

Над головой нависло темно-синее горное небо. Под ногами снежные вершины с темными провалами между ними. Облака набились в ущелья. Они беспокойно клубятся и вдруг ближайšie начинают лезть вверх. В густом холодном тумане скрывается солнце и едва видны ближние выступы скал.

До второй вершины осталось немного. Нужно пройти острый, зазубренный, как гигантская пила, скалистый гребень. Он настолько острый, что лишь в некоторых местах удастся, балансируя над пропастью, проходить его на ногах. Чаще приходится передвигаться верхом или по одному из его скатов, схватившись руками за верхнюю острую грань. Движемся все же довольно быстро, так как одновременно протягиваем

веревку то с одной, то с другой стороны выступов гребня. Если сорвешься, то веревка, зацепившись за ближайший выступ, задержит падение.

Острый скалистый пик. Обходов нет. На гладкой стене видны едва различимые узкие трещинки. Это единственный путь. Нужно перелезть!

—Ничего, одолеем при помощи стремян, — успокаиваю я товарищей.

Длинные петли из репшура привязаны к ногам и продеты другим концом под грудную обвязку. На концах карабины. Петля закреплена. Выжимаюсь на ноге и повисаю над обрывом. Выше забиваю еще крюк, укрепляю вторую петлю и подтягиваюсь еще на полметра.

На следующий крюк перевешиваю первый карабин с петлей. И так, раскачиваясь над отвесом, поднимаюсь по гладкой стене.

Еще полтора дня напряженной работы. Каждый метр пути берем с боя. Внимание напряжено до крайности. От непрерывного трения о скалы кожа на руках потрескалась и кровоточит. Подкрепляемся лишь утром и вечером. Днем нет времени: дорога каждая минута.

Прошли вершину Восточный Джугутурлючат и вышли на пик Митникова. Спуск с этой необыкновенно обрывистой, напоминающей шляпку гриба, вершины, все время тревожил нас. Это была проблема, которую нам предстояло разрешить.

—Держи!

Веревка натянулась. Я перевесился через край обрыва. Подо мной пустое пространство метров в двести...

—Есть!

Правее на глубине 30 метров обнаружена маленькая площадка, с нее можно спуститься ниже... Несколько раз проверяю прочность забитого крюка.

Сброшенные концы веревки, связанной с репшуром, коснулись выступа и повисли над пропастью. Явно волнуюсь, хотя это и не первый

спуск. Веревка туго скользит через плечо и бедро. Отклоняюсь над обрывом. Ноги теряют опору. Повис, как паук на паутине. Тяжелый рюкзак оттягивает назад. Напряженно стравливаю веревку. Наконец ноги вновь коснулись скалы. Балансируя на крохотной наклонной площадке, вбил крюк, привязался и сбросил с плеча концы веревки.

—Лезь! — кричу вверх.

Второй, а затем и третий медленно, раскачиваясь на веревке, спускаются вниз.

—Миша, тяни!

Ануфриков потянул веревку за один конец. Не идет, заело. Над нами отвесные скалы, под ними стена 800 метров... Выхода нет. Нужно кому-то лезть вверх и высвободить веревку.

—Я полезу! — говорит Миша.

И опять человек повис на веревке и полез по ней вверх. Скрылся за выступом.

Бесконечно тянулось время, но вот он показался вновь. Спускается вниз.

—Ну, как?

—Перехлестнуло ветром. Я расправил и передернул веревку. Теперь пойдет.

С силой дернул. Веревка натянулась и подалась.

Еще два спуска дюльфером на полную веревку, и 90 метров стены остались над нами. Успели вовремя. Спускались сумерки.

Пятый день траверса.

Приятное событие: добрались до заброшенных нами ранее продуктов. Едим вволю.

—Друзья, нам не съесть всего! А тащить излишек еще через две вершины тяжело. Давайте сбросим их вниз!

Две зеленые ракеты прорезали синеву неба: это условный знак.

Через две минуты две маленькие точки показались на обширном белом поле ледника. Вспомогательная группа спешила к нам...

Не успели мы упаковать груз и вложить внутрь записку, а они уже подошли к подножью стены. Нас отделяет 600-700 метров по вертикали.

—Быстро дошли,— заметил Валентин, глядя на часы, за 1 час 15 минут. А мы добирались по гребню и вершинам три с половиной дня.

—А по расстоянию ведь немногим больше, — добавил Миша.

Пакет готов.

А ну, испытаем новый вид транспорта и связи!

Пакет летит вниз, ударяется о рыхлый снег, вызывает целую лавину и, обгоняя ее, громадными прыжками катится по крутому желобу, заполненному снегом, к подножью склона.

Товарищи поймали пакет.

Удачно! Связь удалась. Теперь они знают о наших планах.

Трое альпинистов уверенно двинулись на штурм двух оставшихся вершин Джугутурлючата.

1 9 4 5 – 1 9 4 6

В один из октябрьских дней 1945 года в Тбилиси пришло тревожное сообщение: не вернулась в лагерь ушедшая на штурм Ужбы группа альпинистов в составе А. Джапаридзе, К. Ониани и Н. Мухина. Срочно были организованы поиски. 17 октября в Местию выехала спасательная экспедиция, возглавляемая Е. Абалаковым. В шквальную погоду на самолетах П-5 была произведена разведка вершин Ужбы, но она оказалась безрезультатной. Тогда в район поисков вышли два отряда: основной, в который вошли Е. Абалаков (начальник), Г. Зарубиани, Б. Хергиани и Н. Гусак, и вспомогательный, состоящий из носильщиков, связных и резерва (начальник Гвалия).

21 октября основной отряд в условиях жесточайшего бурана достиг моренного лагеря, расположенного над языком ледника Гуль. Два дня бушевал буран и свирепствовал мощный снегопад. Все это время участники поиска вынуждены были отсиживаться в пещерах. Наконец буран утих, и отряд двинулся вверх. На одном из выступов под вертикальной стеной Северной Ужбы поисковая группа нашла записку А. Джапаридзе, датированную 28 сентября 1945 года. Больше ничего здесь найти не удалось. На склонах всюду нависали лавиноопасные массы снега, вызывающие предположения, что А. Джапаридзе и его группу погубила лавина.

Отряд Е. Абалакова поднялся по Тульскому ледопаду и 27 октября по глубокому снегу вышел на седловину Ужбы. В скальном обнажении северного жандарма седловины удалось найти скальный крюк с двойной петлей из сизалевого репшура. Крюк был вбит на 65-80 метров ниже седловины и явно принадлежал группе А. Джапаридзе. По единодушному мнению участников поиска, этот крюк мог быть использован только для спуска.

На седловине на отряд вновь обрушились шквальные порывы ветра, однако поиски продолжались. 28 октября на ледяном склоне Северной вершины Ужбы были обнаружены следы ступенек, идущих от вершины к седловине. Больше ничего найти не удалось. Участники поиска пришли к заключению, что А. Джапаридзе, К. Ониани и Н. Мухин сорвались вниз по Тульскому леднику. (В 1946 году удалось установить, что группа А. Джапаридзе была ночью увлечена лавиной вместе со спальными мешками).

Е. Абалаков, Г. Зарубиани, Б. Хергиани и Н. Гусак начали нелегкий спуск. Первым шел Е. Абалаков. По воспоминанию Н. Гусака, «очень тяжело дался ночной переход по крутому льду от бергшрунда к ночлегу. Добираемся лишь к 24 часам и это исключительно благодаря опыту, выдержке и умению Евгения...» 29 октября отряд опустился в селение Ушхванари.

Летом 1946 года Комитетом по долам физкультуры и спорта при Совете Министров СССР была организована экспедиция на Юго-Западный Памир. На штурм суровых вершин этого малоизученного района шли 12 опытных альпинистов Москвы и Ленинграда. Руководили походом Е. Белецкий и Е. Абалаков.

О целях и задачах этой экспедиции, о том, как были покорены труднодоступные вершины пика Патхор и пика Карла Маркса рассказывается в публикуемых ниже дневнике Е. Абалакова и его докладе на Втором Всесоюзном географическом съезде.

*Юго-западный Памир**

После того как проект экспедиции на пик Победы окончательно отпал, возникла идея осуществить прерванный войной план — восхождение на два семитысячника юго-западного Памира.

На альпинистской конференции мною и Е. Белецким был разработан план этой экспедиции. Срок выезда назначен на 25 июня. Однако трудности с получением снаряжения заставили отодвинуть срок отъезда на 5 июля.

После почти шестилетнего пребывания в армии (демобилизировался в мае) у меня возникло в Москве множество самых неотложных дел. Несмотря на это, пришлось немедленно принять на себя всю организационную работу по подготовке экспедиции. Белецкий прибыл в Москву лишь в день отъезда экспедиции. Срок отъезда пришлось вновь отложить.

11 июля выяснилось, что заказанные на 15-16 июля билеты Министерство путей сообщения решило выдать на 13 июля. Начались дни величайшего напряжения. Бессонная ночь. Сами погрузили питание и снаряжение в багаж. В 23.10 отъезд, а в 22.30 я еще бегаю по Москве по всяким организационным делам. Дома семья и друзья подготовили дружеские проводы. Увы, забегаю к ним лишь на несколько секунд и все вместе мчимся на вокзал. Прибываем за несколько минут до отхода поезда. Вагон трогается. Наступает штиль.

16 июля. День отдыха и подкармливания.

В вагоне нас восемь человек: Белецкий, Иванов, Сидоренко, Багров, Угаров, врач Потапова, Кельзон и я. 21 июля вылетят самолетом Шлягин и Тихонравов. Старицкий уже в Душанбе. Семенов еще в Алма-Ата.

19 июля. Начались пустынные степи. Ураганный ветер.

* Публикуется впервые. Печатается с сокращениями.

Ночью проехали Аральское море.

20 июля. Жарко. Пустыня. Берег Сыр-Дарьи, поросший камышом.

Выбрались на крышу вагона — прохладно и интересно.

21 июля. Начались оазисы. Первые фрукты. Ташкент. Встреча со Шлягиным, Семеновым и Старицким.

22 июля. Андижан. Поразило изобилие фруктов. На машине в Ош уехать не удалось. Ждем поезда, поглощаем фрукты.

Вечером баня.

23 июля. Наконец сели в ошский поезд. Дорога для меня новая.

В Кара-су неожиданно встретились с остальными товарищами. Настроение поднялось.

Въехали в Ош. На машине добрались до базы Академии наук.

Переупаковка грузов, затем купанье в арыке и ночевка под деревом.

27 июля. Часов в восемь выехали на сильно груженной трехтонке.

Устроились в машине с удобствами. Наблюдаю, как медленно ползет кверху anerоид.

По пути «объясняю» ребятам все достопримечательные места. Перевал Чигир-чик. Гульча. Красивые породы близ перевала.

Перевал Талдык проехали вечером. Облачно. Брызжет дождик.

К обеду в Сары-таше. Заалай закрыт облаками.

Ночуем в палатках в Алайской долине.

28 июля. Холодное утро. Ясно. Речки покрылись льдом. Хорошо видны знакомые вершины.

Бордоба. У подъема к перевалу встреча с живописной группой Кашгарских переселенцев.

Перевал Кызыл-арт, затем Маркан-су, озеро Кара-куль.

Жара и ветер. Безводная пустыня.

Перевал Ак-байтал. Быстрый спуск, и к пяти часам мы на биостанции.

Теплый прием начальника станции Добротина. Спим в фанерных домиках. Ночь теплая.

29 июля. Подъем в шесть утра. Переупаковка грузов. В восемь — выезд всей экспедиции (12 человек).

Мургаб. Сухие долины. К перевалу — система озер Сасык-куль.

Около юрт киргизов подкрепляемся кислым молоком. Вдали на западе большая вершина. Предполагаем, что «наша».

Наконец последний перевал и длинный спуск по долине реки Тогузбулак.

Горячие источники у селения Джиланды. Купаемся. Я и Женя Иванов попали в болото.

Спим на разостланных палатках.

30 июля. Гунт. Селение Байкала. Выгружаемся. Наша база — у местного учителя.

Часть товарищей, в том числе и я, едем дальше, на Хорог.

Кишлаки, зелень и ошеломляющие вершины.

Стоп!.. Бензина нет. Четыре часа ожидания. Встречные машины не сочувствуют нам. Жара, сгорел до корост.

Километров десять идем пешком с рюкзаками. Стемнело. Наконец посчастливилось сесть на машину с хворостом.

Хорог. Поиски ботанического сада. Разведчики — я и Старицкий. В темноте в городе занимаемся почти альпинизмом. Но вот ботанический сад обнаружен. Ночной чай в чудесном саду. Спим под урюком. Ночь теплая и прекрасная.

1 августа. Выехали в 5.30. К девяти часам — в Ван-кале.

Сортируем вещи. Подготовка к выходу. У меня разногласия с Белецким о порядке выхода и продвижения.

В ожидании машины ночлег на поляне у дороги. Спим с Женей Ивановым во вкладышах. То жарко, то холодно. Ночью перелезли в свои

мешки.

На машине довели груз до моста через реку Патхор. Транспортировка через жидкий мостик. Вьючим на две лошади и ишака. Сложный и забавный переход через Патхор. Съемка критических моментов, иногда очень смешных. Вода доходит до пояса и леденит ноги.

Отдых и перегрузка на правом берегу. У меня очень сильно заболела спина — лежу пластом.

В 3.15 пошли вверх. При входе в ущелье Патхор открылся уже знакомый контур пика Патхор. За три часа по камням меж кустарников ивы и облепихи дошли до места, дальше которого лошади идти не могут. Раскинули лагерь. Высота 3300 метров.

Спал на разостланной палатке. Спина болит по-прежнему.

3 августа. Часов в шесть Женя Иванов и Ширимбеков (один из двух наших товарищей таджиков) ушли на охоту.

В девять утра, позавтракав, товарищи приготовились к выходу. Я же лежу пластом.

Пришли снизу два носильщика (молодые таджики) и Володя Старицкий и с ними две лошади с грузом. Ушла первая партия. Вскоре за ней — и вторая. Потом вернулся Шлягин и стал уговаривать караванщиков провести лошадей дальше. Они отказались. Шлягин повел одну лошадь. Караванщики понесли груз. Еще раз возвратился Шлягин и взял еще груз.

Снизу поднялся второй таджик Арабшеев. Раза три подбрасывал Иванов тяжелый груз. Хорошо работал и Шаримбеков.

В 3.20 вернулась первая партия. В обед «полакомились» подгоревшим омлетом (повар Маруся) и, не задерживаясь, двинулись вверх. Я иду тоже. Крупные осыпи, изредка кустарники. Тащу, и довольно сносно, рюкзак.

На песчаной отмели среди кустарника раскинули лагерь. Вершина видна несколько ближе, но путь до нее еще далекий. Ночью опять

приступы боли в спине.

4 августа. Ребята ушли перетаскивать грузы с перевалочной базы, расположенной несколько ниже лагеря, в Основной лагерь. Через несколько часов подошли Багров, Тихонравов и Кельзон (особенно тяжело нагрузили Толю Багрова).

Я с трудом дотащил рюкзак до основного лагеря. Помог все тот же Багров, хотя он сам был нагружен до предела.

Основной лагерь раскинули под развесистой ивой. Спим на палатке.

6 августа. В 8.15 вышли все, кроме Саши Сидоренко и таджиков (увлеклись охотой на кийков). Идем с тяжелым грузом.

После моренных бугров пошли осыпи, чередующиеся с отлогими долинками. На конечную морену ледника вступили спустя четыре часа. Путь преградила речка, резко изменившая направление на юго-восток. Переправиться оказалось невозможно. Шагаем вдоль нее. Чудесный правый цирк ледника с высокими вершинами. Обошли речку лишь на месте ее выхода из ледника. Здесь я начал глазомерную съемку.

Придерживаясь правого берега, по камням морены прошли до языка чистого льда, спускающегося от пика Патхор.

Лагерь в котловине. Длительное препирательство между ребятами из-за приготовления пищи. (Кое-кто хитрит и эту работу перекладывает на других.)

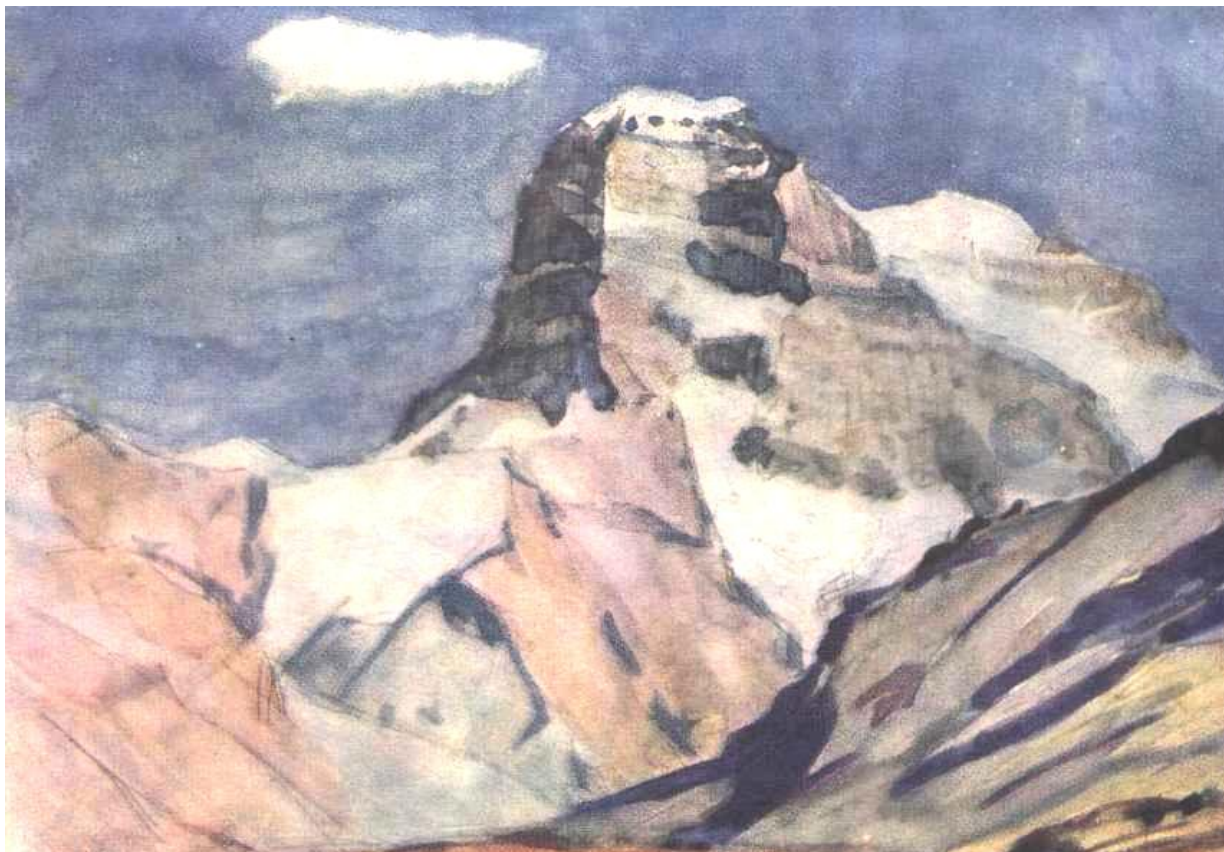
Спим «на улице» по той причине, что в свою палатку положили пришедших таджиков. (Толя Багров «позаботился» и не взял из основного лагеря дополнительную палатку.) Ночь лунная, морозная. Спальный мешок заледенел.

7 августа. Пасмурная погода сменилась ясной. Выходим двумя группами. В мою (я и Женя Иванов) включился Белецкий. Задача нашей группы — обследовать цирк с юга.

Задача второй группы (Семенов, Шлягин и Тихонравов)

обследовать цирк (с востока) и сочленение южного гребня с вершиной.

Мы вышли в 7.45, связались и сразу же надели кошки. Начали быстро набирать высоту. За 25 минут — 250 метров. Бугристый ледопад кое-где пересекают трещины. Идти легко. Через два часа достигли высоты скального гребешка и вышли к цирку. Пошло отложе. Путь рассечен широкими увалами и трещинами. Переходим к правому берегу. Здесь трещин нет.

Пик Энгельса (акварель)

Рисунок Е. Абалакова

Крепко пригревает солнце. Снежный склон, ведущий на верхнюю часть южного гребня, заманчив, но переход его к вершине по-прежнему пугает. Цирк ледника поворачивает влево на запад. Подкрепились консервами, яблоками, выпили воду. Время 12 час. 30 мин. Высота 5250 метров.

Наметил кулуар для выхода на гребень. И полезли. Удобные снежные лунки, но высота чувствуется.

Долезли до скал. Обход невозможен. Приходится брать в лоб. Скалы трудны. Лезу на кошках. Оглянулся: за мною дальше никто не полез. Отвязался у последнего выступа и по снежному гребню взошел на вершинку высотой 5500 метров. Открылась обширная панорама.

Со всех сторон хребты. На юг они снижаются к Бартангу и затем вновь переходят в снежные вершины. Западный гребень Патхора очень острый и труден. Северо-западный совершенно обеснежен, крут и невозможен для восхождения. На север гребень еще обрывистей и бесснежней.

Сфотографировал все обстоятельно. Сделал схему и, наконец, — вниз. По скалам спускаюсь, используя самостоятельное охранение за выступы.

Только спустился к снегу, как едва удалось укрыться от камнепада. По снегу спустился быстро. Слева обнаружил более удобный кулуар. В три часа внизу. Отыскал наиболее удобный путь: вначале — у правого берега, затем резкий траверс к левому скальному гребешку и внизу выход к середине ледника. Ни разу не попалось сколько-нибудь значительной трещины. В 4 час. 30 мин. в лагере.

Слегка обгорел. Но настроение хорошее: спина прошла.

Второго отряда еще нет. Они пришли уже совсем к вечеру. «С востока пути для восхождения нет. Южный гребень смыкается с вершиной неблагоприятно» — вот их резюме.

Дополняю свою глазомерную съемку. Сплю в палатке.

11 августа. Начало штурма Патхора.

Проснулись в шесть часов.

Вышли в 7.30. Наша тройка (Женя Иванов, Саша Сидоренко и я) идет первой. На половине пути занялись изготовлением шторок для защиты лица, и нас обошла даже группа Потаповой. Но затем мы обогнали ее и другие группы и пришли в цирк вместе с первыми.

Время 12 часов. Безветренно и жарко. Раскинули лагерь. Распределили продукты. Варим без перерыва. Снег топится на солнце. Нашли и воду.

Окончательное распределение по тройкам. (Ярость Толи Багрова — он в группе Потаповой.)

Ночь на снегу.

12 августа. Выход в восемь часов. Идем первыми. Мне трудно идти из-за ушибленной позавчера ноги. Надежда, что новый ботинок тереть рану будет меньше, не оправдалась. Рюкзаки тяжелы, хотя мы значительную часть полученных продуктов оставили в лагере. Ребят мучает одышка.

За 1 час 15 минут преодолели склон и вышли на гребень в новом месте, правее прошлого подъема. По снежному склону решили обойти первый жандарм, рассчитывая на кальгаспоры. Однако забрали высоко. Склон оказался ледяным и мы с трудом прошли на кошках над бергшрудом.

В расчете обойти крутой участок скал по карнизам, сняли кошки и вышли на скалы. Они оказались сложны и сыпучи. Потратили много времени и усилий, прежде чем вылезли на верх гребня. По снегу, конечно, подниматься было бы проще. Поэтому, когда остальные три тройки поднялись на перевал, мы им посоветовали пересекать склон ниже и подниматься к гребню по снегу.

Дальше гребень состоял больше из крупных осыпей со скалами. В верхней части этого участка мы обошли его справа и преодолели боковые гребешки. По сыпучим скалам большого кулуара и осыпям вышли на седловину.

На северо-западной стороне гребня нашли отлогий участок осыпи. Но потребовалось два часа, чтобы устроить на ней горизонтальную площадку для палатки. Остальные участники восхождения (три тройки)

показались на склоне значительно позже и начали устраивать бивуак не доходя до гребня.

Подкрепляемся рыбными консервами и густейшим супом с клецками системы Жени Иванова. Доесть не смогли. Саша Сидоренко ест мало — вынужден назначить себе диету.

Хороши окружающие панорамы. Все шире раскрываются горизонты необозримых хребтов и мощнее поднимаются на юге монолитные вершины Маркса и Энгельса.

Левее конусообразная вершина. По контурам очень напоминает K^2 в Каракоруме. Взял азимут — 145° . Ночью спим плохо. Пересыхает горло.

13 августа. Утром ребята есть ничего не хотят. Сварил кисель. Он очень хорош и всегда идет с аппетитом. Вышли в девять часов.

Женюшка Иванов совсем «растерялся». Потерял мои нитки с иголками и кассету. Вообще его торопливость становится опасной. Вчера он поймал на свою голову небольшой камень, спущенный Сашей. Удачно еще что увернулся от большого камня и что голову отчасти предохранили защитные очки. Моя перевязка, видимо, тоже удачна. Сегодня боли Женя уже не чувствует.

Обход крутого гребня начали с левой стороны. Справа он падает отвесной стеной. По скальным с осыпью карнизам сравнительно легко поднялись на гребень. Лишь в верхней части небольшая стенка доставила мне неприятные переживания, которые усугубила заклинившаяся в скалы лейка.

Остальным группам в начале движения указан путь. Мы же опять перешли на правый склон. Острыми башнями высятся над нами два основных жандарма. Обходим их справа по наметившемуся карнизу, на который я в целях разведки предварительно сходил и уверился, что обход вполне возможен. Двигаемся к седловине.

Вдруг слышу крик Иванова: «Саша, держи!» и шум падающих

камней.

Прижался, как мог, к скалам.

—Ну как, все целы?

—Ничего, сейчас поднимусь...

Это упал Женя Иванов, поскользнувшись на обледенелом снежнике. Все кончилось благополучно.

На гребешке ребята воздвигли еще один тур.

Обходим многочисленными гребешками и кулуарами жандармы и к пяти часам опять выходим на перемышку под последнюю стенку. Через час готова неплохая площадка. Но лишь через два часа медленно подтягиваются остальные связки.

Я использую время и разведываю проходимость последней стены. По глубокому кулуару пролез в верхней части «расклинкой» и далее по сыпучим скалам влез на гребень.

Вот он, путь к вершине!

Но он, видимо, не так прост, как хотелось бы. Впереди еще каверзный гребешок, длинный снежный гребень, может быть, ледяной. И скалы у вершины тоже не малые. В общем препятствий порядочно.

Внизу меня хватились — кричат! Спустился удачно. С аппетитом подкрепился супом, жареной колбасой и чаем. Настроение хорошее.

Ночь прошла плохо. Душно.

14 августа. Многие почти не спали: болело горло от пересыхания и поднялись утомленными.

Пока собирались, время подобралось к девяти. Вышли налегке. По спущенной еще вечером веревке быстро поднялись по кулуару. Пересекли широкий кулуар в обход нависающего снежного карниза и по сыпучим скалам взошли на гребень.

Хотя идем налегке, но самочувствие у ребят неважное. Саша ослаб от диеты и бессонной ночи. Женя Иванов чувствует себя лучше.

Я попытался обойти гребешок справа — безуспешно. Полез через верх — сложно. Тогда двинулись по снежнику слева. Я страхую сверху. Обошли первый выступ. Дальше пошли по гребню без труда.

По снежнику двигаемся на кошках. Мне мучительно наступать на больную ногу. По крутым склонам могу подниматься лишь спиной к склону. Идем медленно. Но весь снежно-ледяной гребень прошли все же за 45 минут.

На скалах сняли кошки и взяли их с собой на случай, если к высшей точке придется подниматься по ледяному гребню.

Скалы не крутые и крайне сыпучие. Метров через 50 я вышел на гребень. Скорее влево. Еще немного, и я на вершине Патхор! 12 час. 20 мин.

Вот он, действительно высший, третий на юг выступ гребня вершины. На восток — карнизы. Особенно огромен карниз со среднего выступа. Кругом бескрайние хребты и сплетения ледников...

Ребята кричат «ура!» Женька в восторге мнет Сашу, а затем бросается на меня и целует жесткой щетиной вместо губ в рану моих губ. И все же приятно.

С вершины открылись величественные панорамы и безбрежное море хребтов, увенчанных вечными снегами.

На севере в облаках кутались вершины, обрамляющие с юга ледник Федченко. На юге возвышались складки Шугнанского и Шахдаринского хребтов с резко выступающими массивами пиков Маркса и Энгельса.

За ними далеко были видны вершины Гиндукуша и Каракорума. Необыкновенная ясность воздуха, незасоренная нередкой здесь дымкой «афганца», позволила рассмотреть столь отдаленные вершины.

С вершины особенно ясна была интересовавшая меня схема ледника Марковского.

Изучаю систему перевалов и ледников. Делаю схемы и зарисовки.

Снимаю панорамы, снимаемся сами. Женя сложил большой тур. Поднимаются и остальные связки, ободренные нашими победными криками. У всех вид не очень «изящный». Особенно горы обезобразили Марусю Потапову.

Без аппетита поели рыбных консервов, вложили записку о восхождении и, пробыв на вершине два часа, начали спуск. Даю предупреждение группам спускаться как можно осторожнее.

Связка Белецкого (пострадавшего в этот день) вышла на снег, а первая связка уже достигла скал.

Болит нога. Вот и мы сняли кошки у скал. Движемся медленно. Часто ждем, чтобы не сбросить камни на нижеидущих.

Часам к четырем спустились в лагерь. Поужинали киселем и залегли.

15 августа. Спуск начали последними в одиннадцатом часу. Погода портится. Облачно, падает снег. Идем по знакомому пути.

Часто ожидаю, пока спустятся предыдущие. Наблюдаю за их спуском. Плохо идет Кельзон. Шлягин боится хорошо и идет неплохо.

Последний перед лагерем перевал гребня. Слева сидит связка Кельзона, пьют воду и приглашают нас. Иванов говорит, что по гребню хороший путь (Это его свойство — быстро решать, недостаточно убедившись.)

Оказывается, отсюда идет путь Багрова! Я ужаснулся. Когда он вскользь говорил мне вчера о своем варианте подъема на гребень — я не мог и подумать о том, что путь этот выбран по стене над кулуаром! Теперь все стало ясно. Худший путь трудно было выбрать.

Ругая Багрова, который своим «Вариантом» не только задержал группы, но и подверг их серьезнейшей опасности — пошли этим путем. (Две связки уже спускались здесь по веревкам, взятым у нас и нам нужно было их снимать.)

Я иду последним. Обрезал остаток закрепленной веревки. Решил спускаться на карабине. Но прошел лишь первую часть — попал на наклонные плиты. Под стеной веревка из помощника стала врагом: соскальзывала вниз. Пришлось освободить карабин и закинуть страховую веревку за выступ. Пуховая куртка, рюкзак и веревка мешают лезть и отбрасывают от скал. Задыхаясь, с трудом добрался до ребят!

Наконец старый знакомый путь. В лагере забрали оставленные продукты и двинулись вниз. Спускаемся с расчетом не обрушить друг на друга камни, которые постоянно валятся из-под ног.

Группа Багрова проскользнула уже до плато. Группа Белецкого вышла на снег.

По снегу проложена целая тропа. Больная нога скользит и при этом мучительно ноет. Идем медленно. Ручей. Хорошо бы как следует напиться, но легко застудить больное горло.

У лагеря меня окружили и все целуют колючими бородами. Прошу только, чтобы не в губы.

Первая горизонтальная площадка. Часть ребят решила идти вниз, часть осталась здесь, намереваясь сходить на следующий день на пик Клунникова.

Мы пошли вниз, дополнительно нагруженные общественным грузом. Я прошу Иванова идти медленнее: открылось много новых трещин. Наконец лед. Надеваем кошки.

У поворота вправо Иванов вдруг решил идти не тем путем, который предложил я.

Зная, что лед подтаял, и мой путь был хорош, я отдал ребятам веревку и, заявив, что не хочу портить кошки по морене, пошел один. К языку ледника пришел, конечно, намного ранее других. При встрече с ребятами разговоров не возникло.

В лагере с удовольствием подкрепились жиденьким киселем.

Сделал рисунок гор и остался не удовлетворен им. Спим, впервые раздевшись до трусов.

16 августа. Хороший сон. Лежим в палатке, нагретой солнцем. Ведро мясного супа приводит всех в окончательно хорошее настроение.

Пошел рисовать и выяснил, что краски оставил в Зеленем лагере. Сделал рисунок карандашом.

В три часа вышли. Много раз отдыхаем. Забавный брод ребят у морены. Наш с Сашей вариант — по красивой долинке.

Вечером в лагере. Пришел Ширибеков, очень усталый. Кийков нет.

Спим в палатке очень хорошо.

17 августа. Отдых. Долго спим, готовим обед и обильно подкармливаемся. Холодно. Облака часто закрывают вершины. Пик Патхор побелел от свежеснежавшего снега.

Снял повязку с ноги и убедился, что рана громадна, как я буду двигаться вниз — непонятно.

Пришли остальные ребята. Побывали на пике Клунникова и довольны. Толя Багров опух, но бодр по-прежнему. Маруся Потапова пришла позже: вид неузнаваемый.

Производственное совещание. Итоги пройденного, планы и прогнозы на будущее. Завтра начинается эвакуация.

Спим опять на своем старом месте.

18 августа. Саша Сидоренко, Белецкий и Шлягин ушли часов в девять.

Пока завтракали и распределяли груз, время подошло к 11.30. Все идем с солидной нагрузкой. Нога болит. Иду медленно.

Уже вблизи «Лошадиного лагеря» встретился с носильщиками. Они сообщили, что Иванов упал и сильно разбил висок. В лагере Маруся и Иванов (остальные ушли во второй рейс). Женя Иванов лежит в тени у

камня. Голова перевязана как у индуса. Самочувствие неважное.

Готовим обед. К шести часам пришли ребята из второго рейса. Обед, и в семь часов отправление вниз с караваном из четырех лошадей.

Последние километры к селению Патхор проходим уже в темноте. Табор на поляне. Заросли смородины. Чай и сон в теплой приятной долине.

19 августа. Утром молочный завтрак и в путь.

Броды по мелкой воде на лошадях. Ожидание машины, и мы вновь на базе в Байкале.

Занялся писанием статей. Суматоха с отчетностью отъезжающих. Прощальный ужин. Песни.

Сплю один у дорожки.

21 августа. Утром все небо в облаках.

После завтрака направились в сельсовет. Там райконференция. Интересное зрелище. Долго ждали конца выступлений. Договорились о выделении нам семи ишаков и четырех лошадей с четырьмя погонщиками для дальнейшего продвижения.

Пришли гости из ботанического сада. На ужин — уха из рыбешек, выловленных самими ребятами.

Женю знобит, приуныл паренек. Ночью ветер и дождь.

23 августа. Караванщики не пришли для заключения договора.

Продолжается дискуссия между Ивановым, Машей и Белецким. Маша настаивает на поездке Иванова в Хорог на рентген (опасаемся трещины черепа). Я, наконец, уговорил Женю. Сесть на машину не смогли.

24 августа. Охота за машинами продолжается, но пока безуспешно.

Сделал на память зарисовки типов таджиков. Часа в два, наконец, Маруся и Женя уселись в машину.

К вечеру подъехали из Хорога Саша и Володя. Много новостей. Обсуждаем варианты нашего будущего пути. Остановились на

первоначальном варианте с новым концом — поездкой по Пянджу.

Читаю первые письма из Москвы.

25 августа. Утром заморозок. До обеда ребята читают газеты.

Я составляю схему ледника Марковского.

После обеда упаковываем и зашиваем вещи. Пришли Давлят и Сулейман. Принесли выпеченные лепешки.

Каравана пока нет. Отправили Сулеймана за верблюдами.

26 августа. Погода испортилась. Показался караван: три ишака и три лошади. Начинаем сборы.

Часам к трем подъехали на машине и наши «больные» (Женя с Марусей). Итак, снова все в сборе. Очень удачно! Все вещи быстро уложили на машину, сели сами, и чудесно доехали до моста. Караван пошел своим ходом налегке.

Устроили обед среди зарослей ивы и облепихи. В пять часов нагруженный караван уже из пяти лошадей, трех ишаков и верблюдов двинулся вверх по ущелью. Тропа плохая: по руслу речки или по крутым склонам. К восьми часам дотянули до урочища Кахга и встали на ночлег.

Сготовили суп и чудесный компот из смородины. Спим на палатках. Ночь не очень холодная.

27 августа. Поднялись рано, но вышли лишь в девять. Тропа пошла отложе и лучше. Давлят-бек все охотится. Видели его спускающимся со склона, но затем он исчез.

Караван продолжал движение вперед. Тропа свернула с юго-западного направления в левое ущелье прямо на юг. Остановочка у кишлака. Пьем молоко и фотографируем оригинальные типы женщин высокогорного кишлака.

Женя Иванов решил задержаться и пойти навстречу Давляту. Мы продолжаем движение вперед. Солнце греет хорошо, но холодный ветер частенько излишне освежает (идем без рубашек).

Сзади выстрелы, затем машут белым платком.

До перевала осталось километра два. Увидел пик Карла Маркса. Он оказался ближе и значительнее.

Прошли за шесть часов километров 10-12.

Высота 4500 метров. Хорошая трава и выпасы кутасов. Ночь холодная. Саша замерз, даже завернувшись в палатку.

28 августа. Вышли в 10 часов. Я иду впереди. До перевала километра три — отлогий подъем.

Я на перевале. Лезу на вершинку справа.

Снял грандиозную панораму на пики Маркса и Энгельса и зарисовал их. Километра два догонял потом ушедший караван. Спуск очень отлогий. Вначале шел в южном направлении, затем соединившись с широкой долиной, идущей от перевала Джиланды, пошел на юго-запад.

У летовки обед. Толя Багров пожадничал, купил полтора ведра молока и сжег полтора ведра манной каши. Оную кашу так и не съели. Повар получил «по заслугам».

Вышли на широкую и плоскую долину Шах-дары. Прошли еще километра два вверх и остановились на ночлег у развалин интересной постройки.

Приятный вечер. Высота 3700 метров, но тепло. Горячий серный источник, купание в темноте. На ужин чудесный плов из кийка. Сон на палатке.

29 августа. Утром опять купанье в серном источнике. Выход в 10.30.

Караван движется вверх по широкой долине Шах-дары. Брод. Ущелье Реджиса. Караван идет по правому берегу, мы — по левому.

У слияния Шабоя (правый) и Хацака открылась грандиознейшая стена пика Энгельса. На берегу Хацака на зеленой лужайке раскинули лагерь. Время 3.30. Высота 4000 метров. Лагерь имеет солидный вид:

вытянулись в ряд восемь палаток. Иванов варит убитого им улара.

Вечером совещание. Завтра выход на разведку.

30 августа. Встали с рассветом, в 6.15. Быстро собрали рюкзак, и в семь часов вышли.

Долина Хацака поднимается отлого. Я считаю шаги и делаю глазомерную съемку. Женя Иванов и Вася Жогов поочередно несут рюкзак.

Долина повернула к востоку. Показалась западная стена плато и пик Маркса.

Завтрак у коша. Таджичка с чудесным сынишкой принесла молока. От коша прошли еще километра три.

Поднялись на левый склон, откуда открылся хороший вид на южный цирк. Спутники отдыхают. Я делаю съемку ледников и зарисовки. В 1 ч. 45 мин. спуск вниз.

У коша закусили и за 1 час 40 минут дошли до нашего лагеря (а на подъем ушло четыре с половиной часа).

Итоги нашей разведки не очень утешительны: вполне безопасного пути не обнаружили, но есть вполне возможный — по узкому леднику прямо на плато.

1 сентября. В 10 часов вышли с караваном по долине Хацака (все, кроме радистов).

В 2.15 раскинули лагерь под стеной плато пика Маркса. Кругом пастбища, несмотря на высоту 4700 метров.

2 сентября. Утром Багров, Тихонравов и Потапова пошли на разведку в западный цирк.

Около девяти я, Семенов и Белецкий двинулись в восточный цирк. За 1 час 45 минут вышли в него по отлогому леднику. Лишь в верхней части встретились трещины.

Высота 5360 метров. Выход на плато по висячему леднику в

середине северной стены плато возможен. Трудны лишь сбросы в нижней части ледника. Но этот путь безопаснее любого другого (с нашей стороны). За час спустились к лагерю.

Толя Багров пришел лишь поздно вечером. До вершинки не добрались. Обход на плато с этой стороны длинен и труден.

Рисовал пик Маркса, но не окончил: зашло солнце и акварель немедленно замерзла.

Ночка весьма прохладная.

3 сентября. День сборов к штурму пика Маркса. Толя Багров не в шутку обиделся, что его «предали» и не дали достаточного отдыха.

В 3.45 выходит группа в составе Иванова, Сидоренко, Белецкого, Багрова, Семенова, Угарова, Давлята и меня. Рюкзаки тяжелые.

В 6.10 пришли к лагерю на леднике вблизи скал. Подкрепились мясным супом и киселем.

Долго не могли заснуть.

4 сентября. Вышли в восемь часов. Кошки надели на солнышке.

Лавируя между трещинами, подошли к сбросам висячего ледника. Вблизи сбросы оказались отвесными. Я начинаю долбить путь по наклонной ледяной трещине. Багров и Иванов упорно отстаивают свой вариант: ледяной желоб под сбросами.

В конце концов, я даю согласие на их вариант и начинаю рубить ступени в ледяной стене. Багров, несмотря на наш протест, начинает рубить ступени ниже. Вырубив до первой площадки, я спускаюсь вниз за рюкзаком и крючьями. (Багров закрепился выше.)

Я спешу с крючьями. Идет Давлят. Слышу, как Саша кричит Давляту: «Не становись на колени!»

И вдруг крик Давлята: «Ой... падаю!..»

Думаю только о том, чтобы задержать Давлята (он неопытен и при падении будет совершенно беспомощен). Решаюсь принять на себя рывок,

хотя недостаточно закрепился. Натягиваю веревку. Давлят срывает меня. Падаю, стараясь затормозить ледорубом и не зацепиться кошками... Но на более отлогой части зацепился кошкой и пошел боком, а затем и вниз головой. Сорвал Сашу. Потом выправился и задержался.

Подоспевшие товарищи освободили меня от сдавившего горло и грудь рюкзака. Встал. Все как будто в порядке. Жгучая боль лишь в кисти правой руки. Пальцы гнутся, но с трудом. Посмотрел на Давлята: цел! только жалуется на боль от рывка веревки. Решили отправить его вниз по легкому пути (чему он, видимо, был рад).

Боль в руке усиливается. Рука быстро пухнет. Женя Иванов и я берем от Давлята палатку и начинаем подъем.

Правая рука у меня не работает. Поднимаюсь на веревке на левой. Крутой ледяной склон над сбросами.

Толя предлагает лезть прямо на бросы.

Белецкий благоразумно предлагает идти вдоль трещины влево. Вышли из-под сбросов. Чувствую слабость, видимо, от травмы.

Выходя по натечному льду я поскользнулся и сшиб на себя огромный кусок льда, имевшего форму гигантской сосульки. Удачно! Она скользнула по рюкзаку и лишь слегка по голове. Женя удержал меня на веревке.

Стало отложе. Много трещин. Некоторые очень глубоки. Переходим по ненадежным ледяным мостам. Помогают кальгаспоры. Поднялись на плато.

К пяти часам подошли к подножью юго-западного гребня. На осыпи и скалках сделали площадки.

Мы (два инвалида) сделали площадку скорее, чем группа Багрова, хотя они пришли первыми. Группа Белецкого поднялась значительно позже.

Ночь вначале теплая, под утро прохладная. Высота 5900 метров.

Увидели во всей красе мощный Гиндукуш.

5 сентября. Погода неважная. Все затянулось облаками. Долго готовим завтрак. В 12 часов вышли. Вначале по снегу и льду, затем по скалам. За два с половиной часа поднялись на 300 метров и устроили бивак на последних скалах. Погода ухудшилась. Пошел снег. Видимости — никакой. Пообедали и спать. Высота 6200 метров.

6 сентября. Погода плохая. Туман. Снегу насыпало около четверти метра. Палатка заиндевела изнутри.

Не надеясь на скорое улучшение погоды (высотомер за ночь поднялся на 60 метров) решили идти на штурм вершины.

Вышли в 9.40. Мороз. Пурга. По заснеженным осыпям и скалам юго-западного гребня прошли первый перепад. На втором у меня очень замерзли ноги. Долго «откачивал» их маятниковым способом и с трудом надел утеплители. Сказал, чтоб тоже сделал Иванов. Тот упорно не хотел надевать, но потом сдался и надел.

Мерзнут руки и лицо. Особенно беспокоюсь о руке Иванова. На наши больные руки — он на левую, я на правую — надели по носку.

Скальный гребень длинен. Женя Иванов идет на кошках. У начала ледяного гребня и поворота его к северу кошки надели все. Я успел чуть перекусить.

В редкие разрывы облаков показывается вершина и две идущие впереди фигурки Толи Багрова и Саши Сидоренко. Пытаюсь сфотографировать, но из-за больной руки выходит плохо.

Наконец, острый гребень вершины пика им. Карла Маркса! Обходим скалы справа, и неожиданно высшая точка — за ветром и очень уютная. Время 13 час. 30 мин. Видимости, к нашему большому огорчению, никакой.

Высота вершины по нашему альтиметру 6900 метров. (Он сильно преуменьшает. Истинная высота несомненно не менее 7000 метров.)

Поднялась последняя связка Белецкого. Аппетита почти ни у кого нет. Только я и Толя Багров наседаем на рыбные консервы.

Голова не болит, но чуть тяжелая от непереставаемой жгучей боли в руке (очевидно перелом).

Оставили записку о восхождении в большом туре. Вниз пошли резвее. Задерживает группа Белецкого. По снежнику группа Багрова — Сидоренко пошла вперед.

Снегопад усилился. Ветер тише. Облака разорвало и выглянуло солнце. Воспользовался и сделал съемку.

В лагере в пять часов. Женя Иванов чувствует себя плохо, ничего не ест.

Пьем чай со смородиной. У меня аппетит хороший.

Ночь морозная.

7 сентября. Утро ясное и морозное. Я вылез из палатки раньше, чтобы пофотографировать, но больших перспектив не открылось. Больная рука мерзнет.

Вышли в девять часов. Первые скалы обошли слева. По снежнику и скалам спустились к первому лагерю в 12 часов, забрали оставленные здесь продукты и вышли на ровный ледник. По нему пошли на юг к Пянджу. У первой воды закусили. До языка ледника оказалось километров десять тяжелого пути по кальгаспорам. Язык ледника — в виде высоких эффектных сераксов.

Левее — еще два ледника, очень мощных, состоящих из сераксов. Самый левый обрывается огромным ледопадом. Над ним мощная вершина.

Высота 4940 метров. Длинный моренный путь закончился обрывом. Обходим справа по крутой осыпи (300 метров).

Восхождение окончено. Сфотографировались и неоднократно перецеловались.

После слияния двух речек подошли к кошу на хорошей зеленой

поляне. Тепло. Неплохой ужин, молоко, чудесный сон в палатке и лунная ночь.

8 сентября. Толю Багрова послали вперед (в семь часов) с радиограммой Левченко о нашем благополучном спуске. (Опасаемся, как бы они, встревоженные плохой погодой, не начали спасательные работы.)

Вышли в восемь часов. Тропа вдруг резко пошла вверх по правому склону. Вверху раздается крик. Высоко над собой видим маленькую фигурку Багрова. Неужели туда лезть? А лезть пришлось метров .400. Жарко. Наконец вниз.

Вышли на склоны Пянджа. Открылись изумительные панорамы Гиндукуша, Пянджа, острова афганских кишлаков.

До шоссе шли около пяти часов. Попутная машина, очень кстати — довезла до заставы. Теплая встреча пограничников. Интерес к нам и нашему восхождению повышенный.

Чудесное мытье в Пяндже, обед, арбузы.

Связь с нашим лагерем налажена. Володя Тихоправов жаждет восхождений!

Спим в палатках, растянутых среди деревьев сада, под шум листвы.

Альпинисты спускаются к долине Пянджа, вдали дымится Гиндукуш

9 сентября. Солнечный день. После завтрака греемся на берегу Пянджа, приводим все в порядок, читаем газеты.

Саша и Женя Иванов сражаются в шахматы на арбузы. Сегодня проигрывает Женя (видимо потому, что решил играть «умненько»).

После обеда провели беседу об альпинизме и о задачах нашей экспедиции. Продемонстрировали все снаряжение. Сидоренко и Багров показали некоторые приемы на практике. Получилось интересно и убедительно.

Вечером два пограничника вызвались проводить нас к нарзанному источнику. По дороге рассказали много интересного из пограничной жизни.

Вечер ветреный и мрачный. А рука все болит.

10 сентября. Выход утром не состоялся, ибо обещанные председателем колхоза ишаки не пришли. Томительное ожидание.

Наконец, к половине четвертого навьючены три ишака. Тепло распрощались с личным составом комендатуры. Только вышли — начальник заставы кричит: «Обед готов! Пообедайте!» Ну, слабые сердца не выдержали, и мы пообедали. Еще раз прощанье — и пошли.

Простились с гостеприимной долиной и вошли в ущелье Вранга. Большой подъем. Узкое ущелье. Плохая тропа над обрывом. Маята с ишаками; они валятся под обрыв и мы едва успеваем их удерживать. Рюкзаки пришлось взять на себя. Крутой и длинный подъем.

Вечереет. До коша пять часов ходу. Идем в потемках. Наш старик-караванщик чудесно знает каждый поворот тропы.

Брод через приток слева. Хорошая поляна, кош. Ужин из кийка и сон. Высота 4200 метров.

11 сентября. Свежее утро. Вышли в 9.30. Долина стала шире, много осыпей. Справа обошли два водопада и речку, ведущую к перевалу Хаут. Выше, с левой стороны, заметили ледник.

Залезли с Толей Багровым повыше и увидели пик Маркса и всю окружающую систему. Я сделал съемку. Дорога на перевал оказалась совсем не такой, как утверждал Толя. Он сконфужен.

Опять взвалили на себя рюкзаки, так как ишаки совсем отказались идти. Втянулись, видимо, крепко: с тяжелыми рюкзаками поднимаемся на крутой склон, на высоте, близкой к высоте Эльбруса, и идем совсем легко.

Перевал. Высота 5450 метров. Время 4.30. Я спешу на ближайшую вершинку сделать съемки. Иванов дал свой аппарат. С вершинки хорошо виден пик К. Маркса со всей его свитой. Сильно продуло шквальным ветром. Чтобы согреться — вниз бегом. Спуск прямо на север по ледничку, покрытому кальгаспорами. Обогнал Сашу Сидоренко и Петю Семенова. Морены. Догнал караван.

Рюкзаки навьючили на ишаков и двинулись вниз по широкой и отлогой долине. Высота еще большая, холодно. Речка, образовав озеро, скрылась в моренах.

Уже в сумерках подошли к кошу. Доедаем последние продукты. Молока раздобыли мало.

12 сентября. Встали с солнышком. Наскребли кое-что на завтрак. Солнце вскоре зашло за тучи и стало холодно. Я в трусах, иду резво, намного опередил караван. Долина, ограниченная невысокими хребтами, спускается отлого. Вблизи выхода к Шах-даре наша речка входит в ущелье и сворачивает к северо-западу. Тропа выходит на правый склон и на плато. Первым добираюсь я, за мной Саша Сидоренко. Залезли на бугор и с трудом разобрались в окружающей местности.

Дождались остальных. Пересекли безводную долину и с крутого берега увидели, наконец, долгожданные палатки нашего лагеря. Раздаются крики и приветствия!

Не дожидаясь «перевозного» верблюда, я в ботинках ринулся вброд через Шах-дару. Радужная встреча друзей! Поздравления.

Четыре часа дня. Итого прошли сегодня пять с половиной часов. Врач занялся моей рукой. Массаж в серном источнике. Рука болит.

Перед обедом купанье. Много рыбы выловили собственным бреднем. Сон в «полудатке». Вечер и ночь пасмурные и холодные.

13 сентября. С утра пораньше, чтобы опередить Марусю, ринулись с Сашей в «бассейн». Вскоре присоединились и другие. Пошло мытье и стирка на высоте близкой к 4000 метров. После купанья, — завтрак.

Облака разогнало и солнышко греет чудно. На обед барашек и молоко — подарок с фермы.

Совещание. Натянутый разговор с Белецким: по его словам, я всегда не согласен с его предложениями... (в данном случае двигаться через перевал Лянгар основной группой).

На совещании его проект общей поддержки не встретил. В итоге намечено двигаться по трем направлениям.

Первая группа, шесть человек — через перевал Лянгар и на машине до Хорога.

Вторая группа — я, Сидоренко, Иванов и Левченко — до Хорога — по реке Шах-даре.

Петя Семенов с караваном и караванщиками — обратно в Ванкалу. Однако Петя обиделся, и вопрос о нем остался открытым. Погода к вечеру опять испортилась. Брызжет дождик.

Сделал себе шины для руки. Почти всю ночь не спал от жгучей боли.

14 сентября. В 10.30 шесть человек под начальством Белецкого, наконец, собрались и вышли вверх по Шах-даре к перевалу Шалмац.

Осталась наша палатка да палатка Алеши и радиста.купаемся и ловим рыбу. Весь вечер идет дождь.

15 сентября. Утром явился обещанный заведующим фермой киргиз с лошастью. Быстро собрались. Выехали на нашем верблюде в 10.30.

До селенья Шот-буват прошли за 2 часа 15 минут. Нашли знакомого уполномоченного и с его помощью достали еще одного верблюда.

До селения Юбин (15 км) шагаем четыре с половиной часа, до темноты. Тропа идет по долине реки, по зарослям облепихи, ивы, шиповника, хвоща, тополя.

Председатель в Юбине встретил нас гостеприимно. Угощал айраном, лепешками. Сварил нам мясо с картошкой и мы чудесно наелись за весь голодный день.

16 сентября. Распростившись с гостеприимными хозяевами и сфотографировав их, вышли в десять часов.

Тропа часто взбирается высоко на правый склон. Чуть ниже селения в прорезе левого бокового ущелья увидели грандиозный массив с обрывистыми стенами.

Влево более широкая долина Андижбашур — ведет к перевалу на Пяндж.

Жарко. Опять сгораем. Сильно разморило. Ребятам лень идти. Тропа все реже спускается в долину и больше идет по склону. Долина становится уже, склоны круче. Немного не доходя до селения Сижд, в ущелье слева увидели другую грандиозную вершину Сежд-зрав-дара.

Кишлак Сижд встретил нас хуже: председатель оказался на участке и распорядиться было некому. Пришлось осесть лагерем. Загораем и спим. Председатель вернулся поздно вечером. Ишаки оказались в десяти километрах от кишлака. Обещали утром за ними послать, но пригнать их смогут лишь к полдню. Спим очень хорошо на палатке.

17 сентября. Утро чудесно. Не удержался и больной рукой «намарал» рисунок.

К часу пригнали ишаков. Срочно подкрепились яичницей и в 1.30 вышли, я крепко перебинтовал руку и она разболелась. Пришлось ослабить

бинт.

Ущелье узкое, лес становится выше. Вспугнули большую стаю куропаток. Леня стрелял из нагана, но безуспешно.

К вечеру переправа через левый приток. Крутой подъем, обход по боковому ущелью. Дошли до колхоза «Социализм» и, не задерживаясь, пошли дальше среди зарослей ивы.

В проточках оказались целые стаи крупной маринки. Женя Иванов, несмотря на весь азарт, поймал руками лишь одну.

Опять броды. Лишь в девять вечера подошли к новому колхозу.

Расположились в кибитке у председателя. Угостил хорошим супом и чаем. Спать легли в 12 часов.

18 сентября. Проснулись лишь в восемь часов. Завтрак затянулся.

Дорога идет левым берегом. Лес кончился. Кишлаки попадаются все чаще.

Около трех часов дня пришли в районный центр Раш-калу. Разговор с секретарем. Помог купить хлеба, чая, мыла.

Машины нет. Обнадежили на завтра.

В закрытом помещении спать непривычно, душно.

21 сентября. Хорошее ясное утро. Пришла машина топографов. Договорились, что в три часа они захватят нас в Хорог. Но к часу дня неожиданно пришла машина с Багровым и Тихонравовым. В два часа выезжаем на ней в Хорог.

Красивая, но тряская дорога. 45 км проехали за два с половиной часа.

В Хороге Леня сопровождает меня в санчасть отряда. Хирург при осмотре констатирует три перелома в кисти руки, но надеется, что все восстановится. Положил шинку и назначил еще раз зайти к нему завтра.

Оформили дела в городе. Вечером приглашены в отряд на кино.

Спим с Женей в садике. Тепло и приятно.

22 сентября. Ночью приехал Алеша и, не зная где и что, спал около забора.

Днем оформляем дела в городе. Сдали имущество председателю комитета физкультуры.

Между делом не забываем отведать фруктов (главным образом дыни).

23 сентября. Утром чудесная прогулка на машине по Пянджу.

Загораем в саду. Ребятишки угощают грецкими орехами прямо с дерева.

В четыре часа выехали из Хорога. Знакомая красивая дорога по Гунту.

В семь часов в сумерках прибыли в Ванкалу. На ужин угостили киичиной.

24 сентября. Поднялись с рассветом. Быстро приготовили завтрак. Прощальная трапеза на палатках у машины и в 8.30 выезд.

*Высокогорная экспедиция в районы Юго-Западного Памира**

Высокогорные районы Юго-Западного Памира остаются до сих пор наименее исследованными из всех горных узлов Памира.

Если по Северному, Западному и Восточному Памиру мы имеем хорошие карты с большим приближением к истинному рельефу гор, то картографический материал Юго-Западного Памира остается крайне схематичным, правильно отражающим лишь рельеф основных долин.

Высокогорная зона изображена на картах обобщенной размывкой, в которой лишь общее направление основных хребтов соответствует действительности, но совершенно отсутствуют рельеф и оледенение.

В таких условиях путешествия в глубь хребтов связаны с проникновением в области зон, вовсе не изученных. Геолог С.И. Клуников, работавший несколько лет в горах Юго-Западного Памира, к 1937 году сделал несколько интересных открытий. Он проник из долины р. Гунта в центральный узел Рушанского хребта, обнаружил вершину, достигающую (по его инструментальной съемке) 7130 метров, и обширное оледенение у его подножья. Однако детального обследования ему провести не удалось. Другая высокая вершина, открытая Клуниковым, находилась в 100 км южнее первой и венчала Шахдаринский хребет. Эта вершина, достигающая, по определению Клуникова, 7000 метров, была названа пиком Карла Маркса. Близко подойти к пику Карла Маркса Клуникову не удалось, и подступы к нему остались не ясны.

Вновь открытые вершины заинтересовали советских альпинистов.

В 1946 году Комитетом по делам физкультуры и спорта при Совете Министров СССР была организована экспедиция на указанные вершины

* Доклад Е.М. Абалакова на Втором Всесоюзном географическом съезде.

Юго-Западного Памира.

В состав экспедиции вошли 12 опытных альпинистов Москвы и Ленинграда. Руководители экспедиции, заслуженные мастера спорта Е. А. Белецкий и Е.М. Абалаков, учитывая малую исследованность района новых вершин, не могли взять на себя обязательство восхождения на обе вершины: поэтому в задачи экспедиции входило изучение подходов и путей восхождения и лишь при благоприятных условиях — восхождение на одну из вершин.

24 июля участники экспедиции на грузовой машине, предельно нагруженной снаряжением и питанием, выехали из киргизского г. Ош и по памирскому тракту пересекли весь Памир. Миновали цветущую Ферганскую долину, зеленые склоны Алайского хребта, просторы Алайской долины, снежные громады Заалайского хребта и, наконец, высокогорную пустыню Восточного Памира. Машина пробежала суровую долину Маркан-су, песчаные берега огромного высокогорного озера Каракуль, взобралась на высоту 4700 метров к перевалу Ак-байтал и однообразными пустынными плоскогорьями высотой в 400 метров пересекла Южный Памир. Наконец — спуск, заросли кустарника по берегам бурного Гунта, и экспедиция на четвертый день достигла основной своей базы — селения Ванкалы. Позади осталось 640 км шоссе, а до Хорога еще 90.

Каждый хребет Памира имеет свои характерные особенности. Рушанский хребет поражает резкой расчлененностью рельефа, острыми вершинами и гребнями. По дну глубоких ущелий текут бурные горные потоки.

Из широкой долины реки Гунта с зелеными полосками арыков, искусно прорытых таджиками на головокружительной высоте крутых склонов, квадратами домиков кишлаков и зеленью садов, экспедиция двинулась вверх по ущелью реки Патхор к первой вершине — пику

Патхор.

Уже издали пик Патхор (в переводе с таджикского — высота Колючка) произвел на альпинистов большое впечатление крутыми и мрачными скалистыми склонами, сильно изрезанными острыми гребнями. Можно было ожидать больших трудностей при восхождении.

Караван экспедиции преодолел опасные броды бурной реки Патхор и вступил в узкое ущелье, по дну которого среди зарослей кустарника облепихи и ивы тянулась едва заметная тропа. Караван прошел не более 5 км. Далее крутые склоны оказались покрытыми сплошными осыпями и недоступными для лошадей. Нагромождения камней подступали к самой речке. По несколько раз альпинисты перетаскивали на себе тяжелые грузы от лагеря к лагерю. Таким образом достигли основного лагеря, расположенного на высоте 3700 метров среди последнего зеленого островка зарослей ивы. Отсюда экспедиция направилась к леднику Марковского.

Речка стремительным потоком прорывалась сквозь толщу старой морены, образовавшей как бы плотину. Ледник отступил от нее на север не менее, чем на 7 км. На правом склоне в углублениях скал, на высоте 400-500 метров над долиной, также можно было заметить остатки старых морен.

Склоны долины круты, в верхней части переходят в расчлененные скалистые стены. Относительная высота окружающих гребней и вершин над долиной достигает 2 км. По сплошным нагромождениям осыпи альпинисты достигли ледника (высота 4400). От долины Гунта его конец находится на расстоянии 18-20 км.

Долина стала шире. На запад и восток уходили мощные ледники. Ледник Марковского имеет необычайное строение. Он состоит из многих составляющих, вытянувшихся в широтном направлении, а язык ледника находится в месте слияния западных и восточных ветвей.

Пик Патхор замыкает ледник с севера. От пика Патхор на юг спускаются короткие, круто падающие, изрезанные трещинами ледники. На картах Рушанского хребта ледники в этом районе отсутствуют.

Сложность вершины заставила альпинистов провести тщательную разведку. Разведочные группы, применяя всю технику альпинизма, преодолели ледопады и вышли в верхние цирки ледников, расположенных на высоте 5200 метров. Тщательное изучение вершины показало, что на север и восток она обрывается недоступными стенами и лишь по западному и южному гребням возможна попытка восхождения. Руководители экспедиции решили штурмовать пик по западному гребню, крутому и острому, зазубренному огромными скалистыми пиками, но все же наиболее верному пути на вершину.

В течение четырех дней, преодолевая огромные трудности, поднимались они на пик Патхор. Большая высота, отвесные, осыпающиеся скалистые склоны и острые гребни настолько затрудняли продвижение, что в результате изнурительной восьмичасовой работы за день поднимались лишь на 500 метров.

Интересной особенностью отличались крутые снежные кулуары южных склонов пика. Если верхний цирк ледника имел обычную бугристую фирновую поверхность, то на крутых южных склонах снежная поверхность превратилась в частокол снежных пирамид и торосов-кальгаспоров («кающихся») высотой до метра, с вершинами, обращенными к солнечному зениту.

Снежные пирамиды и их ледяное основание под жаркими лучами солнца сильно таяли, потоки воды с шумом свергались из-под самой вершины пика, а ночной мороз вновь сковывал все льдом. Поэтому снежные пирамиды обледеневали и в наиболее тонких частях превращались в ледяные.

Такое энергичное таяние на больших высотах характерно для Юго-

Западного Памира, где сухость воздуха настолько велика, что за два месяца пребывания экспедиции (июль — сентябрь) лишь два-три раза выпадали незначительные осадки, все остальное время стояла безоблачная погода.

Хорошая погода и кальгаспоры облегчали подъем на вершину. В то же время сухость воздуха и большая высота осложняли его. Даже в нормальных условиях лазанье по крутым скалам с 18—20-килограммовым рюкзаком за плечами представляет немалую трудность. На шести-семи тысячных высотах каждый метр такого пути давался ценой величайших усилий. Падали силы, мучила одышка, болезненно пересыхало горло. Даже ночью, укрывшись в спальных мешках от жестокого мороза, в палатках, установленных на площадках, сложенных из камней (насколько круты были склоны) альпинисты не могли отдохнуть: мешали одышка и бессонница. Сильно болело горло. Утром не было аппетита, и трудно было восстановить слабеющие силы.

От последнего лагеря на высоте 6200 метров 12 альпинистов двинулись на штурм вершины уже налегке и к часу дня 14 августа достигли высшей точки пика. Даже у вершины, поднимаясь по ледяному гребню, замечали интенсивное таяние. На таких высотах на пике Коммунизма мне не приходилось наблюдать таяние даже в наиболее ясную погоду.

С вершины Патхора открывались величественные панорамы на безбрежное море хребтов, увенчанных вечными снегами.

На севере в облаках купались вершины, обрамляющие с юга ледник Федченко. На юге возвышались складки Шугнанского и Шахдаринского хребтов с резко выступающими массивами пиков Маркса и Энгельса. За ними далеко были видны вершины Гиндукуша и Каракорума.

С вершины особенно ясна была схема ледника Марковского и альпинисты уточнили ее. Было установлено, что ледник Марковского в

наибольшем протяжении с запада на восток достигает 20-25 км и имеет 13 основных притоков.

Высота вершины Патхора по нашему альтиметру оказалась 6400 метров. Более ранние проверки альтиметра показали его тенденцию в сторону снижения высоты. Учитывая ошибку в показаниях имевшегося в нашем распоряжении альтиметра, высота вершины, вероятно, несколько ниже 7000 метров. Пик Патхор является высочайшей точкой Рушанского хребта.

Полученные экспедицией сведения об этом малоизученном районе и большой спортивно-альпинистский успех определили уже выполнение основных задач, стоявших перед экспедицией. Но это не остановило нас, и мы решили сделать попытку восхождения на вершину пика Маркса и одновременно изучить этот, совершенно неясный горный узел.

Путь к Шахдаринскому хребту и пику Маркса представлялся в двух вариантах: первый — перевалом Дузах через Шугнанский хребет в верховьях Шах-дары и оттуда поиски ущелья, ведущего к подножью пика; второй — от г. Хорог по Шах-даре до ее верховьев. Второй вариант, вероятно, был более удобен, но экспедиция избрала первый как более короткий и полезный с точки зрения изучения подступов к пику с перевала Дузах. Перевал восточно-памирского характера со сглаженными окружающими хребтами и отлогими долинами, в противовес утверждению работников областного центра, оказался нетруден, и караван экспедиции преодолел его за три дня.

С перевала Дузах (4700) мы увидели могучие массивы пиков Маркса и Энгельса значительно ближе. Отсюда изучили неописанные ранее пути подходов к вершине и наметили возможные варианты восхождения.

Верховья реки Шах-дары имеют также восточно-памирский характер. Широкая, плоская долина, местами заболоченная, с хорошим

травянистым покровом. Характерны выходы горячих серных источников с небольшим дебитом. Предгорья невысоки, сильно сглажены и не позволяют предполагать, что за ними скрываются высочайшие вершины.

Во время похода по Юго-Западному Памиру исследователи нередко встречали целые колонии ледяных кочек-кальгаспор

Долина р. Реджис, по которой поднималась наша экспедиция к подножью пика Маркса, является характерной для северных склонов

Шахдаринского хребта. Отлогая, со спокойным течением речки и невысокими сглаженными склонами ограничивающих хребтов, она оказалась легко доступна до самых верховьев. Дальше спокойное повышение боковых отрогов вдруг переходило в отвесные скалистые и ледяные стены главного хребта.

Характер Шахдаринского хребта и его вершин резко отличается от Рушанского. Горизонтальные пласты горных пород, слагающие хребет, видимо, определили контрастность его рельефа. Большие сглаженные массивы вершин и хребтов обрывались вдруг гигантскими ступенями и отвесными стенами, достигающими до двух километров.

Горный узел пика Маркса требовал еще более тщательной разведки, нежели район пика Патхор. Собранный разведывательными группами материал помог разобраться в орографии района и составить ясную схему северных склонов этой части хребта.

Характерной особенностью оледенения северных склонов хребта является сравнительно малая протяженность ледников несмотря на значительные высоты окружающих вершин (от 6000 до 7000 метров), чрезвычайно крутое падение в верхней части, часто переходящее в ледопады, сбросы и висячие ледники, и очень пологие средняя и нижняя части оледенения с малым количеством трещин. Ледники здесь заканчиваются на высотах от 4500 до 4800 метров. На северных склонах альпинистами был обнаружен лишь один ледник значительного протяжения (до 10 км), стекающий на северо-запад из цирка, образованного гигантскими стенами пиков Маркса и Энгельса.

По левому притоку Реджиса — речке Хацак — альпинисты подошли под северо-западные стены пика Маркса и его мощного западного плеча.

У языка безымянного ледника на высоте 4650 метров был разбит лагерь, служивший исходным пунктом для разведки пути восхождения и

штурма вершины.

Близ лагеря на такой значительной высоте зеленела трава, а цветы (типа ромашки и колокольчика) в расщелинах скал встречались и на высоте 5000 метров.

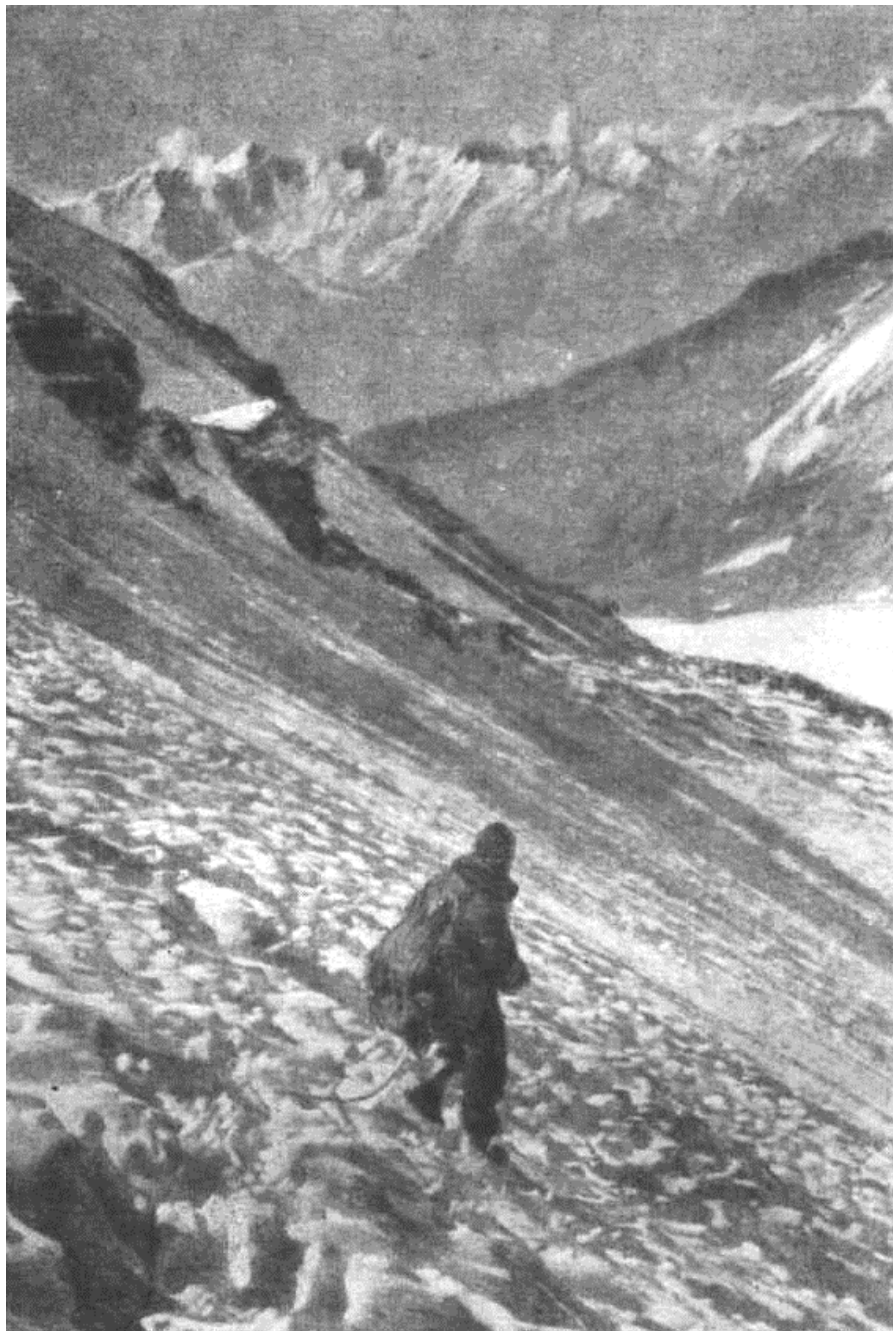
Необходимо было найти выход на западное плечо пика Маркса. Стены казались неприступными. Сверху нависали огромные толщи ледяных сбросов, готовые в любую минуту смертоносным обвалом рухнуть вниз.

После продолжительной и трудной разведки альпинисты нашли путь к вершине по узкому крутому ледопаду, сползающему с западного плеча на север и как бы рассекающему стену. Намеченный путь, очевидно, трудный и опасный, но менее подверженный обвалам и более ясный, нежели другие возможные.

3 сентября восемь альпинистов начали штурм вершины. Чувствовалось осеннее похолодание, но погода продолжала стоять ясная.

Ледяные стены крутого ледопада альпинисты преодолевали целый день. Потребовалось огромное напряжение сил и применение всей техники альпинизма для преодоления 500 метров сложного ледопада.

В отличие от снежной поверхности склонов пика Пат-хор здесь снежно-ледяные конусы кальгаспоров покрывали не только южные склоны, но и отлогие снежные поля ледников и даже крутые северные склоны. Особенно интересна оказалась почти горизонтальная поверхность верхней части западного плеча пика Маркса. Здесь, на высоте 5900 метров, огромные участки гладкого зеркального льда чередовались с широкими полосами щетины ледяных кальгаспоров.

*Безымянный ледник участники экспедиции увидели
с западного склона пика К. Маркса*

На юг отлого сползал крупный неизвестный ледник, а за ним поднималась величавая стена Гиндукуша с резкими изломами очертания вершин и мощным оледенением.

Пик Маркса с западного плеча выглядел совсем иным, и путь на него оказался технически несложным. Он имел характерную для многих

вершин Шахдаринского хребта форму наклонной на север пирамиды. Южные и западные его склоны были покрыты почти сплошным снежным покровом. Снежно-ледяные конусы кальгаспоров заканчивались на высоте 6000-6100 метров.

Казалось, победа над вершиной уже близка. Но неожиданно разыгравшаяся непогода изменила обстановку. Густой туман непроницаемой завесой закрыл горы. Температура снизилась. Однако альпинисты подтянули лагерь еще на 300 метров выше по западному гребню пика. Ночью мороз усилился, и внутренние стенки палаток покрылись толстым слоем изморози.

Штурмовать вершину пришлось в жестокую снежную бурю. Температура упала до 20-25 градусов мороза. Теплая одежда не спасала от холода. Несмотря на большую высоту, приходилось, чтобы не замерзнуть, непрерывно двигаться, на ходу ориентируясь в туманной мгле. 700 метров подъема до вершины альпинисты преодолели за четыре часа.

Высшая точка представляла скалистый пик. К сожалению, с вершины ничего не увидели, кроме туманной мглы. Область, лежащая на юго-восток от пика, осталась неразгаданной.

Высота вершины по нашему альтиметру равнялась 6910 метрам. Учитывая ошибку в его показаниях, можно предполагать, что пик Маркса достигает 7000 метров и имеет высоту большую, нежели пик Патхор.

Является ли пик Маркса высшей точкой Шахдаринского хребта — пока не ясно. По некоторым данным, пик Амбарку, находящийся в западной части Шахдаринского хребта, соперничает с ним по высоте.

После спуска на западное плечо пика Маркса, альпинистам представлялась возможность продолжать спуск или по пройденному пути на север или по неизвестному — на юг.

Южный ледник представлял большой интерес и заманчивую легкость спуска в верхней, видимой части. Альпинисты пошли на юг.

Южный ледник длиной в 10-12 километров почти на всем протяжении был покрыт базаромой снежных конусов кальгаспоров. В нижней части они достигали высоты в несколько метров, а поверхность двух левых, также мощных притоков ледника, переходила в сераксы, характерные для ледников северо-западных районов Памира. Языки этих мощных ледников оканчивались на редкой даже для южных широт Памира высоте от 4650 до 4960 метров.

Насколько отлого спускался ледник, настолько круто спускалась долина реки Нишгар. В нижней части она превратилась в совершенно непроходимый каньон, выходящий к реке Пяндж. Такие каньоны характерны для южных склонов хребта.

В дальнейшем, с целью изучения Шахдаринского хребта, отряды нашей экспедиции пересекли его в двух местах: редко посещаемым перевалом Вранг (5400 метров) западнее пика Маркса и новым найденным нами перевалом восточнее пика Энгельса, названным перевалом Пограничников. Отыскание новых перевалов, особенно через Шахдаринский хребет, важно потому, что известные перевалы отстоят один от другого на расстоянии не менее 50-70 км.

В итоге всех пройденных маршрутов была составлена ясная схема хребтов, основных вершин и оледенения этой части Шахдаринского хребта, никем не посещавшихся раньше и не нанесенных на карты.

Таким образом, и в этой наиболее приподнятой части Шахдаринского хребта альпинистам удалось собрать совершенно новый материал и установить еще один спортивный рекорд.

В результате изучения рельефа и оледенения Рушанского и Шахдаринского хребтов можно сделать вывод, что, несмотря на различие рельефа и строения этих хребтов, у них есть общее сходство: на юг (в верхней части) хребты спускаются более отлого, нежели на север, и оледенение поэтому значительно более мощно на южных склонах хребтов.

Так, площадь оледенения южных склонов Рушанского хребта в районе пика Патхор занимает 90 км^2 , а северных — в этом же районе — всего 30 км^2 . Оледенение южных склонов Шахдаринского хребта в районе пиков Маркса и Энгельса составляет 70 км^2 (без учета необследованных нами ледников юго-восточнее пика Маркса), а на северных — 50 км^2 (цифры даны приближенно).

Другое характерное сходство — отсутствие лавин. Это можно объяснить чрезвычайно редкими снегопадами в летний период. Сравнительно частое явление для этих районов — ледяные обвалы.

Исследования нашей экспедиции в горах Юго-Западного Памира продолжили первую попытку изучения этих интересных районов, начатую Клуниковым и Бархатовым.

Однако обследована пока лишь небольшая часть хребтов. Большая часть Рушанского и особенно Шахдаринского хребта ждет своих исследователей.

В итоге двухмесячной работы экспедиции были пройдены и изучены два труднодоступных и неисследованных, ранее горных района в Рушанском и Шахдаринском хребтах и совершены рекордные восхождения на вершины пика Патхор и пика Маркса.

Участниками экспедиции было пройдено девять ледников, 22 ледника нанесены на схему. Пройдены четыре перевала, на три перевала сделаны подъемы на перевальные точки, три перевала намечены как возможные для перехода. Описаны пройденные перевалы. Составлены две схемы, с общим оледенением в 240 км^2 : схема бассейна ледника Марковского и окружающих хребтов и вершин протяжением до 30 км в широтном направлении и 15 км в меридиональном и схема Шахдаринского хребта протяжением в широтном направлении до 35 км и до 30 км в меридиональном. Эти схемы по-новому освещают данные высокогорных районов.

1947 – 1948

В августе 1947 года в восточную часть хребта Петра Первого (Северо-Западный Памир) была направлена альпинистская экспедиция, в состав которой входили А. Летавет — начальник экспедиции, Е. Абалаков — заместитель начальника по спортивной части, А. Сидоренко, С. Ходакевич, А. Багров, А. Кельзон, Е. Иванов, В. Наумяко, А. Гожев, М. Ануфриков, Е. Тимашев, В. Старипкий, И. Дайбог, В. Греков, С. Успенский, А. Попогребский, Н. Федоров — врач экспедиции, А. Зенякин — кинооператор. Экспедиция обследовала высокогорный район, расположенный в верховьях ледника Сагран, составила схему его хребтов и оледенения; ее участники совершили первовосхождения на вершины пика 30-летия Советского государства, пика Панорамный, пика Кинохроники. Кинооператор произвел съемку работы экспедиции в условиях больших высот.

Об этом интересном походе Е. Абалаков рассказал в своем дневнике и ряде статей.

*Северо-Западный Памир**

22 июля основная группа с грузами выехала в Душанбе.

Мое положение до конца оставалось мучительно неясным из-за неоконченной мною скульптуры «Партизан» к Всесоюзной художественной выставке...

С предельным напряжением 26 июля закончил «Партизана». На другой день Художественный Совет принял единогласно и «Партизана», и скульптуру «Спортивный приз» (хотя над «Призом» мне еще хотелось поработать. Сдал только после единогласного решения жюри).

Формовка скульптур будет проходить без меня и это беспокоит.

В тот же день я и Август Андреевич Летавет получили билеты на самолет до Душанбе.

29 июля. Летим уже над южными отрогами Урала.

Синим атласом блестит в далекой дымке Аральское море — пустынное море в пустынных берегах. Сыр-Дарья с высоты двух тысяч метров кажется желтой лентой в зеленом очертании берегов и пятнах островов.

В семь часов утра — Джусалы. Кругом пустыня.

С пользой прочел труд Таджикско-Памирской экспедиции. (Вальтер и Москвин. Северо-восточные склоны хребта Петра Великого). Восстановил и пополнил сведения о районе наших будущих работ. Окружение пика Сидов далеко еще не ясно.

Летим вновь на высоте двух тысяч метров, поэтому прохладно и самочувствие хорошее.

Ташкент. Чудесный оазис после пустыни. Кругом сады. В тени под зеленой кроной с удовольствием отведали всевозможных фруктов.

В 11.30 самолет оторвался от земли и набрал высоту около трех

* Публикуется впервые. Печатается с сокращениями.

тысяч. Впереди гряда облаков. Слева остались темные бугры хребта Каратау.

Высота 3900 м. Проходим острые гребни отрогов Гиссарского хребта. Скалы хребтов совсем близко под нами. Снижаемся. Посадка.

Душанбе. Жара. Зелень. Не дожидаясь нашей машины, едем в город на грузовой.

Длительные розыски наших товарищей. В Комитете физкультуры, в гостинице, на стадионе — нигде не видно знакомых фигур. Едем на вокзал. Только слезли с автобуса — слышим с перегруженной машины раздаются приветственные крики. Веселая встреча.

Догружаем машину и едем в автотоклуб — базу нашей экспедиции.

Саша Сидоренко и кинооператор Зенякин прибыли первыми еще вчера. Поезд с остальными пришел лишь к вечеру, уже после нашего прибытия.

Вечером душ, ужин и хороший сон.

30 июля. Ходим по тенистым улицам Душанбе.

А. Летавет и я — на приеме у заместителя председателя Совета Министров Таджикистана. Прием весьма внимательный. Договариваемся по всем вопросам. Пока беседовали — нам заготовили соответствующие бумаги. Тепло распрощались. (Выгодное впечатление произвели титулы Августа Андреевича.)

В тот же день окончили закупку продуктов (сухие фрукты, хлеб). В 21.30 выезжаем на двух трехтонках.

Чудесная лунная ночь. Силуэтами тянутся по краям широкой долины невысокие горы.

Проехали Орджоникидзебад.

Пересекли реку. Стало прохладно. Укрылись плащами и залегли. Однако трясет так сильно, что спать невозможно. Остановка на два часа:

спит шофер, спят пассажиры, по возможности.

В Оби-гарме догнали первую машину. Наши товарищи ночевали здесь с большими удобствами. Подкинули им полдины.

Спуск к Вахшу. По обеим сторонам пути группы рабочих-таджиков: идет ремонт дороги.

31 июля. Рассвет застал нас на пути к Вахшу.

Горы становятся выше. Вахш то стремительно течет в одном русле среди обрывистых берегов, то широко разливается на многие рукава. Северные склоны поросли низкорослым лесом. Частые кишлаки утопают в садах.

В Комсомолабаде киносъемка, вкусный завтрак в чайхане и опять фрукты.

Началась плохая и довольно опасная дорога над обрывом. Внизу шумит река.

В Гарме опять увлечение фруктами (урюк). Трудности с ужином и ночлегом.

Теплая лунная ночь. Силуэтами стоят снежные вершины на левом берегу Сурхоба. Кругом слышится южный стрекот сверчков.

Тепло. Сплю в одном вкладыше, закрываясь от комариков, как говорят — малярных.

1 августа. В 6.10 выезжаем дальше. Дорога портится. Встречные машины разъезжаются с великим трудом.

Дальше дорога пошла лучше. К часу дня добираемся до районного центра Джиргиталь. Много садов, кругом поля пшеницы. Устроились в школе-десятилетке. От заместителя председателя райисполкома получили полную поддержку по всем вопросам.

На левом берегу Сурхоба, в хребте Петра Первого, возвышается мощная группа вершин.

Моемся в арыке, отдыхаем от машинной тряски, подкармливаемся.

Спим во дворе. Эта ночь более свежая: в спальном мешке только-только...

2 августа. Хорошо выспались. Утро началось с зарядки.

Заместитель председателя райисполкома т. Умнов вдумчиво и распорядительно помогает нам (меня он знает с 1933 года). Караван пойдет по частям. Будут организованы две переправы на салах.

До обеда идет упаковка вещей и проба веревок.

Вечером «позорный волейбол» с местной командой — заслуженные и прочие мастера проиграли несколько партий.

Ночью красивый восход луны.

3 августа. В восемь часов небольшая тренировка — восхождение на ближайшую вершину. За 35 минут поднялись на 400 метров. Солнце заслоняет видимость на восток. Однако вершину пика Корженевской разглядели. Видны снежные массивы Заалайского хребта. Фотографируем. К 10 часам — внизу.

После завтрака подгоняем кошки. Не у всех получается удачно.

Упаковка груза. Уходит первая партия каравана (четыре ишака) и трое участников экспедиции: Тимашев, Ануфриков и Науменко.

К обеду подошли еще семь ишаков. Уходят Багров, Гожеев, Греков.

Вечером долго не мог заснуть. Мешала полная луна. Саше Сидоренко тоже не спится. Разговор с ним затянулся до часу ночи.

5 августа. Утром в порядке помощи колхозу засыпали и нагрузили три машины зерном. Запылились и вымазались так, что полдня отмывались в арыке.

В два часа, наконец, погрузились на трех лошадях и четырех ишаков. Все же груз остался, а с ним Успенский, Старицкий и доктор Федоров.

Напряженные броды через рукава рек и увлекательная переправа на сале. Во время переправы киносъемка. И. Дайбог с ишаками пошел кругом через мост.

Отдых у селения после тяжелого перетаскивания грузов на себе. От секретаря райкома узнали, что наши товарищи, ушедшие вперед, ожидают нас в Дамбурачи; они не решаются определить дальнейший путь: идти правым или левым берегом Мук-су.

6 августа. Дождались ишаков лишь к 10 часам. Вышли в 10.50. Спуск вдоль речки и отлогий подъем к перевалу.

13.00 начался «рутой спуск в долину Сурхоба. Вьюк на моей лошади едва не съехал через голову. Спас положение сделанный из веревки подхвостник.

У селения Куштак-бай остановка. Жара страшная. Кельзон и Дайбог не смогли спустить своего ишака. Сидоренко едет навстречу и доставляет груз на лошади. Отдых.

Выходим только в семь вечера. Дорога идет вдоль берега без значительных подъемов и спусков.

К Домбурачи подходим ночью. Я в одиночестве гоню трех ишаков. Около селения ишаки свернули с дороги и в темноте растворились среди остановившейся на ночлег группы таджиков. Едва разыскал животных и поднял.

Селенье. Огонек. На мой окрик забегали блики от фонариков, и мои ишаки взяты на буксир.

Товарищи расположились в чайхане. Помылись и улеглись спать на тюфяке. С вечера долго мучает гнус. Жарко и душно. Я изрядно подгорел.

7 августа. С утра нам объявили, что в наше распоряжение будут предоставлены четыре сала. Начались сборы и переброска груза к берегу реки Кызыл-су (вблизи слияния с рекой Мук-су). Вода первой реки резко отличается по цвету (красная) от второй.

Шумная установка и надувание салов. Погрузка. Торопливая киносъемка. Первый сал оторвался от берега и быстро поплыл под ветвями ивы. Наш (второй) сал устремился за ним, подхваченный бурным

течением. Сальщики энергично гребут деревянными веслами-лопатами к левому берегу.

У слияния первый сал попал в водоворот и шоркнул по мели. Наш обошел его и попал на струю. Фотографируем первый сал, буруны и берег.

Нас быстро несет к огромному камню, вокруг которого грохочет водяной вал. Молодой сальщик торопит старшего, который растерялся и гребет неуверенно. Перед самым камнем нас отбросило влево. Сальщики отчаянно гребут.

Первый сал уже причаливает к отлогому берегу. А нас несет мощный поток к новым бурунам... Вода ударяется со страшной силой о берег, волны с ревом бьются об огромный острый камень, торчащий из воды.

Группа участников экспедиции на Северо-Западный Памир.

Справа налево: И. Дайбог, Е. Абалаков, А. Летавет, С. Успенский,

М. Ануфриков, А. Зенякин, Е. Иванов, А. Гожев

Энергичная работа сальщиков спасла положение. Мы отбились в левый проток и вскоре сели на мель. Спрыгнув в воду, подтянули сал и

выгрузили вещи. Ноги ноют от холода (вода Мук-су +8,5°, Кызыл-су +14°).

Только вздохнули с облегчением, как мимо нас по огромным волнам проносится четвертый сал с Августом Андреевичем, Зенякиным, Ходакевичем и Дайбогом. Поток захватил их и несет на буруны и камень. Мы бессильны помочь им. Два раза заснял (может, в последний раз) сал на волнах... Видно как сальщики отчаянно гребут вправо...

Наконец им удалось пробиться к маленькому островку. Что они будут делать дальше — не ясно.

На помощь к ним быстро поплыл управляемый сальщиками пустой сал. После длительных совещаний и перегрузки оба сала поплыли вниз.

Длительное ожидание транспорта. Наконец появились двое саней с быками и две лошади.

У Ануфрикова сани не пошли (перестарались с нагрузкой). Наши Евгений Иванов тоже нагрузил с таким старанием, что ивовая вязка при первой попытке быков сдвинуться с места — лопнула. Перегружаем на лошадей. В гору почти весь груз пришлось перетаскивать на себе.

Три часа везли на санях груз до кишлака Сарталы (четыре километра).

Почти одновременно сюда подошел и Август Андреевич. Их группу доставили в кишлак Джил-булгу, заверив, что и мы подойдем туда же. Лишь случайно Летавет узнал о другом направлении движения нашей группы. Из рассказа Августа Андреевича выяснилось, что благодаря неслаженной работе сальщиков они налетели на первый камень, были облиты с головой водяным валом и едва не опрокинуты сильным толчком. После этого им пришлось перетерпеть еще много неприятностей.

В темноте подъехали Ануфриков с Ивановым на санях (раз пятьдесят чинив их по дороге), а позже подошли и трое потерпевших аварию при переправе (Ходакевич, Зенякин и Дайбог).

Помывшись в скудном арыке и лишь слегка смыв пыль, проникшую

повсюду, мы поужинали рисовой кашей и какао и расположились на ночлег на терраске школы.

8 августа. Встали не рано, часов в восемь. Пылевая дымка настолько сильна, что едва видны противоположные склоны. Солнце с трудом просвечивает сквозь мглу.

Жители дивятся на наш необычный наряд (вернее, на почти полное отсутствие такового), а хозяин пускает наших «поваров» на кухню только одетыми.

Нас навещает местное начальство. Обещают помощь. Понемногу прибывает вьючный транспорт (ишаки).

К четырем часам прибыл Успенский. Переправа у них прошла благополучно. Теперь вся экспедиция вновь в сборе. Багров вызвался сварить плов «по всем правилам» и... через три часа мы ели довольно невкусную кашу.

Договорились с местным учителем Хайдаром Амировым, чтобы он сопровождал нас и был нашим переводчиком. На ужин учитель сварил нам прекрасный плов.

Вечером — воспоминания о прошлых экспедициях и серия анекдотов к ним. Жарко. Спим во вкладышах.

9 августа. Упаковка и навьючивание мощного каравана затянулись. Тронулись лишь в 10 час. 30 мин. И все же часть груза осталась и с ней четверо (Успенский, Тимашев, Старицкий, Дайбог).

Впереди идут верблюды. Киносъемка на марше.

К 4.30 достигли кишлака Мук. При переправе по утлому мосту едва справились с транспортировкой некоторых ишаков. Все же караван дошел в полном составе и без потерь.

Запылились мы невероятно. Расположились в саду. Наши спальные мешки оказались упакованными с грузами второй группы и, если они не придут до вечера, нам предстоит холодный бивуак.

Я не мог удержаться и вместе с Ануфриковым пошел обследовать заманчиво торчащие за предгорьями снежные вершины. Поднялись на зеленую вершину высотой в 2750 метров. Осмотрели и засняли снежный цирк с красивой скалистой стеной. Затем спустились в лощину и на противоположном хребте достигли высоты 2950 метров. Отсюда при заходящем солнце засняли мощную правую стену, покрытую снежными сбросами. В темноте вернулись в лагерь.

Установили дежурство. Обладатели спальных мешков поделились с нами и все спали хорошо.

10 августа. Встали в семь часов. К девяти подошла вторая группа и около 10 часов из кишлака. Мук вышел непривычно большой караван. Впереди важно идут верблюды, за ними — 7 лошадей, 16 ишаков, караванчики и все участники экспедиции. При попытке взгромоздиться на верблюда Август Андреевич был сброшен и сильно поранил о камень палец. Кино- и фотосъемка отбывающей экспедиции.

Веселый брод без развьючки ишаков через бурную речку Шагазы. Вода не высокая, но очень холодная.

По пути лакомимся дикой вишней с маленьких кустарников.

Часов в одиннадцать прошли Девсиар и к двум часам подошли к Кондау. Расположились на ночлег, ибо делать переход через перевал уже поздно.

Неудачная рыбная ловля.

Небо впервые обложило тяжелыми тучами. Дождь. Обед под тентом.

Спим в палатке. Ночью дождя не было.

11 августа. В семь утра выход. Одного ишака нагрузили хозяйственным инвентарем слишком тяжело — вскоре он завалился и нам пришлось его разгружать. Ведра, тазы и прочие хозяйственные вещи потащили на себе на перевал Цаталь.

Ишаки не выдерживали, падали и выходили из строя один за другим. Постепенно члены экспедиции нагружались рюкзаками.

Начался арчевый лесок. Вдруг сверху крик, и вслед за ним по склону запрыгали рюкзаки, сумы и другие вещи. С трудом разыскали сумы (в самом растерзанном состоянии) и подняли потерпевшего ишака, сделавшего несколько сальто вместе с вьюками.

Под перевалом в кошке с удовольствием напились молока. В 11 часов вышли на перевал Цаталь (3255 метров). Величественная панорама открылась на восток к верховьям Мук-су и на юг, в ущелье Сагран.

Крутой спуск. Он особенно крут к каньону Саграна. Над каньоном на высоте 2530 метров жиденский мостик длиной метров 50. Река ревет и клоочет в темном каньоне, иногда совсем скрываясь под огромными камнями.

Начинаем земляные работы: прокладываем тропу по обрыву. Лошади возвращены в кишлаки. Груз перевозим на ишаках в два приема. Страхуем, подтягиваем и пропихиваем ишаков. На последнем этапе грузы перетаскиваем на себе.

В 15. 30 заслуженный плотный ужин.

Спим на палатке под шум реки. Над нами звездное небо необычайно яркое, сверкающее и прекрасное, какое бывает только в горах.

12 августа. Утром долго не появлялись ишаки, которых с вечера угнали в ближайший под нами кош.

Я вышел с первой партией в 7 часов 20 минут. Крутой подъем среди арчевого леса (более 100 метров). Ишаки вновь начинают падать. Два из них совсем выбиваются из сил. Развьючиваем их и грузы распределяем между собой. Подъем занял 1 час 10 минут. Дальше путь пошел лесочком и полянами. Лишь промоина доставила снова немало хлопот с ишаками.

Кош — последняя речка и дальше хороший лес. Ишаки ушли за второй партией.

Мы вышли на обследование района. Не менее получаса поднимались по крутому склону, поросшему арчей, березой и ивой. За береговой мореной показались бугры ледника Бырс, тоже покрытые мореной. Из грота бурно вытекает речка (переправить через нее ишаков явно невозможно).

Летает, Тимашев и я обследовали ледник (для ишаков он тоже непроходим). С ледника, на котором мы находились, на значительном расстоянии виден ледник Сагран. До видимого нами поворота на восток он сплошь покрыт мореной. Слева можно рассмотреть нижнюю часть ущелья Шини-бини.

Я и Тимашев обследовали ледник снизу. В этой части он легче проходим по старым моренам. Путь нам опять преградила речка. По крупным камням перепрыгнули через нее.

Однако путь для каравана так и не найден. Я вернулся и обследовал нижнюю часть ледника. Наметил возможный для каравана путь (после разработки). Прокладка пути по леднику необходима, она позволит каравану продвинуться еще километров на восемь.

Среди чудесных деревьев разбили Зеленый лагерь. Пришел Сергей Георгиевич Успенский и сообщил, что внезапно заболел Евгений Иванов, у него сильная рвота и обморочное состояние.

Вместе с доктором вышли навстречу. У речки встретили поднимающийся караван, у коша — трех товарищей и Женю Иванова на ишаке. Состояние, его несколько лучше, но очень большая слабость. В лагере Женю уложили в особую палатку (стационар). Доктор дал ему дисульфан. Температура около 40°, ломота в суставах ног, головная боль, тошнота, озноб и слабость. Симптомы похожи на попотах.

Пришли носильщики. Мы решили использовать их на прокладке дороги. Высота лагеря 2765 (2620) метров.

13 августа. С утра все (за исключением Августа Андреевича,

Сергея Георгиевича и больных) пошли на прокладку дороги.

Я показал Адыл-беку намеченную мною трассу и с небольшими изменениями тот признал ее проходимой для ишаков.

На обратном пути встретили остальную бригаду, заканчивающую уже вторую треть пути.

Через час окончили всю трассу до выхода на ровную часть долины.

На обратном пути киргизы невозмутимо заявили, что «вода маленькая и хорошая дорога идет через нее низом». Так за каким же чертом мы трудились, прокладывая дорогу над рекой?!

Занимаемся приведением в порядок снаряжения.

Вечером общее собрание. Август Андреевич и я докладываем о плане дальнейшей работы, о дне выхода. Выход решили отложить на утро 15 августа.

Самочувствие Иванова значительно лучше. А вечером заболел Науменко: у него сильный жар.

14 августа. Деятельно готовимся к завтрашнему выходу. Трое носильщиков просмотрели за день весь путь до Шини-бини.

Доктор проводит медосмотр. Большинство участников экспедиции удивляют слабым пульсом и низким давлением. Как обычно, я оказался рекордсменом: пульс 46, давление 108. На последнем месте по состоянию здоровья Евгений Иванов.

Охотник принес молодого кийка. Вечером долго беседуем у костра, пока варится свежее мясо.

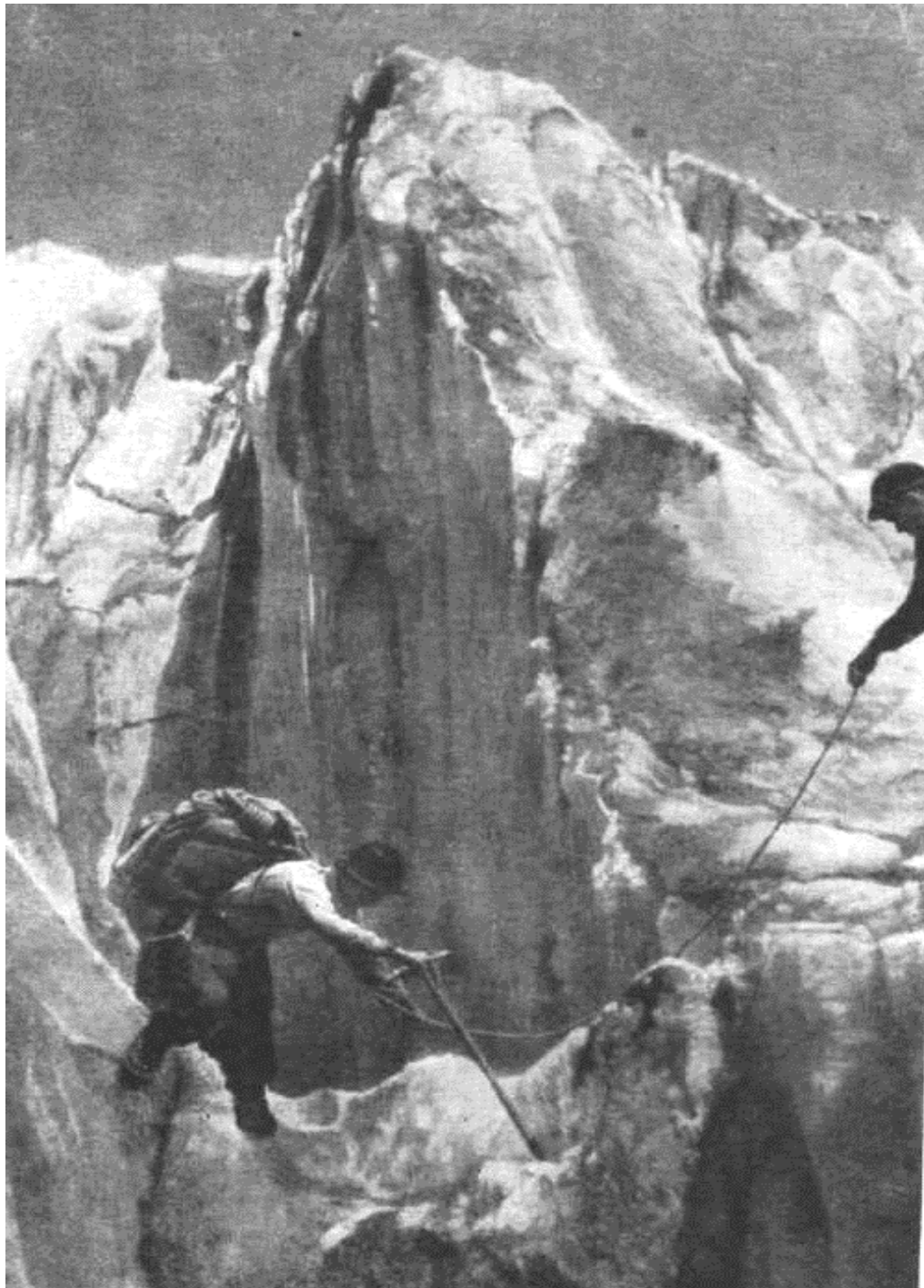
К вечеру заболел Греков, у него тоже головная боль, жар и ломота в суставах.

15 августа. Последние сборы. Выход в 10 часов. Караван из 12 ишаков и одного кутаса.

В Зеленом лагере кроме двух больных и Сергея Георгиевича остается доктор: очень серьезно положение Грекова.

По проделанной тропе караван прошел легко. Широкое ровное дно долины тянется до языка ледника Сагран.

Тимашев пошел обследовать грот. Зенякин тоже заинтересовался, решив заснять грот на киноплёнку.

Начали встречаться опасные места. Приходится пробираться среди огромных провалов и нагромождений льда.

Фото А. Летавета

Вскоре начались трудности с транспортировкой ишаков по боковой морене. Животные часто падают и вязнут в пльвунах.

Но вот дорога стала лучше. К трем часам достигли последней травянистой площадки вблизи ледника Шини-бини. Первоначальное решение продвигаться дальше всем караваном было отменено после обследования крутого спуска и дальнейшего пути по леднику. Решили часть груза нести на себе и занести как можно дальше с тем, чтобы завтра поднять вторую половину груза в цирк ледника.

Все, кроме Августа Андреевича и Зенякина, пошли с тяжелым грузом вверх по леднику. Моя группа идет первой. Придерживаемся правого берега. Переход через ледник Шини-бини прост. Дальше часто встречаются пльвуны. Более получаса ждем вторую группу. Оказалось, они обошли нас справа.

Через 2 часа 15 минут сложили груз на морене. Впереди высится стена пика Карман. За 50 минут спустились к лагерю.

Ужин и крепкий сон под открытым небом.

16 августа. Сегодня взяли весь оставшийся груз. Вышли в 10 часов. Слышали шум самолета. За 1 час 45 минут дошли до оставленного груза. Переупаковка грузов затянулась. Несем дополнительно шкельтоны и кошки. Произвели сложный разлив молока во фляжки, и у первого ручья пьем молоко с водой.

Нудная морена тянется бесконечно... Иногда ширина ледника сужается до 400 метров. Под вершиной Карман необычайная впадина' ледника. Я ушел далеко вперед. И вот наконец-то, после долгих ожиданий, увидел пик Сидов! Впечатление сильное: огромный массив с теряющейся в облаках вершиной...

С высокого серакса заметил группы отставших товарищей. Поднялся еще выше, оставил рюкзак и прошел среди небольших трещин. Обследование закончил лишь к 7.30 вечера.

Вернулся в лагерь. Носильщики оказывается дальше не пошли. Их разместили в первой палатке, выделив им спальные мешки.

17 августа. Высота 400 метров. Температура 4-4,5° тепла.

В 9.30 Август Андреевич, Сидоренко, Иванов, Зенякин и я двинулись вверх. Остальные вместе с носильщиками начали спускаться вниз за оставшимся грузом.

Ледник стал необычайно широк. Он имеет ряд весьма мощных притоков. После первого подъема обширное плато, затем второй подъем и еще более обширное плато.

Август Андреевич вернулся в лагерь. Зенякин стал отставать. Указав путь Сидоренко и Зенякину, я с Ивановым пошел вперед. Мы решили обследовать ледник, поднявшись прямо вверх (по леднику). Но вскоре углубились в такие трещины, что не смогли двинуться ни назад, ни вперед.

С величайшим трудом спустились вниз, затратив на это полтора часа. Берегом поднялись до моренной террасы, на границе берега с рандклюдом, во многих местах наполненным водой.

Установил палатку. Зенякин едва дошел. Иванов спустился за оставленной кинокамерой и пришел вместе с Сидоренко.

Долго не мог уснуть. Частенько раздавался грохот лавин. Спал хорошо.

18 августа. Встали, когда солнце уже согрело палатку. Сегодня впервые отпотела крыша.

Я с Ивановым пошел обследовать верх ледника. Вскоре залезли в непроходимые трещины и вынуждены были отказаться от дальнейшего пути и вернуться в лагерь.

Время близится к часу дня. Я решил подняться на склон, и сверху обследовать верхнюю часть ледника и, по возможности, выход к плечу пика. Иванов отказался вновь подниматься и остался внизу. Я не

настаивал.

Пролез по скалам, затем по крутому ледяному срезу висячего ледника с рубкой ступеней и после длительного подъема по фирну и льду вышел на гребень. На леднике заметил шесть точек, медленнодвигающихся вверх. Пересек широкое фирновое плато. Высота, вероятно, около 5000 метров. Открылись панорамы на юг. Вдали видны крупные незнакомые вершины.

Для того чтобы окончательно убедиться в невозможности спуска к верховьям правой ветви ледника Сидов, поднялся на гребень, пересек крутую осыпь и спустился на снежную подушку. Увы, спуска не оказалось: подо мной щетина ледопада.

Единственный путь к подножью гребня пика Сидов — по правому (орографически) краю ледника. Насколько возможен выход на гребень — установить не удалось.

Спускаться решил по тому же пути. Удачно перелез трещины и спустился по осыпи. Внизу, обходя ручей по снежнику, провалился в воду. Возвращаюсь в лагерь, куда уже доставлен груз, принесенный носильщиками. Начинают появляться товарищи.

Заболели Багров и Ходакевич. Они оставлены в нижнем лагере. Зенякин начинает приходить в себя и приступает к киносъемке.

Высота нашего лагеря около 4500 метров. Ночью температура минус 5°.

Днем слышал шум самолета.

20 августа. Подъем в шесть часов. Выход на разведку — в семь. Вышли две связки. Иванов не пошел. У него болит спина: излишне натрутился, помогая носильщикам.

За полтора часа достигли скалистой развилки двух ледников. Обошли левой стороной ледника. Трещин немного и как правило небольшие. Я решил подниматься на правый ледник по левому склону.

Вначале идем по крутому снежнику. Снежник перешел в крутой ледяной склон. Рублю ступени. Идем на крючьях. Мне жарко, а остальные; особенно Ануфриков, мерзнут.

От сбросов группа Багрова пошла вниз, траверсируя ледник. Мы же полезли по крутым сбросам вверх. На снежном склоне Саша Сидоренко долго мучает киносъёмками. Наконец в третьем часу все собрались на леднике.

Жара страшная. Всех разморило и нет желания сниматься. Все же сняли подъем и глиссаж. Лишь в шесть вечера приступили к спуску.

Багров повел по ледопаду. Начали встречаться опасные и головокрумные места. Движемся среди огромных провалов и нагромождений льда. Саша уже не снимает: испортился аппарат. Сейчас это к лучшему, иначе мы, вероятно, заночевали бы на леднике. Но вот ледопад позади. Кошки, крючья, мету оставляем на камнях морены.

Багров устремился вниз по новому пути, по промоине ледникового ручья. Я был против этого пути; вначале-то он хорош, но при выходе из лощины я подозревал скрытые трещины. Мои подозрения оправдались. Начались скрытые трещины. Против собственного желания пришлось обследовать одну из них: внезапно я провалился. Сильный рывок — и я повис на веревке, метров на восемь ниже поверхности ледника. Убедившись, что веревка выдержала, огляделся: трещина бездонная, стены совершенно отвесные из гладкого льда.

Начал привязывать к основной веревке петлю, на которую и встал ногой. Укрепившись, дал сигнал товарищам спустить вторую веревку с петель. Надел ее на другую ногу и по команде: «грудь!», «нога!» начал подниматься вверх. Веревку заело краями трещины. Пришлось не считаться с падающими на меня глыбами — сбивать лед.

Мое появление на свет божий встретил дружный хохот. После пережитого напряжения бодрящий смех продолжался и во время

переползания через эту трещину Миши Ануфрикова и Саши Сидоренко.

После этого случая Багров уже не проявлял инициативы при выборе пути. По моему указанию сделали обход к левому склону и по знакомой дороге уже в сумерках вернулись к лагерю. О нас уже начали беспокоиться.

Подкрепились ужином, заботливо приготовленным Ивановым, и крепко заснули.

21 августа. Погода впервые облачная. День сборов к штурму вершины. Совещание. Август Андреевич и я делаем сообщение о восхождении. Целый доклад из истории освоения Памира сделал Тимашев.

Идут одиннадцать человек. Много, но основания для отвода нет. Август Андреевич, Зенякин и Попогребский остаются.

Распределили питание на шесть дней (с возможностью растянуть).

22 августа. Спал мало: обдумывал восхождение. Встал в пять утра. Все небо в облаках. Показания альтиметра Ануфрикова поднялось на 80 метров. Посовещались и решили отложить выход на сутки.

День посвятили киносъемке, и к четырем часам выбрались на гребень. Увы! Оказалось, что пика Коммунизма отсюда не видно. Зато открылись изумительные панорамы на ледник Гандо и огромные верхние фирновые поля.

Времени уже много. Засняли не правую эффектную вершину, а левую. Перевал 4880 м назвали именем Летавета. Вершину 4980 м — вершиной Кинохроники.

Спуск закончили глиссированием. В лагерь вернулись в темноте.

23 августа. Теплое прощание с остающимися. Условились о световой сигнализации (обрывками киноплёнки).

В 7.30 выходим на штурм.

За полтора часа прошли ледник по наилучшему, хотя и длинному пути. К десяти часам начали подъем по ледопаду.

Потрудились на сложных ледяных стенках. Зато фото и киноматериал получился хороший. В 12.30 на леднике. Опять жара. Бесплодные поиски воды.

Сложный путь по ледяному склону с рубкой ступеней и страховкой на крючьях. Багров удачно нашел косую трещину, по которой мы и вышли к пяти часам на снежную подушку.

При рубке ступеней я потерял целлулоид от часов. Обидно. Часы мои, пожалуй, самые точные из всех, имеющихся в нашем распоряжении.

Чудесный вечер. Киносъемка бивуака. Я делаю зарисовки вершин.

Высота 5300 метров. Ночью — 12°, утром — 7°.

24 августа. Утро облачное и солнце долго не показывается.

Начинаем подъем. Склон вскоре стал крут, но мы используем трещины, проталины и крутизна чувствуется меньше.

Вышли на необычайно ровную ледяную площадку, похожую на каток. Обнаружили воду. Напились и наполнили фляги.

К скалам подошли к четырем часам. Вначале легкий подъем по скалам. Осыпь перемежается с сильно разрушенными ступенчатыми скалами. Но дальше — крутой взлет скал. Требуются тщательные поиски пути. Я лезу вперед и намечаю путь по карнизам.

Уже около шести часов. Погода портится. Сплошные темные тучи закрыли весь северо-запад. Решили здесь организовать бивуак, благо много плитчатки.

Высота 5800 метров. Сильный ветер. Вершины закрыты тучами.

Минимальная температура минус 16,5°.

Даю сигнал. Сигнал принят.

25 августа. Ночью буран и метель. Выйти невозможно.

Лешим в заледеневшей палатке и мешках. Самочувствие у всех неважное. Аппетита нет. Вечером туман сгущается. Даю сигнал. Минимальная температура минус 18°.

Верховье ледника Гандо.

Фото А. Багрова

26 августа. Ураган продолжается. Ветер с ужасающей силой рвет палатки.

Продолжаем лежать. У многих головная боль. Настроение подавленное. Чтобы развеселить ребят, затягиваю песню. Подтягивают слабо. В туманной мгле иногда чуть вырисовываются соседние вершины.

К вечеру вздумали подкрепиться горячим. Чад от отсыревшей «гексы» усилил у многих головную боль. До самого вечера самочувствие большинства плохое.

Вечером сигнала не давал: бесполезно, сплошные тучи застилают все кругом.

Ночью ураган не дал заснуть, срывал палатки.

27 августа. Утро опять встречает бурей. Третьи сутки длится ураган. Видимости нет. Мороз крепчает.

Уже больше полдня мы ничего не ели. Колбаса и сыр совершенно

не идут. Мета чадит, у многих головная боль.

К вечеру стало проясняться. Среди тумана начали обрисовываться вершины. Вылезаем из палаток и радуемся перемене погоды. Снимаем предзакатные кучевые облака на фоне далеких вершин.

Ночь почти ясная. Но мне не спится.

Сигналы давал трижды и без ответа.

28 августа. А с утра снова ветер. Мороз. В палатке у Тимашева минус 13°.

К 12 часам всем стало ясно, что хорошей погоды не будет. Принимаю решение и объявляю Кельзону, что его и Багрова палатки идут вниз.

С перевала Летавета хорошо виден пик Сакко и Ванцетти.

Фото А. Багрова

Кельзон бурно запротестовал. Он стал говорить, что должен завоевать престиж в Ленинградской секции альпинистов и поэтому должен обязательно взойти на вершину.

— Хорошо. Я вас назначаю начальником спуска. Багров будет вашим заместителем по альпинистской части, — говорю я. После этого никто из них не возражает.

Собирались очень долго. Наконец в три часа под вьюгу и беглые напутствия довольно холодно распрощались (исключая Сереги Ходакевича и Багрова, с которыми мы даже расцеловались).

Нас осталось шестеро. Тимашев из своего «ветродуя» перебрался в багровскую палатку и немедленно запел.

Удаляющаяся пятерка забавно растянулась на снежнике, неуклюже ковыляя на ходу.

Я решил произвести разведку скал и выяснить проходимость для нашего отряда. Лезу все выше и выше. Пролез расщелину, попал на небольшую площадку, затем полез еще выше.

Снял мешающийся капюшон. Снежный вихрь ударил в лицо.

Стараюсь трижды проверять каждый шаг и лезть наверняка. Кое-где чувствую опасность. Мобилизую все внимание и лезу выше. Вот я почти на гребне! Но надвигающаяся черной стеной туча преграждает путь и заставляет вернуться обратно. Выбрал наиболее легкий путь вниз и быстро пролез через скалы;

В палатке готово какао и чай.

Температура упала до минус 20° и все кругом стало странно призрачным.

29 августа. Утро морозное. Температура снизилась до минус 23°.

Вышли с опозданием. Для товарищей, нагруженных тяжелыми рюкзаками, скалы оказались трудными. Пришлось рюкзаки вытягивать отдельно. Забил шесть крючьев.

Погода начинает портиться. Не дойдя до верха гребня, в семь вечера встали на бивуак. Необычайный бивуак в пещере. Очень тесно. Пою песни. Саша Сидоренко и Иванов чувствуют себя хуже других. Долго готовим ужин. Заснули в 12 часов. Высота лагеря 6060 метров.

30 августа. Ночью дыру сверху засыпал снег. Кругом заволочло снежной пеленой. Барометр упал на 2 мм. Началась пурга.

Приготовление горячего и сборы закончили только к 11 часам.

Некоторое прояснение погоды способствует нашему выходу. У Иванова и Сидоренко полное отсутствие желания двигаться вверх.

Гребень все забирает кверху, а обход остальных острых выступов требует много времени. Я долго прорубаю ступени в снегу северного склона. Но товарищи и за это время не подготовились к подъему, а с Сашей совсем плохо.

Пока их подтягивают, я и Тимашев идем на разведку пути. Гребень разбит на отдельные острые глыбы. Несмотря на страстное желание Тимашева влезть по глыбам в лоб, обходим их. Буря усиливается. Пурга сокращает видимость. Впереди ледяной гребень, увенчанный острым скальным. Начинаем пробиваться к нему. После упорной работы добираемся до его вершины. Ветер сбивает с ног.

Внезапно облака разошлись. Перед нами понижение гребня и взлет вершины Сидов, страшной своими масштабами и острыми скалистыми гребнями. Становится ясно, что здесь не один день пути... И работа непосильная для моей совершенно ослабевшей группы. А буран усиливается. Надежд на улучшение погоды нет.

Долго стою, вглядываясь в вершину. Тимашев начинает складывать небольшой тур.

Возвращаемся к товарищам. Начинаем спуск к пещере и дальше. На крутых склонах метель и вихри срывают нас со скал, сбивают с ног. У ребят полная растерянность. Тимашев предлагает вернуться в пещеру.

Решаюсь на спуск в пургу. Устраиваем транспортировку участников на сложных местах. Спуск до «катка». Палатки ставим на льду. Воды нет.

Снегопад. Метель. Температура упала до минус 26°. Высота 5870 метров.

31 августа. Морозное утро.

Долго беседую с Сидоренко, Ивановым, Ануфриковым, доказывая им необходимость выйти со всем грузом на перевал. Но оказываюсь плохим дипломатом: выкладываю все карты на стол и сообщаю о намеченном исследовании и, если возможно, восхождении на пик Сидов от перевала...

Долго собираемся. Наконец выходим. Очень много времени тратим на розыски пути через бергшруд на спуске со снежных полей в цирк ледника.

Вперед пошел Тимашев. Сидоренко отказывается идти дальше, оправдывая свой отказ крайней усталостью и опасениями обморозить ноги. Я взял у него кинаму, разгрузив его тем самым почти полностью.

Движемся вперед. Пересекаем ледник к правому берегу. По ледяному склону, на котором приходится рубить ступени, достигаем перевала. Отставшей группе Сидоренко оставляем на крутом участке льда веревку.

Увы! С перевала (6090), кроме глубокого провала на ледник Фортамбек, увидеть ничего не удалось. Вершины закрыла сплошная облачность. На скалах обнаружил сочащуюся воду. При помощи резиновой трубки (сифона) собрал две кастрюли воды. Напился и напоил товарищей.

Вторая связка подошла лишь к самому вечеру. Мы к этому времени выровняли две площадки для палаток на крутой осыпи. Высота нашего лагеря 6060 метров.

Вечером обсудили возможность дальнейшего восхождения и к великому огорчению должны были признать, что северный гребень пика Сидов очень крут, сложен и непосилен для однодневного форсирования нашим составом и с нашим скудным питанием...

Решено завтра с рассветом штурмовать за один день другую вершину. Выход двумя связками. Я, Тимашев, Иванов — первая. Сидоренко, Ануфриков, Гожев — вторая.

Готовимся к последнему штурму. Подкрепились более-менее сытно. Сварили кофе и разлили его по фляжкам.

Вечером — снегопад.

1 сентября. Проснулся с рассветом. Выглянул: погода ясная. Разбудил товарищей. Довольно быстро собрались и в семь часов наша тройка первой вышла на штурм.

В самом начале допустили большую ошибку: начали траверсировать скалистый массив, направляясь к седловине пика. На этом потеряли три-четыре часа. Скалы оказались круты и сыпучи.

Внезапно Иванов поскользнулся и покатился по скалам. Сильный рывок сорвал Тимашева, который тоже покатился по ледяному склону. Я в это время находился на скалистом карнизе. Припав к скале, я крепко захватил веревку и... выдержал сильный рывок Тимашева. Иванов остановился. Тимашев долго не встает: сильно зашиб камнем плечо.

С перемычки впервые увидели величавую громаду пика Коммунизма, представшую перед нами над обширным плато, отвесно обрывающегося в теснину ледника Фортамбек. Безоблачное небо, утренняя прозрачность воздуха и резкие тени сделали пейзаж каким-то нереальным, фантастически грандиозным.

Гребень вершины в нижней части оказался острым, состоящим из столбообразных разрушенных скал (сланцевого характера). Наметили место, где по нашему мнению возможен спуск в цирк ледника по скалам и

по снежнику. Здесь же оставляем часть теплого и металлического снаряжения и организуем «роскошный» завтрак.

Еще несколько «пролезаний» через острый гребень и мы выходим на основной, более широкий гребень. Снизу раздаются крики и шум голосов. Это поднимается вторая связка. Вскоре шум затих и мы увидели маленькие силуэты людей на остром выступе скалистого массива, который мы столь долго обходили... Стало ясно, что вторая связка дальше не пойдет.

К 12 часам прошли участок обледенелого гребня. Идем на кошках. Вершина кажется уже близка...

При переходе на скалы Тимашев внезапно проваливается, словно в люк, в рандклюдт в том месте, где только что прошел я... Кончилось удачно: благополучно выбрался с нашей помощью.

Дальше мои товарищи не пожелали тащить кошки и, несмотря на мой совет, оставили их у скалистого гребня. Я оказался прав. Широкий и длинный скалистый гребень, засыпанный обломочным материалом, вдруг прервался острым ледяным гребнем. Ясно, что без кошек его не пройти. Пока мы с Тимашевым вели наблюдения с гребня, Иванову пришлось «сбегать» за оставленными внизу кошками.

С трудом проходим гребень па кошках и поднимаемся на вершину. Время 4.45. Высота по альтиметру Ануфрикова 6200 метров. По альтиметру Тимашева — 6100 метров.

Длительные приготовления к съемке не привели к желаемому результату: засиять со стороны оказалось невозможно. Решили, несмотря на позднее время, перейти на вторую вершину той же высоты. С вершины открывается грандиозная панорама в сторону пика Коммунизма и исключительно грозный отсюда пик Сидов.

Производим съемку. Делаю зарисовки. Высота с поправкой 6440 метров. Оставляем записку о первовосхождении.

Покоренная вершина получает название пика 30-летия Советского государства.

Вершины заволакиваются туманом. Начался снегопад. В 6.10 пошли на спуск. Преодолели ледяной гребень. Сняли кошки и по скалам, слегка занесенным свежим снегом, спустились до оставленных вещей.

Уже стало темнеть, когда спустились до снежника. Первым на кошках начинает спуск Тимашев. Вскоре стемнело окончательно и все погрузилось в туман. Страховки нет. Спускаемся на полверевки и отдыхаем. Ноги держат плохо.

После отдыха на камне Тимашев переправляется через бергшруд, в этом месте оказавшийся весьма узким. Затем Иванов и я.

В 10 часов поднимаемся по ледяному склону к себе в лагерь. Туман разошелся.

Вторая связка, обеспокоенная нашим опозданием, крепко обрадована благополучным окончанием нашего восхождения.

С удовольствием уничтожаем приготовленный для нас кисель.

2 сентября. Облачно. С перевала открылись чудесные панорамы на восток. Киносъемка.

В 13 часов пересекли ледник в верхней части и спускаемся левой стороной.

Начался трудный спуск на первую снежную подушку. Слегка подкармливаемся продуктами, оставленными Ануфриковым.

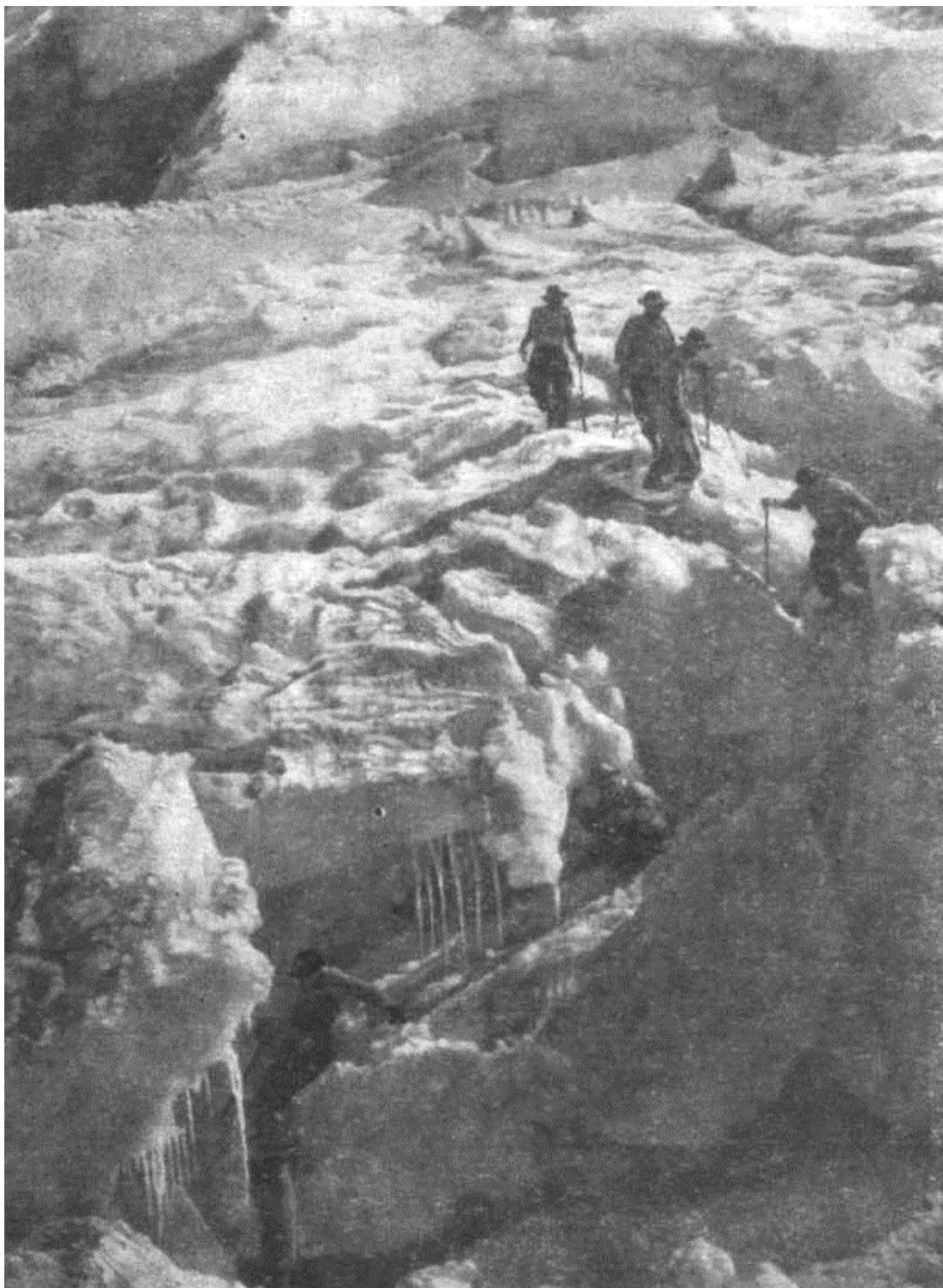
Спуск с крючьями на ледник (5200 метров). Тимашев заспорил с Сидоренко о дальнейшем продвижении. Саша Сидоренко повел по леднику, но вскоре зашел в тупик, и мы вынуждены заночевать на ледяной глыбе. Кругом провалы.

Наступила лунная ночь. Вершины в лунном свете призрачные и холодные.

3 сентября. Встали в девять часов, но солнце еще не осветило наши

палатки.

Пришлось подниматься вверх и искать перехода на соседнюю ледяную гряду. Ближе к скалам обнаружили хороший выход с ледопада. Подъем и отдых. Высота 4860 метров.

В царстве глубоких трещин на леднике Сагран

Далее обход по леднику и последний взгляд на вершину Сидов... В проясняющемся небе вершина кажется такой близкой и доступной.

У лагеря нас встречают Багров и Зенякин. Крепко целуемся. Узнаем новости.

Август Андреевич и Успенский ушли обследовать перевал и к вечеру должны вернуться.

Продуктов в лагере нет. Ожидают носильщиков к вечеру. Багров ругает Кельзона и Старицкого: «Они давно уже в Зеленом лагере, а забросить продукты в Верхний лагерь не позаботились!»

Подкрепляемся маслом, размятым в сахарной пудре,— больше ничего нет.

К пяти часам подошли два носильщика — Адыл-бек и Сатыл-бек. Они принесли немного мяса, хлеба и консервов и очень много «гексы».

Ребята заволновались: что же греть на этой «гексе» при отсутствии продуктов? Хорошо мясо, хорош и суп, но всего этого ничтожно мало!

Солнце зашло. Морозно. Августа Андреевича все нет. Они пришли лишь в девять вечера. Радостная встреча. Расспросы.

4 сентября. Встали с солнышком. Сборы в обратный путь. Я с Анатолием Багровым сложили огромный тур, увесили его крючьями. Засняли все кругом.

Вышли в 11.30. Жаль покидать торжественную тишину вершин, особенно в такую тихую погоду...

На леднике идем вразброд. Багров и Иванов убежали вперед...

Я иду один, делаю наброски, фотографирую. Знакомые горы проплывают в обратном порядке. И над всем этим высится пик Москва (так называли мы пик Сидов).

Сопоставляю виденное сверху с видом сбоку. Черчу схему; сейчас — полное представление об этом чудесном и интереснейшем районе.

Ледниковые потоки промыли во льду новые русла. Лед кончается,

уступая место морене. Меня догоняют остальные. Прыгаем с камня на камень. Солнце уже скрылось за гребень «нашего» перевала.

Вместе с Гожевым намного опередили товарищей. Вот и место нашей бывшей перевалочной базы. Нагнали первую двойку (Иванова и Багрова). Пересекаем ледник Шини-бини, перелезаем нагромождения сия. Речка за наше отсутствие прорезала ледник на большое расстояние. В семь вечера — у бивуака Шини-бини.

Здесь нас уже ожидают пять ишаков и с ними Бабай. Он рад нашему возвращению и сразу же пошел встречать начальника.

Багров и Иванов получили разрешение двигаться дальше, до Зеленого лагеря. Оставив кое-какие вещи, они ушли.

Я принес с ледника злосчастную «гексу», сготовил чай и кисель (больше ничего нет).

В темноте подошли остальные. Последними — Сидоренко (у него болят ноги) и Ануфриков.

Спим под открытым небом.

5 сентября. Встали в семь часов. В 7.40 выход без завтрака, за неимением оного.

В Зеленый лагерь подошли к 11 часам. Приветственный шум, поздравления. Тепло здороваюсь с доктором Федоровым, с Ходакевичем, Науменко.

Ходакевич угощает вкуснейшим обедом из свежей киичины — его собственного приготовления. Наш заботливый великан (Ходакевич) приготовил и остроумную баню с паром (в палатке). С воплями и смехом моются все прибывшие. После этого происходит стирка и чистка всего загрязненного.

Вечером решаем, что все пойдут с караваном прежним путем, а я, Тимашев, Науменко и Сидоренко (съемка) пойдут на Ляхш.

Сплю один в кустах под открытым небом. Как приятно спать

чистым на траве, под звездами.

Долго смотрю в ясное небо с силуэтами неподвижных ветвей и белыми громадами хребтов. На душе ясно и хорошо.

6 сентября. День полного отдыха и обильного подкармливания.

Несмотря на острый недостаток продуктов питания, медосмотр вновь прибывших дал хорошие показатели.

А вечером шумное совещание, затянувшееся до 12 часов ночи. Много высказываний. Подводятся общие итоги всей экспедиции в целом. Заключительное слово Августа Андреевича Летавета.

7 сентября. Зеленый лагерь свертывается. Сборы, выход в 9.40.

Наша четверка пошла вперед, вновь почувствовав себя легко и свободно. У моста поправили дорогу, и стали поджидать караван. Распрощались с товарищами и по едва заметной тропе, вьющейся по обрывам правого берега Саграна, пошли на Ляхш.

*Экспедиция в центральный горный узел Памира**

22 марта в Московском Доме ученых состоялся доклад о высокогорной экспедиции альпинистов в труднодоступный и малоизученный район Советского Памира — верховья ледника Сагран.

Экспедиция была организована Всесоюзным Комитетом по делам физкультуры и спорта при Совете Министров СССР.

Начальник экспедиции заслуженный мастер спорта, действительный член Академии медицинских наук профессор А.А. Летавет, начальник штурма заслуженный мастер спорта скульптор Е.М. Абалаков и аспирант Географического института Академии наук Е.В. Тимашев рассказали о том, как спаянный коллектив советских альпинистов-исследователей в необычайно трудных условиях сурового рельефа заоблачных высот и жестокой непогоды проник в неисследованные области, совершил восхождение на одну из крупнейших вершин Памира и внес значительный вклад в науку, расшифровав этот, один из немногих уже, неясных уголков обширной территории нашей страны.

Мы попросили заслуженного мастера спорта скульптора Евгения Абалакова поделиться своими впечатлениями об этой интересной экспедиции.

Вопрос: Почему Вы заинтересовались именно этим отдаленным и труднодоступным районом?

Ответ: Памир — величайший горный узел мира. Высокогорная пустыня, плоскогория которой, выжженные солнцем, поднимаются до 4000 метров над уровнем моря, глубокие непроходимые ущелья с бешено

* Запись беседы Е.М. Абалакова с корреспондентом «Литературной газеты». Публикуется впервые, с сокращениями. Запись сделана 23 марта 1948 года.

ревущими горными потоками, сложнейшие переплетения и нагромождения хребтов, увенчанных вечными снегами, вершины которых поднимаются выше 7000 метров, зной и холод, снежные бури и мировой минимум осадков — все это сочетается на огромной площади в 14000 км².

Интерес и ужас вызывала эта суровая природа. Очень мало было сведений о ее тайнах. Впервые в 1871 году русский ученый-ботаник А.П. Федченко с высот Алайского хребта увидел северный барьер Памира — величественный Заалайский хребет. Зоологу Н.А. Северцову удалось проникнуть дальше в глубь территории собственно Памира и описать некоторые восточные и центральные его плоскогорья. С запада по ущельям Дарваза к границам Памира в 1876-1899 годах, преодолевая огромные трудности, прошли русские исследователи В.Ф. Ошанин и В.И. Липский. Однако неприступный барьер огромного хребта, который Ошанин назвал хребтом Петра Первого, загородил ему дорогу. Пробираясь по отвесным обрывам реки Мук-су, Ошанин достиг ее истоков и открыл язык огромного ледника, назвав его в честь первого русского ученого, увидевшего Памир, ледником Федченко. Липскому удалось обследовать западную часть хребта Петра Первого с юга и с севера до нижней части ледника Сагран. Этим в основном ограничивалось представление о Памире до Октябрьской революции.

Бурный рост молодых союзных республик после революции необыкновенно ускорил освоение Памира. Памир, возвышающийся на территории Горно-Бадахшанской области Таджикской ССР, является источником воды, жизненно необходимой для республик Средней Азии, а недра его таят богатые залежи полезных ископаемых.

За десять лет, с 1928 по 1937 год, неведомый и страшный ранее Памир оказался освоенным не только в своей более доступной зоне плоскогорий и долин, но и в области самых недоступных горных узлов, покрытых вечными снегами и ледниками. Горя жаждой познания всех тайн

белых пятен Памира, исследователи-альпинисты и ученые прошли и нанесли на карты огромные ледники, в том числе и величайший в мире ледник Федченко, вытянувшийся ледяной рекой на 77 км, поднимались на ледяные кручи хребтов и вершин.

В 1932 году была открыта высочайшая в СССР вершина — пик Коммунизма, а в 1933 году молодые советские альпинисты, несмотря на отсутствие опыта высотных восхождений, решились на необычайно смелое восхождение и после длительной и очень трудной борьбы успешно поднялись на эту вершину, вздымающуюся на огромную высоту в 7495 метров. На следующий год была покорена и вторая вершина Памира — пик Ленина (7127), а затем и еще ряд вершин, достигающих 7000 и превышающих 6000 метров.

К 1940 году советские альпинисты по количеству людей, взошедших на «семитысячники», вышли на первое место в мире.

К настоящему времени почти все районы Памира уже изучены. Однако в наиболее приподнятых горных узлах остались еще неясные и неизученные уголки. Эти уголки, естественно, больше всего интересуют советских альпинистов-исследователей. Вот почему в прошлом году мы и стремились проникнуть в верховья ледника Сагран, в один из неясных районов северо-западного Памира и высочайшего горного узла.

Вопрос: Что препятствовало проникновению к верховьям ледника Сагран?

Ответ: Советские люди проложили по обрывам узких ущелий и через заоблачные перевалы Памира немало шоссейных дорог и в том числе великий Памирский тракт. Протяжение этого тракта 730 км. Он пересекает весь Памир от плодородной Ферганской долины до одного из самых еще недавно оторванных от центра республики городов — Хорога; раньше по горным тропам каравану нужно было пробираться до Хорога месяц, а теперь машина пробегает этот путь за три дня. Однако "и сейчас машины

не подходят к снежным хребтам и самый сложный участок приходится проходить с караваном.

Два дня наши машины бежали от Душанбе на восток по шоссейной дороге, прорезанной в обрывах над мутными бурлящими потоками рек Вахш и Сурхоб до кишлака Джиргиталь. Горы громоздились все выше, и вот впереди показались снежные вершины западных отрогов хребта Петра Первого. Шоссе кончилось. Выше шли лишь узкие тропы.

Отсюда и начиналась увлекательная, полная романтики, походная жизнь экспедиции. Шум мотора сменился мерным звоном колокольцев и покачиванием вьюков нашего верблюжьего каравана. XX век как бы ушел в далекое прошлое. Чем дальше на восток, тем теснее горы сжимают ущелье.

Путь нам преградила река Мук-су, приток Сурхоба. Единственное средство переправы — легкие салы, сделанные из бычьих шкур, надутых воздухом. На берегу было оживленно, так как колхозники сдавали хлеб государству, а речной транспорт здесь, пожалуй, самый быстрый. Маленькие плоты, тяжело груженные зерном, один за другим отчаливали от берега, бурный поток подхватывал их и мутные волны грозно налетали на утлые сооружения. Проворно и смело управляли веслами опытные таджики-сальщики. Они самоотверженно вели ценный груз в ревущем потоке меж грозных скал. С приключениями, но удачно переправили и нас.

Немало еще преодолели мы переправ вброд через бурные речки, взбирались крутыми зигзагами на перевалы, придерживая вьючных животных за хвосты, переходили узкие каньоны по шатким мостикам, способным выдержать не более одного верхового, и на шестой день караванного пути достигли ущелья реки Сагран. Удушливая жара в выжженных солнцем ущельях сменилась прохладной тенью от зарослей арчи и березы. Здесь, в последнем лесу, близ ледника Бырс на высоте 2600 метров экспедиция разбила свой Зеленый лагерь.

Выше тропу пришлось уже делать нам самим, но и это вскоре оказалось невозможным. Темными буграми выпирал ледник Сагран в широкую долину. Здесь простились с караваном, перегрузив на себя и на наших носильщиков грузы экспедиции. Уже по обеим сторонам ущелья сверкали на солнце снежные вершины, но необыкновенно длинным и однообразным казался путь по скользким ледяным буграм ледника, покрытым сплошным слоем шатких камней морены.

Впереди на юге возвышалась огромная отвесная стена снежной вершины. В честь русского ученого, первого исследователя долины Саграна, мы назвали ее пиком В. И. Липского. Под отвесными стенами этого пика, утомленные трудным переходом, отряды экспедиции установили свои маленькие палатки. Ночью впервые термометр упал до -4° . Покрылись льдом и замолкли весело журчавшие днем ледниковые ручьи.

Дальше ледник изменил направление и путь пошел на восток. Вскоре сменился и характер ледника: стали исчезать морены и вся обширная поверхность засверкала «арктическими» торосами ледяных сераксов. Сияли на фоне темно-синего неба и снежные купола окружающих вершин и острые рассеченные гребни. Встретились первые темные провалы ледниковых трещин, особенно многочисленных на крутых перегибах ледника. Нужно было осмотрительно выбирать путь и очень осторожно двигаться вверх. Мы дошли до границы проникновения человека. Выше нужно было ориентироваться уже без карт.

Близ причудливых изломов огромного ледопада экспедиция установила Основной лагерь, послуживший нам базой для всей дальнейшей работы. Мы достигли высоты 4500 метров. Позади остался большой и нелегкий путь, впереди сверкали неизвестные снежные громады, манившие нас все выше и выше.

Вопрос: Что же Вы там увидели?

Ответ: Верхняя часть ледника Сагран оказалась настолько сложной,

что разобраться в строении ледника и окружающих его хребтов можно было лишь после большой работы, наблюдая с различных точек ледника окружающие хребты и вершины.

Поражали его масштабы. Ледник достигал не менее двух с половиной километров ширины. Мощные ледниковые притоки вливались и с юга и с севера. В самых верховьях ледник резко сворачивал на север и уходил к самым мощным вершинам во всем бассейне. Две вершины особенно выделялись над остальными. В честь славных дат 30-летия Советского государства и 800-летия Москвы мы назвали одну шатрообразную вершину, напоминающую стену Кремля с башней, — пиком Москва, а вторую — пиком 30-летия Советского государства. Эти вершины, несомненно, замыкали самые истоки ледника. Но чтобы разобраться в их сложных очертаниях, нужно было проникнуть туда и подняться на одну из вершин.

Вопрос: Расскажите, как же проходило восхождение?

Ответ: Тщательная разведка, проведенная нами, не только подтвердила первое впечатление от грозных вершин, но и установила наличие огромных препятствий еще до начала штурма вершины.

23 августа одиннадцать альпинистов вышли из Основного лагеря.

Уже вскоре путь пересекли широкие трещины, закрытые сверху снегом. Переходя через одну из них, я провалился и упал в трещину. Если бы не веревка, связывающая меня с товарищами, развязка была бы трагической. Но суровый опыт делает альпинистов предусмотрительными и осторожными. Товарищи выдержали сильный рывок, и я повис во мраке трещины среди отвесных ледяных стен. При помощи дополнительно сброшенной веревки и предусмотрительно захваченной веревочной петли я вскоре выбрался на поверхность ледника.

Выше трещины сменил хаос нагромождений огромного ледника. Ледяные выступы, мостики, стены переплелись с огромными провалами

трещин и нагромодили такой лабиринт, что не только пробраться сквозь него, но разобраться и отыскать путь среди глыб, готовых рухнуть, было очень сложно. Здесь помощь и поддержка друг другу оказались особенно необходимы.

Лишь миновали это, казалось, основное препятствие, как обнаружилось другое. Поднялось солнце и жаркими ослепляющими лучами залило горы. Темные очки защитили глаза от ожогов, но кожу лица и тело защитить оказалось труднее. Палящие лучи жгли сквозь одежду, становилось душно, и силы оставляли людей. Хотелось пить, но кругом сверкали снега и не было ни капли воды.

Блестевший на солнце ледяной склон горы уходил круто вверх. Даже железные шипы, набитые на толстые подошвы специальных теплых сапог, скользили на крутом льду. Надели стальные кошки, но и их острые зубья держали ненадежно. Чтобы преодолеть склон, пришлось ледорубами рубить во льду ступени и шаг за шагом, медленно подниматься вверх, постоянно страхуя друг друга на веревках, закрепленных на крючьях, забитых в лед. На следующий день к вечеру мы уже были высоко над ледником и страшный ледяной склон был под нами. Из-за ближайших хребтов показались другие хребты, их бесконечные просторы, сверкающие ослепительной белизной снежных вершин, уходили в голубоватую дымку дали.

Вопрос. На подъеме вы встречали животных, птиц.

Ответ: Почти все живое осталось глубоко внизу.

В долинах и на склонах, покрытых горными лугами, мы встречали следы медведя и барса, наш охотник убивал красивых горных козлов-кийков, видели мы много мелких грызунов, в ущельях парили орлы, а высоко среди камней и травы проворно бегали горные индейки-улары. Но на леднике среди камней можно было встретить лишь мышей, а еще выше — пауков, стрекоз, бабочек, большая часть которых погибала и лежала на

снегу. Однако на высоте 5000 метров исчезли и эти представители животного мира. Лишь последний, самый упорный спутник — горные галки сопровождали нас до высоты 6000 метров, и едва не подвели нас, поклевав значительную часть продуктов, оставленных на обратный путь. Но вот и галки покинули нас.

На Памире, в верховьях ледников Гандо, Гарно и Фортамбек, висит этот пик, названный именем замечательного альпиниста-исследователя Евгения Абалакова. Высота пика 6650 метров.

Фото Е. Тимашева

На маленьких площадках, устроенных среди скалистых обрывов, мы установили свои палатки. Внезапно подул резкий холодный ветер, тяжелые облака закрыли горы, скрылось солнце и морозная туманная мгла окутала все вокруг. Началась горная буря.

Вопрос: Как вы боролись с непогодой?

Ответ: Первый день мы полагали, что это явление местное и скоро проходящее. Поэтому бодро пережидали эту неприятную неожиданность: для этих мест характерно преобладание ясной погоды.

На третий день стало очевидно, что широкий фронт урагана захватил весь район и нужно быть готовыми к упорной обороне. Снежная метель, шквальные порывы ветра, с воем и грохотом налетавшие на наши легкие палатки, угрожали сорвать их в бездну или разорвать в клочья. Мороз достигал 26° , а в палатках доходил до 15° . Стенки палатки покрылись толстым слоем изморози. Она осыпалась на лицо и опальные мешки. Все леденело. Вылезать из палатки было невозможно. Апатия и безволие могли охватить людей, обреченных на вынужденное бездействие. Самочувствие ухудшалось и от приступов горной болезни, которая пришла вместе с высотой, пониженным давлением и резким недостатком кислорода в воздухе. Болела голова, охватывала страшная слабость, мучила бессонница и жестоко пересыхало горло.

Но мы боролись. Готовили пищу на сухом спирте, вели записи наших наблюдений и даже иногда пели песни.

Вопрос: Знали ли о вас товарищи, оставшиеся внизу?

Ответ: Наши товарищи во главе с начальником экспедиции А.А. Летаветом, неустанно наблюдавшие за нашим подъемом, уже имели основания беспокоиться о нашей судьбе. Для связи мы договорились подавать каждый вечер световые сигналы. Однако непогода нарушила на несколько дней это обязательство, так как если бы даже удалось вылезти

из палатки и зажечь факел из лент киноплёнки, то плотная завеса тумана скрыла бы свет.

На пятый день ветер немного стих, и товарищи, с нетерпением ожидавшие внизу нашего сигнала, стали думать о возможности нашего спуска.

Но мы решили бороться. Для этого часть товарищей должна была спуститься вниз, оставив излишки своих продуктов остальным, и обеспечить таким образом их дальнейшую работу. Как ни тяжело альпинистам уходить от возможно близкой победы, но дисциплина и интересы дела и коллектива заставляют переломить себя. Пять человек ушли вниз. Шестеро продолжали борьбу. Оказалось возможным подать сигнал. Из черной глубины блеснул ответный огонек. Связь вновь была налажена. Восхождение продолжалось.

На седьмой день вновь скрылось солнце, порывы снежной бури опять начали хлестать по лицу и пронизывать нас морозными вихрями сквозь теплую одежду. То прижимаясь к отвесным стенкам, то вновь пробираясь по обледенелым и заснеженным скалистым гребням над обрывами, в два километра глубиной, шесть альпинистов упорно поднимались вверх. Но слабость охватывала восходителей все больше. У многих начали мерзнуть ноги. А впереди видны были лишь туманные вихри... Пришлось повернуть вниз. Еще одна морозная ночь.

Морозное, с прояснением, утро. Снова надежда и снова борьба. По рыхлому сыпучему снегу переползая скрытые трещины, прошли по узкому снежному карнизу и широким снежным полям самых истоков ледника Сагран к восточному гребню вершины. Питание позволяет использовать еще один день. Этот день должен решить, победим мы вершину или нет. Сквозь расходящийся туман луна осветила стенки расставленных палаток. Ночь морозная, но ясная.

Ранним утром в жестокий мороз три альпиниста (мастер спорта,

партизан Отечественной войны Евгений Иванов, альпинист-географ Евгений Тимашев и я) вышли на штурм вершины 30-летия Советского государства. Двумя часами позже трое оставшихся (мастера спорта М. Ануфриков и А. Гожев и заслуженный мастер спорта и кинооператор экспедиции А. Сидоренко, самоотверженно снимавший на пленку восхождение) вышли на соседнюю безымянную вершину с целью заснять заключительный этап восхождения.

Сыпучие крутые скалы надолго задержали нас. Перед выходом на гребень вершины я услышал сзади шум падающих камней и затем легкий вскрик.

Мгновенно укрепившись за камнем, я принял на себя такой рывок, что был прижат к земле. Веревка долго не ослабевала и лишь спустя значительное время ко мне, прихрамывая, подошел Тимашев. Все объяснилось: сорвался Иванов и, падая, увлек Тимашева, который быстро начал скользить по крутому льду. Я задержал Тимашева и этим спас положение.

Когда вышли к скалистым стенам восточного гребня вершины, нашему очарованному взору открылись небывало величественные панорамы. Среди легких силуэтов огромных вершин, стоящих над глубоким провалом ледника Фортамбек, вздымалась эпически спокойная величавая вершина — пик Коммунизма. Ожили далекие воспоминания: я отчетливо представил себе, как 14 лет тому назад, обагренный заходящим солнцем, я стоял на вершине высочайшей точки Советской земли и переживал радость победы.

С новой силой мы полезли вверх. С соседней вершины мельчайшие точки — наши товарищи, что-то кричали нам, но слов мы не могли разобрать. Преодолевая один скалистый выступ за другим, мы как по стенам старой разрушенной крепости над зияющими километровыми пропастями, в которых клубились облака, метр за метром поднимались

вверх. Гребень стал отложе, кажется, нет больше препятствий, хочется бежать, но неожиданно из-за скал показался крутой и острый ледяной гребень и надолго задержал нас. Еще выступ и вот вершина, выше которой уже только небо!

Наши альтиметры показали высоту 6440 метров. На восток рядом с нами возвышается белый гордый острый конус пика Москва. Это необыкновенной красоты вершина, нужно полагать, достигает высоты 7000 метров.

Через три дня мы вновь были внизу в Основном лагере. Тепло встретили нас товарищи, с беспокойством и нетерпением ожидавшие нас. Несмотря на перенесенные испытания, мы чувствовали себя бодро и радостно.

Вопрос: Каковы по Вашему мнению итоги экспедиции?

Ответ: Тщательное обследование верховьев ледника Сагран и восхождение на пик 30-летия Советского государства, которое явилось значительным вкладом в достижения советского альпинизма, позволили составить точную схему верховьев ледника Сагран и окружающих хребтов и вершин. Эта схема точно устанавливает взаимную связь трех ледников: Сагран, Шини-бини и Гандо, которая до этого была неясна.

Впервые на таких высотах в условиях жестокой непогоды был заснят кинофильм, отражающий работу экспедиции. Оператор кинохроники Зенякин и кинооператор, заслуженный мастер спорта Сидоренко приложили все усилия, чтобы рассказать о заоблачном спорте народам нашей Родины.

Е. Абалаков готовился к экспедиции на пик Победы, но трагическая смерть помешала осуществлению его грандиозных планов новых битв с непокоренными горными вершинами.

Являясь одним из создателей советской школы альпинизма, Е. Абалаков был страстным пропагандистом ее прогрессивных методов.

Примером служит его статья «К заоблачным вершинам», опубликованная в журнале «Наука и жизнь». Повествуя в ней об экспедиции на юго-запад Памира, Е. Абалаков стремится популярно рассказать о технических приемах альпинизма. Кроме того, он вспоминает интересные моменты прежних походов, как бы подводя итоги своей альпинистской деятельности.

К заоблачным вершинам

Летом 1946 года московские и ленинградские альпинисты решили проникнуть в один из самых неизведанных районов высокогорной страны Памир. Я также принял участие в этой экспедиции. Захватив все необходимое горное снаряжение, мы выехали в Среднюю Азию.

...Семь суток мчится поезд на юго-восток от Москвы через русские равнины, степи и пустыни Казахстана, знойное марево Узбекистана к склонам гор Киргизии, к зеленому оазису Ферганской долины.

От небольшого киргизского города Ош, утопающего в фруктовых садах, начинается памирский тракт. Машина медленно взбирается к перевалу по зигзагам шоссе. Всего три часа мы едем на машине, а от зноя Ферганской долины не осталось и следа. Холодный ветер пробирается к телу сквозь теплые куртки. Первый горный рубеж — Алайский хребет — позади. К вечеру мы у ворот Памира.

Перед нами — одна из величайших в мире высокогорная Алайская долина. На юге ее ограничивают эпически спокойные белые громады вершин Заалайского хребта. За ними — Памир. Он открылся нам с перевала Кызыл-арт. Плоские розоватые долины, столбы песчаных смерчей поднимаются к небу, виднеются синие пятна озер. И над всем этим стоят дикие заснеженные хребты.

Памир — это Горно-Бадахшанская Автономная область Таджикской ССР. Административный центр ее — город Хорог. До 1933 года караваны верблюдов из Ферганской долины до Хорога шли сорок дней. Памир и Хорог более полугода были отрезаны от мира. За два года большевики построили памирский тракт. Лента шоссе пересекла горные долины, врезалась в глубокие ущелья, побежала по высокогорным, пустынным плоскогорьям Долины Смерти, перекинулась через огромные хребты Заалайский, Муз-кол, через перевалы высотой до 4700 метров.

Машины теперь идут на Памире на высоте величайшей вершины Альп — Монблана. И вместо сорока дней люди стали приезжать в Хорог на четвертый день. Авиалинии соединили Хорог с Душанбе.

Пересекаем долину Маркан-су. Долина Смерти — как называли ее киргизы. Кости верблюдов и рога горных козлов архаров белеют близ дороги. Теперь эта долина не страшна людям, но раньше, когда до плодородных мест караваны должны были двигаться 15-20 дней, здесь подстерегали их песчаные смерчи и снежные бури.

Еще день перед глазами снежные скалы, долины. Дневной зной сменяют ночные морозы. Но вот последний перевал. Долина убегает вниз, и еще через шесть часов пути кругом раскинулась зелень кустов ивы, облепихи, тяжелые сочные кроны фруктовых деревьев, слышен шум реки Гун-та. Лишь высоко над головой встали заснеженные зубцы гигантских вершин, напоминая о другой природе. Мы в центре Памира.

Техника побеждает

Далеко внизу остался наш караван. Всего пять километров смог пройти он по каменистой долине. Выше мы несли груз на себе. Перелезая с камня на камень, поднимались вдоль берега бешеной горной реки, уходя в глубь Рушанского хребта. Вдали запырал ущелье острый скалистый пик Патхор. К нему мы и стремились.

Без подготовки, без снаряжения нельзя идти в горы, это правило выработано дорогой ценой многих жизней первых горвосходителей.

В 1787 году впервые поднялись на Монблан, главную вершину Альп, члены экспедиции французского ученого Соссюра. Снаряжение их было примитивно. Альпинисты — так после завоевания Альп стали звать покорителей гор — несли тяжелые громоздкие лестницы для переправы через глубокие трещины ледников и для подъема на ледяные и скалистые

обрывы. Длинные шесты с острыми наконечниками помогали им сохранять равновесие. Такие шесты можно встретить и сейчас у горных таджиков. Для подъема по крутым ледяным склонам первые альпинисты топориками вырубали во льду ступени. Современным альпинистам было бы забавно видеть такое громоздкое снаряжение.

В результате большой практики горовосхождений появилось легкое снаряжение альпинистов, пригодное для преодоления всех труднодоступных мест.

Тем не менее и современный альпинист несет за плечами 16-20 килограммов. Ведь он оторван от жилых мест на много суток и поэтому должен иметь, кроме специального снаряжения, и «стол», и «дом», и постель.

Перед нами крутые ледяные склоны, рассеченные глубокими трещинами. Нечего и думать подниматься по скользкому льду в обычной обуви. У нас толстые крепкие ботинки с двойной подошвой. На подошве набит целый частокол железных шипов — трикони. На этот раз склон так крут, что и трикони соскальзывают. Мы надеваем на ботинки двенадцатизубые стальные кошки. С легким звоном острые зубья кошек вонзаются в лед, и альпинист уверенно поднимается вверх.

Ледяной склон перешел в почти отвесную стену. Кошки уже не в силах удерживать нас. Мерными ударами легкого ледоруба мы вырубам ступени во льду и по ним шаг за шагом наискось по склону поднимаемся вверх.

Альпинисты связаны между собой легкой прочной веревкой. Если один сорвется, другие удержат товарища. Но не так просто удержать падающего человека. Несколько лет назад на Кавказе альпинисты проделали интересный опыт. Привязали к веревке бревно, по весу равное весу человека. Альпинист брал в руки веревку, привязанную к бревну, перекидывал ее через плечо и упирался ногами в камни. Бревно

сбрасывали с обрыва, и альпинист должен был остановить падение груза. И тогда оказалось, что человек должен напрячь всю свою силу, чтобы устоять на ногах при рывке веревки в момент, когда на ней повисало падающее бревно.

Охраняя товарища в горах, альпинист стремится уменьшить рывок веревки. Он перекидывает ее вокруг выступа скалы или вокруг древка ледоруба, воткнутого в снег.

«Альпинист»

Скульптура Е. Абалаков

Однажды глубокая ледниковая трещина пересекла наш путь. Ажурный снежно-ледяной мостик соединял ее края. Мой товарищ пополз по мостику на животе, по-пластунски. Я глубоко вонзил древко ледоруба в узкую ледяную расщелину, перекинул веревку через ледоруб и постепенно выдавал ее товарищу. Вот он достиг противоположного края трещины. Теперь моя очередь переползать, а товарища — охранять.

Из веревки и ледорубов можно сделать лестницу, мост. При помощи веревки можно поднять на скалу или переправить через трещину груз, раненого человека и даже верховое животное.

Вечером в палатке после тяжелого дня работы достаем из рюкзаков легкие алюминиевые кухни «мета» и кирпичики сухого спирта. Тихое горячее спиртовое пламя обогревает дно кастрюли и постепенно растапливает в ней снег. Высота уже 5250 метров над уровнем моря, и воды здесь нет. Альпинисты берут в горы питательные и легковарные продукты. На большой высоте атмосферное давление значительно меньше, чем на равнине. На высоте около 6000 метров давление в два раза меньше, чем на уровне моря. Поэтому вода здесь закипает, когда температура еще далека до ста градусов. На высоте 7000 метров совершенно безнадежно сварить фасоль, рис или свежие овощи и мясо.

Прошел еще день в трудной работе. Мы подошли к наиболее трудной части пути — зубренному скалистому западному гребню. Первый в связке, внимательно проверяя прочность каждого выступа, осторожно лезет вверх. У него наиболее сложная задача — разобраться в хаосе скал и наметить самый легкий и безопасный путь дальше. Переднего разведчика охраняют двое товарищей. Под ними пропасть не менее километра глубиной.

Вот скалы стали гладкими. Крутой стеной они вздымаются над головой, обходов нет. Препятствие кажется непреодолимым. Но спортивная техника приходит на помощь.

На поясе у первого висит целая связка железных скальных крючьев. Вот уже крюк, звонко гудя под ударами скального молотка, входит в узкую, едва заметную расщелину. В ушко крюка зацепляют карабин — стальной захват, а с ним и веревочную петлю, одним концом закрепленную на ботинке. Альпинист выжимается на ногу и подтягивается вверх. Снова забивает другой крюк с петлей для другой ноги и подтягивается еще выше. Так, забивая крючья и попеременно перецепляя по ним карабины с веревочными петлями, человек медленно, как по веревочной лестнице, взлезает на отвесную стену. Чтобы легче было лезть, он оставляет свой рюкзак внизу. Поднявшись на скалу, альпинист вытягивает рюкзак на веревке.

Не хватает воздуха

Все шире раскрываются горизонты. Во все стороны уходят хребты с белыми конусами снежных вершин. Чистота горного воздуха позволяет нам ясно различать очертания снежных вершин, удаленных на 200-250 километров. Глаза слепит море света. От солнца сверху, от снежных склонов сбоку, от ледников внизу — отовсюду исходит яркий свет.

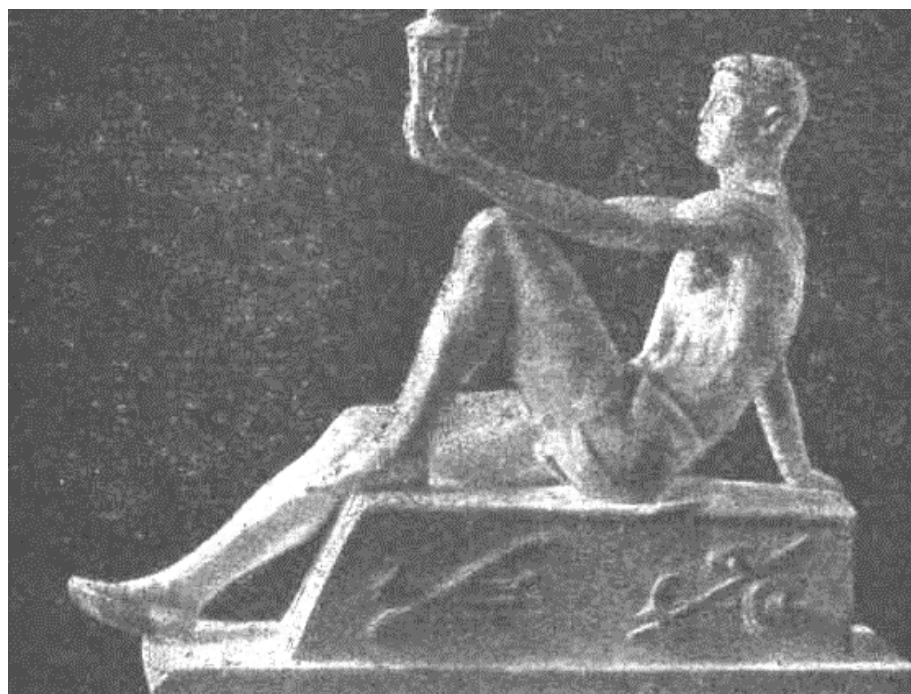
Чем выше поднимаются альпинисты, тем темнее становится небо, приобретая фиолетовый оттенок. Почти не доносятся сюда частицы земной пыли. В городах в одном кубическом сантиметре воздуха бывает до 50 тысяч частиц пыли. На горных вершинах — в тысячу раз меньше.

По мере подъема нами овладевает слабость. Через каждые пятнадцать шагов тренированный, выносливый альпинист должен отдохнуть и восстановить дыхание. Одышка мучает, даже после самой нетрудной работы. Достаточно наклониться и зашнуровать ботинок, надеть рюкзак, забить крюк — и опять нужно накапливать силы для следующего движения. Так происходит потому, что на той высоте, куда мы

забрались, воздух крайне разрежен и нам не хватает кислорода, необходимо для дыхания.

В авиации есть правило: на высоте около 5000 метров над уровнем моря летчик должен пользоваться кислородным прибором. Альпинисты не сидят в кабине. Они лезут по отвесным кручам и несут, кроме того, за спиной немалый груз. Среди груза нет пока кислородных приборов: они слишком тяжелы. Правда, однажды в истории альпинизма горвосходители взяли с собой приборы для вдыхания кислорода. Это были английские альпинисты, пытавшиеся победить Эверест. Двое из них, взяв кислородные приборы, ушли из последнего лагеря экспедиции к вершине Эвереста. Последний раз их видели в подзорную трубу на высоте 8604 метров. Обратного пути они не вернулись.

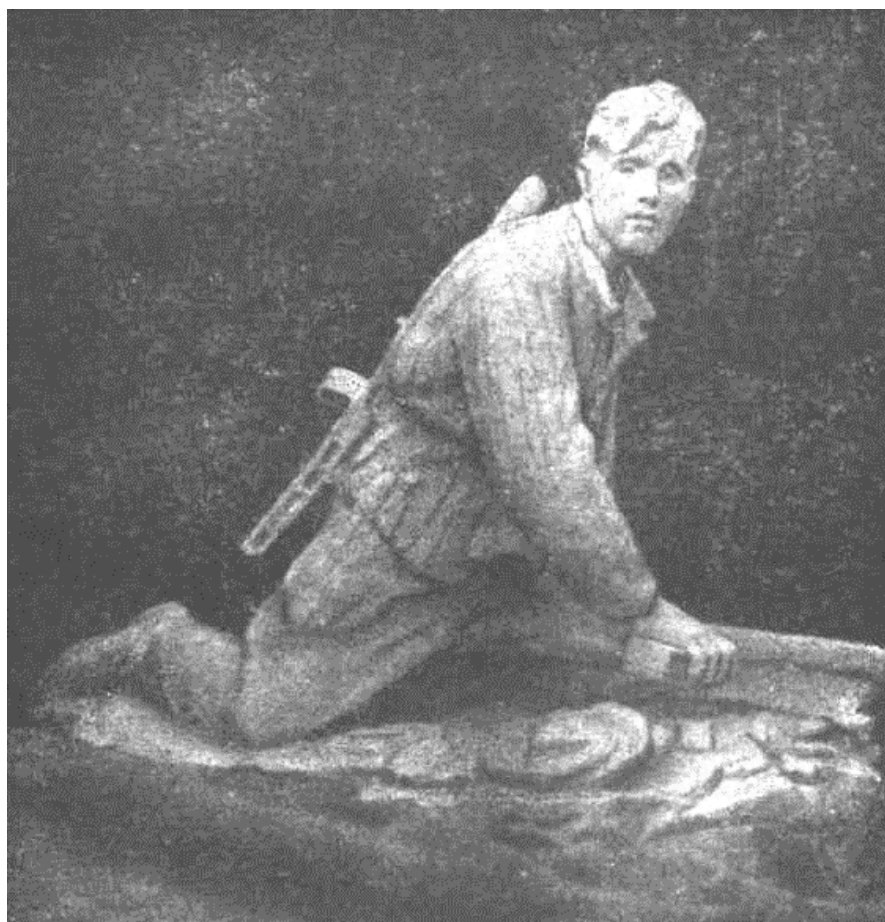
Недостаток кислорода на больших высотах тяжело сказывается на состоянии людей. Появляются признаки горной болезни. У некоторых начинаются головная боль и легкая слабость, у других — кровотечения из носа, горла и ушей, страшная желчная рвота, полный упадок сил и апатия.

«Спортивный приз» (бронза).

Работа Е. Абалакова

Теперь, после длительной альпинистской практики, нас трудно удивить даже жестокими приступами горной болезни. Не то было вначале. Я вспоминаю наши первые высокогорные восхождения на Памире. Это было в 1933 году во время штурма пика Коммунизма. После многодневной и трудной работы группа альпинистов выбралась наконец на восточный гребень вершины и разбила лагерь на высоте 5600 метров. Каково же было наше отчаяние, когда почти поголовно все мы были сражены жестокими приступами горной болезни. А ведь лагерь 5600 метров можно было считать всего лишь подножием вершины. Нам предстояло подняться еще на два километра вверх. Не искушенные опытом, мы думали: «Кто же будет выше?!» Но скоро оказалось, что приходит в отчаяние рано. Мы спустились вниз и отдохнули.

«Партизан, взрывающий железнодорожный путь»

Скульптура Е. Абалакова

А вторично поднимаясь к тому же лагерю, мы уже чувствовали себя лучше, даже смогли продолжить путь выше и лазить по труднейшим скалам. К концу недели пребывания на таких высотах организм наш настолько привык к высоте, что почти все признаки горной болезни исчезли — люди, как говорят, акклиматизировались. Опытные альпинисты никогда безостановочно не поднимаются на вершину. Некоторое время они обязательно проживут на большой высоте, чтобы организм привык к разреженному воздуху.

Во время последней нашей экспедиции на Памир нам также пришлось приучать себя к большой высоте. Недостаток кислорода, пониженное давление и страшная сухость воздуха мучат не только во время движения, но и на отдыхе. Вечером, когда с трудом хватает сил сделать последние шаги к месту бивуака на крутом склоне, нужно еще часа два перетаскивать камни, чтобы соорудить ровную площадку для палатки. Но вот палатка установлена. Спасаясь от холода, мы влезаем в спальные мешки. В горле пересохло. Кислый чай или кисель — вот что хочется пить бесконечно. Но это малопитательно. Надо отдыхать, а сон не приходит. До полуночи люди ворочаются в спальных мешках.

Утром мы начинаем последний переход. Все живое осталось далеко внизу, к нам не залетают даже птицы. Совсем вялы стали движения людей. Вершина близка, но как медленно мы приближаемся к ней. Последние усилия — и вот уже нет точки выше нас...

Мы на семитысячной высоте, на вершине, где еще никогда не стоял человек. Даже до ледников, взвивающихся у подножья вершины, не поднимался еще никто. Отсюда, с огромной высоты, мы изучаем сложные системы хребтов и ледников и вычерчиваем на бумаге их расположение.

Солнце — и друг и враг

С нашими лицами солнце сыграло злую шутку: они стали почти неузнаваемы. Губы и носы распухли, кожа словно обуглилась, потрескалась и кровоточит.

Поднимаясь на вершину, мы старательно закрывали лица марлевыми шторками, надевали широкополые шляпы и все-таки кожа сильно обожжена. Чистый разреженный воздух на больших высотах свободно пропускает ультрафиолетовые лучи. На снежных склонах и ледниках отраженные от снега лучи снизу настигают лица, поля шляпы здесь не спасают от них. У многих воспалены и слезоточат глаза, покраснели веки. Солнце в горах — опасный враг.

Помню такой случай. В 1932 году наша группа поднималась на одну из снежных вершин Кавказа — Катын-тау. Стоял густой туман. Трудно было рассмотреть снежную поверхность даже под ногами. Я снял темные, защитные очки, а вечером на бивуаке почувствовал резь в глазах и через полчаса ничего не видел.

К утру зрение не возвратилось. Я начал видеть лишь на третий день, и только тогда альпинисты тронулись дальше. Я на всю жизнь запомнил, что на горных высотах туман — не препятствие для ультрафиолетовых лучей и что даже в туман там надо надевать защитные очки, если идешь по снегу.

И вот теперь, на Памире, мы все-таки не убереглись от солнца. Только спустившись в долину Гунт, мы залечили раны на лице.

Отдохнув, двинулись с большим караваном верблюдов, лошадей и ишаков к новой, неизведанной семитысячной вершине — пику Карла Маркса. По едва заметным тропам мы подходим к перевалу через Шугнанский хребет высотой 4700 метров. На Кавказе это высота прославленной вершины Ужбы. Там среди отвесных скал — вечные снега

и ледники. Здесь у нас под ногами трава, солнце печет так, что нам тепло и в одних трусах. В расщелинах скал можно встретить цветы, похожие на ромашки и колокольчики. Мы находимся в самых южных широтах Советского Союза.

«Альпинистка»

Скульптура Е. Абалакова

Несмотря на огромные вершины, ледники здесь, на юге, невелики. На Кавказе ледники кончаются иногда только в полосе лесов на высоте

меньше 2000 метров, а на юге Памира мы встречали ледники, конечная часть которых — языки — не спускалась ниже 5000 метров. Необычайная сила солнечных лучей расплавляет лед, а сухость воздуха способствует быстрому испарению воды.

С перевала открылись грандиозные массивы вершин Маркса и Энгельса, поднимающихся до 7000 метров. Никто не бывал у их подножья.

И вот пик Маркса над нами. Его северная стена отвесными скалами уходит вверх на два километра. После длительных поисков путь намечен по крутым изломам висячего ледника на западное плечо пика и затем по западному гребню на вершину.

«Отец»

Скульптура работы сына Е. Абалакова — Алексея Абалакова

3 сентября вы начали штурм вершины. Поверхность ледника неровна. Щетина ледяных игл, которые нам по пояс, покрывают ее. Мучительно прокладывать путь среди ледяного хаоса. Эти иглы результат работы солнца. Почти отвесно падающие лучи южного солнца по-разному

нагревают бугристую поверхность ледника. Дно впадин, где скапливается больше пыли, нагревается сильнее, а выпуклости, скаты которых находятся под углом к солнечным лучам, слабее. Поэтому углубления протаивают быстрее. Так растут ледяные иглы — кальгаспоры.

Но вскоре ледяные торосы — кальгаспоры из помехи стали нашими помощниками. Было бы очень трудно подниматься по крутым и гладким ледяным стенам всячего ледника. Кальгаспоры служили для нас как бы ступеньками. Мы начали быстро подниматься по этой лестнице. Теперь не нужно было на каждом шагу охранять товарища. Нам оставалось только благодарить солнце за его работу. К вечеру мы вылезли на отлогие ледяные поля западного плеча вершины.

Арктика на Юге

Казалось, трудности остались позади. К вершине вел некрутой, наполовину скалистый, наполовину снежный гребень.

Но утром все наши планы нарушила погода. Туман закрыл горы. Облака наплывали со всех сторон. Пошел снег. С большим трудом нам удалось подняться в этот день всего на 300 метров.

Разгребли снег и на каменных плитах поставили палатку. Вскоре пришлось наглухо застегнуть вход в палатку. Разразилась страшная горная буря. Температура упала до 25° ниже нуля. Трудно было представить, что в это время совсем недалеко, в Хороге или Душанбе, стоит жара в 35° и разгоряченные люди с жадностью ловят малейшее дуновение ветерка.

Мы надели теплое белье, свитеры, пуховые жилеты, плотные штормовые брезентовые брюки и куртки. А поверх ботинок — специальные гамаши. На руки натянули теплые суконные варежки. Но лишь только мы вышли из палаток, морозные вихри забрались под теплую одежду. Мешкать было некогда. Связавшись веревкой, один за другим

двинулись вверх по гребню, разгребая ногами снег.

Кончились скалы. Выше мы пошли по снежному гребню. Невозможно было повернуть лицо к ветру, оно сейчас же обмерзло.

На миг в разрыве облаков показался огромный скалистый пик вершины. Снизу этот пик казался маленькой черной точкой на белом конусе вершины. Вблизи пик вырос до гигантских размеров. Высота, снежная буря и крутые скалы сделали последний путь невероятно трудным.

Наконец — последняя снежная стенка вершинного гребня. Пошатываясь, занесенные снегом, вы выходим на вершину. Заснеженные веревки волочатся по снегу.

Снова мы на высоте 7000 метров. Но какая разница! На пике Патхор ослепительно сверкало солнце и было тепло. Незабываемые панорамы открывались вокруг. С пика Маркса, кроме снежных вихрей, ничего не было видно. Как обидно, потратив столько сил, не увидеть загадочного горного узла, никем еще не занесенного на карту!

На вершине осталась пирамида из камней, а в ней банка с запиской о рекордном восхождении.

Через день солнце сияло как прежде, как будто и не бывало жестокой бури. Только ярче сверкали снежные склоны гор. Мы спускались по огромному и неизвестному леднику на юг. Бесконечная чешуя ледяных игл-кальгаспоров снова встала на нашем пути.

В конце ледника мы попали будто в другой мир. Ледяные иглы выросли до гигантских размеров. Как огромные сахарные головы в несколько десятков метров, стояли они там, где обрывался ледник.

Впереди простиралась окутанная тенью глубокая долина.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Основные восхождения Е. Абалакова

Время восхождения	Район	Название вершин	Путь восхождения	Категория трудности*
	Сибирь	Красноярские столбы		
1929	Алтай	Северо-восточный Алтай		
		Массив Корбу		
1930	Саяны	Биргосинско-Козырский узел		
1931, август	Кавказ	Дых-тау и Миссес-тау	По северному гребню. С перемычки восхождение на Миссес-тау и спуск по юго-западному кулуару	46 Первое советское восхождение
1932, август	Кавказ	Траверс Везингийской стены (Гестола — Катын-тау — Джанги-тау)	С ледника Безинги на перемычку между вершинами Ляльвер и Гестола. Спуск по северной стене от вершины Шота Руставели	5а Первый советский траверс
1933	Кавказ	Первое зимнее восхождение на Эльбрус	До седловины	
Июль—сентябрь 1934, июль—сентябрь	Памир Памир	Пик Коммунизма, 7495 метров Пик Ленина	С ледника по Восточному гребню до 7000 метров	5б Перво-восхождение
1935, июнь-сентябрь	Тянь-Шань	Туркестанский хребет Мын-тэке	С ледника Фарахнау по южному гребню	46 Перво-восхождение
		Пик Гранитный	С ледника Тамынген по юго-восточному гребню	46 Перво-восхождение
		Пик Оловянный		Перво-восхождение
		Пик САВО		Перво-восхождение
		Пик Безымянный		Перво-восхождение

* Восхождения Евгения Абалакова за лето 1935 года (июль – сентябрь).

Время восхождения	Район	Название вершин	Путь восхождения	Категория трудности*
		Ужбишка		Первовосхождение
1936, август-сентябрь	Тянь-Шань	Хан-Тенгри, 6995 метров	С ледника южный Инылчек по западному гребню	5б
		Пик Безымянный		Первовосхождение
1937, август	Кавказ	Ужба (траверс северной и южной вершин)	С ледника Шхельды и Ужбинско-го плато с севера на юг. Спуск на Тульский ледник	5б Первый советский траверс
		Шхельда главная (восточная) вершина	С Ужбинского ледника по юго-восточному гребню	5а Первое советское восхождение
		Салынан-баши Бжердух		
		Джан-туган		
1938, август	Кавказ	Траверс семи вершин от Дых-тау до Коштан-тау. Дых-тау Западная и Восточная, пик Пушкина, Мижирги Западная и Восточная, Крумкол, Коштан-тау	С Безингийского ледника по северному гребню на Дых-тау Западную и далее по гребню на Восточную Дых-тау, пик Пушкина, Мижирги Западную и Восточную, Крумкол и Коштан-тау. Спуск по северному гребню на ледник Кундюм — Мижирги	5б Первый траверс
		Гребень Крумкола		
		Траверс отрога Думала		Первый траверс
1939, август	Тянь-Шань	Траверс четырех вершин Заилийского Ала-тау	МЮД, Безбожник и две безымянные вершины. По гребню с юга на север	4а Первый траверс
1940, август	Кавказ	Траверс вершин Цурунгал — Айлама — Нуамкуам	С Айламинского ледника по северо-восточной стене на Цурунгал и далее по юго-восточному гребню на вершину	5б Первый траверс

Время восхождения	Район	Название вершин	Путь восхождения	Категория трудности*
			Айлама и весь гребень Ну-ам-Куам.	
			Спуск по северной стене на ледник Дых-су	
1943	Кавказ	Дубль-пик		
1944	Кавказ	Восхождение на Казбек	С воинскими частями под командованием Е. Абалакова	
Октябрь		Траверс пяти вершин Джугутурлючата	С ледника Аманауз по западному гребню на вершину Западный Джугутурлючат и далее по гребню на Восточную, пик Миттшкова, Узловую и Главную. Спуск на ледник Аманауз	56 Первый траверс
1945	Кавказ	Зимнее восхождение на седловину Ужбы	С Тульского ледника по юго-восточному склону и стене	5 Поиски группы Джапаридзе
1946, август-сентябрь	Памир	Юго-западный Памир. Пик Патхор (свыше 6000 метров)	С ледника Марковского по западному гребню	56 Первовосхождение
		Пик Карла Маркса, 6700 метров	Из долины реки Шах-дара и Хо-цак по северной стене и на западное плечо пика и далее по западному гребню	56 Первовосхождение
1947, август-сентябрь	Памир	Северо-западный Памир Пик 30-летия Советского государства, 6440 метров	С ледника Сагран по юншому склону на перемычку (6020) и по восточному гребню на вершину	56 Первовосхождение

*Туркестанский хребет, 1935 год**

Ледники	Перевалы	Вершины	Стены
Тамынген	Тамынгенский (двенадцать раз)	Остроконечная	Стена (два подъема, четыре спуска)
Рама	Тамынген-джау-пая (три раза)	Оловянный пик	Тамынг-Тамынген
Преображенского (два раза)	Фарахнау – Елдаш	Гранитный Пик САВО	Тамынген – Елдаш
Елдаша	Тамынген – Елдаш	Дуль (западный)	Тамынген – Джау- пая
Джау-пая	а) собственно перевал	Белый пик	Преображенского – Ак-су
Фарахнау	б) из цирка на Стену	Черный пик	
Зеравшан	Рама – Преображенского (десять раз)	Мын-тэке Ужбишка	
	Преображенского – Джау-пая	Раменский пик	

* Восхождения Евгения Абалакова за лето 1935 года (июль – сентябрь)

Высоты Тамынгенского района (в метрах)

Пик Гранитный	5308	Юрта	3865
Остроконечная первая	4976	Тамынген	3030
Остроконечная вторая	4272	Черный пик под Ужбишкой	4746
Архар	5380	Перед остроконечной наивысшей	4920
Черная гора	4273	От Остроконечных на север	
Пик Оловянный	4774	а)	4726
Верх дорожки	4690	б)	4430
Взорванная жила	4556	в)	4215
Вершина Стены	4861	г)	4130
Тамынгенский перевал	4420	Известняки около перевала на Каравшин	4086
Второй перевал	4508	Конец Тамынгенского ледника	3440
Ужбишка	5249		
Пик САВО	5064		
Мын-тэке	5484		
Перевал на Джау-пая	4517		

Список скульптурных работ Е. Абалакова

1. «Песня свободы»	Одна из первых работ, выполнена в Красноярске	До 1927
2. а) Фигуру спортсмена (автопортрет) б) Женский портрет в) Мужской портрет г) Портрет девочки. Этюд д) Два рельефа е) Мужская фигура с вазой ж) Восемь женских фигур з) Карикатура	Работы в Высшем художественном институте	1927 г.
		1927 г.
		1928 г.
		1928 г.
		1928 г.
3. Памятник Ленину в г. Керчь	«Взорван немцами во время войны»	1932 г.
4. «Альпинист» (первый вариант)	Всесоюзная художественная выставка	
5. «Альпинист» (второй вариант)	На Всесоюзной художественной выставке, посвященной XX-летию Ленинского комсомола (1 премия)	1937 г.
6. Конкурсный проект памятника Пушкину		1937 г.
7. «Туркмен» 8. «Гаджичка» 9. «Мальчик-таджик» 10. «Чонгуристка»	Всесоюзная Сельскохозяйственная выставка	1938 г.
		1938 г.
		1938 г.
		1938 г.
11. Проект памятника Горькому		1938 г.
12. «Горнолыжник»	Всесоюзная художественная выставка. Музей изобразительных искусств	1939 г.
13. Альпинистка»		1939 г.
14. «На вершине». Автопортрет. Эскиз		1940 г.
15. «Лыжник» (бронза)	Центральный музей спорта в Лужниках	1940 г.
16. Женский портрет (этюд)		1940 г.
17. Женская фигура (этюд)		1940 г.

18. Конкурсный проект памятника В. Чкалову	Выставка в Центральном Доме воздушного флота	1940 г.
19. Проект памятника героям-панфиловцам (эскиз)		1942 г.
20. Портрет партизана Е. Иванова	Художественная выставка 1946 г.	
21. Портреты спортсменов: 1. Миклашевского 2. Прошиной 3. Иванова 4. Сидоренко 5. Гусака 6. Ростовцева 7. Арцишевского		1938 г. 1938 г. 1939 г. Годы войны
22. Автопортрет		1946 г.
23. «Партизан, взрывающий железнодорожный путь»	Музей Советской армии	1947 г.
24. «Спортивный приз» (бронза)	Центральный Музей спорта в Лужниках	1947 г.
25. «Военный альпинизм»	Музей Советской армии	1947 г.
26. «Разведчик-пластун» (не окончена)		1948 г.
27. «Бегун» (не окончена)		1948 г.
28. Акварели	Выставка «Высокогорные районы СССР» в Центральном Доме Советской Армии	

Содержание

Евгений Абалаков – альпинист и художник. Н. Тихонов, А. Летавет 3

1929 – 1930

Путь к горным вершинам 21

Саяны 25

1931 – 1933

Покорение высочайшей вершины Советского Союза.

Таджкско-Памирская экспедиция Академии наук СССР 41

Восхождение на пик Коммунизма 65

Из штурмового дневника 120

1934

Памирский военно-учебный поход 158

1935

Туркестанский хребет (оловоразведка) 223

1936

Хан-Тенгри 307

Из штурмового дневника 337

1937

Траверс Северной и Южной Ужбы 363

Восхождение на главную вершину Шхельды 370

1938

Траверс семи вершин от Дых-тау до Коштан-тау.....	377
Тринадцать суток в снегах высочайших вершин Кавказа	388

1939 – 1940

Траверс Цурунгал – Айлама – Наум-куам.....	407
--	-----

1941 – 1944

Горный путь бойца.....	414
Восхождение на вершину Казбека	418
Преодоление скал Джугутурлючата.....	422

1945 – 1946

Юго-Западный Памир.....	432
Высокогорная экспедиция в районы Юго-Западного Памира	461

1947 – 1948

Северо-Западный Памир.....	475
Экспедиция в центральный горный узел Памира.....	506
К заоблачным вершинам	519
Приложения	533
Основные восхождения Е. Абалакова.....	533
Список скульптурных работ Е. Абалакова.....	538